
Андрей Ланьков
Не только кимчхи

История, культура
и повседневная
жизнь Кореи

김치
뿐만
아니라

АНО

АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Москва 2024

УДК 911.3(519.5)+94(519.5)
ББК 26.890(5Кор)+63.3(5Кор)
Л22

Научный редактор Людмила Михэеску
Редактор Раиса Кулькова, канд. филол. наук

Ланьков А.

Л22 Не только кимчи: История, культура и повседневная жизнь Кореи / Андрей Ланьков. — М. : Альпина нон-фикшн, 2024. — 608 с. : ил.

ISBN 978-5-00223-233-8

В этой книге известный востоковед Андрей Ланьков описывает, как изменилась повседневная жизнь Кореи за последние несколько веков, которые для этой страны были временем бурных событий и гигантских перемен. Книга состоит из очерков, каждый из которых посвящён определённому аспекту корейской повседневности. За эти три столетия маленькое королевство на дальней окраине Евразии вступило в первые контакты с Западом, превратилось в колонию Японии, затем вернуло себе независимость и, наконец, пережив раздел между Югом и Севером и пройдя через годы кровавой междоусобицы, превратилось в одну из самых богатых и своеобразных стран мира. В книге рассказывается, как все эти события влияли на жизнь простых корейцев: как менялись еда и одежда, как появились газеты и поезда, как делали свои первые миллионы корейские олигархи, как корейцы пристрастились к пиву и кофе, как с ростом благосостояния в Республике Корея менялась рождаемость и как на Юге сейчас относятся к Северу.

УДК 911.3(519.5)+94(519.5)
ББК 26.890(5Кор)+63.3(5Кор)

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

ISBN 978-5-00223-233-8

© Ланьков А., 2024
© ООО «Альпина нон-фикшн», 2024

Оглавление

Краткое предисловие.....	9
Благодарности	13
Принципы транскрипции.....	15
01. Еда из-за океана.....	17
02. Христианин из Китая.....	27
03. Под боком у гиганта	37
04. Опасный сосед	49
05. Свежая газета.....	59
06. На далёкой стороне, на чужой планете предстоит учиться мне в университете.....	69
07. Новый язык, новая письменность.....	78
08. По одежке встречают.....	93
09. Дни паровозных гудков.....	104
10. «Павильон Великого процветания» и рождение корейского общепита	116
11. Школа современности.....	130
12. Под шелест ассигнаций	141
13. Отель «Чосон», отель «Пандо» и их постояльцы.....	149
14. Слишком символическое здание	161

15.	Любовь на продажу	170
16.	Командный дух	179
17.	Ароматный напиток	186
18.	Кофейные зёрна и чайные листья	195
19.	Во мраке кинозалов Кёнсона	204
20.	Рождение партии	215
21.	Пассажиров просим на посадку	226
22.	Исчезнувшие влюблённые	234
23.	Любовь, секс и империя	242
24.	Первая из великих	251
25.	Чужие имена, чуждые фамилии	265
26.	Четыре имени корейской столицы	276
27.	Партизаны! Партизаны!	286
28.	Три месяца красного Сеула	295
29.	Пусан: беженцы	310
30.	Пресса не для своих	321
31.	Наступление века автомобилей	330
32.	Говорит и показывает Сеул	340
33.	Генералы сделали своё дело, генералы могут уходить: взлёт и падение диктатуры развития в Южной Корее	351
34.	«Красные фонари» гаснут?	371
35.	Китайцы в Корее	382
36.	Рабочие на экспорт	394
37.	Принцы республики: корейская королевская семья в колониальные времена и во времена республики	404
38.	Островная жизнь	418
39.	От расцвета до заката	428
40.	Рассказ о трёх олигархах	438

41.	Здоровая песня для здорового духа.....	454
42.	Катастрофа на рассвете.....	463
43.	Образование, построенное на костях	473
44.	Смерть активиста.....	488
45.	Возрождение корейского леса.....	496
46.	Место женщины — на работе?	505
47.	Корейская столица: попытки к бегству.....	513
48.	Каннам-стайл: начало	525
49.	Беспокойный рай.....	534
50.	Постаревшие русалки.....	545
51.	Курить — здоровью вредить	552
52.	Алкогольная мода и западные напитки.....	565
53.	Как относятся в Корее Южной к Корее Северной?.....	575
54.	Исчезающие деревни, пропадающие города	585
	Несколько слов в заключение	597
	Источники и литература	600

---

*Памяти моей матери
Валентины Витальевны Ланьковой (Алгазиной),
1932–2021*

Краткое предисловие

Ушедший XX век был веком потрясений, но также и веком больших перемен. Ни за одно из предшествующих столетий жизнь людей не менялась так сильно, как за период 1900–2000 гг. Относится это почти ко всем странам мира, но мало где эти перемены были столь радикальными и — главное — столь стремительными, как в Корее.

Та Южная Корея, которую мы сейчас знаем, на самом деле появилась совсем недавно: буквально на глазах старшего поколения ныне живущих корейцев. Понятно, что история Кореи уходит своими корнями в давние века. Однако страну небоскрёбов, современных автомобилей, скоростных железных дорог и корейской поп-музыки, которая сейчас известна во всём мире, человечество увидело только в последние полвека.

Последние полтора столетия были для Кореи временем кровавым и тяжёлым, но также и удивительно успешным. Корея сначала потеряла независимость и прошла период болезненной колониальной модернизации, когда новые принципы организации жизни и экономики навязывались Корее извне и — временами — насильно. За этим последовала кровавая война, которая началась как гражданская,

---

но быстро превратилась в схватку великих держав, сражавшихся на корейской земле за свои геополитические интересы. Но когда отзвучали последние залпы Корейской войны 1950–1953 гг., страна вступила в период стремительного роста, который вполне заслуженно называют эпохой экономического чуда. Южная Корея 1960 года была отсталой аграрной страной, которая по уровню доходов на душу населения уступала почти всем странам Азии, включая Шри-Ланку. Но уже в 2000 году та же страна по уровню доходов, равно как и по уровню социально-экономического развития, вышла на уровень стран Западной Европы. Перемены, которые в странах Запада занимали два-три столетия, в Корее оказались спрессованы в несколько десятилетий. И в книге я рассказываю об этих глубоких изменениях. Речь в основном пойдёт не о «большой» истории, о которой обычно пишут в монографиях и учебниках, да и в популярных книгах. В центре повествования — история корейской повседневности. В книге рассказывается о том, как менялись самые разные аспекты жизни простых корейцев на протяжении этого времени и как они прожили последние полтора-два века своей истории.

Тема повседневности по сути своей безбрежна, и автор поэтому никакой системы в изложении читателю не гарантирует. Книга состоит из компактных очерков, каждый из которых я постарался сделать максимально самодостаточным. Каждый очерк посвящён определённой теме, а сами очерки располагаются в условно-хронологическом порядке, так что вниманию читателей предлагается некая мозаика на темы истории корейской повседневности в период модернизации страны и появления современного корейского общества. Речь идёт о рождении современной Кореи — как она может видаться простому корейцу. В книге ведётся рассказ о самых разных вещах — и о продуктах питания,

---

и об истории ресторанов, и о проституции, и о рождении культа высшего образования, и о росте современного Сеула, и о многом другом.

Изначально заметная часть (около половины) очерков, входящих в книгу, были написаны на английском языке и публиковались (обычно, впрочем, в куда более кратком виде) в ряде англоязычных изданий в период с 2000 по 2015 гг. В 2019 году Юлия Уняева, редактор и издатель журнала «КиМ», предложила мне их собрать и взялась организовать их перевод на русский. Разумеется, в ходе подготовки книги очерки были существенно доработаны: какая-то информация в них устарела или нуждалась в дополнении. Кроме того, хотелось рассказать о каких-то вещах более подробно, так как формат книги позволял забыть о тех ограничениях объёма и стиля, которые часто налагали на меня редакторы англоязычных изданий. Таким образом, нового текста в книге много — не менее половины.

Итак, перед вами, уважаемые читатели, книга, которая носит подчёркнуто очерковый характер и в которой я умышленно стараюсь не делать различий между тем, что принято считать важным, и тем, что оценивается как второе или даже третьестепенное. Мне кажется, что даже самые, казалось бы, незначительные и ничем не примечательные стороны повседневности могут многое сказать о том, как и чем живёт страна, как она меняется. В книге речь идёт о переменах и о том, как страна стала той самой Южной Кореей, о которой подавляющее большинство читателей этой книги, конечно, уже и так кое-что знают.

Благодарности

Говоря о тех, кто помог мне в работе с этой книгой, я бы хотел, во-первых, выразить свою благодарность Юлии Уняевой и журналу «КиМ»: она стала организатором проекта, его продюсером и без неё он не был бы реализован.

Поскольку значительная часть включённых в книгу материалов изначально существовала в виде текстов на английском языке, огромную роль в создании русской книги сыграли добровольцы-переводчики: Елена Цой, Илья Беляков, Сергей Чалков, Жанна Тен, Анна Бондаренко. Всем им я выражаю свою искреннюю благодарность.

Книга, состоящая из многих очерков, посвящённых разным разным темам, написанных в разное время и даже на разных языках, нуждалась в тщательном редактировании. Эту работу взяла на себя Людмила Михэеску, которая выступила в качестве научного редактора и потратила на работу с рукописью немало времени и сил. Большую роль в подготовке книги к печати сыграла кандидат филологических наук Р. А. Кулькова, которая выступила в качестве литературного редактора и продемонстрировала мне, как должен работать такой специалист.

Я хочу выразить благодарность Евгению Штефану, который выступил и в качестве переводчика, и в качестве

консультанта. За многие годы, проведенные в Корее в качестве журналиста и блогера, он накопил огромный объем знаний об этой стране. Евгений Штефан любезно согласился вычитать текст книги и сделал многочисленные замечания и поправки. Ценные замечания и поправки сделал также и Фёдор Тертицкий — истинный знаток политической и административной истории Кореи, в том числе истории её колониального периода.

Наконец, особую, глубочайшую благодарность я хочу выразить своему секретарю-референту Ё Хён-чжуну, который проявил в отношении проекта данной книги энтузиазм, сравнимый с энтузиазмом Юлии Уняевой и, как мне часто казалось, даже превосходящий энтузиазм самого автора. Будучи человеком невероятной эрудиции и невообразимой дотошности, Ё Хён-чжун не просто помогал мне в проверке тех или иных фактов и цифр — зачастую он предпринимал настоящие исследования по, казалось бы, совершенно мелким вопросам, действуя при этом по своей собственной инициативе.

Я хочу также выразить благодарность своей семье — жене Татьяне Габрусенко и дочерям Валентине и Марии. Их поддержка, а также готовность решать многочисленные бытовые проблемы были очень важны для меня. Я хотел посвятить эту книгу своей матери, Валентине Ланьковой, но, увы, получилось так, что ей так не довелось взять в руки готовый том: она скончалась в Сеуле на 90-м году жизни весной 2021 года, успев прочесть некоторые из глав в виде рукописи. Поэтому книга с глубокой благодарностью посвящается её светлой памяти.

Таким образом, появление этой книги было бы невозможно без коллективных усилий всех упомянутых выше лиц.

Принципы транскрипции

Автор хорошо помнит правило, прекрасно известное филологам: «о транскрипции не спорят, о транскрипции договариваются». В этой книге мы следуем классической системе А. А. Холодовича. При записи географических названий используется её вариант, разработанный Л. Р. Концевичем, так как этот вариант является стандартом для советских и российских географических карт. Корейские личные имена, состоящие из двух слогов, пишутся через дефис (вторая часть имени — с маленькой буквы). Исключение делается для имён нескольких известных политических деятелей, которые традиционно записывались в русскоязычных материалах в иной, чем по А. А. Холодовичу, форме (Ким Ир Сен, а не «Ким Иль-сон»). Тем не менее даже имена бывших южнокорейских президентов в книге пишутся «по правилам», то есть в соответствии с системой Холодовича: Пак Чон-хи (а не «Пак Чжон Хи»), Ли Сын-ман (а не «Ли Сын Ман»). Для транскрипции японских слов используется система Поливанова, для транскрипции китайских — система Палладия.

1610-е гг. – страна приоткрывается миру: в Корею начинают распространяться растения из Южной и Центральной Америки

Что является самым особенным в корейской кухне? Конечно, ответ на этот вопрос зависит от гастрономических пристрастий отвечающего, но автор этих строк однозначно выделил бы в качестве главной особенности острый вкус большинства корейских блюд. Вкус этот объясняется той страстной любовью, которую корейские кулинары испытывают к красному перцу чили. Именно из-за наличия изрядного количества красного перца многие корейские блюда имеют характерный ярко-красный цвет.

Жители России, как и жители стран Северной Европы, к острым блюдам не слишком привычны по причинам географическим и ботаническим: те растения, на основе которых можно готовить острые пряности и специи, редко встречаются в местах с холодным климатом.

Впрочем, Корея тоже не относится к тропическим странам — корейские зимы могут быть очень даже суровыми. В этой связи понятно и ожидаемо, что кухни соседних с Кореей стран не отличаются пристрастием к острым приправам: японской, равно как и северокитайской кухне, присуща, скорее, мягкая вкусовая гамма (к сычуаньской и иным кухням Южного Китая это не относится).

Когда красный перец стал главной корейской приправой? Использование ныне вездесущего красного перца в Корее началось не так уж и давно — после событий, которые историкам известны как *Колумбов обмен*. Речь идёт о распространении в Старом Свете целого ряда американских растений, ранее там неизвестных.

В Центральной и Южной Америке существует огромное количество разновидностей красного перца *чили*. Там он использовался с незапамятных времён — в Центральной Америке местное население, далёкие предки мексиканцев, которые и ныне известны любовью к жгучей еде, начали выращивать это растение около 4000 года до н. э. В начале XVI века, после открытия Америки, красный перец попал в Европу, а оттуда стал быстро распространяться по всему Старому Свету.

В 1540-х гг. первые европейские моряки (в большинстве своём — испанцы и португальцы) высадились в Японии и познакомили местное население с экзотической специей. В Японии красный перец не получил широкого распространения, но именно оттуда вскоре попал в Корею. Произошло это или во время Имчжинской войны 1592–1598 гг., когда японские войска вторглись в Корею, или же сразу по её окончании, когда корейские пленные вернулись домой после нескольких лет, проведённых в Японии.

Конечно, и в более ранние времена корейцы ели острую пищу, но до появления красного перца, то есть примерно до 1600 года, острота достигалась за счёт других ингредиентов. Самым популярным на тот момент был зантоксилум перечный (*Zanthoxylum piperitum*), больше известный как *сычуаньский перец*. Современное корейское название красного перца *кочху* происходит именно от той специи — слово *кочху* переводится как «острый сычуаньский перец».

Заготовка капусты для кимчи в 1950-е гг. Тогда корейская деревня ещё сохраняла свой традиционный вид: если не обращать внимания на пневматические шины, которыми оснащена повозка, точно такой же снимок можно было сделать и в 1850 году

Первое упоминание о красном перце чили в корейских текстах датировано 1613 годом, когда известный корейский учёный Ли Су-кван описал его следующим образом: «Красный перец очень острый. Он был ввезён из Японии, поэтому его ещё иногда называют японской горчицей».

Понадобилось около столетия, чтобы острый перец чили стал тем неотъемлемым ингредиентом корейской кухни, каким является сейчас. Перечная паста *кочхучжан* появилась в 1610-х гг., но вплоть до XVIII века красный перец не использовался в приготовлении основного блюда корейской

кухни — *кимчи*, которое делается из ферментированной пекинской капусты или из других овощей (реже). Только во второй половине XVIII века корейцы стали делать кимчи по рецепту, который сейчас является основным, то есть с большим количеством красного перца. Рецепт кимчи в этом варианте, с добавлением красного перца, был впервые зафиксирован в письменных текстах только в 1760-х гг. Таким образом, блюдо, которое многие считают «древним» и «традиционным», в действительности появилось в корейской кухне в Новое время.

Корейцы верили в чудодейственные свойства красного перца: они считали, что злые духи не переносят его острый вкус и поэтому убегают из тела того, кто ест красный перец. Врачи традиционной медицины долгое время полагали, что красный перец способствует пищеварению. В старые времена перец также служил символом: при рождении мальчика на воротах дома новорождённого вывешивалась соломенная верёвка, в которую вплетали стручки красного перца, — символика тут, полагаю, вполне понятна.

Рассказы о чудодейственных медицинских свойствах кимчи часто можно услышать и сейчас, но относиться к ним следует осторожно: когда хвалят кимчи, обычно умалчивают, что по сравнению с жителями других развитых стран именно у корейцев есть самые высокие шансы заболеть раком желудка. Тем более не сообщают в корейской массовой прессе о том, что многие специалисты связывают эту печальную статистику именно с пристрастием корейцев к острым ферментированным блюдам. Замалчивание того, что употребление большого количества кимчи повышает риск рака желудка, имеет политические причины: исследования, ставящие под сомнение удивительные лечебные свойства кимчи, в Корею считаются глубоко непатриотичными...

Как можно объяснить привязанность корейцев к острой пище? Главная причина проста: перец богат витамином С, что на протяжении веков было очень важно для корейцев, основным питанием которых служили рис, ячмень и некоторые другие зерновые. Именно зерновые давали рядовому корейцу 80–90% всех тех калорий, без которых он не мог бы идти за плугом или заниматься иными видами тяжёлого физического труда, — а ведь изнуряющий физический труд был уделом большинства людей вплоть до недавнего времени.

Однако какими калорийными ни были бы рис или иные злаки, в них содержится мало витаминов. Поэтому корейцы с давних времён ели варёный рис, в который не добавляли ни масла, ни приправ, вместе с так называемым *панчханом* — небольшими порциями овощных или, реже, рыбных (у богатых — иногда даже мясных) закусок, которые не давали много калорий, но зато служили источником витаминов. В приготовлении таких закусок перец оказался незаменимым ингредиентом. Таким образом, красный перец имел двойную функцию: с одной стороны, он был источником витаминов, а с другой — делал пресную рисовую или ячменную кашу несколько вкуснее и, скажем так, удобоваримее.

Красный перец чили не единственный продукт, появившийся в Корее в начале XVII века. Многие растения родом из Америки попали в Корею сходным путём — через Испанию и Японию. Среди стран Восточной Азии именно Япония имела самые тесные контакты с Западом, и именно она в ходе Колумбова обмена послужила плацдармом для ввоза и распространения по региону новых растений американского происхождения.

Из числа попавших тогда в Корею растений на втором месте по значению находится кукуруза. Этот неприхотливый и урожайный злак был завезён в Корею в XVII веке и стал

важным источником калорий. В Северной Корее именно кукуруза уже много десятилетий является основным продуктом питания простонародья, в то время как рис там доступен в основном местной элите.

Первые упоминания сладкого картофеля — батата — в корейских текстах относятся к 1763 году, когда, действуя по поручению короля Ёнчжо, корейское посольство специально привезло семена батата из Японии. Батат, как и родственный ему картофель, является растением южноамериканского происхождения, попавшим в Восточную Азию в начале XVII века. Автор этих строк, как, вероятно, и большинство россиян, не слишком любит сладкий картофель, а вот в Корее из всех корнеплодов именно батат является самым популярным. Печёный батат не протяжении десятилетий был самой распространённой уличной закуской — корейским эквивалентом пирожков или мороженого. Его пекли и продавали прямо на улицах — хотя

Корейский фестиваль кимчи. В центре Сеула, перед городской мэрией, проходит конкурс на умение готовить кимчи (победителя или, скорее, победительницу определит жюри на месте). Ноябрь 2014 года

сейчас характерные печки, в которых пекли батат, почти исчезли.

Привычный же нам картофель был завезён из Китая позже, в конце XVIII века. В XIX столетии западные миссионеры пытались приобщить корейцев к картофелю, однако он корейцам так и не полюбился. В Корее картофель считали пищей нищих — тех, у кого нет средств не только на рис, но даже и на кукурузу с ячменём. Поэтому отнюдь не случайно, что он получил распространение в самых бедных регионах страны.

Помидорам в Корее тоже повезло не сразу: впервые появившись в начале XVII века (одновременно с красным перцем), томат был вскоре предан забвению, и вернулся он в рацион корейцев гораздо позже, уже в XX веке — как легко догадаться, под влиянием западной кухни.

Такое же широкое распространение, как и перец, получил в Корее табак. Первые упоминания о курении табака в Корее содержатся в документах, датированных десятилетиями XVII века, а всего лишь полвека спустя побывавшие в стране иностранцы писали, что корейцы обоих полов курят поголовно, причём начинают с подросткового возраста (подробнее об истории табака и курения в Корее будет рассказано в главе 51).

Чо Ом — глава корейского посольства в Японию 1763 года, который по поручению короля Ёнчжо привёз оттуда семена батата (сладкого картофеля)

Ещё одной заморской пищевой новинкой, с успехом прижившейся в Корее, стала клубника. Привычная нам садовая клубника — это в первую очередь результат скрещивания европейской земляники и чилийской клубники. Вывели эту ягоду в Европе довольно поздно, только в XVIII веке, а в Корею она попала около 1900 года. Долгое время она оставалась экзотикой, и разводили клубнику в основном на опытных станциях и в экспериментальных хозяйствах. «Эпоха клубники» в Корее по-настоящему началась только в семидесятые годы XX века, когда в стране стали появляться многочисленные теплицы.

В Южной Корее клубника — это ягода зимняя. В открытом грунте её практически не выращивают, пик клубничного сезона приходится на март, когда клубнику продают везде, а вот летом или осенью купить её невозможно. Вот уже три-четыре десятилетия клубника является для корейцев не просто главной, но и по существу единственной ягодой, так как остальные ягодные культуры остаются в Корее малоизвестными (только в самое последнее время, где-то после 2015 года, на полках магазинов временами стали появляться черника, вишня и малина).

Любопытно, что бананы появились на полках корейских магазинов раньше, чем клубника, — но при этом на протяжении долгого времени они оставались малодоступными для большинства населения. В открытом грунте бананы в Корее не растут, однако около 1910 года, когда Корея стала японской колонией, в Корею стали поступать бананы, выращенные на Тайване — то есть в другой японской колонии. Ввозили их, кстати, зелёными, а потом давали созреть в специально оборудованных хранилищах (автору это напоминает о детстве в Ленинграде семидесятых — правда, зелёные бананы, которые «выбрасывали» пару раз в году, доводились до кондиции в домашних условиях).

Одновременно с бананами появились в Корее и ананасы, которые обычно попадали на полки магазинов в виде консервов. Консервированные ананасы ели с мясными блюдами, а сироп из этих банок тоже тогда считался деликатесным и экзотическим напитком.

В 1930-е гг. тайваньские бананы в Корее продавались даже в маленьких городках, но стоили они немало: за один банан надо было заплатить 10–15 чон, что составляло примерно пятую часть дневной зарплаты квалифицированного рабочего. С приходом независимости бананы на несколько лет исчезли из магазинов: экспорт тропических фруктов в страну был прекращён, бананы и прочие ананасы стали считаться предметами роскоши, на которые не следует тратить драгоценную валюту.

Впрочем, бананы и консервированные ананасы попадали в корейские магазины и в 1953–1990 гг. Часть из них поступала по бартерным сделкам из того же Тайваня (их тогда меняли на корейские яблоки), а часть выращивалась в теплицах в южной части страны. Разведение бананов и ананасов в теплицах началось в шестидесятые. Стоили бананы по-прежнему дорого, и покупали их штуками, как лакомство для детей или на праздник.

Только в 1991 году прекратили действовать запретительные пошлины, делавшие невыгодным импорт в страну бананов и иных тропических фруктов. После этого цена на бананы упала в несколько раз, и сейчас они есть даже в маленьких сельских лавках. Однако и в наши дни фруктовые отделы корейских магазинов не слишком изобилуют продуктами тёплых широт — пожалуй, из всей тропической фруктовой экзотики в массовый обиход в Корее вошли только бананы, ананасы и киви (всё остальное тоже есть — но только в больших магазинах и по довольно высоким ценам).

Конечно, не только новые продукты питания стали результатом проникновения европейцев в Восточную Азию, которое началось в конце XVI века. Вместе с чужеземцами пришли и новые религии, ставшие важной частью жизни современной Кореи, о чём и пойдёт речь в следующей главе.

ХРИСТИАНИН ИЗ КИТАЯ

1801 г. — арестован и казнён Чжоу Вэньмо, первый христианский миссионер в Корее

В апреле 1801 года местным властям в Сеуле сдался мужчина. Он едва говорил по-корейски, но неплохо владел *ханмуном*, то есть классическим китайским языком, который в те времена являлся главным языком письменного общения образованных людей (см. главу 7). Мужчина рассказал, что зовут его Чжоу Вэньмо, что он родом из Китая и является католическим священником, направленным в Корею по просьбе корейской христианской общины для миссионерской работы. На протяжении нескольких лет он работал подпольно, распространяя на территории Кореи христианское учение, которое было там запрещено.

Арест и полученные от Чжоу Вэньмо сведения поставили правительство Кореи в весьма неприятное положение. К тому времени Корея уже успела несколько раз столкнуться с адептами «варварского» учения Иисуса из стран «неведомого и непросвещённого» Запада. Однако учение, несмотря на всю странность и «аморальность», распространялось в кругах местных дворян-интеллектуалов, которые с 1780-х гг. активно читали Библию и христианские трактаты (разумеется, в переводах на ханмун).

Действительно, христианизация Кореи началась необычно — не в результате деятельности иностранных

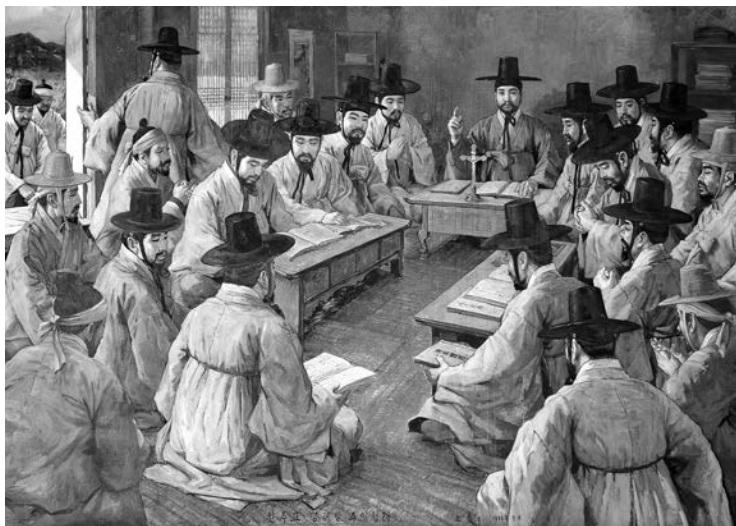

миссионеров (сценарий, привычный для стран региона), а через распространение христианской литературы. В конце XVIII века многие молодые образованные корейцы стали тяготиться официальной конфуцианской доктриной, которую они всё чаще воспринимали как набор оторванных от реальности умозрительных построений и пустых схоластических фраз. Им надоели бесконечные споры о соотношении начал «ли» и «ци» — дальневосточный аналог споров средневековых европейских схоластов о том, сколько именно ангелов может поместиться на острие иголки. Их интересовали другие вещи — физика, инженерное дело, астрономия, география. Внимание молодых интеллигентов стали привлекать переводы европейских трактатов, которые тогда изредка ввозились в Корею из Китая. Поскольку в те времена все образованные корейцы свободно владели классическим китайским, они без труда читали сделанные европейскими миссионерами в Пекине переводы Евклида и Ньютона, а также отчёты о новейших географических открытиях и астрономических теориях.

Одновременно с работами по астрономии и географии корейцы стали знакомиться и с миссионерскими трактатами, в которых рассказывалось о христианстве. Экзотическая религия далёкого и манящего Запада вызвала у многих немалый интерес, и молодые корейские дворяне начали осваивать азы христианства по переводным книгам, так и не увидев ни одного живого миссионера (некоторой, пусть и отдалённой, аналогией тут может служить увлечение индийскими культами в Советском Союзе в 1970-х гг.). В 1780-е гг. им удалось установить связи с западными миссиями в Пекине, и там первые корейцы получали крещение по католическому обряду.

Поначалу корейское правительство активно преследовало христианство — христиан воспринимали как

Встреча руководства корейского католического подполья в 1785 году

сторонников опасной радикальной секты, отвергавшей обыденные нормы морали. Особое возмущение и властей, и широкой публики вызывало то обстоятельство, что христиане не приносили жертвы духам предков. Этим и были вызваны обычные для Кореи того времени обвинения христиан в «аморальности», ведь принесение жертв предкам всегда считалось не столько религиозно-ритуальной, сколько моральной обязанностью каждого человека. Гонения на христиан продолжались до 1870-х гг., и за это время появилось немало католических мучеников, которые впоследствии были канонизированы церковью. Тем не менее католическая Катакомбная церковь продолжала действовать и привлекать в свои ряды значительную часть образованных корейцев — в первую очередь тех из них, кого интересовали идеи и знания Запада (то есть как раз тех, за кем было будущее).

Хотя католицизм пришёл в страну через книги, о его успехах быстро узнали находившиеся тогда в китайской

столице католические миссионеры из европейских стран. Правительство Китая на протяжении долгого времени терпело их присутствие в Пекине. Власти Китая не испытывали симпатии к учению Христа, но не запрещали деятельность миссионеров по причинам вполне прагматическим: Китай уже начинал технологически отставать от Европы и нуждался как в западных знаниях в области астрономии, математики, так и в западных технологиях — в первую очередь военных. С точки зрения китайских властей, миссионеры были важным источником подобного рода научно-технической информации. По мнению властей, философские и религиозные взгляды миссионеров не создавали особых проблем, потому что их странное учение было интересно лишь очень небольшому количеству китайцев. В Корее же ситуация была совершенно иной: с момента своего появления в стране христианство стало распространяться среди элит с поразительной скоростью. Поэтому, когда в Пекине стало ясно, что христианское подполье в Корее растёт и развивается, католические миссии, которые действовали в Китае, приняли решение тайно отправить в Корею священника — тем более что и сама корейская нелегальная церковь обращалась к ним с такой просьбой. Выбор пал на Чжоу Вэньмо, 1752 года рождения, который, будучи китайцем, не должен был привлечь к себе излишнего внимания. В 1794 году Чжоу Вэньмо тайно пересёк границу и вскоре добрался до Сеула, где провёл несколько лет, скрываясь у сторонников христианства и распространяя евангельское учение.

Неизвестно, что в итоге заставило Чжоу прийти с повинной и сдаться корейским властям. Не исключено, что он просто устал скрываться (жизнь нелегала тяжела), или, возможно, были на то и другие причины. Однако его арест стал шоком для корейских властей. Инцидент с Чжоу Вэньмо

свидетельствовал, что иностранные миссионеры начали отправлять в Корею своих агентов.

Была ещё одна, довольно деликатная проблема, связанная как раз с тем, что Чжоу Вэньмо был китайцем. В соответствии с установленным порядком китайцы не могли быть подвергнуты наказанию в Корее без прямого разрешения Пекина. Если находившийся в Корее подданный Китая совершал что-либо противозаконное, виновного немедленно экстрадировали в Китай, где решался вопрос о степени его вины и о соответствующем ей наказании. Таким образом, в соответствии с принятыми на тот момент правилами корейский королевский двор об инциденте с Чжоу Вэньмо должен был доложить китайскому императорскому двору (формально — своему сюзерену, ибо Корея тогда признавала свою зависимость от Китая) и немедленно вернуть его в Китай. Однако такой план был неприемлем для властей Кореи по весьма серьёзным причинам.

С начала XVII века Корея проводила политику самоизоляции. В стране не было постоянно проживающих иностранцев. Время от времени с дипломатическими миссиями в Корею приезжали китайские чиновники, но они оставались лишь на короткое время, в течение которого находились под пристальным наблюдением (см. главу 3). Несколько сотен японских купцов и их приказчиков жили в японском торговом поселении, находившемся на месте нынешнего Пусана, но и они были полностью отрезаны от корейцев (см. главу 4).

Корейские власти понимали, что миссионер-нелегал Чжоу Вэньмо долго жил в Корее и, соответственно, о стране знал очень много. На специальном совещании в присутствии королевы-регента высшие чиновники подчёркивали, что именно это делает его опасным. Например, стало известно, что один из новообращённых поведал Чжоу Вэньмо

о планах Кореи «построить огромные корабли и атаковать Китай, чтобы отомстить за прошлые унижения».

Конечно, никаких «огромных кораблей» корейцы строить не собирались, однако эти рассказы имели под собой определённые основания: корейцы так никогда и не смирились с фактом, что с 1644 года Китаем правили маньчжуры — бывшие кочевники, «варвары из диких степей» — и что им, корейцам, приходилось почитать в качестве Сына Неба и правителя Вселенной не настоящего китайца-ханьца, а маньчжура. Впрочем, дело было не только в скрытой неприязни к правящей в Китае династии: к большому соседу и союзнику в Корее относились с определённой осторожностью всегда, не без основания полагая, что чем меньше китайцы знают о корейских делах, тем для Кореи лучше.

В этой ситуации корейский двор решил проблему радикально: Чжоу Вэньмо заставили молчать самым простым и надёжным способом, то есть путём отделения головы от туловища. Миссионера безотлагательно казнили вместе с некоторыми другими христианскими активистами. Об инциденте, конечно же, в Пекин ничего не сообщили.

Однако всё пошло не так, как планировалось. В 1801 году недалеко от китайской границы патрулём был задержан молодой корейский дворянин, у которого изъяли написанное на шёлке длинное письмо, спрятанное в одежде. Письмо было адресовано пекинскому епископу.

По-корейски автора шёлкового письма звали Хван Са-ён, но после крещения он взял себе христианское имя. Не совсем понятно, какое именно имя он выбрал, поскольку оно было записано китайскими иероглифами, лишь приблизительно передающими его оригинальное звучание. Иногда утверждают, что в крещении Хван Са-ёна звали Алексием Хваном, хотя чаще его называют Александром Хваном.

Содержание перехваченного письма, если выражаться мягко, было скандальным. Его автор от лица корейских христиан просил у Китая и стран Запада организовать широко-масштабное военное вмешательство в дела страны. Написанное было расценено как государственная измена, причём надо признать: как по меркам Кореи начала XIX века, так и по современным стандартам оно изменой и являлось. Правда, сейчас некоторые корейские историки-христиане описывают эту ситуацию как попытку того, что сейчас называют «гуманитарной интервенцией» в защиту свободы вероисповедания, но факт остаётся фактом: Хван Са-ён от имени корейских христиан прямо просил иностранные державы напасть на его страну и обещал этим державам всяческое содействие.

В *шёлковом письме* упоминалась также и тайная казнь Чжоу Вэньмо. Расправа над Чжоу была представлена как свидетельство нелояльности корейского двора Китаю, то есть государству-сюзерену. Кроме того, в письме утверждалось, что власти Кореи более не способны обеспечить в стране стабильность и порядок.

От лица корейских католиков Хван Са-ён просил Китай и христианские государства Запада установить в его стране справедливый порядок и спасти корейских христиан. Предложенный им план предусматривал прямое военное вмешательство со стороны Китая, которое должно было привести к серьёзным изменениям в политической структуре Кореи. Хван Са-ён считал, что империя Цин должна установить прямой контроль над Кореей, которая тогда пользовалась автономией и признавала китайское верховенство чисто формально. Он предлагал назначить китайского принца специальным представителем китайского императорского двора в Корее. По замыслу Хвана, принц или иной член императорского рода должен был поселиться в Корее, где стал бы

контролировать и утверждать все политические решения корейского правительства. Хван Са-ён также предлагал в обязательном порядке женить корейских королей на китайских принцессах. Иначе говоря, речь фактически шла о превращении Кореи в китайский протекторат. Новое правительство, которое стало бы действовать под контролем Китая, должно было принимать западных миссионеров и способствовать беспрепятственному распространению в Корее христианства.

Предложенный Хван Са-ёном план действий подразумевал участие в операции и западных государств. Ожидалось, что они отправят в Корею и «50 000–60 000 солдат, и несколько сотен кораблей». Из этого замечания, кстати, видно, что Хван Са-ён, которому доводилось видеть только небольшие корейские корабли, не мог иметь ясного представления о флотах западных стран. Военные силы стран Запада, как думал Хван Са-ён, должны были обеспечивать безопасность миссионеров и верующих.

В качестве первого шага для воплощения своего (абсолютно фантастического) плана Хван Са-ён предложил построить на границе торговую лавку, которая была нужна, как мы сказали бы сейчас, в качестве «явочной квартиры», то есть для обеспечения конспиративной связи между корейским христианским подпольем и его предполагаемыми союзниками в Китае и на Западе.

План Хван Са-ёна был до комизма наивным: он демонстрировал, насколько слабыми были представления корейских христиан о международной ситуации и современном им мире. Нет ничего удивительного в том, что автор этого письма был немедленно казнён. Попытка отправить письмо стала также достаточным основанием для новой волны гонений на христиан.

Однако у корейского двора появились новые поводы для беспокойства. После перехвата *шёлкового письма* власти

осознали, что весть о казни Чжоу Вэньмо рано или поздно дойдёт до Пекина. Вдобавок не было уверенности в том, что это письмо останется единичным случаем — нельзя было исключать, что другими корейскими христианами уже подготовлены аналогичные послания, которые до Пекина-таки доберутся. Обсудив ситуацию, корейцы решили работать на опережение и предоставить Китаю правдоподобную версию событий первыми.

Было решено со следующей же миссией отправить в Китай специальный документ с официальными объяснениями по поводу инцидента. Версия была такая: власти Кореи арестовали неизвестного мужчину, распространявшего христианское учение (злостное и аморальное). Он выглядел как кореец и превосходно говорил по-корейски (что было неправдой: Чжоу Вэньмо говорил по-корейски плохо). Как сообщили китайцам, мужчина представлялся очень опасным и его немедленно казнили. Однако, утверждали корейцы, позже появились подозрения, что казнённый был китайцем. Поэтому правительство Кореи, не будучи по-прежнему уверенным в подданстве правонарушителя, выражает свои искренние сожаления по поводу возможной ошибки.

Китайские дипломаты, вероятно, заметили нестыковки в представленной им версии событий (хотя корейцы готовили её очень тщательно, и регент держала ситуацию под своим прямым контролем). Однако китайских чиновников произошедшее в Сеуле заинтересовало не сильно: им было вполне достаточно того, что Корея оставалась в поле их влияния. А судьба Чжоу Вэньмо? Что же, ею серьёзные люди в Пекине тогда едва ли интересовались: в конце концов, одним сектантом больше, одним сектантом меньше... Станные последователи странного западного учения и их судьба не казались китайским чиновникам чем-то таким, чему следовало уделять большое внимание.

История Чжоу Вэньмо прекрасно демонстрирует, что, несмотря на неравноправный союз с Китаем, правители Кореи сохраняли в отношениях с великим (и, следовательно, опасным) соседом значительную автономию. В первую очередь и главным образом их беспокоило благополучие собственной страны, и это подводит нас к следующей теме, касающейся отношений между Кореей и её соседом-гигантом.

1800-е гг. — традиционное отношение к Китаю
как смесь уважения и осторожности

С самого начала своей истории Корея граничила с Китаем, то есть со страной, намного превосходящей её по площади, по численности населения, по экономической и военной силе. Как показывает история, в большинстве случаев соседство с гигантом заканчивается бесследным поглощением слабого соседа, но Корея уцелела — вопреки, казалось бы, непреодолимым обстоятельствам. Корея даже не могла рассчитывать на помощь союзников, поскольку на протяжении почти всей истории в регионе не существовало ни одного государства, которое могло бы бросить вызов китайскому колоссу. Корейским лидерам приходилось заботиться о выживании страны без поддержки со стороны.

Правители Кореи никогда не позволяли себе расслабиться и забыть о потенциальной опасности, которая исходила от огромного соседнего государства. В течение веков ими вырабатывалась стратегия, оказавшаяся весьма эффективной и в итоге позволившая уберечь страну от поглощения. Эта стратегия была основана на сочетании показной (и даже несколько утрированной) готовности играть по китайским правилам и реальной осторожности в отношениях с Китаем. Образно говоря, корейцы широко улыбались,

---

глубоко и почтительно кланялись, но при этом никогда не подставляли Китаю спину.

С одной стороны, корейские династии практически никогда не бросали открытого вызова китайским императорам. В этом немало помогло то обстоятельство, что высокая культура, то есть культура элиты в Корее, была преимущественно китайского происхождения. На протяжении многих веков (точнее, с начала нашей эры и до 1890-х гг.) классический китайский был единственным языком официальной документации, законодательства и науки (см. главу 7). Корейская элита откровенно восхищалась всем китайским и искренне стремилась следовать китайским образцам. Именно тотальная китаизация корейской элитной культуры, масштабы и глубину которой в наши дни трудно даже представить, во многом влияла на отношение китайской верхушки к Корее: с точки зрения китайцев, корейская элита не была «варварской» просто в силу того, что эти люди великолепно владели китайским языком, знали китайскую философию и не хуже образованных китайцев разбирались в китайской истории и литературе.

Корейцы приняли (на словах) официальное китайское мировоззрение, в соответствии с которым император Китая является верховным правителем всего населённого людьми мира, владыкой не только Китая, но и Вселенной. При этом не подразумевалось, конечно, что император Китая действительно правит миром: достаточно было того, что правители других стран признавали его по статусу выше себя, называя Владыкой Вселенной. От них требовалось демонстрировать символическую покорность Сыну Неба.

Именно поэтому в Китае вплоть до XIX века прибывавшие к императорскому двору иностранные посольства объявлялись «данническими миссиями». Иначе говоря, когда, допустим, в XVIII веке в Пекин прибывал английский или,

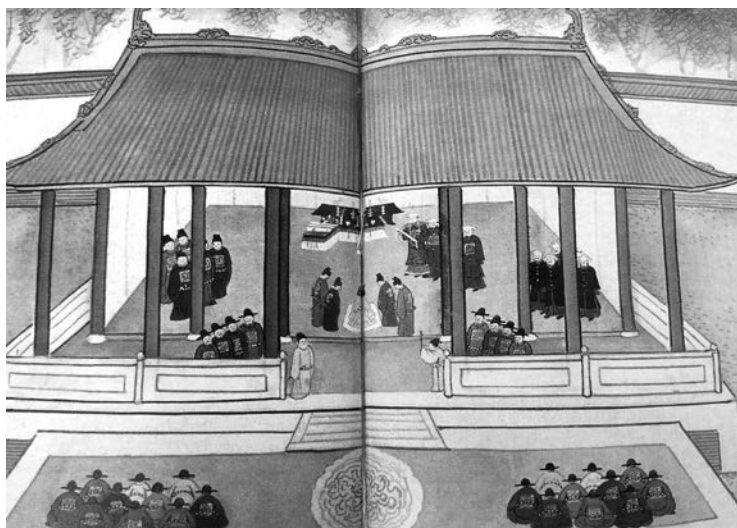

скажем, российский посол, китайская сторона официально считала, что таким образом правительница России Елизавета или правитель Англии Георг «выражают свою покорность» императору Великой Цин.

Однако ритуальная субординация не обязательно подразумевала политический контроль — хватало, как правило, фраз и символических жестов. Корейцы это всегда понимали и не скупились на приятные китайцам символические действия и словесные заверения, при этом аккуратно следя за тем, чтобы у китайцев было как можно меньше возможностей влиять на реальную политику Кореи.

Корейские послы регулярно — обычно три раза в год — ездили в Пекин, чтобы выразить глубочайшее почтение, которое корейские короли якобы испытывали к Китаю и его императорам, а также чтобы доставить туда так называемую дань. «Дань» эта, следует отметить, преподносилась в ответ на китайские «высочайшие подарки», стоимость которых примерно соответствовала стоимости доставленной корейцами «дани». Таким образом, несмотря на терминологию, «выплата дани» и «получение высочайших подарков» были всего лишь актом международной торговли.

Китайские делегации, в свою очередь, совершали ответные визиты в корейские столицы: сначала Кэгён (Кэсон), а потом Хансон (Сеул), — где их, разумеется, встречали с той почтительностью, с каковой и надлежало встречать представителей Владыки Вселенной. В частности, во время официального приёма китайского посла во дворце корейский король не имел права сидеть на троне — туда помещали ритуальную табличку, которая символизировала, как мы сейчас сказали бы, виртуальное присутствие на этой церемонии китайского императора. Китайский посол входил в зал через главный вход, которым во всех остальных случаях мог пользоваться только корейский король, в то время

Корейский король кланяется посланию китайского императора, которое является воплощением владыки Поднебесной. Таким образом в ходе ритуала, который проводился в присутствии китайского посла по меньшей мере раз в год, правитель Кореи и высшие чиновники страны демонстрировали свою верность правителю Китая, который считался и повелителем Вселенной. В данном случае посол привёз из Китая королю Ёнчжо официальный императорский указ, утверждающий его в должности правителя Кореи.

Рисунок придворного художника, 1725 год

как сам корейский монарх появлялся в тронном зале через боковую дверь. Иначе говоря, ритуал встречи с китайским послом должен был создавать впечатление, что это китайский император даёт аудиенцию своему подданному, каковым считался корейский монарх.

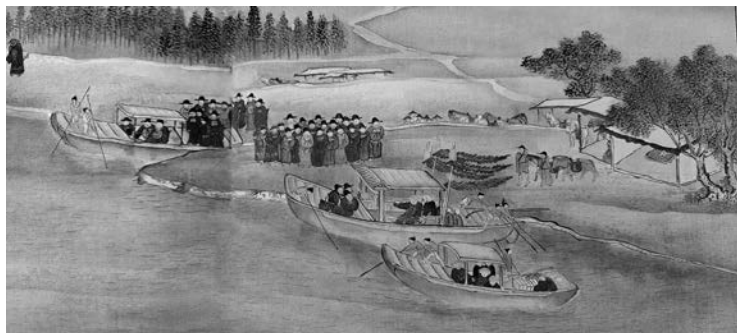
Каждый раз, когда на корейский престол всходил новый король, его право на титул короля (вана **왕/王**) полагалось подтверждать специальным рескриптом китайского императора (**황제/皇帝**). В данном случае устоявшийся перевод — «король» ниже «императора» — хорошо отражает и соотношение переводимых терминов в корейском (точнее, в ханмуне). Однако на практике подтверждение это

было сугубо формальным актом — китайский император без лишних вопросов утверждал того человека, который становился корейским правителем. При этом для китайского двора обычно не имело значения, каким образом пришёл новый корейский монарх к власти: была ли это стандартная процедура (в случае перехода власти к наследнику престола), был ли это результат каких-то юридически сомнительных интриг, а то и явный дворцовый переворот.

Такая политика получила название *садэ*, или *садэчжуи* («прислуживая большому»). Она основывалась на знаменитом изречении китайского философа Мэн-цзы, сказавшего однажды, что небольшим странам разумно следовать политике неравного союза со своими крупными соседями. С течением времени (к концу XIX века) слово *садэ* приобрело негативный оттенок. Оно и до сих пор используется в качестве ругательства в адрес политических оппонентов. Его легко обнаружить в лексиконе корейских националистов, оно часто звучит в северокорейской пропаганде, где означает низкопоклонство перед великими державами. А в начале XX века корейские националисты всех мастей даже стали утверждать, что следование принципу *садэ*, или *садэчжуи*, стало главной причиной кризиса в Корее и потери ею независимости.

Однако более внимательный взгляд на реальную ситуацию открывает совсем другую картину. Громогласно декларируемое почтение к Китаю было в значительной степени дипломатическим спектаклем. Это напоминало современную систему международных отношений, в которой все страны считаются суверенными и рассматриваются как равные, однако в действительности все отлично понимают, что равенство это фиктивно, так что официальные формулировки не могут скрыть огромную разницу в фактическом влиянии, которая существует в современном мире между

Китайский посол и его свита готовятся к переправе
через пограничную реку Амнок-кан (Ялу).
Рисунок придворного художника, 1725 год

«равными» и «суверенными» государствами: понятно, что, скажем, Бельгия и США несколько различаются по своему международному весу. В традиционном мире Восточной Азии теоретической основой международной системы было не равенство суверенных государств, а иерархия принципиально неравноправных государств, но эта иерархия тоже во многом носила фиктивный характер.

Рассматривая реальные отношения между Китаем и Кореей, нельзя не отметить предельную осторожность, проявляемую корейскими чиновниками, которые вели дела с якобы обожаемым гигантским соседом. Корейские власти следили за тем, чтобы в Китай не уходила информация о внутренней политике Кореи и иные, как бы мы сейчас выразились, «сведения, составляющие государственную тайну». Официальные китайские миссии при посещении Кореи должны были следовать предписанному маршруту, при этом контакты китайцев с местными жителями старались свести к минимуму. Например, центральное правительство приказывало всем чиновникам, в чьих офисах теоретически могли появиться китайские дипломаты, прятать все важные документы и даже обклеивать стены чистой бумагой. Стоит

пояснить такое требование властей: в бедной стране, какой была старая Корея, ставшие ненужными старые документы в присутственных местах часто использовались в качестве обоев. Правительство опасалось, что китайцы, вздумай они внимательно посмотреть на оклеенные старыми документами стены, смогут вычитать в этих документах что-нибудь лишнее.

Любопытно, что китайские власти не прибегали к таким строгим мерам, когда встречали официальные делегации из Кореи. Корейские дипломаты в Пекине не испытывали каких бы то ни было ограничений, при желании свободно беседуя об астрономии и географии с миссионерами-иезуитами или жизнерадостно распивая водку с российскими дипломатами (и тому и другому есть документальные подтверждения).

С начала XVII века Корея проводила политику самоизоляции. В частности, в рамках этой политики все несанкционированные путешествия за рубеж были запрещены: в первую очередь для того, чтобы не создавать каналов, по которым внешний мир (в основном — Китай) мог бы влиять на корейские дела и вмешиваться в них, а также для того, чтобы не допускать утечки за рубеж важной политической и экономической информации. Подданные Кореи выезжали за рубеж только по казённой надобности, с официальными миссиями, причём, как выразились бы в советские времена, право на загранику было редкой и ценной привилегией. Кстати сказать, те, у кого такая привилегия была (например, профессиональные переводчики), активно пользовались ею для выгодной челночной торговли, зарабатывая на этом немалые деньги.

После 1630-х гг., когда династия Мин начала терять власть над огромной империей и в итоге погрузилась в хаос гражданской войны, отношения с Китаем стали

более сложными. Война ослабила Китайское государство, и в итоге оно не смогло противостоять вторжению кочевников-маньчжуров, установивших в 1644 году власть династии Цин, которая правила вплоть до 1911 года. После ряда внутренних дебатов (и одного государственного переворота) правительство Кореи приняло решение оставаться верным династии Мин, к которой в Корее относились с глубокой благодарностью — ведь в конце XVI века именно вмешательство армий династии Мин сыграло решающую роль в изгнании из Кореи японских захватчиков. Последствием этого решения стали маньчжурские вторжения в Корею в 1627 и в 1636–1637 гг. Маньчжуры заставили корейских королей платить дань своим ханам, а не двору династии Мин, продолжавшему своё существование. Корейцам тогда также пришлось признать, что настоящим повелителем всего обитаемого мира является не представитель династии Мин, а вождь кочевых маньчжурских племён, которые тогда ещё только начинали войну за покорение Китая.

На протяжении нескольких десятилетий сторонники династии Мин продолжали оказывать сопротивление маньчжурам на юге Китая. Тем временем корейцы мечтали об отмщении и даже тайно планировали так называемую северную экспедицию. Этим планом предусматривалось военное вторжение в Китай, которое ставило целью поддержать законную династию Мин в борьбе с варварскими маньчжурскими ордами. Эти планы, однако, окончились ничем: к середине 1680-х гг. маньчжуры установили контроль над всей территорией Китая. Корейскому правительству пришлось вернуться к дипломатии *садэ*, хотя тайная подготовка к «северной экспедиции» продолжалась ещё несколько десятилетий.

Стоит упомянуть, что маньчжурское завоевание Китая привело к усилению протонационализма корейской элиты:

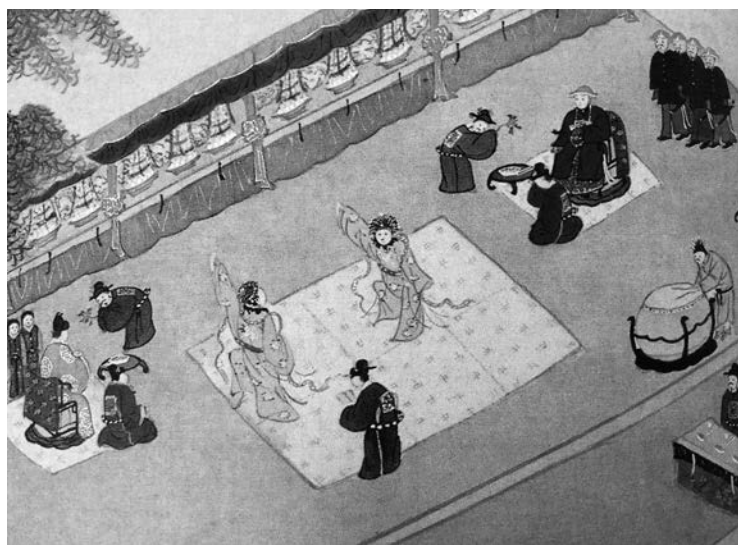
поскольку, подчинившись власти диких кочевников, великий Китай был «загрязнён», интеллектуальная элита Кореи стала воспринимать себя в роли единственного светоча подлинной цивилизации. Корейские интеллигенты стали описывать свою страну как истинный Китай, сохранивший в первозданной чистоте учения великих мудрецов древности. Такой настрой позволял чувствовать интеллектуальное и моральное превосходство в отношениях с внешним миром, и в особенности с маньчжурами. При этом, конечно, приходилось учитывать стратегические реалии и проявлять осторожность, не слишком демонстрируя свои взгляды перед чиновниками империи Цин. Иначе говоря, корейцы, строя отношения с Китаем, держали в кармане ту самую пресловутую фигу, но прятать её приходилось тщательно и глубоко.

С 1640-х гг. сухопутная граница между Китаем и Кореей была закрыта настолько основательно, насколько это позволяли технологии XVII века. Корейцам запрещалось проживать рядом с границей. Патрули задерживали любое гражданское лицо, приблизившееся к границе без надлежащих документов. После задержания проводилось тщательное расследование, и человека, появившегося в приграничной полосе без уважительных причин, ждало наказание. Разумеется, под строгим запретом были как эмиграция из страны, так и иммиграция в неё.

Иностранцы могли въезжать в Корею только в качестве официальных лиц и, так сказать, по казённой надобности, но иногда случались и исключения. Время от времени иностранные суда терпели крушение у корейского побережья. Обычно такое случалось с японскими и китайскими кораблями, но несколько раз подобным образом в Корею не по своей воле оказывались и выходцы из стран Запада. Как правило, корейские власти проводили расследование, чтобы выяснить, нет ли среди членов экипажа шпионов,

пиратов или контрабандистов. Если ничего подозрительного не обнаруживалось, моряков или рыбаков высылали на родину — но только в том случае, если они были китайцами или японцами. Выходцам из западных стран везло меньше: предписывалось задерживать их в Корее до конца жизни. Впрочем, государство часто трудоустраивало кого-то из иностранцев на должности технических советников (обычно — по артиллерийской и морской части), и в таком случае жилось им довольно хорошо.

Китайская сторона не возражала против запретительных законов, поскольку, с точки зрения властей Китая, миграция означала уменьшение количества налогоплательщиков. Таким образом, несмотря на географическую близость с Китаем, до 1880-х гг. китайской общины в Корее не было.

Корейский король и китайский посол смотрят на выступление придворных танцовщиц. Они сидят, как равные, в креслах (король Ёнчжо — слева, посол Акдунь). Китайский посол был единственным человеком в стране, который мог общаться с королём, как с равным по положению.

Рисунок придворного художника, 1725 год

Дворец Кёнбоккун зимой.

Во второй половине XIX века именно этот дворец служил
главной резиденцией корейских королей

С другой стороны, если кореец без надлежащего разрешения пересекал китайскую границу, предполагалось, что власти Китая его задержат и экстрадируют. Насколько известно, схема в большинстве случаев работала именно так, как было задумано.

Все эти меры обеспечивали достаточную удовлетворённость Китая политикой Кореи. Последняя также придавала большое значение военному союзу с Китаем, подчёркивая, что в том случае, если в Восточной Азии начнутся проблемы, Корея готова отправить на помощь соседу свои войска. После захвата Китая маньчжурами в 1644 году эта постоянно декларируемая готовность была проверена на практике лишь однажды, приведя к первому и пока единственному российско-корейскому военному конфликту. В 1650-х гг. отряды корейских войск сражались на стороне Китая во время так называемого Албазинского конфликта с Россией.

Тем не менее корейские власти осознавали, что правители Китая, появившись у них такое желание, могут легко превратить Корею в ещё одну провинцию своей огромной империи. Потому корейское правительство не только клялось

китайскому двору в преданности или отправляло своих солдат на Амур воевать с российскими казаками, но и всеми силами пыталось создать образ Кореи как бедной страны, лишённой какого-либо экономического потенциала. Например, в конце XVIII века корейский двор выразил обеспокоенность по поводу обнаруженных в северных провинциях страны месторождений серебра и золота. Тогда в закрытых правительственных документах звучало опасение, что иностранные государства, узнав о существовании ценных природных ресурсов в Корее, нападут на неё. Правительственные документы не указывали прямо, какие именно «иностраные государства» казались потенциально опасными корейскому двору. Однако понятно, что наиболее вероятным (вообще-то, просто единственным) кандидатом на эту роль был Китай.

Итак, отношения между Кореей и Китаем, якобы основанные на принципе *садэ*, то есть принципе подчинения и, как бы выразились в Европе, вассальной зависимости Кореи, были в целом дружественными, но куда более сложными и неоднозначными, чем пыталась внушить современникам официальная идеология. А как же обстояли дела с Японией, другим соседом Кореи? Об этом мы поговорим в следующей главе.

04

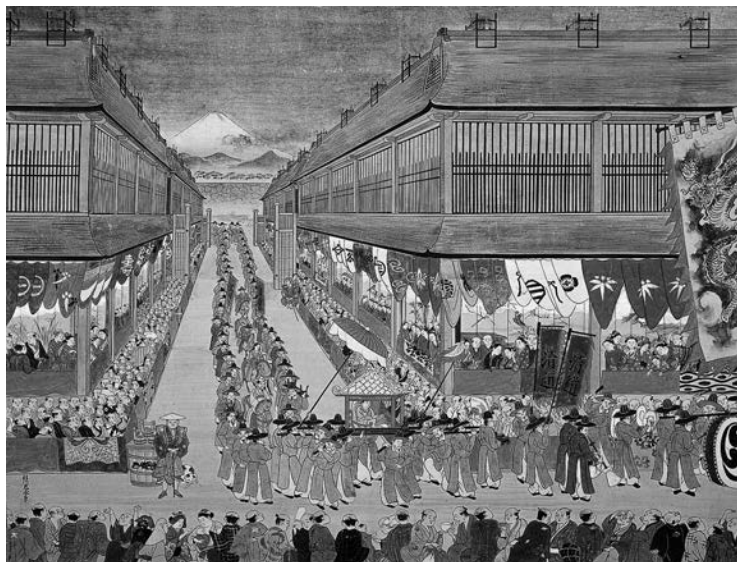
ОПАСНЫЙ СОСЕД

1811 г. — последнее формальное корейское посольство в Японию сёгуната Токугава

Время от времени жители японского города Эдо (который мы ныне знаем как Токио) становились свидетелями того, как в город торжественно вступает большая и яркая процессия. Это редкое зрелище, происходившее раз в несколько десятков лет, неизменно привлекало большое внимание жителей столицы японских сёгунов, то есть фактически столицы Японии. Появление этой процессии означало, что в Эдо со своей свитой торжественно въезжает посол той единственной страны, представителям которой было разрешено, пусть и редко, посещать главный город Японии. Страной этой была Корея.

Контакты между Кореей и Японией тогда носили односторонний характер: корейские представители время от времени могли посещать столицу японских сёгунов, а вот японским официальным лицам путь в Сеул был закрыт. Сразу после окончания Имчжинской войны (1592–1598) и вплоть до семидесятых годов XIX века японским миссиям было запрещено посещение Сеула (точнее, Хансона или Ханъяна — так называлась столица Кореи в то время). Исключение из правила было сделано один-единственный раз: в 1615 году в корейской столице побывала официальная миссия с острова (княжества) Цусима.

Въезд в Эдо (Токио) корейского посольства в 1748 году.
Японская гравюра середины XVIII века работы Ханегава Тинтё

Основной причиной запрета Кореи на въезд японских посланников были соображения безопасности, к которым в Восточной Азии того времени относились очень серьёзно. В памяти корейцев ещё были свежи события 1592 года, когда японская армия, высадившись на южном побережье страны, за несколько недель беспрепятственно дошла до Сеула. Поэтому корейцы не хотели пускать представителей проблемного соседа вглубь своей страны, опасаясь, что японцы воспользуются этой возможностью для того, чтобы изучить рельеф, состояние дорог и составить карты местности, которые могут пригодиться им в случае новой войны. Сейчас известно, что с 1610-х гг. и вплоть до конца XIX века японцы не планировали нападения на Корею. Однако, если учитывать более ранний опыт корейско-японских отношений, а также принять во внимание то, что произошло

впоследствии, едва ли возможно назвать поведение корейцев параноидальным.

Вопросы безопасности при общении с японцами всегда стояли для корейцев на первом месте. К примеру, один из документов конца XVII века прямо объяснял, почему нельзя допускать половые контакты между корейками и японцами, жившими в Вегване, японском торговом поселении поблизости от нынешнего Пусана (о нём пойдёт речь дальше). Причина запрета заключалась в том, что дети от подобных союзов, скорее всего, будут переданы на родину отца, то есть в Японию, но при этом будут великолепно знать корейскую культуру и язык, что сделает их идеальными шпионами, «глазами и ушами варваров». Поэтому наилучшим решением считался запрет на межнациональный секс, который мог привести к появлению «опасных» детей.

Разумеется, в таких условиях не могло быть и речи об установлении нормальных дипломатических отношений в современном понимании этого слова. Впрочем, ни та, ни другая сторона к установлению подобных отношений и не стремились. Корею был необходим мир на протяжённых морских границах, Японии была необходима торговля с Кореей, но, как и Корея, Япония с начала XVII века проводила политику самоизоляции. Ни одна из стран не стремилась общаться с внешним миром, и поэтому их полностью устраивал чисто формальный характер их связей.

Кульминацией установившихся отношений служили редкие визиты послов Кореи в Японию. За 250 лет состоялось всего двенадцать подобных посольств (самое последнее из них, в 1811 году, было направлено не в Эдо, а на остров Цусима). Если в XVII веке визиты корейских послов иногда сопровождались дипломатическими переговорами, в первую очередь связанными с урегулированием последствий Имчжинской войны, то позднее они превратились в чисто

формальные ритуалы, каждый из которых был обставлен с большой помпой.

Приём корейских послов требовал немалых расходов: для проезда послов приводились в порядок и ремонтировались дороги и мосты, строились новые постоянные дворы, организовывались роскошные банкеты — в общем, для дорогих гостей за счёт японского бюджета делалось всё мыслимое и немыслимое. В свите корейского посла обычно было несколько сотен человек (от 300 до 500), каждого из которых следовало обеспечить и качественной едой, и удобным ночлегом. Один из документов 1711 года подробно описывает, сколько еды потребовалось посольству во время пребывания в одном из японских уездов. Всего за пару дней посол и сопровождающие его лица потребили семь с половиной тонн устриц, три тонны кальмаров, 15 000 яиц и выпили 2700 литров саке, не считая немалых объёмов риса, зерновых и овощей.

Многие из участников дипломатических миссий были известными учёными или деятелями культуры, поэтому визит посольства вполне можно было охарактеризовать как передвижную выставку достижений корейской культуры. За исключением нескольких переводчиков, никто из членов миссии не говорил по-японски, но это не имело большого значения: в те времена все образованные люди региона, как корейцы, так и японцы, свободно владели письменным древнекитайским языком. Поэтому общение происходило в письменном виде: обе стороны вооружались кисточками и листами бумаги и начинали активный «диалог», переписываясь друг с другом на древнекитайском. Подобные «переговоры» были частым явлением в Восточной Азии вплоть до начала 1900-х гг., и у них было даже специальное название — пхильдам (필담/筆談, дословно — «разговор при помощи кистей»). Для большинства представителей японских

элит подобные встречи были редкой возможностью прикоснуться к широкому внешнему миру, поэтому они соглашались на довольно длительные и изнурительные путешествия ради встреч с корейскими коллегами.

Любопытно, что в программу подобных визитов всегда включали показательные выступления корейских наездников. Сейчас корейцев вряд ли назовут мастерами джигитовки, но всё познаётся в сравнении. У японцев с верховой ездой дела обстояли ещё хуже, и из документов того времени видно, что японцы очень высоко ценили корейское искусство верховой езды и проявляли большой интерес к таким показательным выступлениям.

Основной упор тем не менее делался на культурных достижениях Кореи. Здесь сказывалось то, что корейские дипломаты хотели показать своё превосходство — довольно естественное желание в международной системе, которая, как отмечалось в предыдущей главе, была основана на идее неравенства государств.

Поскольку на протяжении всего периода сёгуната Токугава (1603–1868) Корея являлась единственной в мире страной, чьи послы изредка посещали Эдо (Токио), неудивительно, что эти посещения вызывали самый живой интерес у простых граждан обеих японских столиц, Киото и Эдо, — тем более что увидеть корейскую миссию, как правило, японским горожанам случалось только один раз в жизни. Со временем в Эдо стали даже устраивать уличные представления: реконструкции, на которых воссоздавались такие визиты. Любопытно, что дошедшие до нас картины и зарисовки, рассказывающие о визитах корейских послов, часто изображают эти выступления «реконструкторов», а не реальные события.

Визиты послов всегда инициировались японской стороной, которая извещала корейский двор, что будет рада

принять у себя очередную миссию. Как правило, послов отправляли, чтобы поздравить с восхождением на престол нового сёгуна.

Однако большие расходы, которых требовала подготовка к приёму корейских миссий, со временем полностью потерявших практическое значение, вызывали всё большее раздражение у японцев, и с 1764 года подобная практика была прекращена. Интересно, что одной из причин недовольства было то, что японцы воспринимали существующую модель отношений как неравноправную: им не нравилось то обстоятельство, что на протяжении этих столетий японским делегациям был закрыт въезд в Корею, а вот корейские делегации, пусть и не очень часто, но посещали самые важные районы Японии.

Правда, в 1811 году состоялось новое (последнее) корейское посольство, которое, однако, совершило визит не на основную территорию Японии, а на остров Цусима, расположенный между двумя странами. После этого больше не состоялось ни одного визита, хотя время от времени возобновлялись разговоры о том, что традицию можно было бы и продолжить.

Остров Цусима далеко не случайно стал местом последнего визита официальной корейской делегации. В то время остров был полунезависимой административной единицей, автономным княжеством в составе феодальной Японии, а его повелители — даймё из клана Со — фактически являлись представителями центрального правительства Японии по связям с Кореей.

Помимо помпезных визитов в Эдо, Корея и Япония также поддерживали рабочие отношения; с японской стороны этим вопросом занимались именно власти Цусимы. Корейские чиновники среднего ранга посещали княжество Цусима примерно раз в 5–10 лет. Официально эти поездки

устраивались для передачи писем правителям Цусимы, но на самом деле главной целью переговорщиков было решение текущих вопросов пограничных отношений, а также ознакомление с общей ситуацией в Японии. В первую очередь корейцев беспокоил вопрос о том, не собираются ли японцы снова напасть на Корею, поэтому корейские посланники тщательно следили за тем, не видно ли на острове признаков подготовки возможного вторжения.

Как уже говорилось, официальным языком переговоров был древнекитайский. Однако корейский тоже преподавался на Цусиме в специальной школе переводчиков, а некоторые японские чиновники для совершенствования языковых навыков ездили в Пусан. У этих чиновников была и другая важная задача: они управляли поселением Вегван (왜관/倭館), японской торговой базой, расположенной в районе, который сейчас превратился в центр города Пусан.

Вегван представлял собой обнесённое стеной и охраняемое поселение, в котором под пристальным вниманием корейских властей жили и занимались бизнесом японские купцы. Подобные закрытые и педантично контролируемые общины иностранных торговцев, не имевших права передвигаться по стране, были обычной практикой в странах Восточной Азии. В частности, у голландских и китайских торговцев были свои поселения (или, как тогда часто говорили, фактории) в японском порту Нагасаки, и выглядели они примерно так же, как Вегван. Примерно такой же правовой статус (до Опиумных войн 1839–1842 гг.) имели торговые миссии западных стран в китайском Кантоне (Гуанчжоу).

Первое соглашение, определившее статус Вегвана, было подписано в 1607 году, однако в 1678 году поселение было перенесено на новое место (это место неподалёку от нынешнего железнодорожного вокзала в Пусане). Территория была существенно расширена, но всё равно поселение оставалось

небольшим — его площадь после 1678 года составляла примерно 30 000 м², или три гектара. На его территории проживало несколько сотен японцев.

Абсолютное большинство обитателей Вегвана были торговцами или обслуживающим персоналом (писарями, грузчиками и т. п.) родом с острова Цусима, который располагается в Корейском проливе примерно в 50 км от Пусана. Они закупали корейские товары и затем продавали их у себя на родине, получая в итоге неплохую прибыль. Торговля была крайне важна для небольшого и бедного острова, поэтому, по статистике, в Вегване находился каждый двадцатый-тридцатый взрослый житель Цусимы. Ради беспрепятственной торговли обитатели Вегвана старательно соблюдали все законы и правила, установленные корейскими властями.

Правила эти, надо сказать, были весьма обременительны. Вегван был окружён двухметровой каменной стеной, в которой имелось трое ворот. Обычно были открыты только одни ворота, рядом всегда находились корейские стражники, а окрестности патрулировали корейские военные. Японцы не имели права покидать территорию Вегвана без специального разрешения, но, даже получив разрешение, не могли передвигаться на большие расстояния. Корейцы также могли входить на территорию Вегвана только при наличии разрешающих документов от корейского правительства. Если Вегван посещал корейский купец, охрана не только проверяла его документы, но и тщательнейшим образом досматривала и его самого, и его личные вещи, чтобы предотвратить контрабанду.

Контрабанда была главной головной болью для корейцев. Кроме того, корейские власти боялись, что японцы могут узнать какую-нибудь важную информацию: как уже не раз говорилось, к секретности в старой Корее относились

очень серьёзно. Некоторую тревогу вносил и постоянный спрос японцев на рис. Власти боялись, что массовые закупки риса японскими купцами могут спровоцировать рост цен на рынках в Пусане. Чтобы предотвратить такой поворот событий, на экспорт в Японию вводили квоты.

Важнейшими товарами были рис и женьшень, которые экспортировались из Кореи в Японию, а также серебро, которое, наоборот, импортировалось. Япония была одним из мировых лидеров по производству серебра, и в большинстве случаев оно сначала продавалось в Китай, а оттуда поступало в другие страны.

Одной из особенностей Вегвана был полный запрет на присутствие на его территории женщин. Такая практика не была необычной: не имели права привозить с собой жён, подруг, служанок и вообще членов семьи женского пола ни западные купцы в Китае до 1840-х гг., ни датские торговцы в Нагасаки. Это установление существовало по одной простой причине: торговцы не должны были задерживаться в стране слишком долго. Но если в Китае и Японии иностранцам хотя бы разрешалось общение с местными куртизанками, то в Корее сексуальные контакты с местными «девушками с пониженной социальной ответственностью», равно как и с корейскими женщинами вообще, были запрещены под страхом смерти. Как упоминалось раньше, таким образом корейские власти пытались предотвратить появление будущих «идеальных шпионов».

Теоретически за запретный секс смертью наказывались оба участника. В реальности же всё было не так страшно: насколько известно, за 250 лет существования Вегвана ни один японец не заплатил жизнью за любовные утехы с местной красавицей. Девушки, как правило, тоже избегали серьёзного наказания. Если подобные связи становились известны (хотя есть основания предполагать, что в подавляющем

большинстве случаев они так и оставались тайной), то провинившегося японца отправляли обратно домой, а кореянку из города высылали. В тех редких случаях, когда жителей Вегвана казнили, причиной этого были, как правило, контрабанда или убийство, но никак не сексуальные похождения.

Через Вегван, помимо вопросов торговли, решались и другие проблемы двусторонних отношений. Здесь всегда присутствовало несколько японских чиновников, поэтому Вегван в некотором роде служил постоянным представительством Японии в Корее. Официальные лица, прибывшие туда из Японии, консультировались с корейскими коллегами по разным текущим вопросам, помогали потерпевшим кораблекрушение японским морякам и рыбакам — и вообще они решали все проблемы, которыми и в наши дни приходится заниматься любому консульству в портовом городе.

Только в начале 1870-х гг., когда Япония активно включилась в процесс модернизации, дипломатия старого образца перестала быть актуальной. Япония, сначала ставшая жертвой западной экспансии, вскоре сама превратилась в главного агрессора по отношению к Корейскому полуострову. Пусан стал основным пунктом проникновения в Корею как японской, так и западной культуры (западная культура пришла в Корею в основном через Японию). В частности, Пусан можно назвать местом рождения корейской журналистики, потому что именно там начала издаваться первая современная корейская газета (и важную роль в этом начинании сыграли японцы). Но об этом мы поговорим в следующей главе.

1881 г. — в Пусане начинает выходить газета
«Чосон синбо»

В популярных публикациях нередко можно встретить утверждения о том, что, дескать, «газеты существовали в Древнем Риме» (или, допустим, средневековом Китае). Скажем прямо: утверждения эти достаточно сомнительны. Сама идея газеты в современном понимании могла возникнуть только с зарождением капитализма, то есть тогда, когда в заметных количествах появилась буржуазия — люди, которые по роду деятельности нуждались в новостях, но не могли содержать собственных послов и шпионов, а поэтому были готовы за новости платить. Считается, что в Европе первые газеты стали выходить около 1610 года, в России — примерно столетием позже, когда в 1702 году появились «Ведомости» (если, конечно, не считать газетой «Вести-Куранты», которые предназначались исключительно для царя и Боярской думы и являлись то ли секретным правительственным бюллетенем, то ли сводкой развединформации).

В Корее газеты появились в конце XIX века. При этом почти во всех работах по истории корейской периодической печати можно встретить утверждение о том, что первой корейской газетой была «Хансон сунбо», которую начали выпускать в Сеуле с октября 1883 года. Однако это не так или, скажем осторожнее, не совсем так: первая газета

в Корею всё-таки появилась несколько раньше. Ею была «Чосон синбо», выходившая в Пусане с октября 1881 года и, таким образом, опередившая «Хансон сунбо» почти на два года. Тем не менее в большинстве корейских исследований по истории периодической печати «Чосон синбо» упоминается лишь мельком.

Отсутствие у корейских учёных и журналистов желания обсуждать историю «Чосон синбо» (и даже упоминать о её существовании!) вполне понятно: эта пусанская газета была основана и выпускалась японскими поселенцами. Нежелание корейских историков (в массе своей настроенных националистически) всерьёз заниматься спорной газетой не покажется особо удивительным, если принять во внимание историю отношений между двумя странами. Изданию «Чосон синбо» часто приписывается статус «японской газеты», которая якобы публиковалась на японском языке и для японцев и, таким образом, не являлась частью корейской истории. Однако при более пристальном взгляде в подобных утверждениях нельзя не усомниться.

В начале 1880-х гг., то есть задолго до начала колониальной эпохи, в Пусане уже существовала большая и растущая японская община, члены которой у себя на родине привыкли к существованию периодической печати. Именно для них в первую очередь и издавалась «Чосон синбо» (в переводе — «Вестник Кореи»).

В 1876 году Япония вынудила Корею подписать Канхваский договор, который открыл корейские границы для иностранной торговли. Период изоляции, растянувшийся на два с половиной века, внезапно закончился, и японцы были первыми иностранцами, которые начали появляться в Корею в заметном количестве. Прибывавшие в страну японцы поначалу в основном селились в Пусане. Выбор места был обусловлен не только географической близостью этой части

Кореи к Японии, но и тем, что район нынешнего Пусана веками был территорией, где располагался Вегван, поселение японских торговцев, о котором речь шла в предыдущей главе.

К 1881 году в Пусане насчитывалось 3400 японских поселенцев, причём приблизительно половина из них были уроженцами острова Цусима. Большинство поселенцев занимались торговлей. Так как до конца 1870-х гг. корейская экономика была закрытой, разница в ценах на внутреннем корейском рынке и на рынке международном могла быть огромной, и предприимчивые купцы, играя на разнице цен, могли получить внушительную прибыль. Это делало Корею привлекательным местом для японских торговцев, а их сообщество остро нуждалось в коммерческой и политической информации, которую им и предоставляла «Чосон синбо».

Издателем газеты была японская Торговая палата в Пусане. Её первый номер был напечатан 10 декабря 1881 года (он не сохранился, но дата основания газеты известна из сообщений японской печати).

Редактором газеты стал некий Оиси Норико, о котором неизвестно практически ничего: его имя не упоминается нигде, кроме самой газеты. Неизвестно и то, как долго просуществовала газета: сохранились только выпуски с № 5 по № 12. В выпуске № 12, вышедшем 15 мая 1882 года, содержатся анонсы материалов, которые должны были появиться в следующих номерах. Но были ли эти материалы напечатаны? Мы этого не знаем и, скорее всего, уже никогда не узнаем, потому что вероятность найти другие номера газеты исчезающе мала.

Поначалу «Чосон синбо» выходила в привычном ныне газетном формате, то есть в виде больших листов, но вскоре Оиси Норико перешёл на формат брошюры, поэтому поздние выпуски напоминают современные информационные

бюллети. Газета должна была печататься каждые десять дней, и похоже, что этот график в целом выдерживался.

Важной особенностью «Чосон синбо» было то, что она обращалась и к японской, и к корейской общинам Пусана. Конечно, очень немногие корейцы тогда владели японским, но газета выпускалась на двух языках: на японском и на ханмуне. Последний был основным языком письменного общения корейской элиты, на нём также свободно могли читать образованные японцы. Обращение редактора к читателям, которое содержится в каждом сохранившемся выпуске, однозначно указывает, что газета предназначена и для японской, и для корейской аудитории.

Примечательно, что в «Чосон синбо» в небольших количествах появлялись тексты с использованием корейской фонетической письменности, известной сейчас как *хангыль* (тогда это название ещё не употреблялось). Это было необычно, так как ранняя корейская пресса примерно до середины 1890-х гг. редко печатала материалы на корейском языке.

О чём писала «Чосон синбо»? Во-первых, на её страницах было много деловой информации, важной для торговцев и бизнесменов. Каждый номер содержал таблицу цен на основные экспортные и импортные товары, а также правила, касающиеся как ведения бизнеса, так и повседневной жизни японских поселенцев. Газета также печатала официальные объявления японского консульства, являвшегося высшим органом власти для японских поселенцев в Пусане и его округе. Некоторые из этих правил сегодня кажутся странными — например, запрет на продажу газет и журналов на рынках.

Многие статьи рассказывали японцам о Корее. «Чосон синбо» даже издавала (по частям, с продолжением) японский перевод классического корейского романа «История

Лим Кён-опа». Появлялись на страницах газеты и статьи по корейской экономике и политике.

Как можно предсказать, газета жёстко критиковала консерваторов, бывших на тот момент у власти в Сеуле. В то же время, когда Хон Чэ-хак, видный ультраконсервативный учёный и ярый поборник конфуцианского «древнего благочестия», был казнён за то, что осуждал проведение даже самых умеренных реформ, редакция газеты выразила симпатии погибшему «конфуцианскому фундаменталисту» (именно так, скорее всего, описали бы Хон Чэ-хака в наши дни). «Чосон синбо» тогда напечатала письмо японского жителя Пусана, который был категорически не согласен с реакционными политическими воззрениями Хона, но подчёркивал, что каждый должен иметь право свободно выражать свои взгляды.

Многие статьи в поддержку деятельности корейских реформаторов были однозначно адресованы образованной корейской аудитории. В статьях содержался также критический анализ корейского конфуцианского фундаментализма и действий видных консервативных лидеров.

В трёх номерах «Чосон синбо» публиковалось открытое письмо Окуры Кихатино в адрес начинающих корейских реформаторов — членов делегации, которую правительство Кореи направило в Японию для изучения достижений японской модернизации. Сам Окура Кихатино был крупным бизнесменом, одним из создателей современного японского бизнеса. В письме он давал несколько практических советов, рекомендуя покупать за границей паровые машины, внедрять на корейских заводах и шахтах паровые двигатели, изучать современные технологии. В письме также говорилось, что Корею следует ускорить реформы — не в последнюю очередь потому, что в мире, как выразился автор, «слабое государство будет съедено».

Теперь, задним числом, это предупреждение звучит пророчеством: мы знаем, что Корея действительно будет «съедена», а «хищником» станет Япония. Однако в 1880-х гг. это ещё не было предрешиено. На том этапе Япония — будущая колониальная империя — часто рассматривалась совсем иначе, а именно как проводник модернизации в Азии.

Разумеется, склонность современных южнокорейских историков игнорировать сам факт существования «Чосон синбо» во многом связана с их идеологической предвзятостью. Однако желание не считать «Чосон синбо» первой корейской газетой имеет под собой и вполне реальные основания. По большому счёту, это пусанское издание было всё-таки маргинальным: как история страны в целом, так и история её печати в основном делались в Сеуле. Поэтому есть своя правда и в преобладающей — фактически, официальной — точке зрения, в соответствии с которой первой корейской газетой являлась «Хансон сунбо», появившаяся в Сеуле в октябре 1883 года.

Её основателем был Пак Ён-хё — один из молодых корейских реформаторов. В то время среди корейской дворянской интеллигенции, среди молодых представителей элиты росла уверенность в том, что в новом мире единственным шансом на выживание и успех для Кореи является проведение радикальных реформ. Образцом для этих модернизаторов, естественно, служила Япония, которая после революции 1868 года самым радикальным образом перестраивала жизнь на западный лад, внедряя западную науку, технологии, общественное устройство, даже западную моду и кухню. Для изучения японского опыта в соседнюю страну стали отправляться корейские делегации, и Пак Ён-хё удалось войти в состав, пожалуй, самой известной такой делегации, направленной в Японию в августе 1882 года.

Модернизирующаяся и меняющаяся Япония поразила молодых корейцев, которым стало ясно, насколько отсталой и неприспособленной к современному миру страной стала Корея династии Чосон. Среди многих новых явлений и общественных институтов, на которые корейцы обратили внимание, была, конечно же, и периодическая печать.

Большую роль в распространении новых идей сыграли беседы Пак Ён-хё с выдающимся японским философом и главным идеологом японской модернизации Фукудзавой Юкити. Тот подчёркивал важность наличия в стране СМИ европейского типа. При этом выдающийся японский философ считал, что печать должна была быть, если использовать более позднее ленинское выражение, коллективным организатором. По мнению и японских реформаторов, и их корейских подражателей, печать должна была объяснять народу необходимость преобразований и формировать в народе (скорее, впрочем, в элите) желание двигаться в том направлении, в каком собирались вести страну модернизаторы.

Пак Ён-хё был чрезвычайно впечатлён увиденным и услышанным, так что по возвращении на родину в январе 1883 года немедленно начал подготовку к изданию корейской газеты. На первых порах решающую роль в подготовке номеров играли японские консультанты, отобранные Фукудзавой Юкити, — в особенности молодой журналист Иноуэ Какугору (впоследствии на протяжении многих лет влиятельный депутат японского парламента). Первый номер газеты «Хансон сунбо» (한성순보/漢城旬報 «Хансонский еженедельник» — газета, выходившая раз в десять дней) увидел свет уже 31 октября 1883 года.

Газета напоминала небольшую брошюру. В ней было 24 страницы, по размеру примерно соответствовавшие нынешнему формату А4. Газета выходила исключительно на ханмуне. Выбор языка однозначно показывает, что

главной и фактически единственной целевой аудиторией была политическая и культурная элита, составлявшая не более 1–2% корейского общества.

В декабре 1884 года реформаторы попытались организовать государственный переворот и физически уничтожить главных противников нового курса — конфуцианских фундаменталистов. Попытка закончилась полным провалом: консерваторы, опираясь на поддержку Китая, свергли реформаторское правительство, которое продержалось у власти лишь три дня. После этого консерваторы приступили не только к физической расправе над противниками, но и к разгрому созданных реформаторами учреждений. Жертвой погромов стала, в частности, только что созданная почтовая служба, а газета «Хансон сунбо» была закрыта.

Издание газеты было возобновлено всего лишь год спустя, в январе 1886 года. Вернувшиеся к власти консерваторы пришли к выводу, что какие-то уступки новой реальности сделать всё-таки необходимо, и согласились с тем, что стране нужна периодическая печать. Новый вариант газеты отличался от изначального как по периодичности, так и по формату. Во-первых, газета стала выходить на листах формата B5. Во-вторых, из ежедекадной она превратилась в еженедельную, что отразилось и в названии — отныне газета стала именоваться «Хансон чубо» (한성주보/漢城週報 «Хансонский еженедельник»), хотя преемственность с закрывшимся в 1884 году предшественником не скрывалась.

Переход к новой периодичности имел определённое символическое значение. В странах Восточной Азии европейская семидневная неделя до конца XIX века была практически неизвестна, и ритм жизни определялся декадами-десятидневками. Переход к еженедельной периодичности в выпуске газеты был, таким образом, символическим шагом в сторону модернизации страны по европейскому образцу.

Главные цели газеты оставались неизменными. В редакционной статье, посвящённой возобновлению газеты, её издатели объясняли, зачем нужна «Хансон чубо» и другие СМИ: «Страны Европы не очень велики ни по территории, ни по населению, но ныне в их руках сосредоточены богатство и сила мира, и они повелевают всеми шестью частями света. Это стало возможным потому, что с помощью печати они просвещали народ и ежедневно развивали его, мобилизовали его мудрость и составляли новые планы. Если и наша страна, подобно странам Запада, создаст периодическую печать, то народ будет становиться всё богаче, а государство — всё сильнее, так что в будущем и мы поднимемся на ту же колесницу, которой покорён мир, и, быть может, [наша колесница] обгонит [колесницы] стран Запада». Что ж, авторы этого текста ещё не знали термина «догоняющая модернизация», но задачи свои они сформулировали точно, и, что интересно, задачи эти (догнать и перегнать!) были в итоге ими — или, скорее, их потомками — успешно решены.

Редакционные статьи, в которых руководство издания выражало мнение по поводу тех или иных политических и общественных вопросов, стали нововведением «Хансон чубо». Кроме того, газета стала печатать текущую информацию о рыночных ценах, что делало её очень привлекательной для купцов — и корейских, и японских, и китайских (крайне немногочисленные торговцы из стран Запада в массе своей ханмуном не владели и едва ли могли знакомиться с этой информацией).

Именно на страницах «Хансон чубо» впервые в корейской истории появилось рекламное объявление. Его опубликовала немецкая фирма Н. С. Е. Meyer & Co, известная в Корее как «Сечханъ Янхъхэнь», которая в то время имела постоянное представительство в Инчхоне. Фирма разместила в «Хансон чубо» сообщение о скупке шкур животных.

Имелись в виду не только шкуры коров и лошадей, но также и шкуры тигров — в те времена тигры ещё водились даже в непосредственной близости от Сеула.

Ещё одно изменение было связано с тем, что в «Хансон чубо» стали появляться материалы на корейском языке, хотя основным языком издания оставался ханмун (со временем, правда, «Хансон чубо» отказалась от публикации корейских текстов). В новом варианте газета просуществовала два с половиной года: последний номер вышел в июле 1888 года. Всего газеты «Хансон чубо» и «Хансон сунбо» выпустили 123 номера.

В те дни, когда в Ханъяне (Сеуле) начала выходить «Хансон сунбо», первый кореец обучался в зарубежном вузе. Именно выпускники западных (в основном — американских) вузов сыграли решающую роль в модернизации страны, и о них пойдёт речь в следующей главе.

НА ДАЛЁКОЙ СТОРОНЕ, НА ЧУЖОЙ ПЛАНЕТЕ ПРЕДСТОИТ УЧИТЬСЯ МНЕ В УНИВЕРСИТЕТЕ

1884 г. — Ю Киль-чжун стал первым корейцем,
обучавшимся в США

Кто был первым корейским студентом, учившимся на Западе? Многие источники предполагают, что этим человеком был Ю Киль-чжун, писатель и политический активист, проходивший обучение в США в 1884–1885 гг. Будучи активным участником реформаторского движения, развернувшегося в Корее в начале 1880-х гг., он решил увидеть тот мир, на который реформаторы ориентировались в своих попытках перестроить Корею, и отправился в долгое путешествие. Возможно, это решение уберегло его от серьёзных проблем: он отсутствовал в Корее во время устроенной реформаторами попытки государственного переворота, в которую непременно ввязался бы — и, вероятно, погиб, как погибли многие из его друзей и единомышленников. Но в то время, когда на улицах корейской столицы реформаторы сражались с консерваторами, Ю Киль-чжун посещал лекции в далёкой Америке.

Впрочем, Ю Киль-чжун формально не окончил академического курса, а был, как бы сказали в более поздние

времена, «вольнослушателем»: он посещал занятия для того, чтобы повысить уровень владения английским языком, а также познать изнутри жизнь и культуру стран Запада. Ю Киль-чжун вернулся в Корею в 1885 году и сразу же оказался под домашним арестом как известный участник радикально-реформаторского движения. Однако, находясь в вынужденной изоляции, он не стал терять времени и написал книгу о том, что увидел во время пребывания на Западе. Для многих корейцев эта книга стала настоящим шоком: западный мир в рассказе Ю Киль-чжуна резко отличался от сложившихся представлений: жители стран далёкого Запада, на протяжении долгого времени считавшиеся в Корее варварами, чья дикая жизнь не заслуживает интереса, предстали перед читателем людьми великой цивилизации, не уступающей конфуцианскому миру Восточной Азии.

Однако Ю Киль-чжун, как уже говорилось, был вольнослушателем. Первым корейским студентом, официально окончившим в США университетский курс, обычно считается Со Чэ-пхиль. Он тоже был участником реформаторского движения, но, в отличие от Ю Киль-чжуна, принимал непосредственное участие в злополучном перевороте 1884 года и, несмотря на молодость, даже занял высокий пост в правительстве реформаторов, которое не смогло удержаться у власти более трёх дней. После победы консервативных сил Со Чэ-пхиль был вынужден бежать в США. Там он прошёл полный курс обучения и, успешно окончив Университет Джорджа Вашингтона в американской столице, получил диплом врача. Ему предстояло прожить долгую и бурную жизнь: он создавал первую в Корее массовую газету, основывал первую корейскую политическую партию, служил врачом в американской армии во время войны с Испанией, был одним из руководителей корейского национально-освободительного движения (о его роли в корейской

журналистике см. главу 30). Однако Со Чэ-пхиль никогда не забывал и о своей основной специальности, всю жизнь занимаясь как практической медициной, так и исследованиями в области микробиологии.

В начале 1890-х гг. число обучавшихся в США корейских студентов стало быстро расти: на учёбу приезжали выпускники школ нового типа, открытых в Корее протестантскими миссионерами. В Америке они преимущественно занимались богословием, но некоторые выбирали себе иные, светские специальности.

Примечательно, что среди этих первопроходцев были и женщины. Все кореянки, в начале XX века окончившие университеты за рубежом, были выходцами из протестантских семей, что и не удивительно: только в таких семьях могла появиться мысль о том, что девочке можно не просто дать образование, но и отправить её учиться чему-то сложному и непонятному в дальние страны.

Первой корейской женщиной — выпускницей американского университета была Ким Чхом-дон, более известная как Эстер Пак. Будучи христианкой, она взяла себе христианское имя из Библии и, следуя примеру ранних корейских феминисток, после вступления в брак сменила фамилию. Эстер Пак училась в США в 1896–1900 гг. и получила диплом доктора в медицинском колледже Балтимора. Яркая, энергичная, феноменально трудолюбивая, она сыграла большую роль в создании в Корее современной системы здравоохранения.

Ещё одной женщиной, которая училась за границей примерно в то же время, была Ха Ран-са (также известна как Ким Ран-са — она тоже сменила фамилию при замужестве). Сначала, приложив немало усилий, она добилась зачисления в миссионерскую школу Ихва в Сеуле. Это было совсем непросто, потому что Ха Ран-са к тому времени уже

Район ворот Тондэмун, открытка начала 1920-х гг.

В городе появился трамвай, а вдоль улицы установлены столбы с проводами местной электрической сети, но в остальном город выглядит так же, как и за пару столетий до этого

была замужем, а согласно действовавшим тогда правилам замужние женщины к обучению в этой школе не допускались. Однако Ха Ран-са проявила немалую настойчивость и поступила в школу Ихва. По окончании школы она уехала на учёбу в США, где в 1906 году окончила Уэслианский колледж. В итоге она стала первым корейским профессором в своей альма-матер: к тому времени школа Ихва превратилась в колледж, а потом и в университет.

В колониальный период Америка пользовалась в Корее большой популярностью (особенно среди активистов анти-японского движения), и США были привлекательным местом для студентов. Однако большинство корейцев, которые решали учиться за границей в колониальные времена, всё-таки ехали не в США или Европу, а в Японию. Это вовсе не означало, что они были настроены прояпонски. Главную роль тут играли финансовые причины: жить в Японии было

гораздо дешевле, чем в США, да и добираться туда было намного проще. Важно и то, что в силу сходства грамматической структуры и синтаксиса корейцы усваивают японский язык значительно легче, чем английский. Таким образом, в 1929 году в вузах США обучалось всего 292 корейских студента, в то время как в Японии их было около 3000 — в десять раз больше.

Подавляющее большинство студентов, приехавших в США из колониальной Кореи, как и раньше, были выпускниками миссионерских школ и отправлялись учиться за границу по рекомендациям своих наставников. Зачастую они получали стипендии или иную поддержку со стороны церковных организаций. Примечательно, что в 1924 году из 159 корейских студентов, обучающихся в американских вузах, 58 человек (или 36,6%) были выходцами из провинции Пхёнан-Намдо, в административный состав которой входил Пхеньян, в те годы являвшийся оплотом корейского христианства. Выходцами из Сеула и прилегающих к нему территорий, где христианство было не столь влиятельным, были всего лишь 25,8% от общего числа корейских студентов (41 человек).

В начале 1930-х гг. обучение и проживание в США стоило от \$600 до \$1500 в год (в зависимости от вуза и места его расположения). Пересчёт с помощью калькулятора инфляции (неизбежно неточный) говорит, что это примерно соответствует сумме в \$10 000–25 000 2021 года (как мы видим, американское образование существенно подорожало за это столетие). Согласно корейским публикациям 1930 года, самым дорогим учебным заведением был Принстон, а самым дешёвым — университет Эмори в Атланте. В Эмори иностранный студент должен был заплатить в год около \$60–100 за проживание, \$200–300 — за питание и \$240–250 — за обучение и учебную литературу.

В 1930 году курс доллара к колониальной воне был 1:2, что означает, что год обучения в США стоил от 1200 до 3000 вон. В те дни квалифицированный рабочий в Корее получал около 200–250 вон в год, а менеджер среднего звена — около 500–700 вон в год. Таким образом, сумма в 1200–3000 вон значительно превышала годовой доход подавляющего большинства корейцев, включая и представителей немногочисленного тогда среднего класса. Поэтому почти все корейские студенты могли учиться в США только за счёт стипендии (лишь незначительная часть находилась на самофинансировании). Однако стипендию обычно давали только на оплату обучения, так что на всё остальное им приходилось зарабатывать самостоятельно. Большинство корейских студентов на каникулах подрабатывали: мыли машины и дома, стригли газоны на полях для гольфа, работали официантами в китайских ресторанах, собирали урожай на виноградниках Калифорнии.

Как правило, студенты начинали учёбу в маленьких провинциальных городах, где совершенствовались английский и осваивались с американским бытом, а потом некоторые из них переезжали в крупные города (если, конечно, могли себе это позволить).

У американского высшего образования были две особенности, которые казались корейцам привлекательными. Во-первых, им нравились сами методы обучения, которые сильно отличались от тех, что применялись в Корее и Японии. Профессора обязывали студентов много читать, а потом активно обсуждать прочитанное, в то время как в японской школе и японском вузе нужно было просто зубрить то, что написано в учебниках. Вторая особенность — это совместное обучение. В колониальной Корее все школы старше начальной ступени было строго разделены по гендерному признаку, тогда как в США в 1920–1930 гг. совместное обучение

было нормой. Из-за этого корейские студенты поначалу испытывали большую неловкость, но в целом такая система им нравилась.

С другой стороны, были и проблемы. Одной из них был расизм, всегда существовавший в американском обществе, а в 1920-х и 1930-х гг. даже усилившийся. Изменения в миграционном законодательстве, произошедшие в 1924 году, существенно ограничили въезд в США выходцев из стран Азии, а новые визовые правила осложнили жизнь тех, кто всё-таки был принят в стране. Тем не менее неизбежные столкновения с расизмом не мешали большинству студентов возвращаться в Корею убеждёнными поклонниками США. Политическая обстановка в США способствовала развёртыванию антияпонской деятельности и позволяла сторонникам независимости вести там активную пропаганду, в том числе и среди студентов. Находившиеся тогда в эмиграции в США лидеры националистического движения, в том числе и будущий первый президент Республики Корея Ли Сын-ман, были активно связаны с корейскими студенческими группами и ассоциациями.

За период 1906–1936 гг. в американские вузы поступил 671 кореец — скажем прямо, цифра небольшая. Однако именно эта немногочисленная группа оказала огромное влияние на жизнь страны после 1945 года, когда свободное владение английским языком, понимание американского менталитета и вообще связи с США внезапно превратились в ценный политический капитал.

В США до 1945 года не уделяли особого внимания Корею и её проблемам — и именно поэтому американцы были несколько ошарашены, когда обнаружили, что под их контролем осенью 1945 года оказалась практически неизвестная и мало им понятная страна (похожие чувства, кстати, испытывали и советские офицеры, которые в то же самое

время несколько неожиданно для себя оказались правителями Северной Кореи). В этих условиях им были очень нужны люди, которые могли объясняться на том единственном языке, который знали офицеры, то есть на английском. Поэтому корейцы, владевшие английским и понимавшие, как американцы смотрят на мир, в первые годы после освобождения страны оказались вознесены к вершинам власти.

Вспомним, к примеру, первого после освобождения Кореи мэра Сеула Ю Пом-сана. Он окончил Киотский императорский университет и в колониальные времена занимал немалые должности в японской администрации, но, поскольку он в основном занимался экономическими вопросами, его не считали коллаборационистом. Однако Ю Пом-сан плохо владел английским, что создавало много проблем для американских офицеров, так что в итоге мэром корейской столицы стал Ким Хён-мин, который на момент своего назначения был в политических кругах неизвестен. Однако Ким Хён-мин когда-то учился в средней школе на Гавайях, а затем окончил Уэслианский университет в штате Огайо и свободно говорил по-английски. С точки зрения американского командования именно это обстоятельство и оказалось решающим фактором, который определил его карьеру.

Администрацию Пусана, второго по величине города страны, тоже возглавил христианский активист, свободно говорящий на английском (Ян Сон-бон). Пятеро из десяти корейцев, ставших после освобождения страны губернаторами провинций, были выпускниками американских университетов. Лишь двое из десяти губернаторов не могли свободно изъясняться на английском, в связи с чем буквально через год свои посты потеряли. Те, кто пришёл им на смену, по-английски говорили свободно.

Разумеется, всё это было только началом. После 1945 года влияние США на Южную Корею, оказавшуюся в сфере

влияния Вашингтона, резко выросло, а гигантский рынок в уровне доходов привёл к соответствующему увеличению численности как студентов, так и, главное, аспирантов и магистрантов. В 2019 году за границей обучались 36 000 южнокорейских магистрантов и аспирантов — и 20 000 из них учились в вузах США. Именно эти люди в ближайшие десятилетия составят не только академическую, но и деловую и политическую элиту Южной Кореи — ведь наличие магистерской степени из американского вуза желательно для карьеры в любой крупной компании. При поступлении на работу американская магистерская или докторская степень котируется рекрутёрами заметно выше европейской, японской или австралийской (степени из иных стран обычно не котируются вовсе).

Впрочем, в начале прошлого столетия корейцам приходилось осваивать не только иностранные языки. Как ни парадоксально, именно тогда корейский язык впервые в своей истории получив статус языка официального, став языком преподавания, языком администрации, языком культуры.

НОВЫЙ ЯЗЫК, НОВАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ

1894 г. — корейский язык становится
государственным

Если Вы, уважаемый читатель, окажетесь в Корее, Вы с большой вероятностью можете столкнуться с ситуацией, которая покажется Вам странной. Представьте, что вы находитесь в буддийском монастыре или, скажем, в королевском дворце и видите на стене какую-то надпись, сделанную задолго до начала XX века. Вы можете спросить гида о том, что же говорится в этой надписи, — и, скорее всего, услышите в ответ, что гид понять надпись не может, ибо она сделана не по-корейски, а по-древнекитайски.

Действительно, до самого конца XIX века в Корее, как это ни покажется парадоксальным, корейский язык не имел статуса государственного языка и почти не использовался в письменном общении. Хотя с середины XV века существовала корейская фонетическая письменность, ныне известная как хангыль, вплоть до 1894 года все без исключения официальные документы, циркулировавшие в корейском государственном аппарате, составлялись не по-корейски, а на языке, который, строго говоря, к корейскому имеет даже более отдалённое отношение, чем санскрит — к русскому. Этот

язык в Корее называли ханмуном (한문/漢文), то есть, если переводить буквально, «письменами страны Хань (Китай)».

Ханмун в своей основе — это язык, на котором говорили в Китае в середине и конце I тысячелетия до нашей эры. Тем, кто не слишком сведущ в лингвистике, надо иметь в виду: несмотря на очень большое количество китайских заимствований в современном корейском, корейский и китайский языки относятся к разным языковым семьям, то есть по своим базовым характеристикам отличаются друг от друга примерно в такой же степени, в какой русский отличается от финского или арабского. При этом не следует смешивать ханмун и *ханчжа* (한자/漢子, «знаки страны Хань», то есть иероглифы). Ханмун — это язык, а ханчжа — письменность, созданная для этого языка, но используемая и для записи некоторых других языков. Некоторым аналогом может служить ситуация с латинским языком и латинским алфавитом, которым пользуются сотни языков, не имеющих никакого отношения к латинскому.

Впрочем, ничего необычного в корейской ситуации не было: на всём огромном пространстве Дальнего Востока, от японского острова Хоккайдо и до вьетнамской дельты Меконга, на протяжении полутора-двух тысячелетий именно древнекитайский язык оставался или главным, или вообще единственным языком государственного управления, официальной документации и высокой культуры.

При этом надо помнить, что древнекитайский язык, известный в Корее как ханмун (в Японии его называли канбун, а в самом Китае — взньянь), с течением времени стал очень сильно отличаться от разговорного китайского языка — или, если быть более точным, от тех многочисленных диалектов, на которых говорили в Китае. Не только корейцам, но и китайцам, которые решили делать административную

или научную карьеру, требовалось специально учиться этому языку — примерно так, как французам или итальянцам приходится, если ситуация того требует, учить латынь, а русским и украинцам — церковнославянский.

Нет ничего необычного в том, что в науке, культуре и политике главенствующую роль играет мёртвый язык. По большому счёту, так было в большинстве средневековых обществ, в том числе и в средневековой Европе, где на протяжении тысячелетия с лишним главным языком высокой культуры и государственного управления служила латынь.

Впрочем, было и немаловажное отличие: в средневековой Европе на латыни как говорили, так и писали, а вот на вэньяне/ханмуне — только писали. В силу изменений в фонетической структуре, о которых мы здесь говорить не будем, вэньянь примерно с середины I тысячелетия н. э. в принципе не мог восприниматься на слух даже в Китае (напоминаю, что его название в переводе с китайского и означает «письменный язык»). Поэтому в старые времена образованный кореец, образованный вьетнамец и образованный японец устно объясниться друг с другом не могли, тогда как письменным ханмуном все они владели на уровне родного языка. Поэтому при встрече они доставали кисточку с тушечницей, разворачивали лист бумаги и начинали писать — в письменном виде тексты на ханмуне они понимали хорошо.

Читая тексты на древнекитайском, и корейцы, и вьетнамцы, и японцы, и носители многочисленных китайских диалектов произносили иероглифы по-своему. Впрочем, в каждом из языков произношение исторически восходило к древнекитайскому произношению времён Конфуция, то есть середины I тысячелетия до н. э., но со временем оно стало отличаться от него довольно сильно. Приведём лишь один пример: в древнекитайском языке существовало

слово, которое записывалось иероглифом 力 и имело значение «сила, мощь». Архаическое (середина I тыс. до н. э.) китайское произношение этого слова реконструируется как *sleg. От этого слова произошли современное северокайское *ли*, южнокитайское *ле*, корейское *рёк*, вьетнамское *лыок*. Все эти, казалось бы, не очень похожие слова являются результатом развития изначального произношения, а значение у них одинаковое — «сила». Фраза, написанная китайскими иероглифами на вэньяне/ханмуне, читалась по-разному во Вьетнаме и в Корее, но значение её от этого не менялось.

На протяжении почти двух тысячелетий образование в Китае и прилегающих к Китаю странах (в том числе, разумеется, и в Корее) сводилось в первую очередь к овладению древнекитайским языком. Изучали ханмун методом заучивания наизусть огромных объёмов классических текстов. Этот подход может показаться современному человеку нетворческим, однако опыт показывает: метод этот работает великолепно, но только при условии, что у учащихся есть высокая мотивация. С мотивацией, впрочем, проблем не было, поскольку умение свободно читать и писать на *ханмуне* в странах Восточной Азии было важнейшим условием для продвижения в любой общественной сфере и необходимым условием для того, чтобы войти в элиту.

Часто можно встретить утверждения о том, что корейский ханмун принципиально отличается от китайского вэньяня или же японского канбуна. Подобные утверждения греют душу корейских националистов, но вот к реальности имеют слабое отношение. Практически всюду в Восточной Азии, от Киото до Ханоя, от Гуанчжоу (Кантона) до Ханъяна (Сеула) все те, кто получал серьёзное образование, учились по одним и тем же учебникам и читали одни и те же книги. Различия между китайским вэньянем и корейским ханмуном являются микроскопическими. Конечно, есть несколько

десятков чисто корейских иероглифов, но встречаются они нечасто и предназначены для обозначения редких и специфических корейских понятий. Таких исключений крайне мало: например, иероглиф 畓, который обозначает заливное рисовое поле, а также названия корейских государственных учреждений и ритуалов. Так что, если следовать этой логике, то, пожалуй, можно говорить о *казахстанском русском языке*, который якобы принципиально отличается от *российского русского* только по той причине, что в написанных в Казахстане текстах на русском можно иногда встретить такие слова, как *акимат*, *елбасы* и *манты*.

Как уже говорилось, корейский язык по своему происхождению не имеет никакого отношения к китайскому языку — они принадлежат к разным языковым семьям и, следовательно, не являются даже отдалёнными родственниками. Однако Корея с момента её формирования как государства находилась в сфере сильного влияния Китая, и в корейском языке неизбежным было появление огромного количества китайских заимствований. Заимствования есть, конечно, в любом языке — в первую очередь это относится к научной и технической терминологии. Тем не менее объёмы заимствований из китайского в корейском, как и в других языках Восточной Азии, по мировым меркам являются, пожалуй, уникальными. Если корейский текст посвящён проблемам, скажем, политики или экономики, то доля китайских слов или слов, составленных из китайских корней (это не совсем одно и то же, но на этом мы останавливаться не будем), в таком тексте будет обычно достигать 70–80%.

На протяжении многих веков корейцы, если им приходилось говорить не о вопросах повседневной жизни, а обсуждать проблемы политики, экономики, науки, равно как и государственные дела, говорили на некой смеси из своего

родного языка и языка китайского. Точнее, примерно три четверти слов в таком случае имели китайские корни, но эти китайские корни обычно обрастали корейскими суффиксами и окончаниями, склонялись и спрягались по правилам корейской грамматики (в корейском, в отличие от древнекитайского, существительные склоняются по падежам, а глаголы спрягаются).

Понятно, что изучение древнекитайского языка всегда являлось сложным делом. Вопреки распространённым представлениям, дело тут далеко не только в необходимости освоить несколько тысяч иероглифов. Разумеется, чем больше иероглифов человек знает, тем лучше, но для жизни и работы хватает и 4000–5000 знаков. Даже интеллигенты старой школы, державшие в голове фантастические объёмы текстов, редко знали больше 10 000 иероглифов. Кстати сказать, точное количество иероглифов не известно никому. Самый большой классический словарь «Цзиюнь» (XI век) включает в себя 53 000 знаков, а в самом большом современном словаре — почти 55 000 знаков. Однако значения большинства этих знаков весьма далеки от потребностей обыденной жизни — вроде названия какой-нибудь части арбалета, использовавшегося в княжестве Ци в IV веке до н. э., или наименования племени, кочевавшего по Великой Степи пару тысяч лет назад. Примерно 90% среднестатистического текста состоит из тысячи самых распространённых иероглифов.

Однако главной проблемой для корейцев были не иероглифы, а необходимость усвоить сильно отличающийся от родного иностранный язык. С этой проблемой, кстати сказать, в своё время сталкивались учащиеся во многих странах мира, в том числе и в средневековой Европе: тот, кто хотел там получить образование и выйти в люди, должен был в совершенстве овладеть латинским, то есть языком,

---

который мог существенно отличаться от его родного языка (английского, немецкого или венгерского).

Как происходило и в других странах мира, в Корее с течением времени стал постепенно возникать интерес к собственному языку, то есть к языку простонародья, которым ранее элита не слишком интересовалась. Произошло это очень поздно. При том что корейцы ещё в середине I тысячелетия н. э. разработали способ записи корейских текстов китайской иероглификой, он использовался в очень редких случаях, в частности для записи поэтических и некоторых административных текстов. Причина тут была очевидна — способы эти, известные как *лиду* (이두/吏讀) или *хянъчхаль* (향찰/鄕札), были крайне сложны и вдобавок доступны только тем, кто уже неплохо владел ханмуном.

В середине XV века Корея обзавелась полноценным фонетическим алфавитным шрифтом, который нам сейчас известен под названием хангыль (название это, кстати сказать, возникло лишь в начале XX века). Однако создание хангыля вовсе не привело к стремительному распространению текстов на корейском языке. По большому счёту, в первые два столетия своей истории корейский фонетический шрифт оставался экзотикой, которую знали немногие и которой мало кто пользовался. Лишь в XVI веке преимущества письменности на основе алфавита открыли для себя женщины из дворянских семей, которых обычно всерьёз не учили древнекитайскому, но которым тем не менее хотелось и писать письма, и читать художественные произведения. С XVI века известны первые письма, написанные корейками (в основном из дворянских семей) на хангыле, а с начала XVII века начинает быстро развиваться и художественная литература на корейском языке, записанная корейским алфавитом: адресована она была женщинам и низшим слоям общества. Стали учить хангыль и дворяне,

---

но чаще всего как средство общения с жёнами и низшими сословиями.

Любые тексты, написанные по-корейски, вплоть до 1894–1896 гг. воспринимались корейской элитой как тексты второго сорта, а литература на корейском — как дешёвое чтение для низов. Хангыль часто назывался бабьим письмом (암글). Подразумевалось, что джентльмен, который хочет приобщиться к высокой учёности и сделать серьёзную карьеру, вовсе не должен разбираться в этих примитивных письменах, которые годились только для женщин и мужичья.

Ситуация изменилась в 1894–1896 гг., когда пришедшее к власти реформаторское правительство провело языковую реформу и приняло решение о переводе государственного документооборота с ханмуна на корейский язык.

Это решение стало началом тех перемен, которые с удивительной скоростью разворачивались тогда в корейском обществе. Немалую роль сыграло, наверное, общее изменение отношения к Китаю, произошедшее как раз на рубеже XIX и XX веков. На протяжении пары тысячелетий Китай воспринимался как культурный образец для подражания и Цивилизация с большой буквы (см. главу 3). Однако для молодых корейцев первых десятилетий XX века Китай, терпевший поражение за поражением от западных держав и реформированный по образцу Японии, не мог служить образцом. Наоборот, он превратился в символ отсталости и ретроградства, в воплощение тех черт, от которых хотелось избавиться.

В результате за очень короткий период ханмун оказался полностью вытеснен из сфер корейского образования и книгоиздания. Если в 1880-е гг. практически все корейские книги и (единственная на тот момент) газета «Хансон сунбо» выходили на древнекитайском, но уже к 1910-м гг. книгоиздание на ханмуне практически прекратилось.

Хотя в Корее, равно как и в большинстве других стран региона, древнекитайский язык по-прежнему присутствует в программах средних школ, новые поколения осваивают этот предмет без особого энтузиазма и, главное, в куда меньшем объёме, чем их предки (конечно, речь идёт не обо всех предках, а о членах образованной элиты). Обычно на изучение ханмуна отводится только 2–3 урока в неделю, да и то лишь в старших классах. Уже два или три последних поколения даже неплохо образованных корейцев не в состоянии свободно читать те тексты, на которых основывалась вся высокая культура их страны на протяжении полутора-двух тысячелетий. Строго говоря, подавляющее большинство корейцев эти тексты просто не понимает.

Подобный переход тоже не является чем-то необычным: нечто похожее происходило и в Европе на заре Нового времени, то есть в XVI–XVII веках. Однако, если в Западной Европе переход с латыни на национальные языки занял три столетия, в Восточной Азии на это потребовалось 50–60 лет. В современной Корее часто можно столкнуться с такой ситуацией: в семье хранятся письма или документы, написанные прадедом, но никто из потомков не в состоянии их понять. За исторически ничтожный срок огромный культурный массив стал для следующих поколений недоступен. То, что для прадедов было основным чтением, молодёжь может читать только в переводах.

Тем не менее переход на корейский и отказ от ханмуна не означал полного отхода от иероглифики. Надо помнить, что ханчжа, то есть иероглифика, в Корее могла (и может) использоваться в двух целях. С одной стороны, иероглифами можно записывать тексты на древнекитайском языке, ханмуне, который, как уже говорилось, является языком, мало похожим на собственно корейский. С другой стороны, иероглифами можно записывать слова (точнее, корни слов)

Македонскому, ни Юлию Цезарю. Однако в корейском, равно как японском и китайском, таких слов несравнимо больше, чем в русском.

Я позволю себе вольность и покажу, как выглядел бы текст на русском языке, если бы доля и характер заимствований в нём были примерно такими же, как в современном корейском. В качестве условного источника заимствований я возьму современный английский язык — просто в силу того, что с ними знакомы многие из читателей. Итак, представим, как выглядели бы несколько фраз в статье из современной газеты, если бы русский язык развивался по тому же пути, что и корейский (в качестве основы для своего примера я использую несколько фраз из «Российской газеты»).

«Ситизенам Москвы сениорного эйджа следует рефрэйнитья от фестивных активитей. Об этом стэйтил мэйор Москвы Сергей Собянин. По его словам, всем следует с каушеном ходить в трейдовые центры и по шопам в период препарэйшнов к фестива. «Реквестите своих френдов, релативов, знакомых, которые не инклюдованы в группу риска, чтобы вам помогли препариться к Нью Е», — стэйтил мэйор.

На протяжении 50–60 лет (с самого конца XIX века и до 1960-х гг.) слова китайского происхождения в корейском тексте записывались, как правило, не корейским алфавитом, а иероглифами ханчжа. Корейский текст поэтому представлял собой обычно смесь языковых единиц трёх типов: иероглифические знаки китайского происхождения (ими записывали китайские корни), фонетические корейские знаки (ими записывали грамматические показатели — падежные окончания, суффиксы и т. д., «приклеившиеся» к китайским корням), а также слова корейского

происхождения, которые, как уже говорилось, в газетных текстах были не очень многочисленны и которые записывались фонетическим алфавитом.

Постараюсь объяснить это с помощью приведённого выше англицизированного текста на русском языке. Понятно, что этот текст можно записывать кириллицей, а можно — и сочетая оригинальное латинское написание корней заимствованных слов с буквами кириллицы, которые записывают суффиксы, окончания и немногочисленные собственно русские слова в тексте. В таком случае текст выглядел бы так.

«Citizen-ам Москвы senior-ного age-а следует refrain-ться от festive-ных activity-й. О этом state-ил mayor Москвы Сергей Собянин. По его словам, всем следует с caution-ом ходить в trade-овые center-ы и по shop-ам в period preparation-ов к fest-ам. «Request-ите своих friend-ов, retalitve-ов, знакомых, которые не include-ованы в group-ы risk-а, чтобы вам помогли prepare-иться к New Year», — state-ил mayor.

Обратите внимание, что этот причудливый текст является, безусловно, *текстом на русском языке*, просто сверх всякой меры перенасыщенным иностранными заимствованиями, частично записанными латинской графикой. Однако и грамматика, и синтаксис, и фонетика его — русская, а никак не английская. Первое предложение этого текста звучит как «Citizen-ам Москвы senior-ного age-а следует refrain-ться от festive-ных activity-й», не как «Moscow citizens of senior age should refrain from festive activities». В первом случае речь идёт о тексте на русском, пусть и специфическом, а во втором — уже о тексте на английском. Примерно такая же разница существует между текстом, написанном на корейском,

---

но с применением китайских иероглифов, и текстом на хан-муне, в котором иероглифы (иногда, но не всегда те же самые) ведут себя по правилам древнекитайской грамматики.

Отвлекаясь от наших гипотетических примеров, приведу и вариант реальный — корейскую фразу в двух возможных вариантах её записи. В первом варианте фраза записана алфавитным письмом, а во втором китайские заимствования записаны китайскими иероглифами. Фраза взята из газеты «Тона ильбо» и тоже посвящена проблемам карантина (перевод: «Правительство решило ещё на шесть дней продлить меры социального дистанцирования на уровне 2,5 для столичной зоны и на уровне 2 для нестоличной зоны»). Для удобства читателей иероглифы подчёркнуты. Как видите, доля китайских заимствований в данной фразе превышает 90%, что выше обычного уровня в 70–80%.

정부가 수도권 2.5단계 및 비수도권 2단계 사회적 거리두기 조치를 6일 더 연장하기로 했다.

政府가 首都圈 2.5段階 및 非首都圈 2段階 社會的 距離두기 措置를 6日 더 延長하기로 했다.

Нужно сказать, что второй, то есть иероглифизированный, вариант записи, который выглядел бы совершенно нормально лет шестьдесят назад, сейчас кажется необычным — так больше не пишут (по крайней мере, в газетах). На протяжении всего XX столетия роль иероглифики-ханчжа в Корее постепенно снижалась. Связано это было с рядом обстоятельств. Во-первых, свою роль играл корейский национализм: слишком уж явным было иностранное происхождение иероглифики, которое раздражало законодателей корейской литературной и редакторской моды. Во-вторых, иероглифика, скажем прямо, является не самой простой

в изучении системой письма, хотя сложность её существенно преувеличена в воображении тех, кто с ней не имел дела.

Надо отметить, что есть у иероглифической письменности и преимущества. Как автор этих строк хорошо знает из собственного опыта, при определённом уровне владения иероглификой текст, написанный китайскими иероглифическими символами, читается существенно быстрее, чем текст, написанный привычным нам фонетическим письмом.

Начиная с 1945 года происходил постепенный процесс вытеснения иероглифики из текстов на корейском языке. Процесс это шёл неравномерно. В первую очередь он затронул периодическую печать (газеты и журналы), а также художественную прозу, в которой, впрочем, и с самого начала иероглифика была относительной редкостью. В научных текстах, равно как и в текстах по истории и гуманитарным дисциплинам, иероглифика сохранялась существенно дольше. В целом можно сказать, что где-то к 1990 году иероглифика практически полностью исчезла со страниц газет (чуть дольше она сохранялась в заголовках), а вот в научных текстах она изредка встречалась вплоть до 2000 года. В некоторых специальных текстах иероглифика встречается и поныне — например, она в немалых количествах присутствует в юридических текстах и законодательных актах (это, кстати, означает, что многие корейцы имеют немалые проблемы, когда пытаются читать законы собственной страны).

Сейчас теоретически предполагается, что выпускник средней школы в Корее должен знать 1800 иероглифов и уметь разбирать простейшие тексты на ханмуне. Правда, в 1970-е гг. на протяжении нескольких лет в корейских школах иероглифику не преподавали, но потом к изучению иероглифов всё-таки пришлось вернуться. Тем не менее на практике уже с 1980-х гг. в корейских школах иероглифика стала считаться второстепенным предметом. В наши

дни, когда иероглифика используется только в некоторых специальных изданиях, изучение 1800 иероглифов стало носить скорее теоретический характер: в большинстве случаев эти знания доживают только до экзамена, а потом выветриваются из мозгов по причине явной практической необходимости. Корея — как Южная, так и Северная — наряду с Вьетнамом является одной из двух стран Восточной Азии, где иероглифическая традиция, история которой началась более 3000 лет назад, сейчас умирает. Возрождение её кажется маловероятным, а то и вовсе невозможным.

Вообще модернизация во многих случаях привела к тому, что многовековые традиции были отторгнуты, а потом — и вовсе забыты. Случилось это, например, в такой области, как культура одежды и костюма, — и об этом мы поговорим в следующей главе.

1900 г. — корейским чиновникам приказано носить форму западного образца

Зачем людям нужна одежда? С одной стороны, мы, представители вида *Homo sapiens*, являемся, вообще говоря, тропическими приматами, биологически совершенно не приспособленными к тому, чтобы жить в местах, где иногда выпадает снег. Поэтому мы, почти потеряв в своё время волосяной покров, обзавелись искусственными шкурами — и именно они позволили нам в итоге расселиться по всей планете.

Однако роль одежды не ограничивается её практическим применением: с незапамятных времён одежда служила и своеобразной декларацией о доходах, и знаком социального положения, а во многих случаях — и «видимым» сообщением о политических взглядах человека, в неё облачённого.

Чтобы понять, какая связь может существовать между покроем одежды и политическими взглядами, можно, например, вспомнить о петровской России. Подданных царя-реформатора тогда переодевали в европейские наряды (не забыв перед этим ещё и побрить им бороды) в насильственном порядке. Однако достаточно часто люди петровской России надевали ботфорты и треуголки вполне добровольно: своим выбором они показывали, на чьей стороне

они находятся и какой хотят видеть «прекрасную Россию будущего».

Точно так же обстояли дела и, например, в Японии времён реставрации Мэйдзи, то есть в период после 1868 года. Японские реформаторы и модернизаторы-западники тоже одевались в западные костюмы и, как и их российские предшественники времён Великого Петра, в итоге сделали новый стиль одежды для своих подданных обязательным.

Если говорить о Корее, то весь период от момента, когда страна стала открытой, и до конца колониального правления, то есть в период 1874–1945 гг., был временем вестернизации корейской одежды. На протяжении этих десятилетий традиционное одевание постепенно исчезало, и на смену ему медленно, но верно приходил или полноценный европейский костюм, или — чаще — одежда, содержащая какие-то его элементы. Переход к европейскому стилю

Рынок в городе Нонсан, провинция Южная Чхунчхон, около 1900 года. И продавцы, и покупатели всё ещё одеты в традиционную одежду

Вид на ворота Тондэмун, около 1910 года.

Видны трамваи, которые в это время проходили непосредственно через ворота. На переднем трамвае на бампере — как в России тогда выражались, «на колбасе» — примостился безбилетник.

Почти все люди в кадре (за исключением нескольких школьников, на которых форма западного образца) ещё одеты по-традиционному

в Корее продолжался и после восстановления независимости страны. Он завершился только где-то к 1970 году.

Нам хорошо известно, кем были первые корейцы, обличившиеся в западные костюмы. В 1881 году Японию посетила делегация молодых корейских чиновников. В задачу делегации входило изучение опыта реформ, которые тогда полным ходом шли в Японии. Надо сказать, что большинство в этой делегации составляли люди, которых уже не надо было агитировать за реформы и которым не было нужды объяснять, что для выживания в новом мире Корее необходимо активно внедрять западную науку и осваивать западные технологии. Это были радикальные реформаторы, что сказалось на их поведении: некоторые из них заказали себе европейские костюмы вскоре после прибытия в Иокогаму.

К тому времени в японских городах уже вовсю трудились портные, производившие костюмы европейского покроя, так что выполнить заказ смогли очень быстро. В результате некоторые из участников делегации вернулись домой в европейской одежде. Они утверждали, что переодеться решили исключительно из прагматических соображений — якобы западный костюм был удобнее, чем традиционное корейское одеяние, известное нам сейчас под названием *ханбок*. Однако в правдивости этих утверждений, пожалуй, можно усомниться. Представляется куда более вероятным, что молодые реформаторы-западники решили одеться так потому, что костюмы были европейскими, и, значит, в сознании молодых людей одежда была прочно связана с западной культурой, западной цивилизацией и западными технологиями.

После этого началось постепенное переодевание корейцев в западные костюмы. Большую роль тут сыграло принятое в 1896 году решение ввести в вооружённых силах военную форму западного образца. В 1900 году корейские чиновники также получили единую форму — вицмундиры, разработанные по западной моде. Наконец, на форму западного образца стали постепенно переходить начальные и средние школы — как миссионерские, так и те, которые содержались колониальной администрацией. В итоге к началу 1920-х гг. на улицах Кёнсона (так в 1912–1946 гг. официально назывался Сеул — см. главу 26) и других корейских городов стали всё чаще появляться люди, одетые по-западному. Надо сказать, что в основном так одевались японцы, но иногда корейцы тоже появлялись в костюмах западного образца. Как правило, так одевались молодые мужчины, получившие современное образование и занимавшиеся конторской работой, — чиновники колониальных учреждений, бухгалтеры, крупные и мелкие предприниматели, инженеры и учителя.

Если говорить о женщинах, то ответить на вопрос, кто была первая кореянка, одевшаяся на западный лад, существенно сложнее. Чаще всего говорят, что первой корейской женщиной, облачившейся в западное платье, была Юн Ко-ра — первая жена известного политического деятеля и бизнесмена Юн Чи-хо. Есть и другое предположение: впервые в западном платье со шляпкой на людях появилась госпожа Ом — вторая жена правившего тогда корейского короля Кочжона.

Как бы то ни было, в начале 1920-х гг. на улицах стали появляться женщины, одетые на западный лад. Впрочем, в Кёнсоне (Сеуле) таких модниц было существенно меньше, чем мужчин, одетых по-западному: как и в большинстве стран мира, женская мода в колониальной Корее была более консервативной, так что кореянки куда дольше сохраняли приверженность традиционному корейскому одеянию. За пределами Сеула, Пусана и нескольких крупных городов традиционная одежда преобладала до 1950-х гг.

Впрочем, и традиционный костюм не остался в стороне от влияний новых времён. Главным новаторством, о причинах которого в современной Корее предпочитают не вспоминать, стало существенное удлинение кофт ханбока. Дело в том, что ханбок в том виде, в каком его носили с середины XVIII и до начала XX века, обладал одной интересной особенностью: юбка, как и в современном ханбоке, тогда подвязывалась под грудью, но вот кофта *чогори* была очень короткой, так что у большинства женщин она только частично прикрывала грудь. Учитывая, что бюстгалтеров в Корее не существовало (они стали появляться только в 1920-е гг.), это означало, что значительная часть женского населения ходила — по крайней мере, летом — с обнажёнными бюстами.

Это обстоятельство вызывало самую разнообразную, но достаточно оживлённую реакцию у иностранных

путешественников, появившихся в то время в Корее, — в том числе и у россиян. Социолог С. Н. Южаков, например, тогда с некоторым удивлением писал по этому поводу: «Одна особенность костюма встреченных мною корейцев поразила меня своею странностью... Корейка оставляет узкий горизонтальный разрез в своём корсаже на высоте сосков, обнажая из всего тела, кроме лица, только среднюю часть груди»*.

Разумеется, подобный костюм не мог не вызывать живейший интерес, и женщин в традиционном наряде не только описывали, но и фотографировали — благо фотоаппараты к тому времени были уже довольно распространены. Любопытно, что современные южные корейцы, увидев подобные старые снимки, искренне удивляются и порой даже обвиняют японцев и прочих иностранцев, в таком стиле: «Это клевета и японская провокация, наши женщины так не одевались, это постановочные фотографии, специально сняли, развратниц каких-то нашли» (вариант, с которым я столкнулся в одном блоге: «японцы заставляли наших женщин так одеваться, чтобы их унижить»). Такая реакция забавна, в том числе и потому, что японцы, напротив, сами тогда считали такую моду нецивилизованной и активно с ней боролись.

Действительно, в начале XX века привычка ходить с обнажённой грудью (появившаяся, вообще-то, около 1700 года) стала вызывать в Корее всё большее недовольство. Против неё ополчились и сотрудники японской колониальной администрации, и корейские просветители, и западные миссионеры, работавшие в Корее. Все они считали, что постоянное присутствие на корейских улицах полуобнажённой женской натуры является и неприличным, и нецивилизованным.

---

* Южаков С. Н. Добровольец Петербург: Дважды вокруг Азии. СПб.: Типо-литография Вольфа, 1894. С. 44.

На этой фотографии, сделанной в корейской деревне в 1956 году, хорошо видно, что корейцы старшего поколения тогда одевались в традиционный ханбок

В результате совместных усилий к 1910-м гг. все корейки стали носить более привычный нам ханбок с длинной кофтой, которая полностью закрывала грудь.

Забавно, что значительная часть корейков, которые не видели никаких проблем в том, чтобы летом ходить с открытым бюстом, были, в свою очередь, весьма шокированы западными женскими нарядами, бывшими в моде в Европе и Америке в начале XX века — короткими платьями, оставлявшими обнажёнными ноги ниже колен. По меркам Кореи это казалось и непривычным, и, главное, неприличным.

Впрочем, изменения отнюдь не сводились к тому, что с сеульских улиц исчезли обнажённые бюсты. В 1910-е гг. корейцы и корейки в массовом порядке (и очень быстро) переобулись. До этого традиционной обувью корейцев было некое подобие соломенных лаптей, *чипсин*, хотя богатые люди могли себе позволить и кожаную обувь. Соломенные лапти плохо защищали ноги от воды и снега, кроме того, они быстро изнашивались. Считалось нормой брать с собой несколько пар таких лаптей, если человек отправлялся в дальнюю дорогу.

В 1910-е гг. в Корею стали ввозить японскую резиновую обувь, которая получила название *комусин* («резиновые туфли»). Вначале туфли делались по японскому образцу, но к концу 1910-х гг. дизайн был несколько изменён и стал больше соответствовать корейским представлениям о моде. После этого комусины стали стремительно распространяться по стране и буквально за несколько лет вытеснили как старые добрые соломенные лапти чипсин, так и иные виды традиционной обуви. Комусины оставались основной обувью корейцев и корейков вплоть до 1960-х гг.

Немало изменился и мужской ханбок. Примерно с 1920 года корейские мужчины, одеваясь в традиционную одежду, стали дополнять её двумя новыми элементами

Так одевались корейки с начала XVIII и до начала XX века —
и ничего неприличного в этом не видели

гардероба: шляпой с полями европейского образца и жилетом. Жилет был весьма полезен по той простой причине, что в нём было много карманов, в то время как в традиционной корейской одежде карманы отсутствовали, что в новой ситуации стало очень неудобным.

Фотографии сеульских улиц, сделанные в первые годы после восстановления независимости, то есть в 1945–1950 гг., хорошо показывают, что в те времена не менее половины мужчин и большинство женщин по-прежнему одевались в традиционную одежду, пусть и несколько модернизированную и изменившуюся под влиянием западного костюма и новых технологий. Однако сразу после Корейской войны 1950–1953 гг. картина стала быстро меняться, и буквально за десятилетие традиционная одежда почти исчезла с улиц корейских городов. В деревне ханбок продержался чуть дольше, хотя и там к 1970 г. его в качестве повседневной одежды носили только пожилые люди. В последние полвека корейцы обычно одеваются по западной моде, а традиционную одежду носят только по праздникам — да и то в основном женщины.

Впрочем, около 2015 года в Сеуле и некоторых других городах Кореи появился новый курьёзный обычай: в центральной части города, рядом с районом старых дворянских усадеб и королевских дворцов, появились многочисленные ателье, в которых можно взять напрокат традиционный костюм. Сейчас у молодых корейцев — в основном студентов и старшеклассников — принято приходить туда и потом пару часов гулять по старому кварталу, облачившись во взятый напрокат ханбок и делая красивые селфи. Разумеется, этот ханбок не слишком аутентичен и представляет собой, скорее, вольную вариацию на тему парадной дворцовой одежды, дорогой и нарядной, которую в былые времена в реальной жизни могли себе позволить очень немногие.

Это и не удивительно: именно такую одежду молодые корейцы в основном и видят в драмах на исторические темы, костюмеры которых, как считают историки костюма, в последние годы всё дальше отходят от исторической реальности. Замечу, кстати, что даже если бы костюмерам и захотелось бы воспроизвести реальные дворцовые костюмы, то им бы этого сделать не удалось по цензурным соображениям — покажи их создатели те ханбоки с открытой грудью, которые реально носили корейские придворные дамы с конца XVII и до середины XIX века, фильмам и сериалам пришлось бы давать категорию «18+».

Тем не менее эти модные ныне «прогулки в ханбоках» остаются забавной постмодернистской игрой. В современной жизни ханбоку осталось место только на свадьбах и прочих торжественных мероприятиях.

Модернизация означала, однако, не столько принятие западной бытовой культуры, сколько принятие западной технологии, и первым важным западным изобретением, с которым в своей повседневной жизни столкнулось большинство корейцев, стала железная дорога. О ней и пойдёт рассказ в следующей главе.

ДНИ ПАРОВОЗНЫХ ГУДКОВ

1899 г. — открыто движение по первой в Корее железной дороге Сеул — Инчхон

Как и в большинстве стран мира, новая, современная жизнь в Корее началась прежде всего с появлением железной дороги. Именно гудок паровоза — звук теперь уже основательно подзабытый — стал для большинства наших прадедов и прапрадедов началом новой жизни: жизни городской, индустриальной, заводской и конторской.

Первые железные дороги, как известно, были построены в Англии в начале XIX века, а в Корее железная дорога появилась в самом конце того же столетия — в 1899 году. Первая корейская железная дорога соединила Сеул и ближайший к нему порт, который сейчас называется Инчхоном, а в то время был известен как Чемульпо (это название знают и в России — благодаря подвигу крейсера «Варяг»).

Разговоры о железных дорогах начались в Корее в 1880-е гг., вскоре после того, как первые корейские делегации побывали за рубежом и увидели это чудо техники своими глазами. Однако разговоры так и оставались разговорами: на железнодорожное строительство у Кореи не было денег. Для начала пришлось ограничиться американской игрушечной железной дорогой, точнее, моделью железной дороги, которую корейский консул в США привёз королю в 1889 году. Король Кочжон, большой любитель иностранных

технических чудес, занимался ею (или, лучше сказать, забавлялся с ней) очень увлечённо.

Строить железные дороги в Корее первыми собирались американские предприниматели. Одному из них, Джеймсу Морсу, или, как его тогда обычно называли в российских документах, Морзе (Morse), даже удалось получить у корейского правительства лицензию на постройку линии Сеул — Инчхон и начать подготовительные работы. Однако американцы сразу же столкнулись с противодействием японцев, которым вовсе не улыбалась перспектива существования на Корейском полуострове железных дорог, находящихся под контролем других развитых стран: в то время, как мы увидим позже, железная дорога была объектом сугубо стратегическим. Кроме того, Джеймсу Морсу просто не удалось собрать необходимый капитал. Так что в итоге он и его партнёры отказались от плана строительства железной дороги, продав свои права на реализацию проекта японской компании — формально частной, но работавшей под государственным контролем. В итоге железнодорожную линию между Сеулом и Инчхоном построили японцы, хотя весь подвижной состав для неё был импортирован из США. Решающую роль в этом проекте сыграл Сибусава Эйити, известный как «отец японского капитализма» и считавшийся едва ли не самым выдающимся японским организатором современной индустрии.

Итак, 18 сентября 1899 года из Чемульпо (Инчхона) отправился первый поезд в столицу. Длина первой в стране линии составляла 33,8 км, причём сначала она не доходила до Ханъяна (Сеула), заканчиваясь на левом берегу Хангана, на станции Норянчжин. Станция эта существует и в наши дни, но сейчас больше известна как станция метрополитена. Прибывавшие туда пассажиры переправлялись через реку на пароме — так продолжалось до июля 1900 года, когда был

открыт новый железнодорожный мост через реку Ханган. Поезда состояли из трёх пассажирских вагонов и небольшого паровоза. Любопытно, что закупленные в те времена американские локомотивы оказались очень добротными и живучими даже по меркам паровозов, машин почти неубиваемых: они проработали на корейских линиях вплоть до начала 1960-х гг.

Дорога потрясла современников стремительностью: поезда шли по ней с немыслимой скоростью в 20 км/ч (в среднем). Из Чемульпо до Сеула на поезде можно было доехать за полтора часа, в то время как на водном транспорте (тогда по Хангану ходили маленькие рейсовые пароходы) эта дорога занимала 7–8 часов, а пешком — целый день.

Проехавший по этой линии молодой корейский журналист восторженно написал о своих впечатлениях: «Мы неслись с такой скоростью, что даже птицы не успевали за нами». Учитывая, что поезд ни на одном участке не развивал скорость свыше 33 км/ч, это заявление может вызвать улыбку. Однако нужно иметь в виду, что полный энтузиазма журналист до этого, скорее всего, никогда в жизни не сталкивался с механическим транспортом, а скорость привычной всем повозки, запряжённой волами, едва ли могла превышать 3–4 км/ч.

Впрочем, удовольствие было не из дешёвых. Как было тогда принято во всём мире, вагоны на линии Сеул — Инчхон делились на три класса в зависимости от уровня комфорта. Проезд по всему маршруту в первом классе стоил одну вону 50 чон, что было эквивалентно цене за 30 кг риса. Билет во второй класс стоил 80 чон, а поездка в вагоне третьего класса с простыми деревянными скамейками без спинок стоила 40 чон, что тоже было немалой суммой — на такие деньги небогатая семья могла прожить пару дней. Вскоре цены пришлось снизить на 30%, но они всё равно оставались ощутимыми для кошельков большинства населения.

Вся железнодорожная сеть Корейского полуострова, с момента введения в эксплуатацию линии в сентябре 1899 года и вплоть до восстановления независимости страны в 1945 году, строилась японскими предпринимателями, хотя у некоторых компаний, занимавшихся железными дорогами в те времена, были и корейские акционеры (миноритарные, конечно, то есть почти не оказывавшие влияния на принятие решений).

Вслед за линией Сеул — Инчхон, которая была, по сути своей, экспериментальной, началось строительство двух основательных магистральных линий. Одна из них, введенная в эксплуатацию в январе 1905 года, связала корейскую столицу с Пусаном, который благодаря близости к Японии быстро рос, превращаясь во второй по значению город страны. В колониальные времена Пусан имел особое значение ещё и потому, что служил обращёнными к Японии воротами в страну. Строил её всё тот же Сибусава Эйити — как всегда, работавший в тесном взаимодействии с японским правительством. Другая линия, заработавшая в 1906 году, связала Ханъян с Синьиджу, городом на границе с Китаем.

Строительство этих двух линий — фактически единой транскорейской магистрали — велось в крайней спешке, так как от них зависело снабжение японской армии во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. Показательно, что линия Ханъян — Синьиджу в 1905–1906 гг. вообще строилась непосредственно военными строителями и первое время подчинялась военным. В результате после окончания военных действий дорогу пришлось основательно перестраивать, и её нынешняя трасса немного отличается от первоначальной: чтобы сэкономить время, дорогу сначала прокладывали так, чтобы свести к минимуму объём земляных работ и меньше заниматься строительством мостов и туннелей.

С постройкой магистральных линий Ханъян — Пусан и Ханъян — Синыйджу сформировалась транскорейская железная дорога, вокруг которой, собственно, и развивалась страна — и до её раздела в 1945 году, и после этого раздела.

Линия Сеул — Пусан остаётся главной магистралью страны и поныне. Вот уже более столетия она является осью, вдоль которой растут корейские города и развивается вся корейская экономика. Города, которым повезло оказаться на этой оси, — Сувон, Тэджон, Тэгугу, Пусан — со временем превратились в города-миллионники, в то время как многие из прежних больших городских центров, оказавшись в стороне от магистральной линии, пришли в упадок. Поскольку именно вдоль линии Сеул — Пусан естественным образом сосредотачивалось городское население, а также современная промышленность и всё с ней связанное, впоследствии по примерно тому же маршруту были построены и первая корейская скоростная автомобильная дорога (это произошло в 1969–1971 гг.), а потом и линия скоростных поездов КТХ, которая вступила в строй в начале XXI века.

С самого начала на железных дорогах Кореи использовалась так называемая стандартная колея (у нас её часто называют европейской), то есть возникшая в Англии на заре железнодорожной эры колея шириной 1435 мм (в России уже почти два века применяется колея шириной в 1520 мм). Выбор колеи в 1435 мм кажется естественным, потому что тогда так строили железные дороги почти во всём мире. Однако всё не так просто: железные дороги в Корее строили японцы, а в те времена в самой Японии стандартом была узкая капская колея в 1067 мм. Она и по сей день остаётся преобладающей на обычных железных дорогах Японии: только скоростные линии и там перешли на европейскую колею.

1904 год: открытие моста на линии Пусан — Сеул,
которая и поныне остаётся главной корейской
железнодорожной магистралью

Общий принцип тут прост: чем шире колея, тем дороже обходится строительство, но тем больше и транспортные возможности дороги. Когда японцы начинали строить железные дороги у себя на островах, они ещё сталкивались с острой нехваткой средств и поэтому выбрали в качестве стандарта капскую колею — своеобразный гибрид узкоколейки и нормальной дороги. Однако к тому времени, когда японские фирмы занялись строительством железных дорог в Корее, кое-какие деньги у них появились. После споров было решено, что Япония может позволить себе некоторую роскошь и начнёт строить в Корее железные дороги, ширина колеи которых соответствует мировому стандарту.

Впрочем, несколько узкоколеек в Корее японцы всё-таки построили, и отдельные узкоколейные линии продолжали функционировать вплоть до 1990-х гг. Как и везде в мире, узкую колею использовали там, где поток грузов и пассажиров

был небольшим, а строить по тем или иным причинам надо было быстро и дёшево. Например, в 1937 году была открыта линия между Сувоном и Инчхоном с колеёй 762 мм — она просуществовала в таком виде до середины 1990-х гг. и оставалась последней работающей корейской узкоколейкой.

Железные дороги в конце XIX и первой половине XX века имели во всём мире огромное стратегическое значение, и Корея не была исключением. Именно железные дороги сделали возможной ту войну, которая была нормой в прошлом столетии, — войну массовых армий. Снабжение таких армий было бы невозможно без железных дорог.

С конца XIX века Япония готовилась к продвижению на континент, в Китай, и Корея служила своего рода естественным мостом, по которому и японские товары, и, главное, японские войска могли двигаться на запад, к воспетым в старой песне сопкам Маньчжурии, а потом — и к равнинам Центрального Китая (ну, или к просторам сибирской тайги — это уж как в Токио решат). Именно военным задачам в первую очередь и подчинялось развитие корейской железнодорожной сети. Далеко не случайно, что, за исключением одного краткого периода (1918–1925), все магистральные железные дороги Кореи находились под прямым управлением администрации генерал-губернатора, который, естественно, всегда назначался из числа военных.

Кстати, именно военные настояли на принятии широкой европейской колеи вместо капской. Они же в начале 1930-х гг. лоббировали перевод большинства линий на двухпутную систему — до этого железные дороги Кореи были в основном однопутными, так что поездам, двигающимся в противоположных направлениях, приходилось пропускать друг друга на разъездах. Переход на двухпутную систему требовал немалых дополнительных вложений, но увеличивал пропускную способность дороги примерно в три-четыре

раза. Впрочем, во введении двухпутной системы были заинтересованы и предприниматели, ведь в то время в Корее начинала возникать современная индустрия.

Строительство транскорейской магистрали Пусан — Ханъян — Пхеньян — Синыйджу стало первым шагом в создании корейской сети железных дорог. В 1914 году железная дорога соединила Кёнсон (так тогда стал называться Сеул) с городом Вонсан на восточном побережье полуострова, а в 1928 году эту дорогу продлили на север вдоль побережья, доведя её почти до советской границы. Дорога проходила по очень сложной местности с многочисленными подъёмами и спусками, так что средняя скорость движения на ней была низкой: 226 км от Сеула до Вонсана поезд преодолевал почти восемь часов.

Решающую роль в земляных работах — в те времена очень трудоёмких — в Корее играли китайские гастарбайтеры, которые в больших количествах приезжали в страну весной, к началу строительного сезона. Колониальная Корея была куда богаче Китая, так что китайцы были готовы работать за плату, которую корейские рабочие считали слишком низкой. В результате строительство железных дорог велось по принципу «сто дешёвых китайских землекопов заменяют один дорогой экскаватор».

У железной дороги практически не было альтернатив. Междугородние автобусы в Корее появились очень рано (первую автобусную линию открыли ещё в 1911 году), но играли более чем скромную роль, так как в стране вплоть до конца 1960-х гг. почти не было дорог с твёрдым покрытием. Как всё ещё помнят многие из современников, даже из Сеула в Пусан тогда нужно было ехать по дороге с большими грунтовыми участками. Поэтому нет ничего удивительного, что и прямого автобусного сообщения между большинством корейских городов в колониальные времена

не существовало, и автобусы в основном связывали деревни и небольшие города с ближайшими железнодорожными станциями. Авиационное сообщение появилось в 1929 году, но билеты на самолёт стоили слишком дорого, да и летали самолёты редко.

В колониальные времена движение поездов было согласовано с расписанием паромов в Пусане и других портовых городах. Паромы ходили в Японию и Китай. Пассажир, выехав из Токио, прибывал в Симоносеки, садился там на паром и приезжал в Пусан как раз в то время, когда на пусанской станции готовился к отправлению поезд на Сеул. Впрочем, не исключено, что гипотетический пассажир мог держать путь и дальше, в Китай, поскольку железнодорожные сети Корея и Китая были связаны. В целом эта система паромов и поездов в двадцатые и тридцатые годы работала очень чётко.

Появление поездов радикально изменило представления корейцев о расстоянии и скорости. Тем не менее, по нынешним меркам, те поезда трудно назвать стремительными. В 1906 году, когда железнодорожное сообщение между Пусаном и Сеулом только началось, поездка на самом быстром из существовавших экспрессов — «Юнхи» — занимала одиннадцать с половиной часов. К 1925 году минимальная продолжительность поездки сократилась до десяти часов (сейчас эта дорога на скоростном поезде занимает примерно два с половиной часа).

Как было указано в расписании поездов 1937 года, из Пусана в Сеул (то есть Кёнсон) ежедневно уходило девять поездов дальнего следования. Самым быстрым из них был экспресс «Акацуки» («Рассвет»), который начал курсировать между Пусаном и Кёнсоном в 1936 году и которым очень гордилось корейское железнодорожное начальство. Он отправлялся из Пусана в 7:05 и прибывал в столицу в 13:45, так что

Экспресс «Акацуки», который начал курсировать между Сеулом (Кёнсоном) и Пусаном (Фузаном) в 1936 году, считался чудом железнодорожной техники Японской империи. На отдельных участках он развивал скорость 110 км/ч

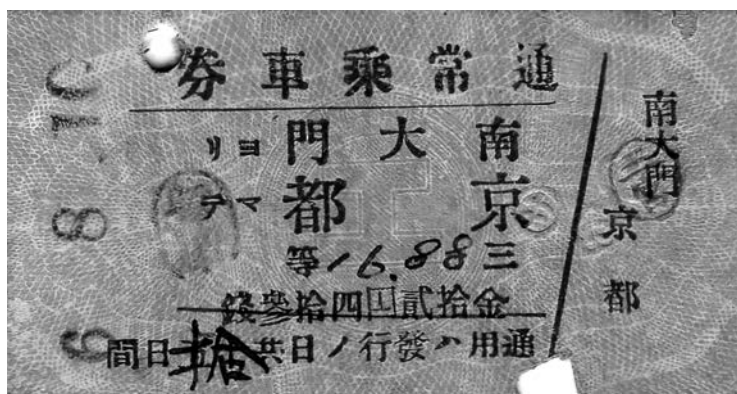
время в пути составляло всего лишь 6 часов 45 минут. Тогда это был впечатляющий рекорд. На некоторых участках экспресс развивал скорость до 110 км/ч. Другой прямой поезд Пусан — Сеул отправлялся в 8:05, но прибывал на место назначения только вечером, в 19:06, — впрочем, и билеты на него стоили существенно меньше, а остановок он делал намного больше, чем экспресс «Акацуки».

Сколько же стоило это удовольствие? В 1931 году поездка из Пусана в Кёнсон в третьем классе обычного (то есть не скоростного) поезда стоила 6 вон 80 чон. Речь идёт о поездке в весьма спартанских условиях, а занимала она целый день — около 11 часов. В те времена 6–7 вон были значительной суммой, равной зарплате рабочего за полторы-две недели; по меркам наших дней речь идёт о сумме, примерно эквивалентной полутора миллионам вон, или \$1200 (сейчас за такие деньги, равные двум недельным зарплатам среднего корейца, можно с комфортом слетать из Сеула в Европу

и обратно). Билет во второй класс стоил 12 вон 30 чон, а билет в первый класс — 19 вон 30 чон. Впрочем, существовала система скидок и на практике большинство пассажиров платило меньше. Тем не менее поездка в другой город стоила ощутимой суммы денег.

Остальные семь дальних поездов, упомянутые в расписании, проследовав от Пусана до Сеула, двигались дальше, к Пхеньяну, а потом шли в Маньчжурию и Китай. Два из них соединяли Пусан с Пекином, а два следовали в Синьцзин, столицу прояпонского марионеточного государства Маньчжоу-го (сейчас это китайский город Чанчунь). Одним из этих двух поездов был экспресс «Хиккари», который считался самым роскошным поездом японских колоний.

К 1945 году протяжённость железных дорог Корейского полуострова составляла 6530 км, при этом на будущую Южную Корею приходилась примерно половина их общей длины, то есть 3378 км. Любопытно, что с тех пор общая

Билеты от станции Намдзун, то есть Кёнсона (Сеула), до станции Киото. Маршрутом предусматривается пересадка с поезда на паром, а потом — с парома на поезд. Билеты представляли собой вариацию так называемых билетов Эдмондсона, которые были впервые введены в Британии в 1840-е гг. и более столетия оставались стандартом почти по всему миру, включая и Россию (СССР) (прямоугольник из картона размером 30 на 57 мм)

Салон-вагон первого класса в знаменитом экспрессе «Акацука».
Среди пассажиров представлена и женщина, одетая по-японски, и женщина, одетая по-корейски (о национальной принадлежности мужчин элиты судить в подобных местах было сложно, так как все носили костюмы западного образца).
Фотография из рекламного проспекта 1930-х гг.

протяжённость железнодорожной сети страны осталась фактически неизменной — как и её конфигурация.

В колониальные времена Сеульский (то есть, конечно, Кёнсонский) вокзал был известен и своими ресторанами — в первую очередь открывшимся в 1925 году рестораном «Гриль», специализировавшимся на западной кухне. Рестораны появились в Корее с приходом новых времён — и об этом мы поговорим в следующей главе.

«ПАВИЛЬОН ВЕЛИКОГО ПРОЦВЕТАНИЯ» И РОЖДЕНИЕ КОРЕЙСКОГО ОБЩЕПИТА

1903 г. — начинает работу ресторан «Мёнвольгван», первый корейский ресторан высокой кухни

Глядя на улицы корейских городов с их невероятным количеством ресторанов, закусочных и кафе, трудно поверить, что ресторанная индустрия появилась в Корее всего лишь чуть более века назад. До 1880-х гг. системы общественного питания в Корее не существовало. Правда, при желании можно было воспользоваться закусочной на рынке (такие закусочные назывались *чумак* — «винная палатка»), но эти непритязательные заведения очень отличались от ресторанов Европы или, скажем, Китая, которые были местом времяпровождения местной элиты.

Первые рестораны появились в Корее только на исходе XIX века, причём на первых порах они являлись подражанием японским «домам кулинарии» — *рётэй*. По-корейски их называли *ёчжон*, что передаёт корейское произношение тех же двух иероглифов (요정/料亭), которыми записывается в японском слово *рётэй*. Впрочем, почти одновременно появился и корейский термин для таких заведений — буквальный перевод (или, как говорят лингвисты, калька) японского термина — *ёри чип*, то есть «дом кулинарии».

На протяжении нескольких десятилетий ёри чипы, что-то среднее между дорогим рестораном и элитным клубом (с элементами борделя — соответствующие девицы на мероприятия приглашались регулярно), привлекали богатых и влиятельных людей, которые использовали эти помещения в основном как место для встреч с себе равными.

Самым известным из всех этих заведений был «Мёнвольгван» (명월관/明月館), то есть «Павильон Великого процветания», — первый ёри чип, который был открыт не японцем, а корейцем и был ориентирован не на традицию японских рётэй, а на традиции корейской высокой (дворцовой) кухни.

Основатель «Мёнвольгвана» Ан Сун-хван начал карьеру чиновником в королевском дворце, где отвечал за организацию королевских банкетов. Там он прославился благодаря попыткам реформировать королевскую кухню. Его эксперименты широко обсуждались местными сановниками, которые были на королевских банкетах частыми гостями.

В конце концов Ан Сун-хван принял решение бросить службу и открыть собственный элитный ресторан, который удовлетворял бы вкусам и японцев, и зажиточных корейцев. Так в 1903 году началась история «Мёнвольгвана».

Решение Ан Сун-хвана уйти из королевского дворца на просторы зарождающегося ресторанного рынка напоминает о том, как в своё время появилась так называемая высокая кухня Франции и некоторых других стран Европы. Французская высокая кухня в своих основных чертах была создана около 1800 года бывшими шеф-поварами аристократических домов. Бурные события Великой французской революции и крах старого порядка привели к тому, что повара стали терять работу: их хозяева разорялись, бежали из страны или вовсе попадали под нож гильотины. Мастерам кулинарного дела пришлось выходить на коммерческий рынок, где они готовили для представителей быстро

богатеющей и набирающей силу буржуазии — благо владельцам заводов, газет, пароходов тоже хотелось вкусно поесть. Упадок королевской власти в Корее привёл к схожим результатам: после 1900 года бюджет королевского двора и его штат стали сокращаться, так что многие из работавших на дворцовых кухнях поваров стали задумываться о своём будущем, — и тут появился Ан Сун-хван с его, можно предположить, весьма соблазнительными предложениями.

В основе формулы успеха Ан Сун-хвана лежало использование традиций дворцовой кухни, которая была малоизвестна большинству корейского населения, но при этом считалась символом кулинарной утончённости. Будучи бывшим дворцовым чиновником, Ан Сун-хван, как уже говорилось, старался привлекать к работе в ресторане бывших королевских поваров, давая возможность богатым корейцам (и японцам) попробовать те блюда, которые раньше были доступны только Их Величествам. Ан Сун-хван взял на работу и бывшего королевского винодела, о настойках которого слагались легенды. Все рецепты хранились в секрете и в итоге умерли вместе с самим мастером.

По традиции, заимствованной, как и вся система ёричипов, из Японии, на банкетах в подобных заведениях должны были присутствовать и девушки — нет, не проститутки в точном смысле слова, а «теоретически доступные» красавицы, развлекающие гостей. Такие женщины с незапамятных времён существовали в большинстве стран конфуцианского мира; российскому читателю они лучше всего известны на примере японских *гейш*. В Корее это были *кисэн*. С этой точки зрения Ан Сун-хвану тоже повезло. Старая система официальных *кисэн* в первые годы XX века была отменена, и знаменитые артистки-куртизанки, бывшие на деле государственными служащими, вынуждены были искать другие способы поддержания своего — весьма

дорогостоящего — образа жизни. Работа в ёри чипах стала для них вполне логичным выбором.

Сразу надо сказать: в самом заведении не происходило ничего непристойного. Кисэн кокетничали, поддерживали милую светскую беседу, шутили сами, звонким смехом реагировали на удачные (и неудачные) шутки гостей, играли на музыкальных инструментах, танцевали и исполняли традиционные песни. Если посетитель хотел перейти от флирта к чему-то более серьёзному, он должен был договариваться об этом с девушкой, и результат этих переговоров было сложно предугадать: кисэн действительно могла провести ночь с понравившимся ей клиентом и даже вступить с ним в длительную связь, но также могла и отказаться от каких бы то ни было предложений. За кисэн полагалось ухаживать, её полагалось соблазнять, и отказ означал в том числе и то, что куртизанки давали состоятельным корейским мужчинам возможность немного «поиграть в любовь» — возможность, которой они в силу самого уклада жизни корейского общества были тогда лишены.

Первый «Мёнвольгван» был расположен в районе Кванхвамун, примерно там, где сейчас располагается здание редакции газеты «Тона ильбо». Ресторан занимал двухэтажное кирпичное здание, которое по меркам того времени было диковинкой: кирпичные многоэтажные строения появились в Сеуле только около 1890 года. Первый этаж был предназначен для обычных посетителей, а на верхнем этаже, куда вела лестница, располагались комнаты для важных гостей. Впоследствии ресторан несколько раз переезжал в новые помещения, всё более просторные и современные.

Ужин в «Мёнвольгване» был дорогим удовольствием и стоил 5–10 вон, то есть столько, сколько рабочий зарабатывал за полмесяца. Корейская политическая и бизнес-элита, как и колониальные чиновники высокого ранга, были

завсегдатаями кабинетов для важных гостей на втором этаже. Там можно было увидеть корейских землевладельцев, японских генералов, финансовых магнатов, политиков и успешных деятелей искусства — конечно же, в сопровождении очаровательных кисэн.

В мае 1919 года здание «Мёнвольгвана» было разрушено пожаром. Принадлежавшая Ан Сун-хвану обширная коллекция старинных картин и рукописей погибла в огне. Это была огромная потеря для Ан Сун-хвана, который был не только выдающимся коллекционером древнего искусства, но и сам писал картины. Трагедию усугубляло то, что Ан Сун-хван застраховал своё заведение лишь частично, так что страховые выплаты покрыли только часть его потерь.

Ущерб был значителен, но речь о разорении всё-таки не шла — в том числе и потому, что к тому времени Ан Сун-хван уже открыл филиал «Мёнвольгвана» совсем неподалёку, в районе Инсадон. Официальным названием нового ресторана было «Тхэхвагван» («Особняк Великого Процветания»), однако многие по-прежнему называли его «Мёнвольгваном». Часто утверждается, что «Тхэхвагван» был открыт только после пожара в «Мёнвольгване», но новые материалы указывают на то, что в течение некоторого времени в 1918–1919 гг. оба заведения работали одновременно.

«Тхэхвагвану» Ан Сун-хвана было суждено сыграть важную роль в корейской политической истории. 1 марта 1919 года группа из 33 лидеров националистического движения собралась там, чтобы подготовиться к важному символическому акту — провозглашению независимости Кореи. Как только Декларация независимости была публично зачитана, протестующие добровольно сдались полиции, чтобы подчеркнуть ненасильственный характер своего сопротивления колониальному режиму. С этой символической акции началась волна выступлений против колониального

Похороны Кочжона, последнего корейского короля, который реально правил страной. Под японским давлением он отрёкся от престола в 1907 году.

Смерть Кочжона в 1919 году привела к подъёму патриотических и антиколониальных настроений, результатом чего стали массовые выступления против японского правления – «Первомартовское движение» 1919 года

режима, которая известна как «Первомартовское Движение» 1919 года.

Через некоторое время Ан Сун-хван продал свой бренд, но в ресторанном бизнесе остался и был по-прежнему успешным предпринимателем. Он дожил до преклонных лет, потратив заметную часть немалого состояния на развитие образования в Корее, а также на поддержку классической конфуцианской философии, знатоком и адептом которой был всю свою жизнь.

Новые хозяева, купившие права на бренд «Мёнвольгван», пользовались этой привилегией повсеместно. Они успели открыть несколько филиалов в Корее и даже в японской столице. В течение всего колониального периода именно «Мёнвольгван» оставался ведущим брендом ресторанной индустрии Кореи. Впрочем, у него нашлось немало подражателей:

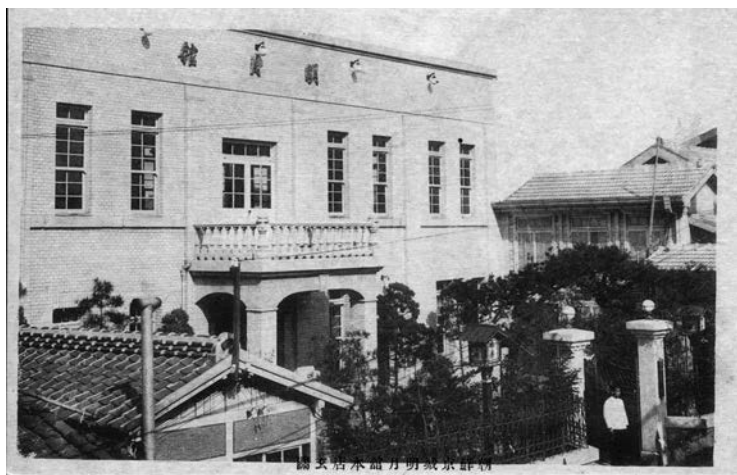

в двадцатые и тридцатые в крупных корейских городах появилось немало заведений такого типа, рассчитанных на богатую местную публику, а также не обеспеченных японских туристов, которым хотелось познакомиться с корейской экзотикой (как кулинарной, так и культурной и — в некоторой степени — эротической).

Около 1920 года в общественном питании Кореи начались заметные изменения. Как говорилось выше, с момента своего возникновения и до начала 1920-х гг. в корейском общепите существовали две крайности. С одной стороны, имелись очень дорогие ресторано-клубо-бордели, копировавшие аналогичные японские заведения, а с другой — совсем непритязательные уличные закусочные. Заведений промежуточного уровня практически не было.

Однако в начале 1920-х гг. ситуация стала меняться. Колониальное время было периодом умеренного, но вполне ощутимого экономического роста, так что в городах стал появляться средний класс, то есть интеллигенция, технические специалисты, служащие, получившие современное образование. В целом по стране их было довольно мало, и в своей массе эти люди были сконцентрированы в нескольких крупных городах, в первую очередь столичном Кёнсоне (Сеуле). Тем не менее их появление означало, что у корейского общепита появились шансы превратиться в общепит массовый.

У среднего класса были деньги, позволявшие сходить в ресторан и поесть там что-то такое, чего не могли приготовить жёны (впрочем, в те времена почти каждый клерк мог позволить себе домашнюю прислугу). У них часто была и необходимость организовывать деловые обеды и ужины. С другой стороны, «Мёнвольгван» и прочие элитные заведения были им не по карману, да и общая атмосфера, царившая там, несколько раздражала скромного учителя или инженера.

«Мёнвольгван» в начале 1920-х гг. За свою историю этот ресторан-клуб несколько раз менял помещение. На снимке изображено здание в западном стиле, которое «Мёнвольгван» занимал в начале 1920-х гг., то есть уже после того, как его основатель Ан Сун-хван продал ставший к тому времени знаменитым бренд

В результате в Корее стали появляться первые рестораны для среднего класса. В большинстве из них подавали блюда корейской кухни, причём особое внимание уделялось кухне местной, то есть сеульской. Именно тогда, например, в широкий обиход вошёл суп *соллонтхан* — изначально сеульское ритуальное блюдо.

Это не означало, что элитные клубы-рестораны ёри чип исчезли — они, постепенно изменяясь, просуществовали до семидесятых годов. Однако с начала 1920-х гг. параллельно с ними в Корее имелись и рестораны, рассчитанные на привычки и финансовые возможности корейцев среднего класса.

Одновременно в стране стали появляться рестораны иностранной и по тем временам экзотической кухни — японской, китайской, европейской. Китайские рестораны

играли большую роль в корейском общепите того времени. Их хозяевами были этнические китайцы *хуацяо*, которых в Корею называют *хвагё* (это то же самое слово 華僑, просто два китайских иероглифа читаются в одном случае в китайском, а в другом — в корейском произношении). Хвагё-хуацяо появились в Корею довольно поздно, только в конце XIX века — до этого, как говорилось в предыдущих главах, въезд китайцам в Корею был практически закрыт. С самого своего появления в Корею некоторые из корейских хуацяо стали заниматься ресторанным бизнесом.

Китайская кухня очень разнообразна, и общего между кухней, допустим, провинции Сычуань и кухней Маньчжурии едва ли не меньше, чем между кухней Скандинавии и кухней Италии. Однако в Корею почти все хуацяо были выходцами из провинций китайского Северо-Востока, тогда именуемого Маньчжурией, а также из провинций Шаньдун и Ляодун, которые лежат, скажем так, на противоположном берегу Жёлтого моря. По этой причине в Корею получила распространение практически исключительно кухня северо-восточного Китая.

Первые китайские рестораны Кореи, открывшиеся около 1890 года, чётко делились на две категории. Во-первых, существовали непритязательные заведения, клиентами которых были китайские гастарбайтеры, приезжавшие в Корею в большом количестве, — именно трудами этих рабочих, сотня которых всегда была готова заменить бульдозер, были построены, например, почти все железные дороги страны. Как правило, подобные заведения представляли собой просто уличные киоски, где проголодавшийся китайский рабочий, отработав 10 или 12 часов землекопом на строительстве, мог вдоволь поесть привычных ему пельменей и лапши, а при наличии денег и настроения — закусить горячим сладким блинчиком *хотток*.

Однако не все китайцы Кореи были тогда бедными гастарбайтерами. Китайские купцы играли огромную роль в корейской внешней торговле, и понятно, что эти богатые предприниматели тоже иногда хотели обедать и ужинать в ресторанах — тем более, что в Китае, в отличие от Кореи, ресторанная культура существовала с давнего времени, так что для китайских бизнесменов и других важных людей деловая встреча в ресторане испокон веков была делом обычным.

Для того чтобы обслуживать эту весьма обеспеченную публику, в Корее с начала XX века стали возникать и элитарные рестораны, в которых подавалась весьма качественная китайская кухня — в основном её маньчжурский вариант.

Около 1900 года в одном из таких ресторанов было изобретено блюдо, которое большинство современных корейцев считает главным блюдом китайской кухни — лапша *чачжанмён*. Где именно это случилось — не совсем ясно, но большинство склоняется к тому, что выдумали чачжанмён в китайском квартале Инчхона.

Чачжанмён — это лапша, залитая тёмным и густым слегка солоноватым соусом, приготовленным на основе лука, с кусочками мяса или, реже, морепродуктов. Несмотря на то что на протяжении последнего столетия чачжанмён считался в Корее самым главным китайским блюдом, в самом Китае о существовании этой лапши не знает никто. Если быть совсем точным, то у чачжанмёна есть отдалённые предшественники и относительные аналоги в кухне северо-восточного Китая, но привычный корейцам чачжанмён возник именно на Корейском полуострове.

Ничего удивительно, кстати, в этом для россиян не должно быть. Россияне ведь тоже считают, что главным корейским блюдом является пресловутая *корейская морковь* — *морковь-чха* — блюдо, которое в самой Корее абсолютно

Вот так выглядит лапша чачжанмён — самое любимое в Корее блюдо китайской кухни, которое в самом Китае, впрочем, совершенно неизвестно...

неизвестно и которое в Сеуле можно попробовать *исключительно* в ресторанах русской кухни.

Примерно до 1930 года китайские рестораны оставались заведениями *для своих*, то есть для местных китайцев: корейцы туда практически не ходили. Только в конце двадцатых годов корейцы начали осваивать китайскую кухню и привыкать к китайским кулинарным традициям.

В то время в Корее стала распространяться и японская кухня, что вообще-то вполне ожидаемо, учитывая колониальный статус страны в 1910–1945 гг.

Как и китайская, японская кухня в колониальные времена распространялась в Корее в двух формах — простонародная и элитарная. С одной стороны, на улицах корейских городов в первые годы XX столетия стали появляться небольшие киоски и просто столики, на которых готовили и продавали разнообразные японские закуски. Поначалу этими столами владели в основном японцы, так как для бедного японского

переселенца в начале XX века именно открытие собственного ресторана или закусочной, а то и просто уличного столика было одним из самых распространённых видов бизнеса.

Одновременно появились и большие японские рестораны. Часть из них составляли уже упомянутые выше рётэй — очень дорогие и, соответственно, доступные лишь немногим. Однако с 1920-х гг. в Корее появились и более демократичные заведения, где за относительно умеренную цену в одну вону (по тем временам — два дневных заработка среднеквалифицированного рабочего) можно было поесть и суси, и сасими.

Именно через Японию в Корею стала проникать и западная кухня. Самыми главными блюдами этой японизированной западной кухни был шницель *тонгасы* и японский вариант *риса кари*.

Тонгасы, свиной шницель в обильнейшей панировке, изначально был немецко-австрийским блюдом, которое попало в Японию в 1890-е гг. Там шницель немало преобразился и уже в сильно японизированном виде попал в Корею, где и поныне остаётся одним из самых распространённых блюд. Рис кари, как легко догадаться, является блюдом индийского происхождения. Из Индии он попал в Англию, оттуда — в Японию, а уж из Японии перебрался в Корею. При каждом переходе границы вкус блюда ощутимо менялся, так что нынешний рис кари в японо-корейском стиле имеет мало общего с оригинальным индийским блюдом под таким же названием. Тем не менее вне зависимости от того, насколько блюдо отличается от оригинала, оно всё равно остаётся вкусным — при адаптации иностранных блюд верность прототипу, возникшему в другой стране и в другой пищевой культуре, вовсе не является гарантией успеха.

Если же говорить о тонгасы, этот японизированный вариант австрийского шницеля стали в больших количествах

подавать в ресторанах, открытых в двадцатые годы в центре Сеула, в первую очередь в нынешнем Мёндоне, который был тогда японским торговым районом Хонмати. Тонгасы можно считать западным блюдом лишь с некоторой долей условности. Однако уже с начала XX века в Корее можно было съесть и настоящий западный обед.

Первый западный ресторан в Корее открыли русские. Этот ресторан, начавший свою работу в 1902 году, располагался на первом этаже гостиницы госпожи Зонтаг — родственницы российского посланника К. И. Вебера, прожившей в Корее несколько десятилетий и сыгравшей немалую роль в распространении в стране современных западных бытовых привычек. Впрочем, как утверждают те, кто в этом ресторане бывал, у Антуанетты Зонтаг подавали не столько европейские в точном смысле слова, сколько российские блюда, поэтому появление полноценных западных ресторанов стоит отнести к более позднему времени.

Рестораны иностранной кухни в основном работали при гостиницах международного класса, которых в колониальном Кёнсоне было всего лишь две — Chosen (снесена, находилась на месте нынешней гостиницы Westin Chosun) и гостиница Pando (тоже снесена, находилась на месте нынешней гостиницы Lotte, недалеко от сеульской мэрии). Ещё одним западным рестораном был «Гриль», располагавшийся в здании столичного железнодорожного вокзала. Этот ресторан, открывшись в 1925 году, просуществовал до 1980 года, и за это время там побывали почти все корейские знаменитости. Во всех упомянутых заведениях можно было заказать и настоящий бифштекс (едва ли не непременно блюдо западных ресторанов в те времена), и европейский суп, и многое другое, включая, например, мороженое.

Как ни странно, вплоть до конца пятидесятых годов единственным местом в Корее, где можно было поесть

мороженое на молочной или сливочной основе, были именно немногочисленные рестораны западной кухни. Готового мороженого в магазинах не продавали — заводское мороженое на молочной основе появилось в продаже только в 1963 году. Однако в колониальные времена в западных ресторанах мороженое специально готовили и подавали в качестве десерта. Правда, на улицах тогда продавали и дешёвые сорта «ледяных десертов», при изготовлении которых не использовали ни молока, ни сливок, — фактически речь шла о замороженных сиропах или пасте из сладких красных бобов. По вкусу они имели мало общего с привычным нам мороженым — но были, безусловно, холодными.

Говоря о корейском общепите, не следует забывать об одном важном обстоятельстве: вплоть до конца 1970-х гг. у корейцев с доходами средними и тем более ниже средних не было ни финансовых возможностей, ни привычки питаться в ресторанах. Если им по каким-то обстоятельствам и приходилось есть вне дома, то решением проблемы обычно служил старый добрый *тосирак* (изначально — обед в контейнере, взятый из дома). Тем не менее в колониальные времена были заложены основы того ресторанного бума, который начался существенно позже, уже в семидесятые годы, то есть тогда, когда в Корее стали ощущаться первые результаты «корейского экономического чуда».

Именно с тосираком отправлялись корейцы в первые в стране современные школы, о которых пойдёт речь в следующей главе. В те времена школьного питания в Корее не предусматривалось...

1911 г. — опубликован «Указ об образовании»

Один из образов, который возникает в сознании корейцев, когда речь заходит о колониальном прошлом, — это образ японского учителя, стоящего перед учениками в форме и с саблей на поясе. Действительно, в такой экипировке некоторые японские учителя работали в 1911–1922 гг., в период наиболее жёсткого колониального правления. Образ учителя с саблей можно считать своеобразным символом японской образовательной политики, которая теоретически должна была стать важным инструментом ассимиляции и японизации корейского населения. Но, как мы увидим позже, на практике она привела к совсем другим результатам.

Надо сказать, что современное образование стало в Корее относительно массовым именно в японские времена, хотя первые школы современного типа были открыты в Корее западными протестантскими миссионерами ещё в 1880-е гг. Разумеется, и до появления в стране протестантских миссионеров в Корее существовали школы, более того, Корея, как и другие страны Восточной Азии, всегда была страной, в которой образованию уделялось очень большое внимание. Однако устройство традиционной корейской школы радикальным образом отличалось от устройства школы современной.

В традиционной Корее школьники изучали в первую очередь, как бы мы сейчас сказали, предметы гуманитарного

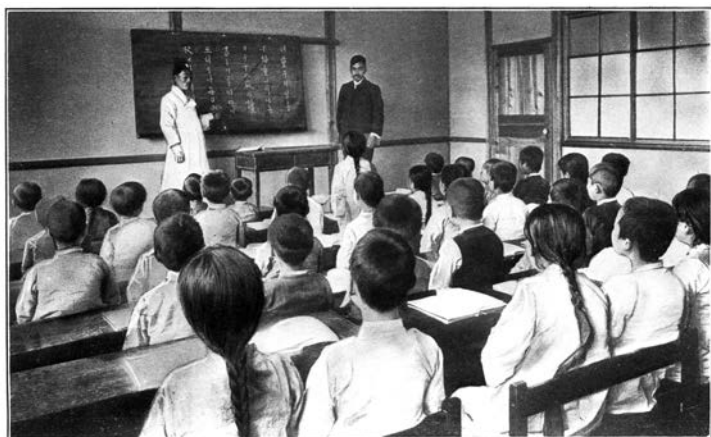

цикла, причём речь в основном шла не о философии, истории и литературе как таковых, а исключительно о классической *китайской* литературе, конфуцианской китайской философии и древней и средневековой *китайской* истории. Все учебные материалы были составлены на древнекитайском языке (ханмуне), который в Корее оставался языком делопроизводства и официальной переписки вплоть до конца XIX века (см. главу 7). Собственно говоря, овладение ханмуном и было главной задачей учащихся начальных школ старой Кореи (впрочем, само употребление современного термина «начальная школа» применительно к старой Корее может вызывать немало вопросов).

В корейских школах до конца XIX века не было и столь привычного нам разделения на классы: в школьном помещении одновременно занимались ученики самых разных возрастов, а порою — и самого разного уровня подготовки. В основе образования лежало заучивание наизусть огромных объёмов текста. Мало кто думал, что образование должно быть интересным само по себе — его воспринимали в первую очередь как работу.

Именно поэтому появление в стране миссионерских школ в 1880-е гг. было революционным явлением. В этих школах детей учили не тонкостям китайского стихосложения, а современным наукам — математике, физике, географии. Дети были сгруппированы в классы и учились по стандартным учебникам, которые предусматривали постепенное продвижение к высотам знаний в более или менее согласованном и общем для всего класса темпе. Всё это, как и введение женского среднего образования, сейчас кажется совершенно естественным, но в Корее конца XIX века было настоящей инновацией.

Разумеется, далеко не все приветствовали это нововведение — причём особые проблемы возникли у женских

Корейская школа современного типа в 1910 году. В таких школах преподавали геометрию и химию, а не историю Древнего Китая, и весь их уклад был скопирован со школ западных стран: ученики носили форму, сидели за партами лицом к учителю, в классе были доска и учебные пособия привычного нам типа

школ. Представители старой корейской элиты не могли понять, почему эти странные носатые иностранцы хотят учить девочек каким-то непонятным предметам, и пришли к простому и логичному выводу — они таким образом готовят элитных проституток. Дополнительную роль сыграло то обстоятельство, что в общежитии школы Ихва, самой престижной из миссионерских женских школ, были установлены радиаторы парового отопления. Некоторые консерваторы считали, что эти странные устройства должны лишить учениц возможности зачать ребёнка, так что в будущем они смогут заниматься изощрённым развратом, не опасаясь беременности.

Однако миссионерские школы не смогли стать массовыми. Учились в них немногие. Впрочем, именно из числа учеников миссионерских школ вышла значительная

часть корейской политической, экономической и научно-технической элиты — причём относится это не только к Корее Южной, но и к Корее Северной (основатель северокорейского государства Ким Ир Сен сам был выходцем из протестантской семьи, которая была тесно связана с системой миссионерских школ).

Однако с установлением в Корее колониального режима в 1910 году решающую роль в развёртывании системы современного образования стали играть не миссионеры, постепенно оттеснённые на второй план, а японские колониальные власти.

Систему образования в колониальные времена сложно оценивать однозначно. С одной стороны, за 35 лет колониального правления Корея стала одной из самых грамотных стран Азии, и было бы несправедливо утверждать, как это обычно делают националистически настроенные корейские историки, что японская администрация к этому никак не была причастна. В то же время нельзя забывать, что образование в колониальный период преследовало две цели: с одной стороны, оно действительно было направлено на просвещение корейцев, а с другой — служило цели насильственной ассимиляции.

Политика ассимиляции в сущности состояла из двух аспектов. Во-первых, через систему начального обучения активно насаждался японский язык. Официально в колониальные времена именно японский язык считался «национальным языком» (2ygo 국어/國語). Однако японским языком дело не ограничилось. Как и в самой Японии, в Корее в школьных программах большую роль играл специфический предмет, известный как «моральная подготовка» (сусин 수신/修身). Главное содержание этого предмета сводилось к тому, что все юные подданные японского императора должны были считать высшей ценностью верность

империи и священной особе императора. Учебники подчёркивали, что корейцы и японцы являются братскими народами. Но при этом у учащихся не должно было оставаться сомнений в том, кто именно в данной паре является старшим братом, а кто — младшим.

За 35 лет колониальной истории политика в области образования претерпевала неоднократные изменения. В 1911 году генерал-губернатор, глава колониальной администрации, одобрил «Указ об образовании». В этом указе пояснялось, что цель системы образования состоит в том, чтобы «воспитать у молодых корейцев нравственные качества и дать им общие знания, чтобы они стали верными подданными Японии».

Систему, которая вводилась этим документом, лучше всего описывает словосочетание «апартеид в образовании». Японские переселенцы в Корее имели право на получение такого же образования, как и в самой Японии. Корейцы же

Район Хонмати, ныне известный как Мёндон, — центр колониального Кёнсона в целом, и в особенности центр так называемой Южной деревни — части Сеула, в которой преимущественно селились японцы.

Открытка 1930-х гг.

Новые времена требуют новых знаний и новых технологий:
строительство железнодорожного путепровода над трамвайной линией в Сеуле,
1904 год

на первом этапе исключались из этой системы, им обычно были доступны корейские школы, существенно уступавшие японским и по качеству учебных программ, и по финансированию.

В 1922 году установившаяся система была подвергнута серьёзным изменениям, которые существенно снизили дискриминацию корейских детей. Корейское образование было перестроено по японскому образцу, хотя японские и корейские дети по-прежнему ходили в разные школы. Корейский ученик мог даже поступить в японскую школу (и наоборот), однако на практике до конца тридцатых годов такие случаи были довольно редки.

В 1930 году школу посещали только 13,5% всех корейских детей в возрасте от 6 до 12 лет, причём для девочек эта цифра составляла всего лишь 4,8% (иначе говоря, в школу ходил

тогда один из семи корейских мальчиков и одна из двадцати корейских девочек). К 1940 году в школу ходили уже 32,7% детей в возрасте от 6 до 12 лет, в том числе 18,0% девочек: разрыв в доступе к начальному образованию между мальчиками и девочками, хотя и оставался значительным, существенно сократился. Ситуация с детьми японских поселенцев была много лучше: уже в 1910-х гг. в начальной школе обучались более 90% детей японских переселенцев, а к 1940 году в начальную школу ходили 99,6%.

Для подавляющего большинства выпускников начальной школы образование завершалось с окончанием 5 класса (в колониальной Корее в начальных школах учились 4 или 5 лет). Доля тех, кто переходил в среднюю школу, была очень небольшой: даже в начале 1940-х гг., когда среднее образование стало более доступным, из начальной в среднюю школу переходили около 20% всех выпускников. Впрочем, особой корейской специфики в этом не было: и в самой Японии в среднюю школу тогда поступало меньшинство выпускников начальной школы.

К началу сороковых Корея, по меркам Азии, стала уже весьма образованной страной, но тем не менее по состоянию на 1944 год 84,5% всех корейцев вообще никогда не посещали школу — как легко догадаться, большинство из них составляли крестьяне.

Если же говорить о высшем образовании, то в колониальные времена его могли получить лишь единицы. С 1924 года в Кёнсоне работал университет, но о поступлении в него подавляющему большинству корейцев не приходилось и думать. Показательно, что вплоть до конца 1930-х гг. среди студентов Кёнсонского императорского университета большинство составляли этнические японцы — и это несмотря на то, что их доля в населении Корейского полуострова никогда не превышала 3%. До середины

тридцатых в университете действовала негласная квота, в соответствии с которой среди поступивших местные корейцы должны были составлять примерно треть. Треть абитуриентских мест отводилась местным японцам, а ещё треть — приехавшим в Кёнсон на учёбу другим подданным империи (тоже в своём подавляющем большинстве — японцам). Всего Кёнсонский университет окончили около 800 корейцев.

Большинство корейцев с университетскими дипломами в колониальные времена получали образование в Японии. Всего в Японии училось 17 000 корейцев, однако эта цифра включает в себя всех, кто поступал в японские вузы. Реально до диплома дошла примерно четверть всех поступивших, то есть примерно 4000–5000 человек. При этом около тысячи из них окончили элитные императорские университеты, в том числе два главных вуза Японии — Токийский и Киотский, а остальные являлись выпускниками куда менее престижных провинциальных японских вузов.

Таким образом, если учитывать и выпускников японских вузов, и тех, кому удалось попасть в Кёнсонский императорский университет, и, наконец, выпускников западных университетов, то получается, что к концу колониального периода во всей Корее было 5000–6000 людей, получивших полноценное высшее образование. Учитывая, что население Кореи к 1945 году составило 30 млн человек, то высшее образование имели 0,02% населения страны. Цифра эта является мизерной даже по меркам тех времён, когда во всём мире университетское образование оставалось редкостью. Правда, в Корее существовали и техникумы — однако и там училась ничтожно малая часть населения. При этом никто из этих 5000–6000 обладателей вузовских дипломов не получил высшего образования на корейском языке.

В центре школьной программы были японский язык и культура. Этот уклон стал особенно явным в конце 1930-х гг., когда колониальная администрация ограничила использование корейского языка в общественных местах. В 1943 году корейский язык был запрещён и в школах. Важно и то, что многие учителя, даже в корейских школах, были этническими японцами (к 1944 году их доля составляла 44% от числа всех школьных учителей, хотя в населении колонии японцы, напоминая, составляли лишь 3%).

Как уже говорилось, главной (но не единственной) задачей японской колониальной политики в области образования было стремление использовать образование — в особенности начальное — в качестве средства ассимиляции корейского населения. Надо сказать, что политика языковой ассимиляции была более успешна, чем думают многие. К началу 1940-х гг. в Кёнсоне и некоторых других крупных корейских городах уже нередко можно было встретить корейского подростка, который или не владел корейским языком вообще, или владел им на бытовом уровне.

Впрочем, пропаганда влияла на самоидентификацию. Интересное свидетельство можно найти в воспоминаниях известного корейского историка Ли Чон-сика. Ли Чон-сик в начале 1940-х гг. ходил в школу в Пхеньяне, где его учителем был господин Ёсино. Учитель Ёсино с огромным увлечением и патриотическим подъёмом преподавал японскую историю, много говорил о величии императора, великой японской доблести и подобных духоподъёмных предметах.

Когда в школе проходили историю неудачного монгольского вторжения в Японию (в XIII веке, когда флот вторжения был уничтожен тайфуном, «ветром богов»), учитель Ёсино неожиданно спросил Ли Чон-сика, что он думает о тех событиях сейчас, когда священной стране Японии угрожает

американо-английская агрессия. Ли Чон-сик ответил искреннее, пылко и в том духе, что Япония является священной страной, созданной богами, и что любые варвары, которые попытаются вторгнуться на её землю, будут, разумеется, уничтожены этими богами. Впоследствии, уже много лет спустя, встречаясь с соучениками, он обнаружил, что многие из них полагали, что всё это выступление было заранее организовано учителем. Однако, подчёркивает в воспоминаниях Ли Чон-сик, это было не так — он говорил то, во что тогда он в качестве шестиклассника искренне верил, в немалой степени — под влиянием учителя Ёсино.

Вскоре по семейным обстоятельствам Ли Чон-сик уехал в Китай. Позже, уже в 1948 году, вернувшийся в Пхеньян Ли Чон-сик нашёл учителя Ёсино — и немало удивился. Ёсино оказался корейцем, о чём Ли Чон-сик в своё время и не подозревал. По-корейски учителя звали Ли Хё-гём. При встрече в 1948 году Ли Хё-гём рассказывал Ли Чон-сику о величии Советского Союза и мудрости Сталина примерно с таким же восторгом, с которым всего лишь несколькими годами раньше рассказывал о величии Японии...

Возможно, останься Корея японской колонией ещё на несколько десятилетий, с корейским языком произошло бы примерно то, что в реальной истории случилось с гэльским (ирландским) языком: он бы полностью исчез из обихода и даже восстановление независимости не обязательно привело бы к его возрождению.

Однако колониальное правление рухнуло тогда, когда политика ассимиляции только стала приносить первые результаты — например, в виде полностью японизированных корейских подростков, некоторые из которых даже рвались в ряды камикадзе (подробнее — в главе 21). Однако главным результатом образовательной политики колониальных властей стало превращение Кореи в страну с очень высоким,

---

по меркам Восточной Азии, уровнем грамотности. После восстановления независимости в 1945 году Корея была, с одной стороны, страной очень бедной, а с другой — страной на удивление неплохо образованной. Существование этого, как выражаются экономисты, *человеческого капитала* стало одним из факторов, сделавших возможным южнокорейское экономическое чудо 1960–1990-х гг.

Почти одновременно с появлением школ в Корее вводится и современная система денежного обращения, о которой мы поговорим в следующей главе.

1910-е гг. — в Корее появляются и входят в обиход бумажные банкноты

Так получалось, что отношения с деньгами у корейцев долго не складывались. Мало кто из соседей считал корейцев торговым народом, и на это, похоже, были основания. Подавляющее большинство корейцев были крестьянами и вплоть до XIX века жили натуральным хозяйством, относясь и к торговле, и к деньгам с большим подозрением. Во все не случайно в традиционной конфуцианской Корее торговцы считались низшей из четырёх основных профессий (престиж этих четырех профессий определялся в следующем порядке: чиновник, крестьянин, ремесленник, торговец).

Правда, корейское правительство первый раз попыталось ввести в обращение монеты ещё в X веке. Об этом говорится в корейских учебниках истории, авторы которых, однако, предпочитают умалчивать об одном немаловажном обстоятельстве: попытка закончилась полным провалом, ибо монетами в Корее ни в X веке, ни в последующие столетия никто пользоваться не хотел. По-настоящему монетизация экономики Кореи началась только в XVII веке, а монетизация налоговых выплат, то есть отказ от выплаты налогов натурой, — вообще дело XVIII и XIX веков.

Таким образом, по-настоящему товарно-денежной экономика Кореи в действительности стала только в колониальные

времена, то есть в период с 1910 по 1945 год. Именно тогда деньги — как бумажные купюры, так и монеты — вошли в повседневную жизнь корейцев, и именно в это время заметная часть работающих корейцев начала, как говорится, *жить на зарплату*.

В колониальный период Корея хотя и являлась частью Японской империи, обладала особым правовым статусом. Касалось это и её банковской системы. У Кореи, или, если быть более точным, у генерал-губернаторства Тёсэн, находящегося в составе Японской империи, был собственный Центробанк, обладавший правом эмиссии. Центральный банк колонии был организационно независим от Центрального банка Японской империи. Он и выпускал ходившие по территории генерал-губернаторства банкноты, причём лимиты на объём эмиссии не определялись произвольно,

Центральный Сеул. Слева видно здание Банка Кореи, справа — Центральный почтамт. На улицах практически нет автомобилей, механический транспорт представлен только трамваями (а также несколькими велосипедистами).

Открытка 1920–х гг.

Купюра банка генерал-губернаторства Тёсэн достоинством в 10 колониальных иен (вон). По тем временам — немалые деньги, примерно месячная зарплата работницы на текстильной фабрике. До сих пор идут споры о том, кто послужил прообразом старика в традиционном чиновничьем наряде, который изображён на купюре, и почему это изображение там вообще оказалось

а согласовывались с Центральным банком Японии по определённым правилам.

Денежные единицы колониальной Кореи принято называть *корейской иеной*, но это название не употреблялось в самой Корее. Дело в том, что и корейское слово *вона*, и японское слово *иена* представляют собой два разных произношения одного и того же китайского иероглифа 圓 (после войны в Японии стало использоваться его упрощённое написание 円). На банкнотах, да и в подавляющем большинстве официальных документов, в те времена использовалось не алфавитное, а иероглифическое написание. Поэтому корейцы и тогда, и сейчас предпочитают называть *колониальную иену* просто *воной*. Последуем этой традиции и мы.

При том что и Корея, и Япония имели собственные центральные банки, что отчасти сказывалось на их кредитной политике и прочих тонкостях финансового дела, корейская

колониальная вона была абсолютно равноценна иене японской. Они обменивались по курсу 1:1 и фактически без ограничений. Более того, Банк Кореи не чеканил собственные монеты, ограничиваясь выпуском бумажных денег. В качестве мелкой металлической монеты на территории генерал-губернаторства использовались японские деньги.

В течение длительного времени в Корее существовали купюры номиналом в 1, 5, 10 и 100 *вон* (как мы увидим, 100 *вон* в те времена были очень серьёзной денежной суммой). Каждая *вона* состояла из 100 *сэн* или, если использовать корейское произношение того же самого иероглифа 錢, 100 *чон*. Любопытно, что в Корее выпускались и банкноты, номинированные в *сэнах/чонах*, хотя для мелких расчётов большинство населения, как уже говорилось, использовало японские монеты.

Встаёт вопрос, сколько зарабатывали корейцы в колониальные времена? Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо сделать несколько предварительных замечаний.

Во-первых, колониальная эпоха была временем золотого стандарта и, соответственно, эпохой низкой инфляции. Ситуация стала меняться после 1937 года, когда началась война в Китае, плавно переросшая в полноценную мировую войну. Однако на протяжении предшествующего периода, начиная примерно с 1900 года, цены в Корее — и, соответственно, покупательная способность местных денег — оставались очень стабильными.

Во-вторых, если говорить о зарплатах, то в колониальной Корее, как и в большинстве стран в те времена, существовало очень большое неравенство в уровне доходов. Люди, у которых было образование и какие-то технические навыки, обычно получали существенно больше тех, кто мог заниматься только неквалифицированным трудом, — при том, что последних было, по современным меркам, очень и очень много.

В-третьих, основную массу населения страны (около 90%) составляли крестьяне, которые жили натуральным хозяйством и никаких зарплат не получали. Правда, в колониальные времена сельское хозяйство во многом стало товарным, но в целом деревня оставалась миром, где деньги по-прежнему играли скромную роль.

Если говорить о тех, кто жил на зарплату, то в самом низу пирамиды доходов находились неквалифицированные рабочие. Девушка на текстильной фабрике в колониальные времена зарабатывала 7–12 вон в месяц. При этом в среднем она работала 12 часов в день и не всегда имела даже один выходной в неделю (разумеется, ни о каких отпусках и речи не шло). Домашней прислуге платили и того меньше — 4–5 вон в месяц. Правда, служанкам, среди которых также преобладали молодые деревенские девушки, обычно полагалось бесплатное жильё и питание.

Мужчины, занимавшиеся неквалифицированным трудом, получали примерно в полтора-два раза больше женщин. Для неквалифицированного рабочего-мужчины в колониальные времена нормальной месячной зарплатой было 10–15 вон.

Если у человека было образование — пусть даже и начальное, — его доходы были существенно выше. Квалифицированный рабочий получал от 15 до 25 вон в месяц, а зарплаты клерков и мелких чиновников начинались примерно с 20–25 вон. Чиновник или конторский работник мог рассчитывать, что к концу трудовой биографии, даже если ему и не удастся сделать карьеру, его зарплата вырастет до 35–40 вон.

В колониальные времена считалось само собой разумеющимся, что замужняя женщина не должна работать по найму, хотя для неё вполне допустимой считалась работа в семейной мастерской или магазине. В целом же, если

женщины вообще работали за зарплату, то делали они это только до замужества. Вступление в брак тогда почти неизбежно означало увольнение с работы.

Зарплата небольшого количества работающих женщин примерно соответствовала зарплатам низового чиновничества или квалифицированных рабочих. Речь идёт, например, о телефонистках (20 вон в месяц) или о кондукторах автобусов. Последняя специальность считалась в то время престижной: к ней относились примерно так, как позже — к профессии стюардессы. Неудивительно, что кондукторши (обязательно юные девушки приятной внешности, имеющие как минимум начальное образование и владеющие как корейским, так и японским языками) получали 20 вон в месяц.

Очень хорошо оплачиваемой группой были преподаватели, в том числе и школьные учителя. Правда, среди учителей тоже существовала серьёзная дискриминация: женщины получали существенно меньше мужчин, а корейцы — существенно меньше японцев, даже если выполняли одинаковую работу. Средняя зарплата учительницы в колониальные времена составляла около 40–45 вон, что для женщины-корейки было чуть ли не запредельной суммой. Мужчина-японец в среднем получал около 80–85 вон, что, кстати сказать, примерно соответствовало зарплате профессора-корейца в колледже.

Далее речь пойдёт уже об очень высокооплачиваемых специалистах, к которым в колониальные времена относились, например, немногочисленные, но очень уважаемые врачи. Стартовая зарплата врача, который согласился трудиться в государственной больнице, составляла около 100 вон, то есть примерно в 5–6 раз превышала зарплату квалифицированного рабочего. Если же врач не соглашался работать за зарплату, а открывал собственную практику,

---

то его доход обычно составлял 300–500 вон в месяц, что по тем временам было совсем серьёзной суммой (как мы увидим, близкой к зарплате самого генерал-губернатора).

Любопытно, кстати, что высокими доходами также отличалась элита корейского полусвета, куртизанки кисэн. Поскольку налоговые декларации того периода сохранились, мы знаем, что пара десятков самых известных куртизанок страны зарабатывала от 300 до 1000 вон в месяц. Это означает, что некоторые из этих *барышень со (слегка) пониженной социальной ответственностью* и сильно повышенными артистическими талантами вообще зарабатывали больше, чем сам генерал-губернатор Кореи, — хотя последний был одним из ключевых чиновников всей Японской империи.

Зарплата генерал-губернатора, то есть фактически диктатора страны с почти неограниченными полномочиями, время от времени пересматривалась (не всегда, кстати, в сторону увеличения), но в целом оставалась на уровне 550–700 вон в месяц. Правда, следует учитывать, что генерал-губернатор жил на всём готовом и не платил ни за жильё, ни за транспорт, ни за питание.

Сохранившиеся данные корейских налоговиков показывают несколько неожиданную картину: хотя среднестатистический японец зарабатывал существенно больше, чем его корейский коллега, среди самых богатых людей колонии, то есть среди тех, чей месячный доход измерялся многими тысячами вон, до начала тридцатых годов почти не было японцев — все главные богачи были тогда корейцами. Это объясняется тем, что источником по-настоящему больших доходов в те времена могла стать только земля, а крупными землевладельцами в стране в колониальные времена были исключительно корейцы. Только в тридцатые годы, когда в стране заработали большие японские промышленные предприятия, японцы стали появляться и среди богачей.

Таким образом, можно сказать, что в колониальной Корее доходы от 5 до 15 вон были доходами низкими. На такие деньги человек мог с трудом жить сам, но едва ли был в состоянии прокормить семью. Доходы в 15–25 вон следует считать средним уровнем — примерно столько получали тогда большинство работающих по найму горожан. Доходы выше 30–35 вон следовало считать высокими, а доходы, превышающие 100–150 вон в месяц, были показателем не просто зажиточности, а настоящего богатства.

Поэтому то обстоятельство, что номер в самой дорогой гостинице колониального Кёнсона — отеле «Тёсэн» — стоил 10–20 вон, означает, что он был недоступен подавляющему большинству населения страны. Тем не менее были люди, которые платили за ночь в этой гостинице сумму, примерно равную месячному заработку рядового рабочего, — и об этих людях мы поговорим в следующей главе.

ОТЕЛЬ «ЧОСОН», ОТЕЛЬ «ПАНДО» И ИХ ПОСТОЯЛЬЦЫ

1914 г. — открылась гостиница «Чосон»,
первый отель международного класса в Сеуле

В центре Сеула, сразу за универмагом Lotte, высится здание одной из столичных гостиниц класса люкс — «Вестин Чосон» (The Westin Chosun). В наши дни Сеул может похвастаться целым рядом куда более роскошных гостиниц, но ни у одной из них нет столь же долгой и богатой истории.

Нынешняя The Westin Chosun — наследница старой гостиницы, стоявшей на том же месте в 1914–1967 гг. и ставшей первой в Корее полноценной гостиницей международного класса.

Самая первая гостиница западного образца в Сеуле была открыта в 1902 году Антуанеттой Зонтаг, о которой шла речь в связи с ресторанным бизнесом в главе 10 и с которой мы ещё встретимся в главе 18. Гостиница представляла собой небольшое (всего 28 номеров) заведение, разместившееся в двухэтажном кирпичном здании, подаренном госпоже Зонтаг самим государем Кочжоном. Отзывы постояльцев о гостинице сильно разнятся: некоторым посетителям она казалась милой и уютной, а другие считали её слишком уж неприязнительной. Действительно, «гостинице госпожи

Рекламная открытка гостиницы Зонтаг, выпущенная в 1910-е гг., уже после того как сама Антуанетта Зонтаг уехала из Кореи и продала свой бизнес.

На открытке видно здание гостиницы (сверху) и интерьер ресторана на первом этаже (внизу). Этот ресторан стал первым рестораном западной (скорее, впрочем, русской) кухни в Сеуле

Зонтаг», образцом для которой послужили гостиницы российских губернских городов, было далеко до тех роскошных дворцов-отелей, что стали появляться в мировых столицах в конце XIX века.

После открытия в 1905–1906 гг. транскорейской железной дороги, соединившей Пусан, Сеул и приграничный с Китаем город Синьиджу (см. главу 9), в корейскую столицу всё чаще стали прибывать состоятельные путешественники из-за границы. Сначала таких туристов было немного, но их количество постоянно росло, и они, будучи людьми небедными, искали себе жильё, которое бы соответствовало их статусу и привычкам.

В 1910-е гг. администрация железных дорог Японской империи стала развивать сеть железнодорожных

гостиниц — этим, кстати, занимались тогда железнодорожные менеджеры во многих странах мира. Появилась такая гостиница и в Сеуле. Её здание было спроектировано Георгом де Лаланде, немецким архитектором, в то время активно работавшим в Японии и Корее. В Сеуле его сейчас помнят в первую очередь как главного архитектора ныне снесённого здания администрации генерал-губернаторства (см. главу 14). Под началом Георга де Лаланде над проектом железнодорожной гостиницы в Кёнсоне работала группа японских инженеров и архитекторов. Строительство началось в апреле 1913 года, а 30 сентября 1914 года гостиница была официально открыта. Она располагала 69 номерами и могла принять до 106 гостей. Хотя до 1945 года гостиница официально именовалась «Железнодорожной», чаще её называли отелем «Тёсэн» (Chosen Hotel) — в соответствии с японским произношением двух китайских иероглифов, вместе означающих «Чосон» (то есть «Корея»).

В наши дни эту гостиницу, вероятно, назвали бы *пятизвёздочной*, но в те времена классификации отелей по числу звёзд ещё не существовало — эта система появилась только в 1950-е гг. Тем не менее новый отель отличался тем уровнем роскоши, который сейчас ассоциируется именно с пятизвёздочными гостиницами.

Номера «Тёсэна» были просторными, а высота потолков в самых дорогих из них достигала 4,5 метра. В комнатах второго этажа были камины, а номера на верхних этажах отапливались радиаторами парового отопления, что по тем временам было новшеством. Апартаменты на верхнем — четвёртом — этаже были меньше и имели наклонные потолки, напоминавшие знаменитые мансарды старого Парижа.

Постельное бельё, столовое серебро и даже люстры были специально закуплены для отеля за границей. В здании гостиницы заработал первый в Корее пассажирский

лифт (производства компании Otis). Он был небольшим: так, в 1919 году один посетитель заметил, что кабина лифта «казалась переполненной», если в неё входили три пассажира. Тем не менее для Кореи того времени такое устройство было чудом.

В течение следующих 25 лет, вплоть до завершения строительства гостиницы «Пандо» в 1938 году, отель «Тёсэн» (или «Железнодорожный отель») оставался в Сеуле единственным отелем класса люкс. Он был местом, где и богатые японцы, и довольно редкие западные гости могли расположиться с тем комфортом, к которому привыкли.

Как рассказывалось в главе 10, старый «Тёсэн» сыграл роль и в истории корейского общепита. До 1945 года его ресторан был самым известным рестораном западной кухни в городе. Он славился, в частности, *крафтовым* (как сейчас принято выражаться на американский манер) пивом, которое считалось лучшим в Корее. Другой диковинкой в меню было мороженое.

Королевский люкс (номер 201), лучший номер гостиницы, предназначался для членов королевских фамилий — в основном для японских принцев. В том же королевском люксе проживал принц Ли Ын (Ёнчхин-ван), наследник корейского престола. В 1926 году там же останавливался шведский наследный принц Густав Адольф, будущий король Густав VI Адольф. Наследный принц, археолог-любитель, приезжал в Корею, чтобы осмотреть древние королевские гробницы государства Силла, которые были обнаружены японскими археологами незадолго до этого.

В 1935 году в номере 201 останавливался человек совсем не королевских кровей. Это был Серж Рубинштейн, блестящий, но беспринципный финансист, отец которого, Д. Л. Рубинштейн, был финансовым советником Григория Распутина. Серж Рубинштейн имел обширные финансовые

Отель «Тёсэн» (он же «Железнодорожный отель»),
открывшийся в 1914 году, стал первой гостиницей международного класса
в корейской столице

интересы в Корее и Восточной Азии в целом. Он формально считался гостем японского императорского дома, что, впрочем, не мешало ему контрабандным путём вывозить из Кореи золото и серебро.

Герберт Гувер, будущий президент США (1929–1933), в 1915 году тоже останавливался в отеле «Тёсэн». Однако в то время он был всего лишь успешным горным инженером и начинающим политиком и поэтому не мог рассчитывать на королевскую роскошь номера 201. Между прочим, из всех президентов США Гувер был, вероятно, наиболее тесно связан с Кореей в личном плане: ещё будучи горным инженером, он приобрёл акции находившихся в северной части Кореи золотых приисков, которыми до конца 1930-х гг. управляла американская компания ОСМС. Эти прииски в колониальные времена являлись фактически

Рекламный проспект отеля «Ханто» (в корейском произношении тех же иероглифов — «Пандо»), около 1940 года. Только что построенный отель был крупнейшим в корейской столице

единственным крупным неяпонским предприятием на всей территории Кореи.

Стоимость проживания в отеле «Тёсэн» была так высока, что даже скромные номера снять могли очень немногие. В начале 1930-х гг. плата за номер составляла от \$5 до \$10, то есть по курсу тех лет 10–20 вон за ночь. Напомню, что в те времена рабочий в Корее получал около 15 вон в месяц.

В 1938 году неподалёку от «Тёсэн» начал работать второй в колониальном Кёнсоне (Сеуле) отель международного класса, который по-корейски именовался «Пандо», а по-корейски — «Ханто» (в переводе «*полуостров*»: имеется в виду, конечно, Корейский полуостров). С самого начала стало ясно, что и по размерам, и по роскоши отель «Пандо» сильно превосходит своего соседа. В нём было 96 (после реконструкции — 111) номеров, половина из которых были

обставлены в японо-корейском, а половина — в западном стиле. На момент официального открытия «Пандо» был четвёртым по размеру отелем Восточной Азии.

Основателем отеля «Пандо» стал Ногуты Ситагау, японский магнат, который сделал состояние в Корее и которому принадлежали химические заводы в Хамхыне, на севере страны. По легенде, Ногуты, который обычно одевался очень скромно, не пустили в отель «Тёсэн» и он, рассердившись, решил построить по соседству куда более современный отель. Не уверен, впрочем, насколько эта история правдива: рассказ о миллионере, которого не пустили в роскошный отель или клуб и который отомстил за это неуважение, давно уже стала ходячим сюжетом. Тем не менее в эту историю верили многие.

Однако, как ни парадоксально, в первые годы своего существования «Ханто» («Пандо») не мог сравниться по известности со старым «Тёсэном». Это было вызвано политическими обстоятельствами: когда новый отель начал свою работу, в Восточной Азии уже полыхала война. Закончились те времена, когда в Корею на досуге заглядывали богатые британские туристы, кандидаты в президенты США и интересующиеся археологией европейские принцы. Среди постояльцев «Ханто» в первые годы преобладали суровые японские мужчины — генералы императорской армии и главы японских концернов-дзайбацу.

Судьба и «Тёсэн», и его соседа-соперника изменилась после освобождения страны. В сентябре 1945 года, когда генерал-лейтенант Ходж, командующий войсками США в Корее, прибыл в Сеул, он — вполне логично — поселился в королевском люксе отеля «Тёсэн». Вскоре после этого Ходж переехал в «Пандо», но номер 201 не пустовал: в нем провёл первые несколько недель после триумфального возвращения

из эмиграции Ли Сын-ман, будущий первый президент Южной Кореи. Тем временем «Пандо» на несколько лет перестал функционировать как отель, превратившись в штаб-квартиру американской военной администрации в Южной Корее.

Когда в августе 1948 года Ли Сын-ман приступил к исполнению президентских обязанностей, одним из первых его шагов стала попытка переименовать отель «Тёсэн», который все ещё оставался главной гостиницей страны. Название отеля означает «Корея», но при Ли Сын-мане страну по-корейски стали называть Хангук, а не Чосон, как было раньше. Старое название отеля оказалось политически нежелательным, но менеджеры в конце концов убедили президента, что по соображениям маркетинга не следует отказываться от известного и хорошо раскрученного бренда. Отель сохранил прежнее название, которое используется и сегодня. Поменялась только одна буква в его латинской транскрипции: Chosen Hotel (что примерно отражает японское произношение иероглифов) превратился в Chosun Hotel (примерная запись корейского произношения тех же самых иероглифов). Чтобы отразить переименование, с этого момента мы будем говорить об отеле «Чосон».

«Чосон» находился в государственной собственности. Экономика Южной Кореи в те времена была совсем крошечной по объёму, поэтому этот отель считался достаточно важным бизнесом, и было оправданно прямое вмешательство президента страны в вопросы управления отелем. На пост главного управляющего Ли Сын-ман лично пригласил Альфреда Матти, швейцарского специалиста по гостиничному делу.

В самые первые дни Корейской войны гостиница «Чосон», населённая в основном журналистами, была главным местом обмена новостями и слухами. Однако к 27 июня 1950 года в ней остался только один жилец: французский

журналист, решивший освещать падение Сеула. Впрочем, в последний момент, когда северокорейские танки ворвались на улицы города, он передумал играть в опасные игры и поспешил удалиться в посольство Франции. Печальная судьба Альфреда Матти, о которой будет рассказано чуть позже, указывает на то, что французский журналист, скорее всего, принял тогда правильное решение.

К вечеру 28 июня Сеул был занят войсками Севера, и в номере 201 появился новый постоялец — Ли Сын-ёп, вновь назначенный северокорейский комендант Сеула. Он хорошо знал город: когда-то был одним из лидеров коммунистического подполья столицы. Лето 1950 года он провёл в номере 201, где до него останавливались как его главные на тот момент враги — Ходж и Ли Сын-ман, так и общие враги всех троих — принцы японской правящей династии. Другие северокорейские чиновники занимали менее роскошные номера. В отеле всё ещё работал прежний персонал, включая и Альфреда Матти.

Большинство новых гостей были людьми простоватыми, и их поведение часто удивляло сотрудников гостиницы, привыкших обслуживать миллионеров, дипломатов и принцев. Например, один северокорейский офицер ошибочно принял душистое мыло за необычную сладость и попытался его попробовать на вкус.

В конце сентября северокорейскому начальству пришлось срочно покинуть отель: власть в Сеуле снова поменялась, в город вошли американо-южнокорейские войска. Ли Сын-ёп ушёл на север, и туда же отправили швейцарского отельера Матти — в насильственном порядке, разумеется, под конвоем, вместе с другими гражданами западных стран. Матти, которому тогда было 48 лет, скончался в ноябре 1950 года в северокорейском плену: несмотря на относительно молодой возраст, трудности затяжного марша

оказались для него непосильными. Впрочем, Ли Сын-ёп его пережил не намного: как и подавляющее большинство особо активных южнокорейских коммунистов, он был репрессирован Ким Ир Сеном в 1953 году (разумеется, как «американский и японский шпион») и благополучно сгинул где-то в северокорейской тюрьме.

В Сеуле 1950-х гг. гостиница «Пандо» на протяжении пары десятилетий оставалась едва ли не самым внушительным сооружением корейской столицы, так что её номера часто снимали под офисы представительства крупных иностранных фирм. Интересно, что номер 808 в 1961 году был закреплён на постоянной основе за премьер-министром Чан Мёном, который использовал его в качестве своей дополнительной резиденции. Поэтому во время переворота 16 мая 1961 года, который привёл к власти военный режим Пак Чон-хи, военные из восставших частей ворвались в гостиницу. В их задачу входил арест премьер-министра, однако Чан Мён, узнавший о начале переворота, успел покинуть гостиницу. Правда, рейд путчистов на «Пандо» не был безуспешным: в гостинице ими был найден (и арестован) военный министр свергаемого правительства.

Но вернёмся к сопернику и предшественнику «Пандо» — гостинице «Чосон». К концу 1960-х гг. она всё больше терялась в тени молодых конкурентов. Её некогда знаменитый лифт теперь всё чаще застревал между этажами. В те дни старой гостиницей «Чосон» управляла KNTC, государственная туристическая корпорация Кореи. После долгих споров и размышлений в 1966 году корпорация решила снести старое здание и построить на его месте новое, сохранив при этом название гостиницы.

Строительство новой гостиницы на старом месте (и под старым названием) было завершено в марте 1970 года, и президент Пак Чон-хи лично присутствовал на церемонии

Гостиница «Пандо» в 1965 году, когда она ещё оставалась центром жизни сеульской элиты (через четыре года после того, как в неё в поисках премьер-министра ворвались путчисты)

открытия. В те дни открытие высотного здания рассматривалось как событие достаточно важное, чтобы его почтил своим присутствием глава государства.

Сосед и соперник «Чосона» пережил его ровно на десятилетие — работы по сносу здания «Пандо» начались в марте 1979 года. Сейчас на его месте высится здание гостиницы Lotte. В каком-то смысле «Тёсэн» («Чосон»), своего соперника пережил: и в наши дни в центре Сеула, на том самом месте, где в 1914 году начал работу отель «Тёсэн», стоит преемница отеля, почти одноимённая гостиница — The Westin Chosun. А отель «Пандо» исчез, не оставив после себя, так сказать, *институциональных потомков* — построенная на его месте гостиница Lotte с ним никак не ассоциируется.

Отель «Тёсэн» был одним из немногих крупных зданий в западном стиле, построенных в Сеуле в годы колониального

правления. Из всех подобных строений здание администрации генерал-губернаторства (известное как дом генерал-губернатора и *Сеульский Капитолий*) являлось, безусловно, самым крупным и символически важным. Его история — тема следующей главы.

СЛИШКОМ СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЗДАНИЕ

1916 г. — в Сеуле начато строительство здания
администрации генерал-губернаторства

В течение 75 лет архитектурной доминантой центрального Сеула было большое и несколько тяжеловесное серое здание в неоклассическом стиле, весьма модном в Европе начала прошлого столетия. Среди выходцев из стран Запада оно было известно как Сеульский Капитолий (корейцы, впрочем, это название не использовали), так как оно действительно походило на здание Конгресса США в Вашингтоне. Его строили для колониальной администрации, и уже одно это обрекло его в перспективе на уничтожение: 15 августа 1995 года, в день 50-й годовщины независимости, с подобающей помпой начались работы по сносу этого монументального здания.

Формально Корея потеряла независимость в 1910 году, но к тому времени корейский государь уже несколько лет был беспомощной марионеткой в руках японцев. Все важные решения должны были утверждаться генерал-резидентом Японии. Тем не менее полный переход страны под японское управление произошёл в 1910 году и, помимо прочего, привёл к резкому росту бюрократического аппарата. Если в 1910 году генерал-резиденту подчинялись 73 японских

сотрудника, то в 1911 году в центральной колониальной администрации насчитывалось уже 840 чиновников.

В связи с этим в 1911 году было решено построить новую колониальную штаб-квартиру. Место для неё выбиралось тщательно: новый комплекс должен был располагаться возле входа во дворец Кёнбоккун — бывшую главную резиденцию корейских государей.

Чтобы освободить место под строительство, были снесены некоторые постройки дворца Кёнбоккун. Под угрозой уничтожения оказались даже ворота Кванхвамун — главный вход в старинный дворец и гордость корейской архитектуры. Это вызвало бурное возмущение. Любопытно, что голос протеста был поднят вовсе не корейской интеллигенцией и не мировым общественным мнением. Корейцы были слишком запуганы, чтобы протестовать, а зарубежной общественности в то время не было никакого дела до происходящего в Сеуле. Да и сама идея охраны памятников прошлого, столь очевидная для нас, тогда только пробивала дорогу в массовое сознание. Давление на колониальную администрацию с требованием защитить корейское культурное наследие оказал видный японский интеллектуал Янаги Мунэёси. Именно его протесты в итоге спасли и ворота Кванхвамун, и некоторые другие образцы корейского архитектурного наследия. Ворота были перенесены на новое место, где они не загромождали вид на величественное здание администрации (в 1968 году ворота Кванхвамун вернулись на своё первоначальное место).

По архитектуре новая постройка напоминала множество аналогичных административных зданий, которые возводились тогда по всему миру. Например, она была очень похожа на резиденцию британского генерал-губернатора Индии в Нью-Дели, ныне превращённую в президентский дворец. Вместе с тем архитектура сеульского здания несла отпечаток

Официальная фотография, которая показывает,
как здание администрации генерал-губернатора выглядело
в колониальные времена

японской националистической символики. В частности, часто можно встретить утверждения о том, что план здания специально повторял китайский иероглиф 日, который был частью слова «Япония» (日本) (впрочем, в те времена крупные здания и безо всякого символизма часто строили таким образом, с двумя закрытыми внутренними дворами).

Любопытно, что при всей этой националистической и имперской символике здание было спроектировано западным архитектором. Колониальные власти пригласили для работы над проектом Георга де Лаланде, немецкого архитектора, с 1901 года жившего и трудившегося в Японии и Китае и хорошо известного в японских архитектурных кругах. Ему помогали японские архитекторы, двое из которых, Номура Итиро и Куниэда Хироси, продолжили работу после внезапной смерти Георга де Лаланде в 1914 году. Интересно, что Номура Итиро впоследствии спроектировал и здание японской

Так выглядел кабинет генерал-губернатора в колониальные времена

Тот же самый кабинет спустя примерно четыре десятилетия — на тот момент, в начале 1980-х гг., он служил кабинетом премьер-министра Республики Корея

колониальной администрации на Тайване, которое и ныне используется в Тайбэе как президентский дворец (жители Тайваня относятся к японскому правлению совсем иначе, чем жители Кореи, — хотя в колониальные времена судьба этих двух стран была очень схожей).

Следуя основной концепции Георга де Лаланде, Номура Итиро и Куниэда Хироси, тем не менее внесли в проект и некоторые важные изменения. Например, характерный купол здания, который делал его столь узнаваемым, был добавлен в проект уже после смерти главного архитектора. Строительные работы начались летом 1916 года, но для завершения строительства потребовалось целое десятилетие. Работы закончились в 1926 году, а чиновники переехали в новые помещения в мае 1928 года.

Те, кто, подобно автору этих строк, видел здание администрации генерал-губернаторства только в 1990-е гг., незадолго до сноса, не могут в полной мере оценить, насколько впечатляюще выглядело это сооружение в первые десятилетия своей истории, когда на фоне одноэтажного Кёнсона оно казалось воистину гигантским. Строение занимало участок площадью около 7000 м² и имело четыре наземных и один подвальный этаж, так что общая его площадь составляла 31 000 м². В здании было 257 комнат, включая просторный кабинет самого генерал-губернатора. Основным строительным материалом служил железобетон: здание администрации было одним из первых крупных сооружений, при возведении которого использовалась эта новая для Кореи технология. Облицовано здание было камнем, который добывали в окрестностях Кёнсона (Сеула).

Кёнсон конца 1920-х гг. был городом одно- или двухэтажных домов, многие из которых по-прежнему имели соломенные крыши. Смотревшееся величественно на их фоне здание администрации оставалось главной архитектурной доминантой городского центра до конца 1960-х гг., когда экономический рост и крупномасштабное строительство изменили корейскую столицу до неузнаваемости. Интерьеры тоже были впечатляющими: мраморные полы, просторные залы и гранитные стены резко контрастировали со скромными жилищами большинства корейцев, создавая атмосферу богатства и могущества.

В здании было устроено девять лифтов (производства и поныне действующей компании Otis), а кабинеты соединила система электрических звонков, так что начальник мог вызвать подчинённого к себе в кабинет простым нажатием кнопки. Кроме этого, в здании действовала система пневмопочты, которая обеспечивала быструю доставку документов и письменных сообщений (десятилетием позже такая же система была установлена в здании японского парламента

в Токио, где используется и поныне). Здание администрации было оборудовано и самой совершенной по тем временам системой парового отопления — ведь Сеул, по меркам японцев, было городом холодным.

Хотя к концу своей истории Сеульский Капитолий стал рассматриваться в корейском обществе как символ японского правления, именно в этом здании произошли события, положившие конец колониальной зависимости. 9 сентября 1945 года в конференц-зале здания администрации Абэ Нобуюки, последний генерал-губернатор Японии, встретился с генерал-лейтенантом армии США Ходжем, чтобы подписать акт о капитуляции японских войск. В 16:30 акт был подписан, японский флаг перед зданием спущен, и японское колониальное правление закончилось — к радости большинства корейцев. Однако независимость не принесла ни мира, ни процветания, и невзгоды последующих десятилетий повлияли на судьбу здания.

Когда 15 августа 1948 года Ли Сын-ман объявил о провозглашении Республики Корея, нового независимого Корейского государства, церемония также прошла перед Сеульским Капитолием, который после этого превратился в президентскую канцелярию. Впрочем, сам Ли Сын-ман это здание не очень любил и в нём обычно не работал.

Во время Корейской войны Сеул четыре раза переходил из рук в руки, и во время ожесточённых боёв здание было сильно повреждено. Тем не менее оно оставалась символически самым важным строением корейской столицы, и именно там 28 сентября генерал Дуглас Макартур устроил церемонию, ознаменовавшую освобождение Сеула американо-южнокорейскими войсками. Во время церемонии, проходившей в полуразрушенном здании, осколки стекла из разбитых окон время от времени падали на участников, но на это старались не обращать внимания.

На протяжении 1950-х гг. массивное здание-призрак доминировало над городским пейзажем центрального Сеула, который оставался малоэтажным: у правительства разорённой войной страны не было денег ни на его снос, ни на его восстановление. Только в начале 1960-х гг. администрация Пак Чон-хи отремонтировала здание и использовала его для размещения Кабинета министров. Вариант со сносом тоже обсуждался, но простой расчёт показал, что ремонт и переоборудование существующего здания будет стоить всего 20% от той суммы, которая потребуется для строительства аналогичного сооружения с нуля. Среди прочего, высокое качество железобетона обернулось серьёзной проблемой, финансово и технически усложнившей задачу сноса, — японцы строили прочно. По зрелом размышлении на возведение нового здания решили не тратить денег: здание-призрак привели в порядок и передали премьер-министру Республики Корея и его аппарату. В ходе ремонта присутствовавшая в здании ранее японская символика была уничтожена и заменена на корейскую.

Только в 1985 году чиновники навсегда покинули бывшее здание администрации генерал-губернаторства, и оно было передано Национальному музею, проработавшему в его стенах чуть больше десятилетия.

Однако здание и его прошлое постоянно вызывали чувство дискомфорта у корейцев — при этом парадоксальным образом по мере того, как колониальные времена всё больше становились частью истории, связанные с ними негативные эмоции усиливались. Тот факт, что в здании когда-то размещалась колониальная администрация, перевешивал и его архитектурную ценность, и его историческое значение, так что в середине 1990-х гг. было принято решение о его сносе. За этим решением стоял президент Ким Ён-сам, который всегда был готов повысить свою популярность,

---

продемонстрировав жёсткость в отношениях с Японией. Снос давал возможность освободить занятую зданием территорию и вернуть её первоначальному владельцу — дворцу Кёнбоккун.

15 августа 1995 года Корея отметила пятидесятую годовщину независимости, и именно в этот день начался демонтаж Сеульского Капитолия: кран снял знаменитый купол, венчавший здание. Работы заняли несколько месяцев, и сейчас здание администрации генерал-губернаторства, которое оставалась центром корейской политической и административной жизни в течение шести десятилетий, теперь можно увидеть только на старых фотографиях.

Среди разнообразных вопросов, которые когда-то вызывали большую озабоченность колониальных властей, следует упомянуть проблему регулирования проституции. Коммерческий секс в Корее в колониальную эпоху был разрешён и облагался налогом. О проституции пойдёт речь в следующей главе.

1916 г. — колониальная администрация вводит общекорейские правила, регулирующие проституцию

Традиционно в странах Восточной Азии внебрачный секс не осуждался — если говорить о мужчинах, разумеется. Коммерческий секс тоже не вызывал особой озабоченности.

Однако в Корее в старые времена проституция была явлением на удивление редким. Только самые богатые и влиятельные люди могли позволить себе иметь дело с куртизанками кисэн, в то время как простолюдинам коммерческий секс был практически недоступен. В исторических документах иногда встречаются упоминания о дешёвой проституции для народных масс, но, судя по всему, то были исключения, а не правило.

В наши дни корейские националисты любят напоминать об этом историческом факте, который является для них очередным доказательством «духовной чистоты корейцев». Однако этому феномену можно найти и более прозаические объяснения. В старой Корее почти отсутствовал класс зажиточной городской протобуржуазии, который во всём мире является основным потребителем платных секс-услуг. Поэтому получилось так, что проституция в Корее появилась поздно и во многом под влиянием Японии.

Ворота Намдэмуна в 1920-е гг. Уже есть электричество и трамвай и установлены фонари в стиле европейского модерна, но улицы ещё не асфальтированы, а большинство людей одеты в традиционную одежду (корейскую или японскую)

Япония, отказавшись в 1850-х гг. от политики самоизоляции, вскоре вступила в период быстрого экономического развития. Тем не менее в течение десятилетий она оставалась очень бедной страной, и некоторое время «экспортно-ориентированная» проституция была одним из важнейших источников валюты. Японские проститутки, которых называли *караюки-сан* (дословно — «те, кто едет за границу»), занимались своим ремеслом по всей Азии — от Сиднея до Владивостока, от Шанхая до Сингапура — как правило, под присмотром японских владельцев публичных домов. Присутствовали они и на российском Дальнем Востоке, где с этими барышнями имел дело, в частности, А. П. Чехов, в частной переписке высоко оценивший их профессиональные качества. Деньги, которые караяюки-сан посылали на родину, служили третьим по значению источником иностранной валюты для Японии на рубеже XIX и XX веков.

Находящаяся по соседству Корея входила, разумеется, в число тех стран, где караюки-сан работали с полной отдачей. Вопреки популярному представлению, которое активно распространяют корейские националистические пропагандисты, типичный акт коммерческого секса в Корее 1910–1920-х гг. происходил вовсе не между похотливым японцем и несчастной корейской девушкой, которую в проституцию загнала нужда. На деле более распространённой была ситуация, когда кореец (предположительно, на самом деле похотливый) платил за секс японской проститутке (которая занялась этим делом, скорее всего, действительно не от хорошей жизни). До 1910-х гг. японки составляли подавляющее большинство проституток в Корее, да и в 1920-е гг. японок в этом бизнесе было больше, чем корейнок, хотя разрыв постепенно сокращался.

Японские сутенёры и их подопечные были одними из первых, кто прибыл в Корею после того, как в 1876 году она открыла три порта — Пусан, Вонсан и Инчхон — для внешней торговли. Как указано в одном из донесений японского консула, уже в 1881–1882 гг. в Пусане было около сотни японских проституток. Ещё несколько десятков караюки-сан трудились в Вонсане.

Японское консульство в Пусане с самого начала добивалось от МИДа в Токио решения легализовать японскую проституцию в открытых портах Кореи — при условии, что консульство будет осуществлять контроль над японскими борделями и иными сходными заведениями. В 1881 году, после некоторых колебаний, проституция в Пусане и Вонсане (но не в Инчхоне!) была легализована. В связи с этим консульства в Пусане и Вонсане выпустили официальные инструкции для борделей, более или менее напоминающие те, что действовали тогда в самой Японии.

Согласно инструкциям консульств, проститутки должны были регистрироваться и проходить регулярные обследования на венерические заболевания, а сутенёры обязаны были платить налоги. К 1883 году в девяти борделях Пусана официально работали 94 проститутки, а мужское японское население города на тот момент составляло 997 человек — в основном молодых и одиноких.

На том этапе коммерческий секс был занятием, в котором и в качестве клиентов, и в качестве работниц, и в качестве организаторов выступали исключительно японцы. Когда около 1880 года японский сутенёр в Пусане нанял в свой бордель четырёх кореянок, его заведение было тут же закрыто, а его самого и его работниц наказали. Произошло это при активном участии японского консульства, которому совсем не были нужны конфликтные ситуации и трения на коммерческо-сексуальной почве. До середины 1890-х гг. японское консульство в Пусане прилагало все усилия для того, чтобы в индустрии коммерческого секса, которая в то время обслуживала преимущественно японскую клиентуру, трудились исключительно японки.

Как отмечалось, проституция была легализована только в двух из трёх портов, открытых для иностранной торговли. В Инчхоне, ещё одном открытом порту, легализация проституции произошла далеко не сразу. Японский МИД упорно отказывался легализовать бордели в этом городе (напомню ещё раз: в то время подразумевалось, что персонал борделей будет состоять из японок и обслуживать они будут японцев). В Токио считали, что легализация проституции в Инчхоне приведёт к ухудшению имиджа Японии в мире. В отличие от Пусана и Вонсана, где иностранные общины практически полностью состояли из японцев, в Инчхоне проживало довольно много подданных западных стран. На дворе была Викторианская эпоха, известная своим (во многом показательным)

пуританством, а японцы в те времена чрезвычайно трепетно относились к тому, что о них подумают на Западе.

Несмотря на запреты и отказы, консульство в Инчхоне продолжали давить на начальство в Токио, добиваясь разрешения на легализацию проституции по примеру Пусана. Консульские работники говорили об опасности распространения венерических заболеваний и о прочих проблемах, связанных с подпольной проституцией. Однако Токио оставался непреклонен. Ответные депешы разъясняли, что японское правительство не может открыто одобрить такой морально сомнительный вид деятельности в городе, где постоянно находится значительное количество выходцев из стран Запада.

Будучи дисциплинированными государственными служащими, сотрудники консульства выполняли указания центра и продолжали всеми силами поддерживать порядки, которые сами считали контрпродуктивными. Пытаясь перекрыть «канал поставок», японское консульство в Инчхоне на время полностью запретило въезд в Корею всем японкам от 13 до 30 лет, если они только не были членами семей японских мигрантов или сотрудницами ряда официально признанных и уважаемых японских компаний. Мера эта не помогла: присутствие в городе большого количества молодых, здоровых и холостых японцев, привыкших к легкодоступному коммерческому сексу у себя на родине, не могло не создавать спроса на проституцию — вне зависимости от того, была она легальной или нет.

Только приход японских войск на Корейский полуостров во время Японо-китайской войны 1894–1895 гг. сделал официальное признание борделей неизбежным. Примерно в то же время японские сутенёры начали обманом или силой вовлекать в свой бизнес и корейянок. К 1895 году проституция в Корее перестала быть исключительно японским занятием.

Около 1900 года стали появляться первые специализированные «кварталы красных фонарей». Некоторые источники

утверждают, что и здесь пальма первенства была у Пусана, но, судя по всему, в этот раз Инчхон опередил конкурента: первый такой квартал появился в Инчхоне в декабре 1901 года, тогда как в Пусане это произошло несколько месяцев спустя, в июле 1902 года. Вслед за этим такие кварталы появились в Вонсане (1903), Сеуле (1904) и других городах с крупными японскими общинами. В течение нескольких последующих лет была введена система обязательных медицинских осмотров и иных мероприятий, направленных на профилактику венерических заболеваний.

В 1908 году завершилась целая эпоха: специальным указом был отменён освящённый веками и официально признанный институт кисэн. С этого момента регулированием деятельности куртизанок стали заниматься ассоциации кисэн, своего рода гильдии. Изменение привело к тому, что грань между кисэн и элитными проститутками, и без того довольно зыбкая, стала исчезать.

31 марта 1916 года канцелярия японского генерал-губернатора Кореи выпустила сборник правил по регулированию проституции в колонии. В корейской историографии публикацию правил 1916 года очень часто преподносят как отправной момент в истории проституции в стране. Как мы видели, это не совсем так, поскольку какие-то правила, регулирующие секс-индустрию, пусть и направленную изначально исключительно на японцев, существовали в Корее как минимум с 1881 года. Тем не менее правила 1916 года являются важным документом, который заменил все местные предписания общенациональными нормами. Его действие длилось вплоть до падения колониального режима.

Согласно статистическим данным, в 1910 году, то есть в первый год колониального правления, по всей Корее насчитывалось 5294 профессиональные проститутки. В то время население Кореи составляло примерно 17 млн человек, и, соответственно,

---

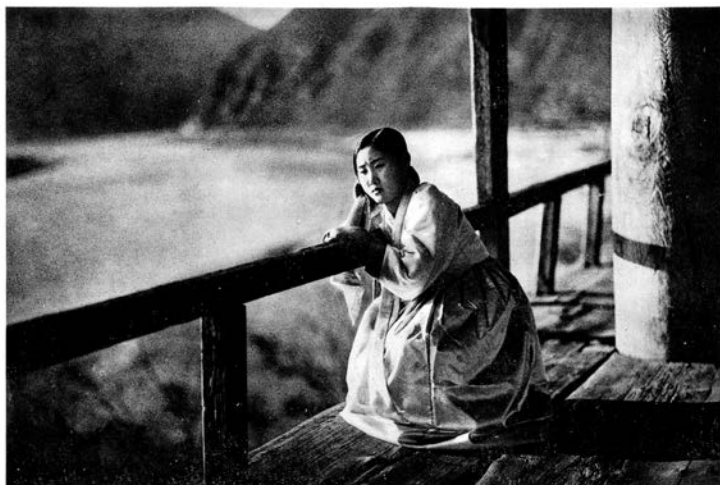
одна представительница древнейшей профессии приходилась примерно на 3000 жителей, что вообще-то довольно мало для доиндустриального общества с сильной патриархальной моралью. Абсолютное большинство проституток — 4091 — тогда были японками. Корейнок среди них было 1193, а оставшиеся десять были зарегистрированы как «иностранки» (скорее всего, это были китайки, обслуживавшие в основном китайскую клиентуру).

Только в 1930 году число корейнок среди проституток сравнялось с числом японок: в тот год в официально зарегистрированных борделях трудились 4485 корейнок и 4431 японка (а также четыре «иностранки»). Однако, хотя абсолютное число корейских и японских проституток и сравнивалось, следует помнить, что корейцы тогда составляли около 98% всего населения страны. В пропорциональном отношении присутствие корейнок в секс-индустрии оставалось низким вплоть до окончания колониального периода.

В 1942 году информация о работницах сферы интимных услуг была официально опубликована колониальными властями в последний раз (в 1943 и 1944 годах у них были дела поважнее учёта проституток). По состоянию на 1942 год в Корее было около 15 625 проституток, из которых 5455 были японками и 10 169 — корейками (плюс одна «иностранка»).

Необходимо сделать одно важное пояснение: в приведённые выше данные не включены так называемые *женщины-утешительницы* — несчастные девушки, которых обманом или силой отправили обслуживать сексуальные нужды японских военных в гарнизонах в Китае и на островах Тихого океана. Счёт этим девушкам шёл на десятки тысяч, и о них следует говорить отдельно.

Жизнь элитных куртизанок была полна гламура — по крайней мере, на первый взгляд, ведь несколько наиболее высокооплачиваемых кисэн и гейш имели доходы, которые

«Кисэн любит речную гладь». Из японской коллекции художественной фотографии, посвящённой Корее. Снимок снабжён поэтической подписью, в которой сообщается, что девушка эта смотрит на реку и думает о своих далёких родителях. Фотография 1930 года из японского географического журнала

превосходили зарплату самого генерал-губернатора. Однако большинство женщин в секс-индустрии колониальных времён были даже не столько наёмными работницами, сколько полурабынями. От них требовалось отдавать «долги» своим хозяевам. В долг включались все расходы, которые хозяин потратил на содержание девушки: плата за жильё, одежду и многое другое, а также деньги, которые хозяин заплатил родителям девушки при её «найме». Долги эти были большими, а процент — высоким, поэтому расплатиться было крайне сложно. В 1932 году в Пхеньяне долг, числившийся за японской проституткой, составлял от 700 до 2500 вон, а за корейской — от 200 до 700 вон (средняя зарплата в городах в то время составляла примерно 15–20 вон в месяц).

Корейские проститутки низшей категории зарабатывали в месяц около 30–40 вон. Ежемесячный доход элитной

японской проститутки, которая ещё умела и развлечь клиента связной беседой, приближался к 200 вонам. Поскольку в качестве выплат по долгу проститутки обычно отдавали около половины своего заработка, сумма, которая оставалась на жизнь элитной проститутке-куртизанке, составляла приблизительно 100 вон — тоже неплохие деньги по тем временам, примерно равные зарплате ведущего профессора в университете. С другой стороны, низкооплачиваемым корейским проституткам после уплаты процентов по долгу приходилось жить на 15–20 вон в месяц.

Девушки, занятые в этом бизнесе, по большей части были очень молоды: в конце 1930-х гг. 86% всех зарегистрированных проституток были моложе 25 лет (японки обычно бывали немного старше кореенок). 84% кореенок не имели вообще никакого образования, в то время как большинство японок окончили как минимум начальную школу и были грамотны.

Помимо откровенной продажи сексуальных услуг за наличные, в колониальной Корее были занятия, которые трудно однозначно охарактеризовать как проституцию, но которые были к ней довольно близки. Женщины, вовлечённые в некоторые профессиональные сферы (например, официантки кафе и *табанов*), рассматривались общественным мнением как «почти проститутки», готовые либо переспать с любым, кто может за это заплатить, либо рассмотреть *предложения о спонсорстве* одного или нескольких состоятельных мужчин.

Появление в Кёнсоне кафе и табанов означало, что в корейской столице возник спрос на новые формы развлечений. Одним из новых развлечений стал зрелищный спорт, о чём расскажет следующая глава.

1910-е гг. — появление и распространение в Корее западных спортивных игр — футбола и бейсбола

На протяжении долгого времени сама идея спорта корейцам была глубоко чужда. В этой связи можно вспомнить историю, которую в своё время часто пересказывали друг другу живущие в Корее иностранцы и которая якобы случилась в последние годы XIX века. Некий корейский аристократ (в некоторых версиях этой истории в его роли выступает сам король Кочжон) якобы однажды наблюдал за группой иностранцев, с увлечением играющих в теннис. Было очевидно, что это занятие отнимало у играющих немало сил, так что озадаченный аристократ поинтересовался, почему они не перепоручили такую изнурительную физическую работу своим слугам.

В старой Корее физические упражнения были частью военной подготовки, но воспитанный в конфуцианской традиции благородный дворянин *янбан*, не планирующий идти на военную службу, не стал бы опускаться до столь странного и бессмысленного занятия. В отличие от милитаризированной (и малограмотной) средневековой Европы, в Восточной Азии представителями элиты физическая сила никогда не ценилась. Она, скорее, считалась атрибутом дикарей и простонародья.

Популяризация западных видов спорта в Корее началась с внедрением западного образования и появлением в стране первых современных школ, в учебные программы которых

были включены и уроки физкультуры. Для корейцев рубежа XIX и XX веков спорт стал ещё одним проявлением *современности* и *прогресса*, символом происходящих в стране позитивных перемен, так что спортивные праздники, ставшие важной частью школьной жизни с конца 1890-х гг., вызывали у всех большое воодушевление.

Первая частная корейская газета «Тоннип синмун» (о ней см. главу 30) в конце 1896 года писала, что иностранцы, работавшие в Королевской школе английского языка в Сеуле, стали обучать школьников игре в футбол. Сохранившиеся документы подтверждают, что 26 марта 1897 года футбольная команда этой школы (в состав команды входили как учащиеся, так и несколько иностранцев-преподавателей) провела матч против команды иностранных моряков. Это был первый международный футбольный матч в истории Кореи. Примерно в то же время футбольный клуб был создан и при Королевской школе английского языка.

Журналисты «Тоннип синмун» увидели в интересе корейских школьников к футболу очередное доказательство того, что страна может успешно двигаться по пути модернизации. В декабре 1896 года в газете появилась статья, в которой утверждалось, что корейцы играют в футбол лучше японцев, из чего был сделан несколько неожиданный вывод, что Корея на пути модернизации может добиться не меньших успехов, чем Япония.

В 1904–1906 гг. в сеульских школах нового типа, то есть работающих по западным программам, стали формироваться футбольные команды, а в 1906 году состоялся первый официальный, с присутствием зрителей, матч между командами двух школ. Большая роль в организации футбольных матчей тогда принадлежала корейскому отделению Ассоциации молодых христиан (YMCA), которая, несмотря на свой

религиозный характер, активно поддерживала и спортивную, и культурную деятельность.

К 1920-м гг. футбол, наряду с бейсболом, стал самым популярным видом спорта в Корее — и остаётся таковым до сих пор. Футбол требовал физической силы и командного духа и, что немаловажно, был дешёв: чтобы в него играть, требовалось только достаточно большое открытое пространство. Первые футбольные стадионы появились в Корее в 1920-х гг., в 1921 году состоялись матчи первого Кубка Кореи, а в 1933 году была основана Корейская ассоциация футбола.

В октябре 1929 года состоялся первый матч между сборными футбольными командами Сеула и Пхеньяна — и эти ежегодные матчи стали традицией. Пхеньян на тот момент был третьим по величине городом страны, оплотом христианства и современного образования, а это означало, что в будущей столице Северной Кореи имелось несколько неплохих футбольных команд. Поэтому, несмотря на то что Пхеньян по численности населения сильно уступал Сеулу, северная команда обычно побеждала. Матчи Сеул — Пхеньян продолжались до марта 1946 года. Ко времени последней такой встречи сухопутная граница между Югом и Севером была уже закрыта, но северокорейские футболисты смогли добраться до Сеула морским путём, то есть фактически нелегально.

Другим массовым видом спорта, который распространялся в колониальные времена и удерживает популярность до сих пор, стал бейсбол. Бейсбол, как известно, американский вид спорта, причём в отличие от волейбола и баскетбола, которые тоже были изобретены в США, бейсбол так и не завоевал мировой популярности. При том что в Японии, Корее и большинстве стран Латинской Америки этот вид спорта любят многие, в Европе, России, да и в большинстве

стран Азии, он остаётся практически неизвестным. Популярность бейсбола в той или иной стране обычно свидетельствует о том, что в определённый период истории она находилась (или до сих пор находится) под сильным влиянием США.

Японцы, бывшие колониальные правители Кореи, тоже были — и остаются — большими почитателями бейсбола. Первую бейсбольную команду в Японии основали ещё в 1878 году. Именно японцы в 1894 году предложили использовать для перевода английского слова «бейсбол» (baseball) два китайских иероглифа 野 и 球, которые читаются по-корейски как *ягу* (야구). Первый иероглиф (野) означает «дикую местность» или «открытое поле», а второй (球) — «мяч», и этот второй встречается в названиях всех видов спорта с мячом, включая, например, футбол или баскетбол. Таким образом, корейцы, как и жители других стран Азии, где использовалась китайская иероглифическая письменность, называют бейсбол, если переводить дословно, «дикиим мячом» или «мячом на поле» (футбол — это, конечно, 축구/蹴球, то есть «мяче-пинание»).

Тем не менее вовсе не японцы, а именно американцы приобщили Корею к бейсболу. Первые эксперименты с игрой проводились в Пхеньяне, который, как уже говорилось, был в колониальной Корее главным оплотом протестантства и западной культуры.

Примерно в 1903 году в Пхеньян прибыл работавший в Корее молодой американский миссионер Филип Джиллетт, большой любитель спорта. Он провёл там несколько лет, занимаясь миссионерской работой и преподаванием. Во время уроков физкультуры он познакомил учеников с бейсболом. Вскоре Джиллетт переехал в Сеул, где начал работать в Христианской ассоциации, впоследствии ставшей сеульским отделением уже упомянутой выше Ассоциации

молодых христиан (YMCA). Так на свет появилась бейсбольная команда YMCA, с которой, собственно, и началась история корейского бейсбола.

Первые два официальных бейсбольных матча в Корее были сыграны в феврале 1906 года командами YMCA и Школы немецкого языка. Новый вид спорта привлёк внимание и Его Императорского Величества. В 1908 году бывший император Кочжон (незадолго до этого отрёкшийся от престола), большой любитель всего нового и иностранного, лично посетил показательный бейсбольный матч.

В то время спортивной формы как таковой ещё не было — игроки были одеты в повседневную одежду. В качестве бит использовались самодельные дубинки, а самым распространённым видом «спортивной» обуви были соломенные сандалии (скорее, лапти) чипсин. Впервые корейские зрители увидели бейсболистов, одетых в форменную одежду, только летом 1909 года, когда команда корейских студентов, обучавшихся в Японии, совершила спортивное турне по родной стране. Большинство студентов были выходцами из богатых семей, которые могли потратиться на спортивную форму.

Во время тура 1909 года его участники перед матчами исполняли командную песню: «Молодые корейцы, которые будут крепки, как сталь, / Взращивайте дух патриотизма! / В Корее наступило время молодых!» За этим следовал припев: «Все будьте готовы дать отпор врагам! Стройте фундамент боевых побед. / Наша цель — стать великими героями!» Дальше следовали ещё четыре куплета, выдержанные в том же ключе — с многочисленными упоминаниями патриотизма и великих военных побед, которые будут одержаны корейской армией в некоем неопределённом будущем. Текст песни не был шедевром поэзии, но зато хорошо отражал дух того времени, когда массовый спорт

(на тот момент — ещё новое явление) во всём мире широко использовался, как выражались у нас в советские времена, «в целях военно-патриотического воспитания».

Сборная студентов встретилась в Сеуле с командой YMCA и одержала лёгкую победу, выиграв со счётом 19:9. Это был вполне предсказуемый результат, поскольку студенты тренировались под руководством японцев, а история бейсбола в Японии на тот момент насчитывала уже более 30 лет.

Турне 1909 года сыграло очень большую роль в популяризации новой игры. После этого события в Корее появилось ещё несколько бейсбольных команд, бейсбольные матчи вскоре стали повсеместным явлением. Появились и первые болельщики, которые учились ценить ход игры и получать удовольствие от происходящего на поле.

К тому времени, когда в 1920 году была основана Корейская спортивная ассоциация (Korean Sports Association), бейсбол уже занимал прочную позицию в списке самых популярных видов спорта в стране, уступая только футболу. С тех пор ситуация особо не изменилась. Первый общенациональный бейсбольный турнир состоялся в Сеуле в ноябре 1920 года.

Поскольку Корея являлась частью Японской империи, корейские команды и спортсмены иногда участвовали и в общеяпонских чемпионатах. Особенно престижным тогда был бейсбольный чемпионат старших классов школ Японской империи. В этом турнире принимали участие и школьники из Кореи. В основном попадали туда команды японских школ, но в 1923 году в Токио отправилась и команда корейской школы — это тогда восприняли как большой успех.

Иностранное происхождение бейсбола и футбола всем очевидно, но начало новейшего времени в корейской истории ознаменовалось не только заимствованием нового,

---

но и возрождением традиций, которые когда-то существовали в Корее, но пришли в упадок и исчезли. К таким утраченным, но затем возрождённым традициям относится потребление зелёного чая, получившее новое распространение в первые годы XX века. Об этом пойдёт речь в следующей главе.

1910-е гг. — начало возрождения
корейской культуры чая

Отношение корейцев к чаю — одна из загадок корейской культуры. Корею окружают Китай, Россия и Япония — три страны, в которых именно чай уже давно является главным национальным напитком. Корейцев же, как известно, заядлыми любителями чая назвать никак нельзя. Чай корейцы пьют, но в относительно небольших количествах. Кроме того, благородным именем *чай* в Корее называют различные его заменители, суррогаты, разного рода травяные отвары, в которых нет ни одного листочка, выросшего на чайном кусте (так называемый *женьшеневый чай* — весьма характерный тому пример).

Тем не менее в настоящее время можно наблюдать не столько зарождение, сколько возрождение корейской чайной культуры. Где-нибудь в XIX веке, на закате старой Кореи, чай пользовался ещё меньшей популярностью, чем в наши дни. Однако, заглянув глубже в прошлое, мы обнаружим, что когда-то в Корее всё-таки имелась своя чайная культура. В чём же были причины её упадка и что способствовало её нынешнему возрождению?

Самые ранние упоминания о чае в Корее можно найти в хрониках, составленных в VII веке. Известно, что в 828 году корейский посланник привёз из Китая семена чая и король велел посадить их в южной части страны. В последующие

века упоминания чая в корейских текстах стали встречаться намного чаще, так что можно заключить, что к X–XI векам Корея превратилась в страну, где чай хорошо известен, и что в этом отношении она не сильно отличалась от своих чаепитивших соседей. Более того, по всей вероятности, в Японию и чай, и связанные с ним культурные традиции (включая ранние формы чайной церемонии) пришли из Китая не напрямую, а именно через Корею.

На протяжении эпохи правления династии Корё (с X до конца XIV в.) чаепитие оставалось важным элементом официальных празднеств и государственных ритуалов. Желая выразить свою милость, монархи часто отправляли чай в качестве подарка своим особо отличившимся подданным, а дорогие сорта чая нередко упоминались среди дипломатических даров. Например, в XI–XII веках китайский двор время от времени посылал в Корею чай *лунфэн* («чай дракона и феникса»). Стоит отметить, что корейские короли тоже отправляли выращенный на полуострове чай правителям соседних стран. Корейские поэты, подобно поэтам Китая и Японии, в те времена сочиняли стихи, посвящённые тихим радостям чаепития.

В текстах того времени можно найти списки сортов чая местного производства, а также названия мест, где чай выращивался. Одним словом, времена династии Корё были золотым веком корейского чая.

Всю эту информацию можно почерпнуть в современных корейских публикациях, посвящённых чайной культуре. Однако эти издания обычно не упоминают, что после XV века культура чаепития в стране пришла в упадок. Это было обусловлено как политическими, так и религиозными причинами.

С момента зарождения чайная культура Кореи обладала одной важной особенностью, которая привела

к неожиданным и печальным для неё последствиям: она была тесно связана с буддизмом. Множество ранних источников напрямую связывают употребление чая с буддийскими ритуалами. Поэтому закономерно, что во многих монастырях времён династии Корё имелась отдельная постройка, отведённая исключительно под приготовление чая.

В итоге именно тесная связь с буддизмом оказалась губительной для корейской чайной культуры. В 1392 году династия Корё, традиционно поддерживавшая буддизм, была свергнута. В рядах новой элиты преобладали суровые приверженцы конфуцианства, а буддизм, хотя и избежал полного запрета, стал рассматриваться как учение неблагоприятное политически и вдобавок сомнительное в интеллектуальном отношении.

Чай, воспринимавшийся как буддийский напиток, тоже пострадал от этих изменений во внутренней государственной политике. Постепенно чаепитие в Корее стало выходить из обихода, а в государственных ритуалах на смену чаю пришли алкогольные напитки. Для образцово-показательного конфуцианского интеллектуала времён династии Ли (конец XIV — начало XX в.), который обычно хотел дистанцироваться от буддийских *суеверий*, чаепитие стало в некотором смысле политически и интеллектуально подозрительным занятием. Хаос, вызванный японским вторжением 1592–1598 гг., от которого особенно сильно пострадали именно те районы, где в основном и выращивался чай, нанёс дополнительный удар по корейскому чайному производству. В результате выращивание чая пришло в упадок, а его импорт практически сошёл на нет.

Чай, однако, полностью не исчез с Корейского полуострова. Даже в худшие времена его истории, пришедшиеся на XVII–XIX века, чай всё-таки имел верных сторонников.

Среди них был, например, Чон Я-гён, один из наиболее ярких корейских мыслителей начала XIX века, который далеко не случайно пользовался псевдонимом Тасан (буквально «чайная гора»). Именно ему принадлежит знаменитое высказывание о том, что страны, где люди пьют чай, процветают, а страны, в которых предпочитают другие напитки, приходят в упадок. Как бы то ни было, чай — не отвар из каких-то непонятных растений, а чай настоящий, приготовленный из листа чайного куста, — в Корее XVI–XIX веков оставался напитком немногих ценителей.

Первые признаки возрождения интереса к чаю появились в 1880-х гг. В те времена корейские сановники стали интересоваться у китайских коллег тем, как можно наладить местное производство чая. Около 1900 года в среде корейской элиты начала распространяться мода на чаепития в западном стиле, с использованием не зелёного чая, доминирующего в Китае и Японии, а чая чёрного, распространённого в Европе (и России).

Однако основной причиной тех перемен, которые привели к возрождению корейской чайной культуры, стало резкое увеличение числа этнических японцев, проживавших в Корее. Их миграция началась в 1880-х гг. и вскоре приобрела массовый характер. Если в 1890 году в Корее было 7245 японцев, то в 1910 году — уже более 170 000. К 1925 году число этнических японцев в Корее достигло 430 000, а к концу колониального правления превысило 800 000, что составляло примерно 3% всего населения Корейского полуострова.

Переселенцы из Японии сформировали свою собственную общину, которая была в значительной мере изолирована от корейского общества. По существу, японцы хотели воссоздать в Корее привычный для них образ жизни, построить там «маленькую Японию». Как легко догадаться, они скупали и по японскому зелёному чаю.

Данные таможенной статистики показывают: импорт чая рос пропорционально увеличению числа японских поселенцев. Импортировали чай главным образом из Японии, а на втором месте в списке поставщиков (с большим отрывом) шёл Китай. За 1910–1925 гг. объёмы импорта чая в Корею в стоимостном выражении увеличились примерно в пять раз.

Такое положение дел стало беспокоить колониальные власти. Корея, хотя и считалась японской колонией, имела отдельный от Японии бюджет, поэтому крупномасштабный импорт чая оборачивался увеличением дефицита торгового баланса. В эпоху, когда идея импортозамещения пользовалась широкой популярностью, администрация генерал-губернатора решила развернуть местное производство чая для удовлетворения растущего внутреннего спроса (который по-прежнему создавали в основном этнические японцы). С этой целью власти решили поискать в Японии чаеводов, которые согласились бы переехать в колонию.

Среди таких приглашённых специалистов решающую роль сыграл Итиро Одзаки, который до прибытия в Корею в 1909 году работал в японской чайной промышленности. В колониальные времена об Одзаки Итиро говорили как об «отце корейского чайного производства». Одзаки Итиро не пренебрегал корейскими традициями и занимался поисками местных производителей высококачественного чая. Он обнаружил, что лучшие партии чая поступали из буддийского монастыря в уезде Посон: даже во времена упадка чайной культуры некоторые буддийские монастыри сохраняли небольшие плантации чая. Одзаки Итиро купил землю в Посоне, и к концу 1930-х гг. его компания стала крупнейшим производителем чая в Корее.

Во многих случаях на плантациях использовались японские семена, но нередко продолжали выращиваться

Плнтации чая в Посоне. Современный снимок, но примерно так же эти плнтации выглядели и сто лет назад, когда в 1920–е гг. Посон стал центром возрождения корейской чайной культуры

и местные сорта, пусть и с использованием современной сельскохозяйственной техники и при поддержке японского капитала. В конце 1920-х гг. производством чая занялись также и некоторые корейские земледельцы.

Приблизительно в то же время зелёный чай начал возвращаться в массовую культуру питания. В феврале 1926 года газета «Кёнсон ильбо» с некоторым изумлением писала, что «даже простые люди сейчас начинают по достоинству ценить чай». По тону замечания очевидно: такие вкусовые предпочтения были тогда и новы, и необычны; чай по-прежнему воспринимался как редкий и элитный продукт, который способны оценить лишь немногие. Дух новизны можно почувствовать и в заметке «Тона ильбо» от 18 ноября 1933 года: «В прошлом мало кто разбирался в чае. Однако в современных условиях чай стал одним из повседневных товаров».

В распространении чая не обошлось и без политической подоплёки: колониальные власти старались популяризовать среди корейцев чайную церемонию в японском стиле. Она рассматривалась как нечто типично японское, как выражение «истинно японского духа», а потому — и как потенциальный инструмент культурной ассимиляции.

Массовый отъезд из страны этнических японцев в 1945–1949 гг. привёл к новому кризису корейской чайной культуры. Плантации колониальной эры, в том числе и самые главные из них, в уезде Посон, выжили, но выращиваемый на них чай в течение первых десятилетий после восстановления независимости шёл преимущественно на экспорт в Японию, так как после депортации японцев — главных потребителей чая, внутренний спрос на чай в Корее был куда меньше, чем мощности по его производству, которые остались от колониальных времён. Повторное возрождение корейского чая началось около 1970 года, когда в стране вновь появился интерес ко всему традиционному. Разумеется, и о японском факторе в истории корейского чая, и об упадке чайной культуры в годы правления династии Ли предпочли забыть (когда речь заходит о японском влиянии на Корею, позиция подавляющего большинства корейских историков проста: «об этом следует говорить или плохо, или никак»).

Впрочем, трудно сказать, что усилия поклонников и сторонников чаепития в Корее привели к совсем уж радикальным сдвигам в отношении корейцев к этому напитку — хотя, безусловно, ситуация сейчас обстоит лучше, чем полвека назад. Тем не менее основным напитком Кореи остаётся кофе, который попал в страну только в конце XIX века. Кроме того, корейцы активно пьют травяные настойки, а так называемый ячменный чай (*поричха*) очень часто подаётся в ресторанах в качестве замены обычной воде. Впрочем, надо сказать, что поричха — слабый ячменный отвар — по вкусу мало чем

отличается от кипячёной воды. В последнее время в Корее также пользуется популярностью кукурузный отвар, который тоже почему-то считают чаем.

В принципе, в Корее можно найти чайные заведения, где подаётся хорошо приготовленный чай, обычно — зелёный или полуферментированный, наподобие *пуэра*, причём заваривать его будут не по японским, а по китайским правилам. *Матча*, японский чай на основе порошка, в Корее тоже известен, но особой популярностью не пользуется.

Практически в любом корейском магазине сейчас можно увидеть упаковки пакетированного зелёного чая. В основном это чай местного производства, часто с добавлением обжаренного риса (здесь уже наблюдается японское влияние — это, как легко догадаться, японский *гейманча*).

С привычным россиянам (а также европейцам и туркам) чёрным чаем в Корее дело обстоит существенно сложнее. Как уже упоминалось, он появился в стране в самом конце XIX века, однако и в настоящее время остаётся не то, чтобы полной экзотикой, но, скажем, не самым распространённым напитком. Практически в любой кофейне из существующих в Корее сетей (*Starbucks* и их подражатели) можно заказать довольно качественный пакетированный чёрный чай. Продаются пакетики чёрного чая и в некоторых крупных магазинах. Если же вы, подобно автору этих строк, к чаю относитесь достаточно трепетно, то найти хорошие сорта листового чёрного чая, который можно было бы заварить по всем правилам, в Корее будет непросто — чаще всего это можно сделать в русских или китайских магазинах, клиентура которых состоит из проживающих в Корее россиян (или китайцев).

Корейская чайная культура действительно вышла из состояния летаргического сна, в котором провела несколько столетий, однако Корея и поныне отнюдь не стала страной

поклонников чая. Для справки: в 2016 году по потреблению чая на душу населения в мире лидировала Турция (3,16 кг листьев чая в год), за ней шли Ирландия и Великобритания (2,19 и 1,94 кг соответственно). Россия, среднестатистический житель которой потреблял 1,38 кг чайного листа в год, находилась на четвёртом месте, а вот Корея — на 39-м. Среднестатистический кореец в 2016 году превратил в замечательный напиток лишь 0,17 кг (то есть 170 г) чайных листьев — в восемь раз меньше, чем среднестатистический россиянин, и в двенадцать раз меньше, чем среднестатистический англичанин.

Возрождение чайной культуры вкупе с появлением культуры потребления кофе стали причиной распространения в XX веке так называемых *чайных комнат* (табанов), речь о которых пойдёт в следующей главе.

КОФЕЙНЫЕ ЗЁРНА И ЧАЙНЫЕ ЛИСТЬЯ

1923 г. — в Сеуле открывается табан «Игён»

На протяжении многих десятилетий важной чертой городской жизни в Корее были чайные, или, скорее, кофейные, известные как табан (буквально «чайная комната» 다방/茶房). Ещё в начале девяностых как минимум один такой табан можно было найти в пяти-семи минутах ходьбы от любой точки Сеула.

Увы, сейчас старые добрые табаны практически исчезли, на смену им пришли фирменные кафе. С одной стороны, эти стильные кафе выполняют аналогичную функцию: предоставляют посетителям комфортные условия для того, чтобы пообщаться за чашечкой кофе или просто посидеть, занимаясь своими делами. Однако современные кофейни, по большей части воспроизводящие американские и европейские образцы, немало отличаются от табанов ушедшей эпохи.

Золотой век табанов пришёлся на конец восьмидесятых. В 1988 году во всей Корее насчитывалось 39 128 табанов. В одном только Сеуле в 1987 году было 9177 табанов, то есть примерно по одному на каждую тысячу жителей.

На первый взгляд, традиционные табаны кажутся очень корейскими заведениями, но это впечатление обманчиво:

в старой Корее, в отличие от Китая, не было культуры потребления чая или других безалкогольных напитков в коммерческом общепите — строго говоря, там не было коммерческого общепита как такового.

Кофе впервые появился в Корее в 1880-х гг. и поначалу потреблялся исключительно иностранцами. Впрочем, в дневниковых записях Горация Аллена, американского миссионера и дипломата, есть упоминание о том, как ещё в 1884 году король угощал западных дипломатов кофе во дворце Кёнбоккун. Судя по этому и другим свидетельствам, к концу XIX века кофе уже был известен некоторым корейцам — тем из них, конечно, кто имел дело с миссионерами и прочими иностранцами.

Первый шаг к созданию табана был сделан в 1902 году, когда известная нам госпожа Зонтаг, родственница русского посланника, использовав обширные связи при дворе, получила право на открытие первой в стране современной гостиницы. В 1896–1897 гг., когда король Кочжон укрывался от японцев в российской миссии, именно Антуанетта Зонтаг стала по утрам готовить ему кофе. Кажется, что именно благодаря этому кофе по-настоящему вошёл в моду при корейском дворе. Кочжон пробовал кофе и раньше, но именно российская немка Антуанетта Зонтаг показала ему, как правильно следует готовить этот напиток, — и он был впечатлён результатами. Именно в её гостинице, на первом этаже, была устроена кофейня под названием «Табан». Так родился новый термин и появился новый тип заведений общественного питания.

Вскоре табаны начали приобретать популярность: их открывали в каждой *гостинице современного стиля*, а в 1923 году появилось заведение, которое рассматривается теперь как первый типично корейский табан, прародитель всей последующей традиции. Это была чайная «Игён», открытая

японским предпринимателем в районе Хонмати, ныне известном как Мёндон. Имеются сообщения и о более ранних табанах, основанных японцами в 1910-х гг., но общенациональная мода на чайные началась, пожалуй, именно с «Игёна».

Вслед за «Игёном» стали появляться многочисленные подражатели, в том числе знаменитый табан «Какаду», который начал работать в 1927 году в районе Чонно. «Какаду», не имевший, несмотря на своё название, никакого отношения к австралийской птице, был открыт известным режиссёром (и его красавицей-подругой) и стал излюбленным местом встреч художников и деятелей кино.

В табанах колониальных времён назначали деловые встречи и романтические свидания, здесь любили бывать торговцы, чиновники, художники, богема. Некоторые табаны славились концертами фортепианной и камерной музыки, в других писатели читали свои произведения гостям, среди которых преобладали такие же писатели и другие люди искусства. Где-то около 1940 года подобного рода выступлениями, например, славился табан «Мадонна».

В колониальные времена табаны были достаточно дорогими заведениями, поэтому их завсегдатаями могли быть только люди довольно обеспеченные. В табанах часто звучала живая музыка, а эффектные интерьеры были оформлены в соответствии с представлениями хозяев о западной роскоши (табаны обычно подчёркивали свою связь с современной западной культурой и старались выглядеть таким оазисом западной утончённости). Вместе с тем посетители табанов оставляли в них гораздо меньше денег, чем даже в самых дешёвых ресторанах.

В колониальные времена в Сеуле, наряду с табанами, работали похожие на них, но в то же время и заметно отличавшиеся от них заведения, известные как *кафе*. Кафе

были менее целомудренны, чем табаны: в отличие от последних, там подавали алкогольные напитки, а пользовавшиеся сомнительной репутацией *девушки из кафе*, то есть официантки, считались по совместительству проститутками. Кстати, на официанток в табанах тоже смотрели как на потенциальных поставщиц секс-услуг, но всё-таки на них это отношение распространялось в несколько меньшей степени.

Первые табаны открывались в расчёте на средний класс, который в ту пору был немногочисленным, поэтому они поначалу и не получили широкого распространения. В 1945 году во всём Сеуле, городе с миллионным населением, насчитывалось лишь около 60 табанов.

После освобождения страны от японцев в 1945 году количество чайных стало быстро расти. В бедной стране было очень мало общественных мест, где люди могли бы встретиться и поговорить о работе и о жизни, не заплатив за это удовольствие слишком дорого. В 1950 году, перед началом Корейской войны, в Сеуле уже было 286 чайных, то есть в пять раз больше, чем в 1945 году. К 1960 году их количество увеличится ещё вчетверо, достигнув 1041.

Новые времена привели к значительным изменениям в корейской кофейной культуре. До освобождения страны от Японии в Корее пили исключительно заварной кофе, который готовили из обжаренных кофейных зёрен. В 1945 году, с прибытием американских военных, корейцы познакомились с растворимым кофе, который к тому времени стал неотъемлемой частью солдатского пайка в армии США. Это в ещё большей степени увеличивало популярность кофе в Корее.

Интересно, что успеху табанов способствовала Корейская война. Когда в 1950–1951 гг. множество людей оказалось в лагерях для беженцев в Пусане и прилегающих к нему районах на южном побережье, эти нищие, без гроша в кармане

Типичный корейский табан шестидесятых:
мягкие кресла, низкие столики, вентилятор в углу.
На улице — лето 1961 года, в стране начались большие перемены,
но в табане всё тихо

люди не могли позволить себе обеды в ресторанах, да и пригласить гостя в дом им тоже было затруднительно — за отсутствием дома как такового. Но если без встречи никак нельзя было обойтись и какие-то деньги всё-таки имелись, то табан оказывался идеальным выбором.

Новый закон, принятый в Корее в январе 1962 года, установил чёткие различия между табанами и прочими заведениями общественного питания. Согласно новым правилам, подавать в табанах еду (за исключением лёгких закусок) и спиртное стало противозаконным. Отныне в них можно было заказывать только кофе и безалкогольные напитки. В большинстве табанов подавали ещё и чай — как

настоящий, листовой, так и корейские травяные «чай», но кофе оставался там основным напитком.

Типичный корейский табан 1960–1970-х гг. представлял собой относительно просторное помещение с 10–15 столиками. В табанах обычно — но не всегда — царил искусственно созданный полумрак. Внутреннее пространство было обычно поделено невысокими перегородками, и в каждой такой отгороженной секции было по одному-два столика. Устроено всё было так, чтобы людям непросто было слышать, о чём говорят сидящие за соседними столиками, ведь в табаны приходили именно поговорить, и подчас эти разговоры не были предназначены для посторонних ушей.

Зашедшему в табан посетителю официантка, которую именовали *речжи* (то есть *леди*), подавала стакан воды или ячменного отвара — горячего зимой и холодного летом. Некоторые гости часами попивали одну только бесплатную воду или отвар, но при этом ни леди, ни *мадам* (управляющая чайной) обычно не делали им замечаний. Большинство посетителей, однако, что-либо заказывали.

Меню табанов в те годы, прямо скажем, разнообразием не отличалось. Как правило, гость заказывал чашку растворимого кофе или, много реже, чая. В 1961–1968 гг. кофе в табаны поставляли контрабандой из-за рубежа или — ещё чаще — с американских военных баз. Кофе считался предметом роскоши, а корейское правительство в те времена всеми силами стремилось ограничить импорт товаров, которые не относились к товарам первой необходимости, так что с 1961 года импорт кофе в Корею был запрещён. В 1960-х гг. государственные СМИ пытались проводить кампанию против расточительной привычки пить кофе и рекламировали эрзац-кофе на основе цикория. Запрет на импорт сняли в 1968 году, вскоре после чего в Корею было налажено и собственное производство растворимого кофе.

Обычно официантка в табане просто добавляла кипятка в чашку с растворимым кофе, сахаром и синтетическим забеливателем. Настоящее молоко для забеливания кофе в Корее практически никогда не использовалось: молочные продукты оставались редкостью в Корее вплоть до конца 1970-х гг. Зачастую *леди* делала это по своему усмотрению, даже не поинтересовавшись вкусами гостя. Отметим кстати, что на каждом столе стояла и пепельница, поскольку табаны были также местами для курения (в те времена некурящих мужчин в Корее, кажется, не было вообще).

В конце 1980-х гг. у классических табанов появился конкурент: в Корее начали распространяться кофейни западного образца. Временами встречается утверждение, что самым первым *кофешопом* в новом стиле был Jardin, открытый в декабре 1988 года. Официанток в этих кофейных не было, а подавали там свежесваренный кофе из эспрессо-машины. Качество его, правда, поначалу было посредственным, во всяком случае — с точки зрения тех, кто привык к средиземноморской или немецкой кофейной культуре. Кстати сказать, тогда новые *кофешопы* подвергались немалой критике: считалось, что там тусуется золотая молодёжь, потерявшая счёт деньгам и готовая заплатить за чашку кофе сумму, которой простому человеку хватает на сытный обед.

Тем не менее в сравнении с новыми кофейнями табаны выглядели всё более старомодными, захудалыми и, наконец, просто сомнительными заведениями, и где-то к 2000 году кофешопы поставили старые добрые табаны на грань полного исчезновения.

Действительно, в последние годы в корейской культуре потребления кофе происходят гигантские перемены. Во-первых, корейцы с каждым годом пьют кофе во всё больших количествах: с 2007 по 2017 год потребление кофе в стране выросло почти в полтора раза. Во-вторых, корейцы активно

переходят на кофе, приготовленный из обжаренных зёрен, который с конца 1940-х гг. и до недавнего времени был дешёвой экзотикой.

В 2017 году корейцы, по оценкам маркетологов, выпили 26,5 млрд условных чашек кофе. Из этого количества чуть больше половины — 16 млрд — была потреблена в виде кофе растворимого. Приготовленного из обжаренных зёрен напитка, включая эспрессо, было выпито 3,6 млрд чашек, а остальное было потреблено в виде готового кофе в упаковке (очень популярного в Корее) и в виде кофейных напитков.

Кофешопы девяностых были только началом трансформации корейской кофейной культуры. Следующим поворотным моментом стало появление в Корее кофеен Starbucks. На корейской земле первые заведения этой крупнейшей транснациональной сети открылись в 1999 году, в 2009 году их было уже 300, а в 2019 году — 1290. Такой взрывной рост ясно свидетельствует о том, что вкусы у людей изменились, и корейцы теперь готовы платить существенные деньги за возможность отведать добротного кофе. Молодёжь из семей среднего класса составляет основную клиентуру Starbucks и подобных ему сетей, поэтому неудивительно, что новые кофейни часто открываются неподалёку от университетов.

Вслед за Starbucks в Корее начали одна за одной появляться и другие сети кофеен — как зарубежных, так и отечественных. Всего в Корее по состоянию на июль 2019 года имелось 71 000 кофеен разных типов — примерно по одной кофейне на 720 жителей. Для справки, в 2009 году их было 27 000, то есть в два с половиной раза меньше, — воистину, в Корее наблюдается настоящий кофейный бум.

По количеству точек продажи крупнейшей корейской сетью кофеен была Ediya (2399 точек в 2019 году). Если же

Интерьер дорогого и модного кафе в Каннине (город на восточном побережье страны) в 2018 году. В таких кафе главным является разнообразный широчайший выбор как сортов кофейных зёрен, так и способов приготовления самого напитка.

С другой стороны, в таких элитных кафе выбор выпечки невелик
(для любителей сладкого есть кафе-кондитерские)

говорить об объёмах продаж, то она находилась на третьем месте, уступив первое и второе места сети Starbucks и корейской сети Twosome Place (у последней точки являются не столько кофейными, сколько кафе-кондитерскими).

А что же стало со старыми добрыми табанами, где в прежние времена было заключено столько деловых сделок и родилось несчётное количество творческих идей? Увы, ничто не вечно под луной — просуществовав без малого столетие, они к нашему времени практически вымерли.

Как уже говорилось, в колониальные времена табаны были местами, в которых собирались сеульская богема и в которых обсуждались многие из их творческих проектов. Именно в табанах колониальных времён часто рождались идеи первых корейских фильмов — и в следующей главе мы поговорим о корейском кинематографе колониальных десятилетий.

ВО МРАКЕ КИНОЗАЛОВ КЁНСОНА

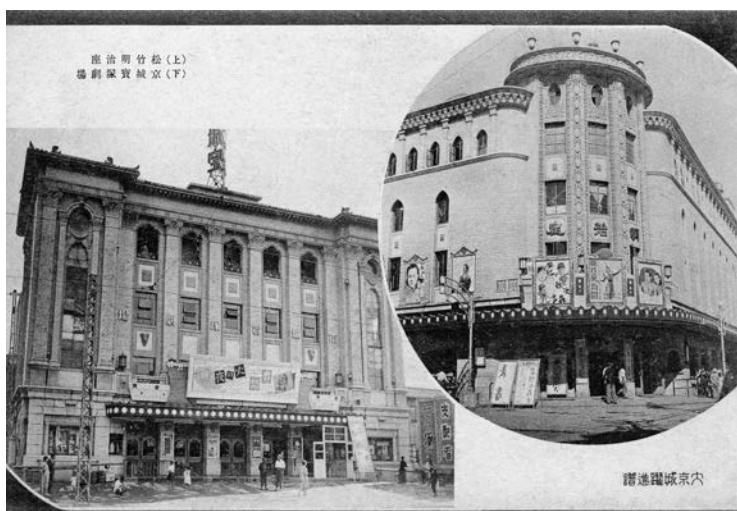

1923 г. — сняты первые корейские
художественные фильмы

Кинематограф — это, пожалуй, одно из самых ярких явлений современной массовой культуры. Кинематограф — искусство коммерческое, и адресовано оно массовому зрителю: снимать кино для себя в принципе невозможно. Кинематограф является также творчеством коллективным, поскольку над каждым фильмом работает команда, состоящая из десятков, а то и сотен человек. Наконец, производство фильма стоит немалых денег, которые нужно откуда-то взять, и необходимость добывать финансирование означает, что кинематографисты сильно зависят от тех, кто даёт им деньги (будь то государство или бизнес), и, соответственно, вынуждены подстраиваться под вкусы и политические задачи спонсоров — не забывая при этом и о пристрастиях зрителей.

История корейского кинематографа начинается около 1900 года, всего лишь через пять-шесть лет после того, как в зале на бульваре Капуцинок (именно *Капуцинок*, а не *Капуцинов*!) братья Люмьер провели первый в истории киносеанс. По поводу того, когда именно в Корее впервые показали фильм, точных сведений нет. В конце XIX века кинематограф ещё не воспринимался как искусство, а считался,

Фотография из альбома видов Кёнсона 1930-х гг.

Справа — кинотеатр «Мэйдзи» в районе Хонмати (ныне район Мёндон, здание сохранилось и используется как театр), слева — театр «Такарадзеука» (здание снесено в конце 1990-х гг.)

скорее, очередным техническим чудом. Люди шли в кино не потому, что хотели посмотреть фильм, а просто потому, что им были любопытны движущиеся фотографии — зрелище по тем временам невиданное.

Около 1900 года в корейских газетах стали время от времени появляться рекламные объявления о показе *хвальдон сачжин*, то есть «движущихся фотографий». Не до конца ясно, что именно подразумевается под этим термином. Похоже, что так могла именоваться демонстрация привычных нам кинофильмов (разумеется, хроникальных и видовых), хотя в некоторых случаях речь могла идти всего лишь о публичном показе диафильмов (как сказали бы сейчас, слайдов — это развлечение в Корее тех времён тоже было весьма популярно). Однако в июне 1903 года в газете «Хвансон синмун» появилась реклама, из текста которой видно,

---

что речь в ней идёт именно о киносеансах в нашем нынешнем понимании. Сеансы проводились в районе рынка «Тондэmun», и на них показывались видовые документальные фильмы. Сеансы шли по вечерам, фильмы демонстрировались прямо под открытым небом (объявление предупреждало, что в случае дождя показ фильма не состоится).

Известно, что около 1900 года возможность познакомиться с кинематографом получил корейский король Кочжон. В те времена в Корею довольно часто приезжал американский журналист, путешественник и этнограф Бартон Холмс. Сейчас этот человек во многом забыт, но тогда он был не только американской, но и мировой знаменитостью. Одна из многочисленных заслуг Бартона Холмса заключается в том, что он стал одним из создателей мировой кинодокументалистики: во время своих многочисленных путешествий он снимал виды тех мест, где ему приходилось бывать. Известно, что во время одной из поездок в Корею Бартон Холмс оборудовал во дворце импровизированный кинозал и показал некоторые из своих хроникально-видовых картин королю Кочжону.

Когда в 1903 году в Корею был открыт первый постоянный государственный театр «Хёпрюльса», его просторное помещение часто использовали для показа кинофильмов. Любопытно, что в те времена, несмотря на наличие театрального здания, театральных постановок как таковых в Корею ещё не было — корейская драматургия только зарождалась. Поэтому построенный с благословения правительства театральный зал использовался как для показа фильмов, так и для организации концертов и иных массовых представлений.

Первое время кинематограф в Корею имел, если можно так сказать, *ярмарочный характер*. Кино в основном показывали мелкие предприниматели: импровизированный

кинотеатр они устраивали где-нибудь на рынке. Обычно такой *кинотеатр* был просто большой палаткой, а то и отгороженным участком под открытым небом. У каждого такого странствующего киномеханика был свой, достаточно ограниченный, набор фильмов. Постоянные посетители того или иного рынка за несколько дней могли посмотреть практически весь наличный репертуар. Когда киномеханик видел, что интерес к имеющейся у него кинопродукции падает, он паковал проектор, разбирал палатку и отправлялся на другой рынок.

Около 1910 года в корейском кинопрокате стали появляться первые художественные фильмы: в то время во всём мире кинематограф начинал постепенно превращаться из технического аттракциона в искусство. Тогда же стали появляться в Корее и постоянные кинотеатры. Принято считать, что первый кинотеатр открылся в Кёнсоне (Сеуле) в 1907 году, но, как это часто бывает, кандидатов на звание первого кинотеатра несколько — тут всё зависит от того, что понимается под словом *кинотеатр*. Крупнейшим в колониальном Кёнсоне был кинотеатр «Тансонса», открывшийся в 1907-м и реконструированный в 1934 году. После реконструкции его зал мог вмещать 1200 зрителей. Любопытно, что на самых ранних этапах истории корейского кинопроката мужчины и женщины в зале сидели отдельно друг от друга в специальных мужских и женских секциях. Традиции конфуцианства, настаивавшего на строгом разделении полов, были ещё сильны, и многих вводило в смущение то обстоятельство, что мужчины и женщины оказываются слишком близко друг к другу в тёмном пространстве кинозала.

Разумеется, до начала 1930-х гг. кинематограф в Корее был немой. Любопытно, что в Корею попала традиция, в эпоху немого кино распространённая в Восточной Азии, но практически отсутствовавшая за её

пределами, — традиция штатного рассказчика, который объяснял зрителям происходящее на экране. В большинстве стран считали, что для понимания сюжета вполне хватает интертитров (а также музыки в исполнении пианиста-тапёра). Однако и в Японии, и в Корее, и в Китае во время демонстрации фильма на сцене присутствовал профессиональный рассказчик (в Корее его именовали *пёнса* 변사/辯士), который в самом драматическом стиле, «с выражением» объяснял зрителям сюжет и комментировал происходящее на экране. Кроме пёнса на сеансе присутствовал и тапёр, обеспечивавший фильмам музыкальное сопровождение на пианино.

Профессиональные рассказчики-пёнса пользовались большой популярностью, так что на афишах того времени их имена упоминались наравне с именами артистов и режиссёров. Ведущие кинотеатры конкурировали за привлечение самых популярных рассказчиков и были готовы платить им очень приличные деньги — хороший рассказчик в среднем получал в 1920-е гг. примерно столько же, сколько известный артист. Некоторые историки корейского кино даже предлагают считать рассказчиков-пёнса первыми корейскими киноартистами, появившимися до начала производства корейских фильмов.

Среди пёнса были и японцы. Кёнсон в колониальные времена был городом двунациональным и двуязычным (этнические японцы составляли около четверти населения корейской столицы), так что в кинотеатрах там были как корейские пёнса, так и японские *бэнси*. При этом один и тот же фильм мог комментироваться на одном сеансе корейским, а на другом — японским рассказчиком. Разумеется, корейцы обычно шли на сеансы, где комментарий был на корейском языке, а японцы, соответственно, предпочитали сеансы с устным комментарием на японском.

Надо помнить, что в колониальные времена в корейском прокате преобладали иностранные фильмы. Даже после того, как в Корее стали снимать своё кино, на фильмы местного производства приходилась лишь небольшая доля корейского кинорынка. Например, в январе 1925 года в кинотеатрах столицы генерал-губернаторства было показано 407 фильмов — 291 западный и 116 японских. На раннем этапе, то есть примерно до 1915–1916 гг., среди западных фильмов заметное место занимали работы европейских кинематографистов, но после Первой мировой войны продукция Голливуда стала доминировать и на корейских экранах. Таким образом, когда в 1930-е гг. житель Кёнсона шёл в кинотеатр, он, скорее всего, собирался посмотреть там новый американский фильм.

Разумеется, колониальные власти не были довольны таким *голливудским засильем*. Когда отношения США и Японии стали ухудшаться, доминирование американских фильмов в глазах колониальной администрации превратилось в серьёзную политическую проблему, для решения которой в 1934 году была введена система ограничительных квот на показ иностранных фильмов. Подразумевалось, что на смену американским лентам должны прийти фильмы «отечественного производства» — то есть, разумеется, японские. Административным путём американские кинокартины были действительно вытеснены с корейских экранов, но, как легко догадаться, после 1945 года началась новая эпоха доминирования Голливуда — в Южной Корее она продолжалась до конца 1990-х гг.

Согласно последним исследованиям, самый первый художественный фильм в Корее был снят в 1919 году. Хотя тот фильм не предназначался для самостоятельного показа, а был лишь частью театрального представления, с него начинается отсчёт истории корейского кинематографа, в 2019 году отметившего, таким образом, своё столетие.

К сожалению, большинство корейских фильмов колониальных времён до наших дней не сохранилось. В те времена к фильмам относились не слишком серьёзно, и никто не озаботился созданием архива кинопродукции. В результате практически все ранние картины затерялись в хаосе Корейской войны. Относится это даже к таким ключевым для корейского киноискусства работам, как, например, фильм «Ариран», о котором мы поговорим ниже. О корейском кинематографе 1919–1935 гг. сейчас можно судить в основном по публикациям в прессе того времени и — в редких случаях — по отдельным кадрам из фильмов тех лет, сохранившимся чудом.

В 1923 году начался рост корейского кинопроизводства. Тогда почти одновременно были сняты три картины, каждая из которых может претендовать на звание первого настоящего корейского кинофильма (в отличие от неполнометражного фильма 1919 года).

Одной из них стала лента «Клятва под луной», снятая на деньги генерал-губернаторства и носившая, как мы сейчас сказали бы, воспитательный характер (если хотите — являлась социальной рекламой). Речь в ней шла о необходимости быть бережливым, дисциплинированным, избегать азартных игр и не злоупотреблять спиртным. Другой лентой, снятой в том же 1923 году, стала экранизация классического произведения корейской литературы, «Повести о верной Чхунхян» (впоследствии таких экранизаций будет ещё много). Примечательно, что фильм с известнейшим в Корее сюжетом и корейскими актёрами снял японский режиссёр. Третий фильм назывался «Государственная граница» и был посвящён актуальным проблемам корейского общества: речь в нём шла об отношениях в *новой семье*, то есть в семье, где жена тоже получила образование и поэтому не была готова мириться с традиционной ролью покорной

конфуцианской женщины, жены-матери-невестки. В некотором смысле в «Государственной границе» речь шла о тех же проблемах, которые волнуют феминисток и в наши дни.

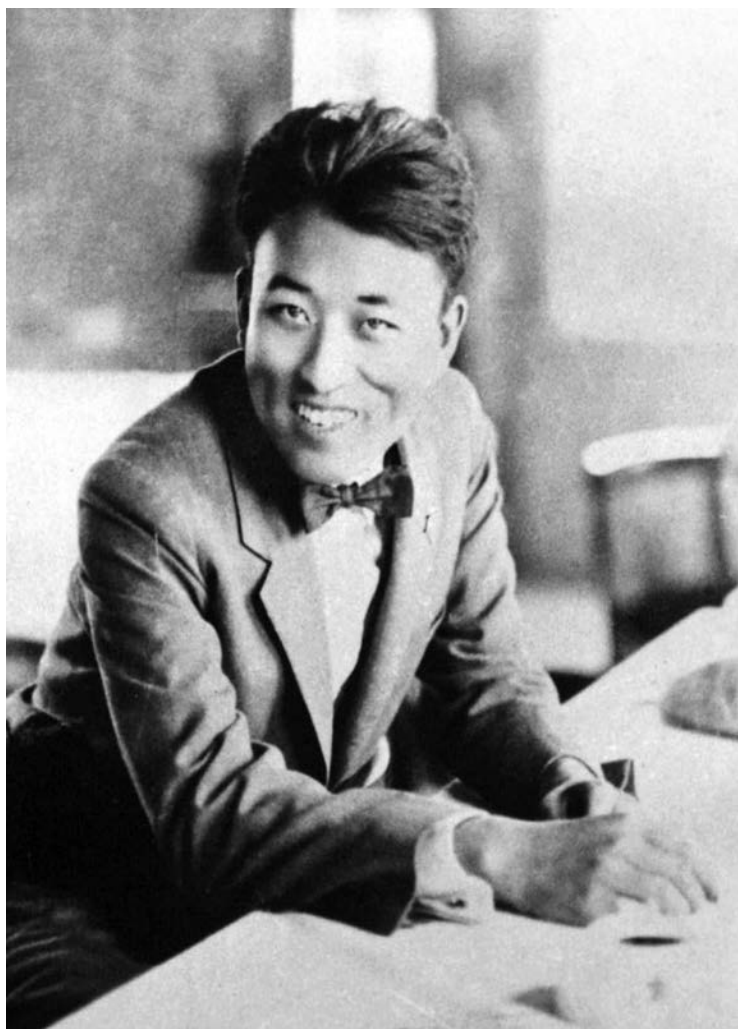
Поворотным стал 1926 год, когда на экраны вышел фильм На Ун-гю «Ариран», первая коммерчески успешная корейская кинокартина. Только за первый год проката «Ариран» посмотрели более миллиона зрителей — такой результат показался бы весьма впечатляющим даже в наши дни.

Создателя фильма, На Ун-гю, можно считать отцом современного корейского кинематографа. В момент выхода фильма «Ариран» он был очень молодым человеком — в 1926 году ему исполнилось 24 года. Однако, несмотря на молодость, На Ун-гю имел к тому времени уже очень колоритную биографию.

Он родился в городе Хверёне, расположенном на территории нынешней Северной Кореи, на самой границе с Китаем. В молодые годы — по сути ещё подростком — будущий кинодеятель вступил в отряд знаменитого партизанского командира Хон Пом-до, который вёл вооружённую борьбу против японцев на территории китайской Маньчжурии. Впоследствии На Ун-гю даже провёл некоторое время в охваченной Гражданской войной России.

По возвращении на родину, проведя полтора года в японской тюрьме в качестве политического заключённого, На Ун-гю решил заняться кинематографом, которым, как и многие молодые корейцы тех лет, был страстно увлечён.

После ряда экспериментов в 1926 году он приступил к работе над фильмом «Ариран», навсегда вписавшим его имя в историю корейского кинематографа. Часто утверждают, что На Ун-гю был режиссёром ленты, но похоже, это не совсем так — с ним на съёмках работал японский режиссёр. Сейчас корейские историки националистических взглядов, разумеется, заявляют, что присутствие японца на площадке

Нам Ун-гю — один из отцов-основателей корейской кинематографии —
актёр, продюсер, режиссёр и сценарист

было «чисто формальным» и что его пригласили в «целях маскировки», но поверить этим пылким патриотам как-то сложно. В любом случае роль На Ун-гю в этом, как бы сейчас выразились, *проекте* была огромна — он был и продюсером, и автором сценария, и исполнителем главной роли. В фильме речь шла о проблемах колониальной корейской деревни и трудностях, с которыми сталкивалось первое поколение корейской интеллигенции.

«Ариран» стал сенсацией. Он вышел на экраны в октябре 1926 года, а уже через год его посмотрели 1,2 млн зрителей. Этот оглушительный кассовый успех показал, что и у корейского кино есть коммерческий потенциал, так что у На Ун-гю тут же нашлись продолжатели. Сам он активно работал в кинематографе вплоть до смерти в 1937 году. Иногда он выступал в качестве режиссёра, но чаще работал как актёр.

С 1923 и по 1945 год в Корее было снято 148 художественных фильмов. В середине 1930-х гг. начался переход к звуковому кино: первый звуковой фильм был снят в 1935 году — это была очередная экранизация всё той же «Повести о верной Чхунхян». Любопытно, кстати, что На Ун-гю тоже переснял «Ариран», сделав его звуковой ремейк.

В конце 1930-х гг. положение корейского кинематографа значительно ухудшилось. В 1940 году колониальные власти, которые уже с 1935–1937 гг. серьёзно закручивали гайки и ужесточали цензуру, ввели в действие «Закон о корейском кинематографе», который поставил всё кинодело в Корее под прямой контроль колониальных властей.

Тем не менее фильмы в Корее продолжали снимать ещё несколько лет. Правда, их содержание соответствовало требованиям момента и политике колониальной администрации — речь всё больше шла о необходимости бороться за освобождение Восточной Азии от гнёта западных капиталистов и советских коммунистов, а также о важности

создания Восточноазиатской *сферы процветания* под мудрым правлением *микадо*. Фильмы эти призывали корейцев жить и работать для фронта, и, разумеется, вступать в императорскую армию, чтобы героически сражаться с врагами Японской империи.

Впрочем, пропаганда эта работала далеко не всегда (хотя и чаще, чем сейчас обычно утверждают). Сопротивление колониальному режиму имело две основные формы, и вели его две основные политические силы — коммунисты и националисты. О возникновении корейского коммунистического движения речь пойдёт в следующей главе, а к истории корейского кинематографа мы вернёмся позже, в главе 39.

РОЖДЕНИЕ ПАРТИИ

1925 г. — основание Коммунистической партии
Кореи, 17 апреля

1925 года в китайском ресторане в центре Сеуле прошло мероприятие, которое официально именовалось «банкетом журналистов». Однако под банкет было замаскировано нечто совсем иное: в тот день в Сеуле нелегально прошёл Первый (учредительный) съезд Коммунистической партии Кореи. Созданная тогда партия просуществовала недолго, около трёх лет, но её основание ознаменовало рождение новой политической силы, которой предстояло играть важную роль в корейской истории на протяжении всего следующего столетия.

В период между двумя мировыми войнами интерес к идеям коммунизма был характерен не только для Кореи — это было общемировым явлением. Коммунизм воспринимался как дерзкий эксперимент, как попытка уничтожить старый мир, казавшийся безнадёжно прогнившим, и построить на его руинах что-то новое, ни на что не похожее, и, разумеется, прекрасное.

На фоне Великой депрессии многим читателям западных газет и журналов Советский Союз казался островом процветания в океане страданий и нищеты. Разумеется, были и газеты, сообщавшие, что слухи о советском благополучии сильно преувеличены и что в действительности

в СССР в начале 1930-х гг. случился голод, который унёс миллионы жизней. Были сообщения и о репрессиях, и о лагерях. Однако большая часть западной интеллигенции, среди которой тогда, как и сейчас, были очень популярны левые настроения, с порога отвергала любую негативную информацию о Стране Советов, объявляя её «пропагандистскими измышлениями и клеветой». Бернард Шоу, Ромен Роллан и прочие «прогрессивные деятели» Запада славили благоденствие счастливых обитателей Советского Союза, который представлялся им государством будущего.

С течением времени, после прихода к власти Гитлера, на отношение к Советскому Союзу стал влиять и ещё один фактор: СССР и мировое коммунистическое движение занимали решительно антифашистские позиции. В результате симпатии к СССР стали испытывать и те, кто при других обстоятельствах едва ли проявил бы особый интерес к мечтаниям коммунистов и их сторонников. Впрочем, германским фашизмом дело не ограничивалось: в Восточной Азии СССР воспринимался ещё и как один из главных противников японского милитаризма (кстати, также воспринимались там и США) — и это немало усиливало интерес к нему среди местной интеллигенции.

В колониальной Корее симпатии к коммунизму зародились в среде молодых образованных горожан — первого поколения интеллигенции, получившего современное образование. Любопытно, что многие, если не большинство из них, были выходцами из протестантских семей. Впрочем, это не удивительно: именно христиане (в первую очередь — протестанты) были склонны отправлять детей в «новые школы», то есть в школы, где учили не конфуцианской философии и древнекитайскому языку, а физике и математике, а также основам современных социальных теорий и представлений об обществе. Многие из этих молодых

людей были недовольны существующим порядком вещей и заняты активными поисками политической программы, которая указала бы им путь к изменению этого порядка.

Молодых корейцев в 1920-х гг. совершенно не привлекал конфуцианский традиционализм (его корейскую версию можно было бы назвать *конфуцианским фундаментализмом*). К 1925 году, наверное, никто среди тех корейцев, кому на тот момент было меньше сорока, не считал, что возвращение к конфуцианским идеалам прошлого возможно и, главное, желательно. Молодые люди горячо верили в прогресс, науку и технику. Та *прекрасная Корея будущего*, о которой они мечтали, должна была стать страной железных дорог, многоэтажных зданий и самолётов (или, может быть, дирижаблей), а не государством благородных конфуцианских мужей, проводящих время в дискуссиях о тонкостях учения Мэн-цзы. Для корейской молодёжи 1920-х гг. конфуцианство было олицетворением тёмного прошлого, обузой и препятствием на пути к прекрасному будущему.

Казалось бы, этих молодых людей должны были увлечь идеи либеральной демократии. Некоторых эти идеи, действительно, увлекли, но — далеко не всех. Доктрина рыночной экономики (то есть капитализма) и либеральной демократии имела свои недостатки, которые были многим очевидны. Во-первых, с конца 1920-х гг. демократия отступала по всему миру. Когда в 1933 году в Германии пришёл к власти Гитлер, во всём мире не нашлось бы, наверное, и пары десятков стран, которые можно было назвать демократическими. Во-вторых, идеи либеральной демократии были слишком тесно связаны с империалистическими державами, которые в тот период хозяйничали в Азии. Либеральная демократия (не без оснований) казалась молодым корейским интеллигентам той идеологической силой,

---

которая оправдывала или по меньшей мере мирилась с колониальным подчинением цветного населения Азии и Африки.

С другой стороны, коммунизм в его советско-ленинской интерпретации многим казался научным методом построения утопического будущего. Вдобавок коммунисты резко противопоставляли себя и расизму, и колониализму. Коммунизм обещал технический прогресс и экономический рост, а также преодоление пороков империализма и общественного неравенства.

Важно отметить, что с самого начала своей истории коммунизм в Корее — так же как и в других странах Восточной Азии — имел ощутимый националистический привкус. В развитых странах Запада коммунизм чаще всего виделся способом решения социальных проблем, и люди, которые вступали в коммунистические партии стран Запада в те времена, делали это обычно потому, что их волновала судьба бедноты — и не всегда даже бедноты своей страны (многие молодые идеалисты пылко мечтали о «земшарной республике советов»).

В Восточной же Азии на коммунизм смотрели под другим углом зрения. Конечно, и среди коммунистов Китая и Кореи были мечтатели, рассуждавшие исключительно в мировом масштабе и всегда готовые «пойти воевать, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать». Однако большинство тех, кто заинтересовался коммунизмом в Восточной Азии в 1920–1930 гг., не слишком беспокоила судьба крестьян Гренады или батраков Гондураса. Новое западное учение воспринималось ими в первую очередь как эффективная программа ускоренной модернизации их собственной страны. Таким образом, молодые азиатские последователи коммунизма руководствовались не столько неприятием социального неравенства, сколько чувством национального унижения и желанием вернуть своим странам утраченное величие. Это делало коммунистическое движение в Восточной Азии

потенциально националистическим, что ясно показали события, случившиеся после 1945 года.

Как бы то ни было, в 1920-х гг. марксизм (обычно в его ленинской, а затем и в сталинской интерпретации) в Корее превратился в интеллектуальную моду — к немалому раздражению и беспокойству колониальных властей.

Марксизм распространялся в Корее по двум главным каналам. Прежде всего сведения о нём поступали непосредственно из СССР, где в 1920-х гг. проживала вторая по численности в мире община этнических корейцев. Во-вторых, его распространяли корейские студенты, которые учились в Японии.

В то время как в Корее колониальными властями была налажена эффективная система политической слежки, порядки в самой Японии 1920-х гг. были намного либеральнее. Колониальные власти поощряли и даже финансово стимулировали поездки молодых корейцев на учёбу в Японию, рассчитывая на то, что по возвращении домой они станут восторженными поклонниками всего японского. Однако этот план не сработал: кружки корейских студентов в Токио стали рассадниками национализма, и многие из этих молодых людей вернулись в Корею радикальными революционерами-марксистами — ведь марксизм был тогда очень популярен и в японской университетской среде.

Однако решающую роль в формировании первого поколения корейских коммунистов сыграла, конечно, Советская Россия. Некоторые этнические корейцы, проживавшие в России и получившие там современное образование, сочувствовали марксистским идеям ещё до революции 1917 года. Среди них была, например, Александра Станкевич, урождённая Ким, которая на раннем этапе Гражданской войны входила в число виднейших большевистских руководителей Приморья (убита японскими интервентами в 1918 году).

В годы Гражданской войны этнические корейцы России в большом количестве вступили в красные партизанские отряды. Большевизм привлекал их своим антиимпериалистическим духом, тем, что обещал национальное равноправие, и в особенности намерением провести радикальную земельную реформу и отдать землю тем, кто её обрабатывает (большинство российских корейцев были крестьянами и обычно работали на арендованной земле). Немаловажным был и тот факт, что на российском Дальнем Востоке одним из главных врагов красных были японцы: начинал действовать известный принцип «враг моего врага — мой друг».

В результате к началу 1920-х гг. в Приморье трудно было бы найти другую этническую группу, члены которой поддерживали бы коммунистические идеи так же истово, как местные корейцы. Около четверти всех взрослых мужчин из числа российских корейцев добровольно вступили в Красную Армию или в красные партизанские отряды, а в годы Гражданской войны на Дальнем Востоке красные партизаны знали, что всегда могут рассчитывать на гостеприимство в корейских деревнях (реакция местных русских крестьян на появление красных партизан была куда менее предсказуемой).

Корейские националисты, бежавшие в Россию в 1905–1912 гг., ещё в большей степени были заинтересованы в союзе с большевиками. Некоторые из этих эмигрантов были из среды корейской интеллигенции, тогда как другие в прошлом участвовали в партизанских выступлениях 1905–1911 гг. В некоторых случаях отряды корейских партизан после 1910 года переходили на территорию России в полном составе. Там им приходилось сдавать оружие и отказываться от продолжения активной политической деятельности, так как российское правительство, настроенное после поражения в войне 1904–1905 гг. на поддержание хороших и даже

союзных отношений с Японией, совсем не хотело превращения российского Дальнего Востока в базу для деятельности, направленной против восточного соседа. Однако бывшие партизаны всё-таки получали в России убежище, становились там крестьянами или ремесленниками, но при этом оставались верны своим бывшим командирам и мечте о независимости Кореи.

Большинство корейцев, вступивших в ряды Красной Армии в годы Гражданской войны, не имели внятной идеологии. Они были движимы одновременно и антияпонскими настроениями, и желанием получить земельный надел, и надеждами на преодоление национальной дискриминации — и всё это толкало их в сторону красных. Однако политиковоспитательная работа в Красной Армии была налажена хорошо, так что, проведя у красных пару лет, многие молодые российские корейцы становились убеждёнными коммунистами, готовыми, в частности, нести свет марксистско-ленинского учения в Корею, на землю своих предков. Старшие партизанские командиры, ветераны сопротивления 1905–1911 гг., тоже тянулись к коммунизму.

Одним из таких партизанских лидеров был Ли Тон-хви, бывший офицер Корейской императорской армии, который был одним из организаторов партизанского движения против японских колониальных властей и после его разгрома укрылся в России. В 1918 году Ли Тон-хви основал первую корейскую коммунистическую организацию, которая официально именовалась Корейской социалистической партией. Произошло это в Хабаровске, а подавляющее большинство членов партии составили российские корейцы. Инициатива Ли Тон-хви привлекла немалое внимание, и его даже приглашали в Москву на личную встречу с Лениным.

Вскоре Ли Тон-хви совершил поездку в Шанхай. Там в 1919 году он принял активное участие в формировании

Временного правительства Республики Корея в изгнании — того самого Временного правительства, основание которого в современной южнокорейской историографии полагается считать началом истории Южнокорейского государства (о том, насколько объективна это точка зрения, мы здесь говорить не будем). Идеологического противоречия в этом нет, так как в ту пору раскол между левыми и правыми националистами ещё только зарождался.

Усилия по созданию в Корею Коммунистической партии поддерживались Москвой: отчасти — по причине искреннего миссионерского рвения и желания спасти погрязший в капиталистических грехах мир, а отчасти — по геополитическим соображениям, причём с течением времени геополитические расчёты стали всё больше доминировать над миссионерскими мечтаниями. Коминтерн, международный центр коммунистического движения, активно отправлял в Корею своих нелегальных работников, а также помогал зарождающимся коммунистическим организациям деньгами, подготовкой кадров и т. д. Траты эти казались целесообразными: после мощных антияпонских выступлений весной 1919 года многие верили, что революция в Корею не за горами.

К 1924–1925 гг. в самой Корею и за её пределами было уже довольно много марксистских организаций, так что официальное создание Коммунистической партии выглядело очередным логическим шагом.

Однако на этом пути стояло одно большое препятствие. В те времена мировое коммунистическое движение характеризовалось дисциплинированностью и сплочённостью. Для того чтобы стать полноценной компартией, местная коммунистическая организация должна была быть официально признана в таком качестве Коминтерном. При этом в одной стране могла существовать только одна компартия.

Однако несколько нелегальных коммунистических групп, действовавших как в самой Корее, так и за рубежом, никак не могли договориться о том, какая из них должна стать ядром будущей партии. Это приводило к некрасивым фракционным стычкам, чем были крайне недовольны функционеры Коминтерна, которым приходилось тратить немалое время на выслушивание взаимных обвинений и доносов.

Тем не менее усилия Коминтерна были не напрасны. К началу 1925 года фракционная борьба несколько стихла, и в апреле представители коммунистических групп собрались в Сеуле на Первый съезд, чтобы там официально учредить Коммунистическую партию Кореи.

Всего несколько месяцев спустя партия пережила серьёзное потрясение. В ноябре 1925 года в корейском городке Синьиджу, расположенном на границе между Кореей и Китаем, произошёл инцидент: два молодых корейца вступили в конфликт с японским полицейским и местным корейцем-адвокатом, известным своими прояпонскими взглядами. Ссора переросла в драку, и молодых корейцев арестовали. Их обыск привёл к неожиданному открытию: дерзкие корейцы оказались курьерами, оправленными подпольным руководством Компартии в Шанхай. Обнаруженные у них документы давали понять, что в Корее создана Коммунистическая партия, в этих бумагах содержалась важная информация о её лидерах, большинство из которых были тут же арестованы.

В декабре 1928 года корейские левые получили из Москвы постановление о роспуске Корейской коммунистической партии. Решение было принято Коминтерном и являлось довольно необычным. Теоретически руководители Коминтерна имели право распустить любую коммунистическую партию, но на практике Коминтерн редко пользовался этим правом.

Каковы же были причины такого решения? Основных было две. Во-первых, полицейские преследования и частые аресты руководства практически обезглавили Компартию Кореи, большинство лидеров которой к концу 1928 года оказались в заключении. Во-вторых, продолжавшиеся и после формального создания партии склоки между конкурирующими фракциями и их лидерами крайне надоели руководству Коминтерна.

Таким образом, Корейская коммунистическая партия прекратила своё существование. Она была формально воссоздана только в 1945 году. Однако коммунистическая идеология сохраняла заметную популярность среди корейской интеллигенции и в тридцатые, и в сороковые годы.

В период с 1930 по 1945 год большинство корейских коммунистов вели свою политическую деятельность за пределами страны — в основном в Китае и в СССР. Тем не менее отдельные коммунистические ячейки продолжали существовать и в самой Корее. Коммунисты активно участвовали в местном рабочем движении, вели пропаганду, собирали разведданные, которые могли пригодиться Советскому Союзу в будущей войне с Японией.

Подавляющее большинство тех, кто были лидерами корейского коммунистического движения двадцатых, были в итоге казнены или умерли в тюрьмах. Часть из них погибла в тюрьмах колониальных времён, некоторые — в южнокорейских тюрьмах времён правления Ли Сын-мана, но большая часть после 1945 года перебралась в Северную Корею. Там эти люди поначалу заняли высокие посты, но потом почти все они стали жертвами репрессий, которые организовал против них Ким Ир Сен и его сторонники. Основатель Северокорейского государства не жаловал ни ранних революционеров из сеульского подполья, ни людей, слишком тесно связанных с Советским Союзом и Китаем, — и отделался от них при первой возможности.

Для многих идеалистов двадцатых, вероятно, сообщение о том, что они окончат жизнь в тюрьме, не показалось бы неожиданным: идеология коммунистов того времени предусматривала высокую вероятность мученического конца. Однако вряд ли они могли предположить, что падут не от рук японских жандармов или корейской «реакционной буржуазии», а от рук своих же соратников. Впрочем, в этом нет ничего необычного: похожая судьба ждала основателей революционного движения в большинстве стран, где коммунисты оказались у власти.

Некоторые из участников Первого съезда, будучи сторонниками всего нового и современного, наверняка бывали на авиационных шоу, ставших частью жизни Кёнсона и других корейских городов в 1920-е гг. Об этих шоу и о зарождении корейской авиации в целом пойдёт у нас речь в следующей главе.

ПАССАЖИРОВ ПРОСИМ НА ПОСАДКУ

1929 г. — начинает работать
первая корейская авиалиния

В колониальные времена, то есть в период с 1910 по 1945 год, главным и даже почти единственным средством передвижения на дальние расстояния (насколько словосочетание *дальние расстояния* в принципе вообще применимо к такой небольшой стране, как Корея) являлся поезд. Междугородные автобусы появились в стране довольно рано: первый вышел на линию ещё в 1911 году. Однако сеть дорог с твёрдым покрытием была построена в стране сравнительно недавно, в семидесятые годы, и только после этого междугородний автобус действительно вошёл в повседневную жизнь корейцев.

Тем не менее уже с конца 1920-х гг. для страстных, склонных к приключениям состоятельных людей существовала и альтернатива поезду — они могли добраться из Сеула в Пусан или Пхеньян на самолёте.

Первые самолёты появились в небе Сеула в начале 1910-х гг. Принадлежали эти летательные аппараты японским вооружённым силам — время от времени японские военные бипланы совершали испытательные полёты в районе нынешнего Итхэвона, где располагалась главная японская военная база. Судя по всему, первый раз аэроплан появился

в воздушном пространстве столицы в 1913 году, когда лейтенант Нарахара испытывал летательный аппарат собственной конструкции, а в августе 1914 года японский лётчик Такаса пролетел на своём «Кёртиссе» над центром Сеула — к великому удивлению жителей города!

В 1916 году японская армия создала первую на территории Кореи военно-воздушную базу. Располагалась она на острове Ёйдо, неподалёку от места, где сейчас находятся здание парламента и огромный комплекс телекомпании KBS. В те времена Ёйдо был большим песчаным островом, значительная часть которого оказывалась под водой во время летних разливов Хангана, и по этой причине остров тогда оставался практически ненаселённым. Именно на острове Ёйдо — в той его части, что редко подвергалась затоплениям, — и возник главный аэродром Сеула, который находился там вплоть до конца 1950-х гг., когда его сменил аэропорт в Кимпхо.

Аэродром на Ёйдо использовался в основном японской военной авиацией. Однако время от времени там организовывались и показательные полёты для местной публики: в те времена в Корее, как и везде, страстно любили авиацию и воспринимали её как символ технического прогресса. Показательные выступления проводили как японские пилоты, так и появлявшиеся время от времени в Корее иностранные мастера пилотажа — американцы и европейцы, причём эти полёты пользовались невероятной популярностью.

В декабре 1922 года на Ёйдо с показательными полётами впервые выступил корейский лётчик. Ан Чхан-нам окончил лётное училище в Японии, и его выступления в Кёнсоне были лишь окончанием тура, который начался в Японии, где он выступал на соревнованиях пилотов почтовой авиации — и занял на этих соревнованиях первое место.

Декабрьским утром 1922 года, в день выступления Ан Чхан-нама, на Ёйдо собралась огромная толпа — по оценкам, присутствовали около 50 000 человек, то есть на остров пришёл каждый пятый житель Кёнсона (Сеула). По меркам того времени, такое скопление народу не было совсем уж удивительным — при более благоприятной погоде на показательные выступления на Ёйдо приходило и больше людей (в 1920 году участников перелёта Рим — Токио встречало около 100 000 человек, то есть едва ли не большинство взрослых сеульцев). Строго говоря, Ан был не первым корейцем, который получил лицензию пилота, но он был первым корейцем, который поднял самолёт в небо родины. Особое впечатление на собравшихся произвело то, что «Ньюпор-17», на котором совершал свои показательные полёты Ан Чхан-нам, имел собственное название «Кымган» (в честь знаменитых своей красотой корейских гор), а на борту самолёта была изображена карта Кореи.

В 1924 году Ан эмигрировал в Китай, где надеялся присоединиться к силам Сопротивления. В китайской армии он дослужился до звания майора. Однако Ан Чхан-нам не дождался освобождения страны — жизнь пилотов в те времена редко бывала долгой. В апреле 1930 года майор Ан Чхан-нам погиб в авиакатастрофе и был похоронен в Китае. В конце шестидесятых его могилу разорили хунвейбины, для которых он был «цепным псом реакционных милитаристов».

Регулярное пассажирское сообщение в Корею началось в 1929 году. Организовала его, как и следовало ожидать, японская авиакомпания — Japan Air Transport. Самолёты авиакомпании три раза в неделю садились в Кёнсоне (Сеуле). Строго говоря, Кёнсон был всего лишь промежуточным пунктом на достаточно длинном пути из Токио в китайский город Далянь. Этот город к тому времени был японской колонией, но до Русско-японской войны 1904–1905 гг. здесь

располагалась база русского флота в Китае, и в силу этого он известен многим читателям под русифицированным названием *Дальний*.

Полёты совершались три раза в неделю, и в общей сложности самолёт находился в воздухе около двенадцати часов. После вылета из Токио он совершал промежуточные посадки в Осаке, Фукуоке, Ульсане, Кёнсоне, Пхеньяне и, наконец, Даляне. Такое количество промежуточных посадок было вызвано технической необходимостью — самолёты тех лет имели весьма ограниченную дальность полёта.

Линию обслуживали спроектированные в Голландии пассажирские самолёты Fokker Super Universal, или, точнее, их лицензионные аналоги японской сборки, известные как Nakajima Ki-6. В те времена эти восьмиместные самолёты были и новыми, и современными — в эксплуатацию они поступили только в 1928 году.

Перспектива добраться от Сеула до Пусана за два часа на самолёте была достаточно привлекательной — на поезде дорога отнимала не менее десяти часов (после 1936 года — около семи часов). Однако это удовольствие стоило немалых денег. К тому же перелёты не без оснований считались весьма рискованным занятием: авиакатастрофы в те времена были обычным делом во всём мире. Впрочем, в колониальной Корее ни одной авиакатастрофы на рейсовых самолётах не произошло.

В любом случае количество людей, которые могли и хотели пользоваться авиатранспортом, оставалось очень незначительным. Например, в конце октября 1936 года в печати сообщалось о том, что на протяжении месяца из Сеула вылетело самолётом 395 человек. Пунктами назначения являлись как Пусан, так и Токио, Пхеньян, Далянь. Цифра эта тогда казалась рекордной, но она, конечно, совершенно ничтожна не только по меркам нынешней авиации, но и по меркам

корейского железнодорожного транспорта тех лет. Самолёты в Корее стали массовым видом транспорта гораздо позже, только в 1970-е гг.

Интересно, что на линии Токио — Далянь уже с 1931 года работали стюардессы, которых тогда на американо-английский манер называли *аз гёрл* (air girl). Это достаточно неожиданно, потому что профессия стюардессы появилась в мировой авиации всего лишь годом раньше: это случилось в США в 1930 году. В отличие от американских стюардесс, которых набирали из числа медсестёр, от корейских стюардесс требовалось владение японским и корейским языками, а также приятная внешность.

Главной обязанностью стюардессы было обслуживание пассажиров во время полёта. Разумеется, ни о каком горячем питании в те времена речи быть не могло. Учитывая, что самый длинный полёт занимал чуть больше двух часов, в горячем питании, можно предполагать, не было особой необходимости. Задача стюардесс заключалась в том, чтобы разносить пассажирам кофе и чай.

Первая национальная авиакомпания, то есть авиакомпания, основателем и главой которой был этнический кореец, появилась в 1936 году. Её владельцем был Син Юн-ук, один из первых корейских пилотов, окончивший авиационную школу в 1922 году, всего лишь через год после Ан Чхан-нама. В 1930 году Син сам основал авиационную школу — первую в Корее — и начал готовить местных пилотов. Самолёты школы летали, как легко догадаться, с того же аэродрома на Ёйдо.

В начале 1930-х гг. Син также организовывал развлекательные полёты над Сеулом для тех, кто был готов хорошо заплатить за такое удовольствие. За 5 вон (недельный оклад квалифицированного рабочего) можно было полетать 10 минут над самим городом, а за 10 вон — слетать из Сеула

Пассажирский Nakajima Ki-6 готовится к вылету из токийского аэропорта Ханеда в 1937 году. Такие самолёты обслуживали линию Токио — Кёнсон (Сеул) — Далянь

в Инчхон и обратно (такое воздушное путешествие длилось 20 минут).

Занимался Син Юн-ук и доставкой почты, и даже наблюдением за морем в интересах рыбаков, корабли которых он выводил на косяки рыб. В 1936 году Син Юн-ук основал «Корейскую коммерческую авиакомпанию», осуществлявшую пассажирские перевозки на нескольких внутренних маршрутах. Всё началось с линии Сеул — Ири (Ири — город на западном побережье страны, недалеко от Кунсана), которую потом продлили до Кванджу. Впрочем, первые машины «Корейской коммерческой авиакомпании» трудно было назвать авиалайнерами: самолёт брал в рейс всего лишь трёх пассажиров. Тем не менее желающих воспользоваться новым и экзотическим транспортным средством находилось немало, и в результате Син Юн-ук приобрёл не только опыт, но и заработал хорошие деньги, которыегодились ему

после освобождения страны: в октябре 1948 года именно Син Юн-ук основал компанию Korean National Air (KNA), которая и стала первой официальной авиакомпанией Республики Корея.

В двадцатые и тридцатые годы авиация была в первую очередь военной — время расцвета гражданской авиации наступило позже. В современной Корее, где национализм является фактически государственной идеологией, очень не любят вспоминать о том, что большинство первых корейских лётчиков были офицерами Японской императорской армии, но дело обстояло именно так. В этом, если задуматься, нет ничего удивительного: Корея была японской колонией и именно в японскую армию было проще всего поступить молодому корейцу с интересом к авиации.

В рядах японской армии служили как основатели южнокорейской боевой авиации, так и их противники — те корейцы, которые после раскола страны встали на сторону Севера. Показательно, что первыми начальниками Генерального штаба ВВС в обеих Кореях были бывшие офицеры Японской императорской армии — Ким Чон-нэль на Юге и Ли Хваль на Севере. Беспорочная служба императору в годы войны совершенно не помешала Ли Хвалю стать впоследствии генералом в армии Ким Ир Сена и получить (заслуженно) Золотую Звезду Героя КНДР.

Были корейцы и среди камикадзе. Среди 4000 японских пилотов-смертников, которые отправились в свой последний полёт в 1944–1945 гг., было 16 корейцев. На первый взгляд кажется, что это мало, но доля корейцев среди погибших камикадзе была примерно такой же, какой была доля корейцев среди курсантов японских военных училищ, куда корейцев брали, но не очень охотно. Причина понятна: возраст камикадзе был от 18 до 28 лет, а к 1940–1945 гг. в Корее уже выросло поколение, многие представители которого

искренне верили в то, чему их учили в японских школах, и считали себя подданными императора.

...История — штука сложная, в ней нет чёрного и белого, хотя притворяющиеся историками пропагандисты обычно хотят представить её в простых чёрно-белых тонах. О том, к каким противоречиям часто приводило распространение в Корее новой культуры, пойдёт речь в следующей главе.

ИСЧЕЗНУВШИЕ ВЛЮБЛЁННЫЕ

1926 г. — писатель Ким У-чжин и певица Юн Сим-док
совершают самоубийство

Ким У-чжин... Большинство образованных корейцев слышали это имя, но в наши дни его литературное наследие открывается заново, и Кима всё чаще воспринимают как основателя современного корейского театра, выдающегося поэта и драматурга.

Мы, однако, поговорим не о творчестве Ким У-чжина, а о его жизни, потому что она была весьма типичной для человека его происхождения и его эпохи — если, конечно, не принимать во внимание трагическую кончину.

Ким У-чжин родился в портовом городе Мокпхо, в юго-западной части Кореи. Его предки были богатыми землевладельцами, и на протяжении всего XIX века занимали крупные государственные посты. Отец Кима дослужился до правителя уезда, но потом оставил государственную службу, занявшись бизнесом, в котором немало преуспел.

Современные биографы Ким У-чжина, которые, как легко догадаться, относятся к нему пристрастно, иногда представляют его семью как некий клан праведных конфуцианских мудрецов, всегда готовых защищать бедняков и говорить суровую правду в лицо правителям. Возможно, так оно и было, но всё-таки я сомневаюсь, что обладателям столь выдающихся моральных качеств удалось бы так склотить

сказочное состояние, превратившись в одно из богатейших семейств Кореи двадцатых годов. Подозреваю, что много-миллионные состояния обычно делаются не с помощью высоких моральных качеств. Впрочем, не будем ворошить грязное бельё давно ушедших в мир иной олигархов — по крайней мере, нет сомнений в том, что и родители, и более дальние предки Ким У-чжина отличались целеустремлённостью и смекалкой.

Ким У-чжин родился в 1897 году, когда старое корейское общество уже разваливалось на глазах. В детстве он начал получать традиционное образование, которое строилось вокруг изучения древнекитайского языка и сочинений китайских классиков, однако вскоре отец Кима решил, что пора идти в ногу со временем: он отправил сына в японскую школу. Мальчику следовало в совершенстве выучить язык новых правителей (независимо от того, что о них втайне думали члены его семьи), а также овладеть европейскими знаниями, которые в Корею попадали тогда в основном через Японию. Весной 1915 года Ким У-чжина отправили учиться в Японию, в сельскохозяйственное училище на острове Кюсю. Выбор места был определён практическими соображениями. Во-первых, Кюсю располагается почти напротив Кореи, и из Мокпхо туда можно было добраться за пару дней. Во-вторых, отец Ким У-чжина надеялся, что, изучив современные методы ведения сельского хозяйства, сын сможет лучше управлять семейным агробизнесом.

Несмотря на слабое здоровье, Ким У-чжин учился хорошо, получил диплом с отличием и в 1918 году продолжил образование в Университете Васеда в Токио, где стал специализироваться на изучении английского языка.

В 1916 году отец женил Кима на девушке из богатой помещицкой семьи, но молодые никогда толком не жили вместе. Для того времени это было нормально: корейцы имели

обыкновение жениться очень рано, ещё в подростковом возрасте, так что большинство корейских студентов, участвовавших в Японии, уже имели жён, которые сидели дома в Корее и, как и подобало образцовым конфуцианским невесткам, ухаживали за родителями мужа. Ким У-чжин мог видеться с супругой только во время каникул, но это, как легко догадаться, не помешало им обзавестись детьми: сначала родилась дочь, а затем появился и сын.

Наличие законной супруги, разумеется, никоим образом не мешало любовным похождениям Кима. От молодых мужчин из числа конфуцианской элиты такое поведение, в общем, ожидалось и, более того, даже поощрялось — им полагалось, как сказали бы в другие времена и в другой стране, «вдоволь нагуляться». Ким У-чжин был богат, молод, красив и умен, так что он вовсю крутил романы с молодыми японками. Подразумевалось, конечно, что ни одна из сторон этих отношений не будет относиться к ним слишком серьёзно, а о браке не могло быть и речи.

Когда в 1920 году Ким У-чжин проходил лечение в глазной клинике, он повстречал японскую медсестру по имени Гото Химико. Страсть оказалась молниеносной и глубокой, но роман продлился недолго: Химико вскоре умерла от рака крови.

Жизнь Ким У-чжина складывалась типично для людей его круга. Он был наследником огромного состояния и получал современное образование для того, чтобы сохранить и приумножить семейные богатства, стать эффективным менеджером, способным находить общий язык с колониальными властями. Сотни таких же молодых корейцев учились в японских университетах, и среди них было немало дедов и прадедов современных южнокорейских олигархов — корни нынешних *больших денег* Южной Кореи часто уходят именно в те времена, в двадцатые годы прошлого столетия.

Однако Ким У-чжин немало и отличался от этих молодых, способных, целеустремлённых конформистов. Не возьмусь сказать, что он был лучше этих людей, — нет, он просто был другим. Ким У-чжин не хотел провести жизнь в заботах о семейных богатствах и в наслаждениях привилегиями высокого социального положения. Он мечтал о занятиях искусством, а вот бизнес и карьера интересовали его с течением времени всё меньше. Ким У-чжин писал тогда: «Я хочу стать поэтом. Единственный способ бежать от реальности, которую я презираю и ненавижу, — это уход в мир воображения».

Будучи студентом Университета Васеда, да ещё и специализируясь на западной филологии, Ким У-чжин имел возможность познакомиться с современной западной литературой. Вскоре его полностью покорила западная драматургия, которая всё ещё была в диковинку в Японии начала 1920-х гг. Весной 1920 года он собрал в Токио группу корейских студентов, желавших ставить пьесы как современных зарубежных авторов (в корейском переводе), так и произведения начинающих корейских драматургов, большинство из которых в те времена составляли корейские студенты, обучающиеся в японских вузах. В этой театральной группе Ким У-чжин выступал в качестве режиссёра и продюсера. Он также написал множество статей о современном западном театре, познакомив с ним образованную корейскую публику.

С любительской труппы Ким У-чжина фактически берёт начало история современного корейского театра. Её выступления в Корее, куда кружок съездил с гастролями во время летних каникул 1921 года, имели огромный успех, привлекли большое количество зрителей и познакомили страну с современным мировым театром. Ким У-чжин сам написал несколько удачных пьес, став одним из первых корейских драматургов. Он также много читал, восхищаясь западными писателями и мыслителями, в том числе и такими,

---

которых сегодня мы уже не поставили бы в один ряд, — от Карла Маркса и Фридриха Ницше до Габриеле Д'Анунцио (сегодня полузабытого, но когда-то очень популярного писателя: его позднее творчество тесно связано с итальянским фашизмом). В последние годы своей короткой жизни Ким У-чжин писал очень много: пьесы, литературную критику, стихи и прозу.

В июне 1924 года Ким У-чжин вернулся домой, где у него начались серьёзные проблемы. Отец его, который и сам был незаурядной личностью, видел в сыне будущего руководителя растущего семейного бизнеса и не желал, чтобы наследник увлекался такими фривольными вещами, как искусство или театр. По мнению родителя, бизнес и интересы семьи должны были стать для Ким У-чжина смыслом его жизни, а творческую деятельность однозначно следовало отодвинуть на второй план, а то и вовсе забыть. Отец запретил сыну заниматься театром, хотя, скрепя сердце, мирился с его литературными занятиями: очевидно, что конфуцианскому интеллигенту, каковым по происхождению и мировоззрению являлся отец Ким У-чжина, литературное творчество всё-таки казалось делом менее легкомысленным, чем театр. Ким У-чжин старался быть послушным сыном: он целыми днями трудился в офисе, а писать пытался по ночам. Но всё это было очень непросто, и отношения с отцом стали ухудшаться.

Личная жизнь молодого Кима тоже раздражала отца. Для молодого аристократа было нормальным и даже где-то похвальным иметь любовные связи на стороне, но, во-первых, любовниц надо было выбирать из низов общества, и, во-вторых, любовные связи ни при каких обстоятельствах не должны были подвергать опасности благополучие семьи. В лучшем (для неё) случае особенно красивая и послушная девушка из низов могла рассчитывать на то, чтобы

со временем стать официальной наложницей покровителя. Однако Ким У-чжин вместо того, чтобы заводить романы с красавицами-официантками из модных кафе или с куртизанками кисэн, умудрился влюбиться в одну из самых известных, ярких и, скажем так, непростых женщин своего времени — певицу Юн Сим-док.

Ко времени их встречи оба были знаменитостями, хотя Юн Сим-док, судя по всему, была известна публике лучше, чем её возлюбленный. Юн родилась в 1897 году в христианской семье в Пхеньяне и в те времена была одной из немногих корейских девушек, получивших современное образование. Благодаря стипендии, которую назначила японская колониальная администрация, она ездила на учёбу в Японию, где обучалась вокалу. К началу 1920-х гг. Юн Сим-док стала самой известной певицей Кореи, одной из первых корейских звёзд в современном смысле этого слова.

Судьбоносная встреча произошла летом 1921 года, когда студенческий драмкружок Ким У-чжина с огромным успехом гастролировал по Корее. Встреча немедленно переросла в бурный роман, но, как мы помним, Ким У-чжин уже был женат. Было также понятно, что Юн Сим-док никогда не согласилась бы на положение наложницы в богатой помещичьей семье.

Влюблённые много времени проводили в Японии, где и происходило большинство их встреч. Но они не были счастливы. Ким У-чжину приходилось тратить много времени на управление семейным бизнесом. Юн Сим-док трудилась, чтобы заработать денег для своей семьи. Она была главным кормильцем большого семейства и взяла на себя заботу о брате и сестре (оба окончили университеты, что по тем временам было крайней редкостью и стало возможным только благодаря финансовой помощи певицы). Стрессы и депрессия были неизбежны, и начиная с 1925 года

в работах Ким У-чжина и Юн Сим-док стало появляться всё больше и больше упоминаний о тщете жизни и о смерти. Неслучайно одна из самых известных песен Юн на мелодию, между прочим, знаменитого вальса «Дунайские волны», называлась «Ода смерти».

В июле 1926 года Юн Сим-док поехала в Японию, чтобы записать там новую песню. Из Осаки она отправила телеграмму Ким У-чжину, сообщая, что собирается покончить с собой. Ким немедленно отправился из Токио в Осаку. Некоторые биографы настаивают на том, что он планировал отговорить Юн Сим-док от самоубийства, в то время как другие полагают, что он с самого начала отправился в Осаку, чтобы умереть вместе с возлюбленной. Первые в доказательство своей точки зрения ссылаются на планы Кима поехать в Германию, которые он обсуждал с друзьями, а вторые указывают на то, что мысли о смерти и самоубийстве стали регулярно проследиваться после 1925 года в его работах и письмах. Пожалуй, что правды мы не узнаем уже никогда.

Однако точно известно, что 3 августа 1926 года Ким У-чжин и Юн Сим-док сели на паром до Пусана, взяв билеты в каюту первого класса и зарегистрировавшись под вымышленными именами.

Поездка должна была быть короткой. Корабль вышел из порта Симоносеки в 11 часов вечера и по расписанию прибывал в Пусан к утру следующего дня. Около 4 часов утра 4 августа 1926 года корабль проходил в непосредственной близости от острова Цусима, откуда до пункта назначения — Пусана — оставалось около 50 миль. В такое раннее время никто и не обратил внимания на молодую пару, зачем-то отправившуюся прогуляться на верхнюю палубу.

Только когда стюард первого класса обнаружил открытую дверь в каюте и увидел адресованный лично ему конверт с купюрой достоинством в 5 вон, стало ясно, что произошло

что-то необычное. В конверте, кроме купюры, лежала коротенькая предсмертная записка. Ким У-чжин и Юн Сим-док, очевидно, бросились с палубы в морскую пучину в тот момент, когда корабль проходил мимо берегов Цусимы.

Тела Ким У-чжина и Юн Сим-док так никогда и не были найдены. Детей Ким У-чжина воспитала его жена: сын его стал профессором, отцом-основателем корейского сравнительно-исторического языкознания. Один из внуков Ким У-чжина стал директором кораблестроительной верфи; другой стал авиационным инженером и трагически погиб в 1984 году, когда советский истребитель сбил южно-корейский пассажирский самолёт над Сахалином (внук Ким У-чжина был бортинженером на злополучном рейсе KAL 007); третий внук — директор корейского Института Арктики и Антарктики, а четвёртый до недавнего времени занимал заметную позицию в пивной фирме Hite, одном из двух главных производителей пива в стране (о ней речь идёт в главе 52). Жизнь продолжается...

1930-е гг. — распространение получают смешанные японо-корейские браки

На протяжении всей человеческой истории мы наблюдаем одну и ту же картину: всякий раз, когда в контакт вступают две группы людей, какими бы разными и даже враждебными друг другу они ни были, между отдельными их представителями неизбежно возникают сексуальные отношения. До браков и создания семей при этом дело доходит не всегда, но чаще — всё-таки доходит.

Одним из последствий колониальной экспансии XIX и начала XX века стало зарождение эпохи великого смешения рас, хотя сами строители колониальных империй очень по-разному относились к бракам с местными жителями. Британцы, как правило, не приветствовали такого рода союзы, русские и испанцы не видели в них особых проблем, а французы занимали позицию где-то посередине (*в общем-то нельзя, но если очень хочется, то можно*). А как к смешанным бракам относились японцы, правившие Кореей в первой половине XX века?

Люди, привыкшие думать об империалистической Японии как об исключительно расистском обществе, возможно, удивятся, когда узнают, что японские колониальные власти в действительности смотрели на смешанные браки благосклонно — а вот японская публика их в этом далеко не всегда поддерживала.

Район Хонмати (современный Мёндон), около 1910 года.

Фотография из японского сборника фотографий Кореи, вышедшего в 1911 году. В колониальный период район Хонмати, населённый преимущественно японцами, являлся самым современным по своей застройке и состоянию городского хозяйства районом корейской столицы

Разговоры о желательности смешанных браков с корейцами начались в конце XIX века, когда японская интеллигенция была буквально одержима расовым вопросом. В тот период во всём мире пышным цветом расцветала евгеника — система взглядов, адепты которой мечтали об искусственном выведении людей с улучшенными качествами посредством регулирования брачных и сексуальных отношений (примерно по такому же принципу, по которому селекционеры выводят породы молочных коров). Японские последователи евгеники тогда верили, что браки с другими представителями жёлтой расы приведут к улучшению

«расовых качеств» японцев. Корейцы, будучи ближайшими соседями, часто упоминались как идеальные партнёры для осуществления таких евгенических проектов.

Однако в начале 1900-х гг. в Японии появился и другой подход, больше соответствовавший расовым предрассудкам того времени, а именно — вера, что у других народов плохая кровь (как бы выразились сейчас, *плохой генофонд*). С течением времени японские националисты всё более явно воспринимали себя как высшую расу, которая биологически превосходит другие азиатские — и не только азиатские — народы, и в конце концов стали считать японскую кровь особенно чистой, а идею смешанных браков, соответственно, находить подозрительной. Их взгляды получили широкое распространение в 1930-х гг., когда Япония постепенно скачивалась к своеобразной форме фашизма.

Пока в метрополии шли все эти дискуссии, смешанные браки в самой Корее оставались редкостью. Это было особенно странно, если учесть, что колониальные власти в целом поддерживали такого рода брачные союзы. Когда в 1919 году правительство Японии приняло решение о резком смягчении политики в отношении Кореи, премьер-министр Хара Такаси прямо посоветовал Сайто Макото, вновь назначенному генерал-губернатору Кореи, прилагать все усилия для пропаганды межнациональных браков и вообще, как бы мы сейчас выразились, для *десегрегации* японцев и корейцев.

Насколько сейчас известно, первый формальный брак с японкой заключил Чо Чжун-ын, известный политический деятель рубежа XIX и XX веков и ярый сторонник прояпонской политики. Находясь в эмиграции в Японии, он женился там на местной женщине, хотя дома его ждала корейская жена. Как мы уже говорили в главе 22, холостых корейцев его социального статуса в то время не было и быть не могло — «мальчика из хорошей семьи» в обязательном

порядке женили в подростковом возрасте, а от вдовца ожидалось, что он заведёт новую жену в течение нескольких месяцев после смерти супруги. Многожёнство в Корее не разрешалось законом: у состоятельного корейца могло быть несколько наложниц, но вот жена, которая стояла куда выше наложниц по юридическому статусу, у него могла быть только одна. Впрочем, для Чо Чжун-ына, человека влиятельного, было сделано исключение, и специальным рескриптом короля ему (и только ему одному) после возвращения из эмиграции было позволено иметь двух жён с равным юридическим статусом.

Чо Чжун-ын был убеждённым сторонником прояпонской политики, в связи с чем в современной Южной Корее считается национальным предателем. Однако на японках могли жениться и представители противоположного политического лагеря. В начале 1920-х гг. корейский революционер-анархист Пак Ёль женился на японской революционерке Канеко Фумико. Они вместе готовили покушение на японского императора, были арестованы и приговорены к смерти, которую им заменили на пожизненное заключение. Канеко Фумико умерла в тюрьме в 1926 году в возрасте 23 лет. Пак Ёль находился в тюрьме до 1945 года и был освобождён только после разгрома Японии (впоследствии он оказался в Северной Корее, где был репрессирован в 1970-е гг.).

Тем временем колониальные власти занимались, как бы мы выразились сейчас, «активной пиар-кампанией» вокруг самого известного из смешанных браков, которой был заключён между принцем Ли Ыном, сыном бывшего корейского короля Кочжона, и японской принцессой Насимото Масако. Свадебная церемония, скрепившая их союз, состоялась 28 апреля 1920 года. Это был первый из нескольких браков между корейскими и японскими аристократами и, пожалуй, самый успешный из них. Насимото Масако впоследствии приняла

гражданство Республики Корея и взяла себе корейское имя Ли Пан-чжа. Они с Ли Ыном прожили вместе до глубокой старости, и их семейная жизнь, судя по всему, была счастливой, а сама Насимото Масако, в 1960-е гг. переехавшая с мужем в Корею, пользовалась там немалой популярностью — и это несмотря на общую неприязнь, которую в постколониальные времена питали корейцы к японской императорской семье. Другим политическим союзом такого рода стало неудачное замужество принцессы Токхе (дочери короля Кочжона), которую выдали за отпрыска японского княжеского рода Со (подробнее о корейской королевской семье см. главу 37). В 1920-х гг. оба эти брака привлекли немало внимания, и о них часто говорили как о примерах для подражания.

В начале 1920-х гг. колониальные власти издали несколько законов и инструкций, которые определяли правовое положение детей, рождённых в смешанных браках. Однако число таких браков оставалось на удивление небольшим. Например, к 1923 году, после 13 лет японского правления, в Корею в зарегистрированном браке проживали всего лишь 245 смешанных семейных пар. Десять лет спустя, в 1935 году, их количество составило 1029. Учитывая, что к середине 1930-х гг. в Корею проживало около полумиллиона японцев, можно только удивляться, что лишь тысяча японцев или японок решились вступить в брачный союз с местными жителями. Заключению браков, очевидно, препятствовали межнациональная сегрегация и, главное, взаимная неприязнь, которая существовала между корейцами и японцами. Впрочем, некоторое количество пар не регистрировали свои отношения формально — по оценкам тогдашних властей, в тридцатые годы количество незарегистрированных смешанных союзов превышало количество формально зарегистрированных смешанных семей в 2–3 раза.

Конец 1930-х гг. стал временем перемен. Японские власти изменили стратегию и начали ускоренными темпами проводить политику ассимиляции корейцев. В настоящее время в полемическом запале корейцы часто называют эту политику геноцидом, но ей намного лучше подходит термин *этноцид*, который подразумевает действия, направленные не на физическое истребление этнической группы, а на уничтожение её идентичности (см. также главу 25).

Официально политика насильственной ассимиляции была известна как политика *нэсон ильчхе* («Корея и Япония как единое целое»). Популяризация смешанных браков стала одной из задач колониальной администрации, видевшей в подобных союзах эффективный способ ускоренной ассимиляции. В 1938 году японские власти включили пропаганду смешанных браков в число приоритетных целей. И действительно, примерно с 1940 года число межнациональных браков в Корее заметно увеличилось, хотя о безусловном успехе речи не шло: если в 1937 году в Корее было всего 1206 смешанных пар, то к 1941 году их число, по некоторым данным, достигло 5474 (впрочем, есть и иные, более скромные, цифры: для последних лет колониального правления характерны разночтения в статистике). Кроме того, брачные союзы между японцами и корейцами в очень больших количествах стали заключаться в самой Японии, куда с конца тридцатых годов в массовом порядке отправлялись молодые корейские трудовые мигранты как мужского, так и женского пола.

Особенностью последнего десятилетия колониального режима было значительное увеличение числа таких супружеских пар, в которых мужем был кореец, а женой — японка. К 1942 году они превысили количество браков между японскими мужчинами и корейскими женщинами (такие браки были распространены в более ранний период).

Примерно с 1940 года колониальные власти активно поддерживали смешанные браки — и даже поощряли создание специальной службы знакомств, которая должна была заниматься такими союзами. Однако даже из публикаций в официальной печати, которая в те годы окончательно превратилась в рупор колониальной пропаганды, очевидно: несмотря на все усилия, значительная часть населения по-прежнему относилась к смешанным бракам негативно.

Это неприятие поддерживалось с обеих сторон. В конце 1930-х гг. в Японии достигла пика националистическая/расистская истерия, и идея о чистоте крови (или по меньшей мере о культурном превосходстве японцев) соответствовала духу времени. В условиях цензуры и ужесточения политического режима даже самые верноподданные националисты и ультраооялисты больше не могли открыто критиковать официальную линию Токио, которая, как мы помним, была направлена на поощрение смешанных браков. Однако недовольство японских ультранационалистов было настолько сильным, что о нём даже упоминалось в официальных публикациях (разумеется, позиция ультранационалистов там объявлялась ошибочной).

Впрочем, таким бракам в Японии противились не только националисты: литература того времени не оставляет сомнений, что в большинстве случаев и рядовые японские родители вовсе не хотели, чтобы их сын или дочь привели в дом невестку-корейку или зятя-корейца. Известны случаи, когда молодые люди скрывали от родителей национальность своего избранника или избранницы — благо, к тому времени многие корейцы, долго жившие в Японии, безукоризненно говорили по-японски, да и по иным признакам были неотличимы от местных жителей. Впрочем, и в корейских домах не радовались перспективе появления японской невестки или японского зятя.

Тема смешанных браков нашла отражение в художественных произведениях, многие из которых появились после 1940 года. Среди наиболее известных можно назвать роман «Сердца должны встретиться друг с другом», автором которого был Ли Кван-су — человек, которого можно считать основателем современной корейской литературы. В молодые годы Ли Кван-су активно участвовал в движении за независимость, но к 1940 году он стал ярким (и, судя по всему, вполне искренним) сторонником колониального режима. Именно в этом новом качестве он и написал роман, где излагается история любви японца и кореянки. Кстати, написан этот роман был на японском языке, которым Ли Кван-су владел в совершенстве. Текст романа был обильно приправлен рассуждениями о величии Японской империи, отражавшими то ли текущую конъюнктуру, то ли личные воззрения автора.

Примечательно, что родители обоих героев романа Ли Кван-су поначалу выступают против их брака, что, как мы помним, было вполне типичной реакцией в те времена. В итоге молодой человек (японец) отправляется в Китай сражаться за империю, а его девушка (кореянка) становится военной медсестрой и воссоединяется с возлюбленным, с которым потом делит тяготы и опасности фронтовой жизни. Благословение на подвижничество ей даёт отец, когда-то сидевший в тюрьме за участие в движении за независимость Кореи, а позже «узревший свет истины» и проникшийся пониманием величия империи. Возможно, что Ли Кван-су списал этого персонажа с самого себя — слишком уж похож и возраст, и общая траектория идеологической эволюции. Концовка романа намеренно оставлена неоднозначной: читатель не знает, что в итоге станет с героями, и даже не уверен, останутся ли они в живых. Роман оканчивается, когда главные герои оказываются в китайской

тюрьме после попыток убедить китайского генерала в том, что в его интересах — не просто сдаться, но и перейти на сторону японской армии, которая, конечно, борется за счастье всех жителей Азии, спасая их от англосаксонского империализма и русского коммунизма.

Что происходило со смешанными парами после освобождения Кореи в 1945 году? Как известно, восстановление независимости сопровождалось насильственным выселением из Кореи всех японцев. Депортация эта была обязательной и проводилась жёстко по этническому признаку. Судьбы смешанных семей в этих условиях складывались по-разному. В некоторых случаях корейские жёны разводились с японскими мужьями, а те возвращались на родину. Кажется, однако, что гораздо чаще кореянки решали отправиться со своими мужьями в Японию, где с годами, как правило, полностью ассимилировались. С другой стороны, японские жёны корейских мужей после 1948 года обычно принимали корейское гражданство и жили в бывшей колонии до конца своих дней. Ещё в начале 2000-х гг. их можно было иногда встретить в Корее, и на вид эти японские старушки, полностью ассимилировавшиеся в корейской среде, ничем не отличались от своих сверстниц — престарелых кореянок. Не исключено, что их правнуки в некоторых случаях даже не знали об истинной национальности своих стареньких прабабушек.

То обстоятельство, что Ли Кван-су, который в двадцатые был активным участником движения за независимость, к началу сороковых стал прояпонским писателем и активистом, не должно нас удивлять: многие из ведущих деятелей корейской культуры следовали по ещё более замысловатым идеологическим траекториям. Одной из показательных в этом отношении фигур стала танцовщица Чхве Сын-хи, первая деятельница корейской культуры, добившаяся мировой известности, и героиня следующей главы.

1937 г. — танцовщица Чхве Сын-хи
отправляется в мировое турне

Кажется, не существует ни одной человеческой культуры, не знающей танца, и корейцы, конечно, тут не являются исключением. Хотя выходцы из стран Запада, посещавшие Корею в конце XIX века, на традиционную корейскую культуру в целом часто смотрели свысока, они с восхищением писали о традиционных корейских танцах, которые демонстрировались во время королевских приёмов и по иным торжественным случаям.

Именно кисэн — корейские куртизанки, которые в основном и были танцовщицами при королевском дворе, — начали давать первые публичные представления в Корею. До начала 1920-х гг. из всех корейских женщин только кисэн не считали выступления на публике постыдным занятием, и естественно, что первые актрисы и танцовщицы вышли именно из их рядов.

В начале XX века корейцы начали постепенно знакомиться с различными видами европейского танца — как с классическим балетом, так и с современными направлениями танцевального искусства. В 1920-х гг. японские танцевальные школы, служившие центрами распространения новейших форм танца, начали принимать корейских студентов. В 1926 году одна из таких студенток, девятнадцатилетняя

Пэ Гу-чжа, вернулась на родину. Она занялась постановкой народных танцев, переделывая и адаптируя их к новому для Кореи формату публичного танцевального представления. Пэ Гу-чжа открыла свою танцевальную школу, в которой преподавала основы как современного танца, так и классического балета, а также обучала традиционным танцам в своей собственной интерпретации.

В том же 1926 году, когда состоялось первое публичное представление Пэ Гу-чжа, в Сеул приехал гость куда более знаменитый, чем молодая корейская танцовщица. Это был Исии Баку, который часто считается «отцом современного японского танца». Он воспитал целое поколение молодых японских танцоров, деятельность которых, в свою очередь, определила развитие японского (да и всего восточноазиатского) танцевального искусства на много десятилетий. Выступления Исии Баку в Сеуле покорили публику и стали источником вдохновения для множества юных корейцев из верхушки среднего класса. Лет десять назад они и думать не стали бы об «уни-зительной карьере артиста», но времена быстро менялись.

Среди зрителей на выступлениях Исии Баку была девочка-подросток из зажиточной корейской семьи, пришедшая в полный восторг от увиденного. Звали её Чхве Сын-хи, и ей суждено было стать первой всемирно известной корейской танцовщицей, да и вообще первым деятелем корейского искусства, которому удалось добиться по-настоящему мировой известности.

Чхве Сын-хи родилась в 1911 году в родовитой и влиятельной, хотя и не очень богатой, дворянской семье. Она получила современное образование, что в 1920-е гг. было для девочки ещё большей редкостью. После встречи с Исии Баку Чхве Сын-хи решила поступить в его танцевальную студию. Получив разрешение от родителей, она отправилась в Японию. Отношения между учителем и ученицей

бывали порой непростыми и напряжёнными (как и у большинства выдающихся балерин, характер у Чхве Сын-хи был, скажем так, непростой), но, как бы то ни было, на родину Чхве вернулась первоклассной танцовщицей, чьи выступления вызывали всеобщий восторг. Впрочем, в тридцатые годы в Кёнсоне (Сеуле) она особо не задерживалась: её основной базой была Япония, где на дальней окраине Токио танцовщица открыла собственную школу (сейчас это район Дзююгаока, столица японских десертов).

В 1931 году Чхве Сын-хи вышла замуж. Её мужем стал Ан Мак, известный литературный критик левого толка, который был связан с коммунистическим подпольем и время от времени оказывался в тюрьме за антияпонскую деятельность. Впрочем, к концу тридцатых он стал занимать про-японские позиции, но потом, после падения колониального режима, снова превратился в левого (в 1945 году). Ан Мак стал для Чхве Сын-хи менеджером, маркетинговым стратегом и даже стилистом. Поговаривают, что именно он посоветовал Чхве Сын-хи сделать короткую стрижку, которая стала самой узнаваемой особенностью внешности танцовщицы. Несмотря на то что оба супруга были более чем склонны к кратковременным романам на стороне (что поделаешь — богема), они оставались вместе до самого конца и, кажется, любили друг друга.

1920-е и начало 1930-х гг. были эпохой, когда в Корею пришёл культ знаменитостей. Танцоры, певцы и спортсмены, то есть люди, к чьим занятиям в традиционном корейском обществе относились с презрением, начали пользоваться не только известностью, но и уважением, а зачастую — и получать неплохой доход. Одной из первых корейских знаменитостей нового типа и стала Чхве Сын-хи.

Любопытно, что её выступления в начале 1930-х гг. были, как правило, выдержаны в модернистском европейском

стиле того периода. Лишь начиная с 1933 года в её танце стали всё более отчётливо прослеживаться традиционные корейские мотивы, и из исполнительницы современных танцев европейской школы она стала постепенно превращаться в исполнительницу танцев национальных.

Кажется логичным связать эти изменения в её репертуаре с пробуждением национального самосознания, но не факт, что дело было именно в этом. Япония, подобно другим империалистическим державам, подчёркивала *инаковость*, экзотичность покорённых народов, *ориентализировала* их, если хотите, и потому колониальная — в том числе и корейская — экзотика в те времена была весьма востребована в самой Японии.

Чхве Сын-хи решила использовать корейские народные мотивы и по большому счёту во многом изобрела то, что многие сейчас искренне считают *древней традицией корейского танца*. Созданные ею танцевальные постановки, такие как «Танец с мечом» или «Буддийская искуcительница», предлагали на суд зрителей модернизированную версию корейской культуры с умышленным акцентом на экзотичности.

Данный подход себя более чем оправдал. Выступления Чхве Сын-хи в Японии имели ошеломляющий коммерческий успех: с творчеством корейской танцовщицы познакомились около 2 млн японских зрителей. Как и подобает знаменитости, Чхве Сын-хи начала сниматься в рекламе, способствуя продажам косметики, лекарств и даже печенья. Её лицо часто появлялось на обложках популярных журналов, а критики считали её «самой одарённой танцовщицей своего поколения в Японской империи». Юкио Мисима, блестящий и скандальный японский писатель, со временем превратившийся в символ радикального национализма, вспоминал, как в начале 1940-х гг., будучи ещё совсем молодым человеком, восторгался танцем Чхве Сын-хи.

В декабре 1937 года Чхве Сын-хи отправилась в большое турне по США, после завершения которого гастролировала по Европе и Латинской Америке. Судя по всему, поездки частично финансировались правительством Японии, и это можно понять: мировое турне Чхве Сын-хи должно было стать частью пропагандистской кампании, которая требовалась японским властям для улучшения международного имиджа страны, немало пострадавшего после того, как Япония развязала войну в Китае. Очевидно, что японские спонсоры хотели продемонстрировать, что империя отличается терпимостью и готова принять культурные традиции всех входящих в неё народов.

Гастроли в США имели большой успех: она танцевала в Карнеги-холле, среди её знакомых были Пабло Пикассо, Ромен Роллан и Джон Стейнбек. Чхве была первой и — в те времена — единственной корейской артисткой, по-настоящему известной в мире. Любопытно, что американские критики далеко не всегда осознавали, что Чхве Сын-хи не является японкой. Например, в апреле 1940 года статья в одной из газет Сан-Франциско описывала Чхве Сын-хи как «японскую танцовщицу», только что прибывшую из «её родного Токио». Для американцев Чхве Сын-хи была таинственной, экзотической и манящей «восточной красавицей» — в таких деталях, как различие между японцами и корейцами, разобраться они совсем не хотели. Осознанно или нет, но она сама умело подыгрывала этим стереотипам и ожиданиям. В её танцы было добавлено и немного *восточной эротики*: одеяния Чхве Сын-хи порой были весьма откровенны даже по вольным меркам танцевальных подмостков.

Когда в современной Корее говорят о Чхве Сын-хи, то обычно стараются не упоминать о её политической деятельности. На это есть очень весомые причины — в конце колониального периода она делала много такого, чего

«правильно патриотическая» корейка, как её представляет современный официальный Сеул или Пхеньян, не должна была делать ни в коем случае. В годы войны она много выступала на фронте в Китае перед японскими солдатами, чтобы поддержать их боевой дух. За усилия, направленные на поддержку военных усилий империи, Чхве Сын-хи в 1942 году была удостоена Национальной премии и вообще всячески превозносилась японским истеблишментом. Во время войны Чхве Сын-хи пожертвовала в Фонд обороны (естественно, речь идёт о Фонде обороны Японской империи) около 75 000 иен — огромную сумму, примерно эквивалентную 200 *среднегодовым* зарплатам.

Подобный имперский энтузиазм не удивителен: Чхве Сын-хи получила образование в Японии и именно Япония подняла её к вершинам мировой славы. Она переехала в Японию, когда ей было всего 14 лет, и провела там почти два десятилетия. В отличие от большинства корейцев, Чхве вряд ли сталкивалась с дискриминацией из-за этнической принадлежности. Возможно даже, что она воспринимала войну именно так, как её представляла официальная пропаганда, то есть как борьбу азиатских народов против западного империализма и его приспешников.

Большинство корейских авторов испытывают крайнюю неловкость при упоминании перечисленных выше фактов и стараются не говорить о них вовсе. Это и понятно: национализм в обеих Кореях является фактически гражданской религией, а уж на исторических факультетах корейских университетов национализм (в его «левом» варианте) давно уже превратился в единственно правильное учение, сомнения в правильности которого являются смертельно опасными для карьеры. Понятно, что в соответствии с этим единственно правильным учением женщина, признанная светочем корейской национальной культуры, ни в коем случае

Чхве Сын-хи исполняет «танец шаманки».
Фотография Фукуда Кацудзи, 1938 год

не может жертвовать деньги императорской армии, ведь в современной Корее нет обвинения страшнее, чем обвинение в сотрудничестве с японскими колонизаторами. История, однако, обычно не так однозначна, как представляется приверженцам любой версии политкорректности.

Вопреки широко распространённому в нынешнем Сеуле мифу, прояпонское прошлое и активный коллаборационизм не всегда были препятствием для тех, кто делал карьеру в северокорейском искусстве после 1945 года. Из-за подозрительного прошлого проблемы могли легко возникнуть, допустим, у бывших мелких чиновников уездной управы, но вот на былую прояпонскую активность людей знаменитых, да ещё и обладающих полезными для новой власти навыками, на Севере закрывали глаза точно так же, как и на Юге. Многие из заметных северокорейских функционеров от культуры в начале 1940-х гг. были самыми ретивыми поборниками Японской империи. Среди них выделяется Хан Сор-я, ставший председателем Союза писателей и, соответственно, главным литературным начальником Северной Кореи. В своих романах начала 1940-х гг. он рисовал портреты героических японских солдат, ведущих борьбу за реализацию цивилизаторской и освободительной миссии Японской империи.

Таким образом, решение Чхве Сын-хи и её мужа Ан Мака уйти на Север в 1946 году вовсе не выглядело странным — тем более, что их, кажется, активно туда приглашали.

В Пхеньяне именитых беглецов встретили с энтузиазмом. Для зарождавшегося северокорейского режима Чхве Сын-хи стала важным приобретением — ведь, как уже говорилось, на тот момент она была единственным деятелем корейского искусства с мировой славой.

Первые десять лет жизни в Северной Корее для Чхве Сын-хи были временем славы и успехов. Она пользовалась

Здание Пумингвана (буквально — «Дом горожан»),
главного культурного центра корейской столицы в колониальный период.
Здание построено в 1934–1935 гг. и в настоящее время используется
Сеульским муниципальным советом

исключительными привилегиями, неоднократно успешно гастролировала за границей, исполняя и старые, и новые танцы.

Не будет особым преувеличением сказать, что Чхве Сын-хи единолично сформировала современные танцевальные традиции Северной Кореи. Институт танца Чхве Сын-хи, основанный по прямому указанию Ким Ир Сена, был школой для одарённых детей. В первое десятилетие северокорейской жизни Чхве Сын-хи имела хорошие личные отношения с Ким Ир Сеном и пользовалась большим влиянием в Пхеньяне. Её супруг Ан Мак был назначен заместителем министра культуры и пропаганды.

Всё резко изменилось в конце 1950-х гг., когда Ким Ир Сен и его окружение начали масштабную репрессивную

кампанию против писателей, артистов и прочих интеллигентов, после освобождения страны бежавших на Север с Юга. Главной причиной немилости властей были прошлые связи левой творческой интеллигенции с коммунистами Юга, которых Ким Ир Сен всегда считал своими соперниками и от которых отделался при первой же возможности.

Ан Мак, муж Чхве Сын-хи, был репрессирован в 1958 году. Чхве Сын-хи выступила с покаянием и отреклась как от мужа, так и от знакомых и покровителей из числа бывших героев южнокорейского коммунистического подполья, но это ей не помогло: в 1959 году она тоже исчезла. По всей видимости, её тогда сослали в провинцию. В 1966 году, когда её балет «Хэнё» («Ныряльщица») был поставлен в Пхеньяне, она ненадолго вернулась, и некоторые из её книг снова появились в продаже. Однако в 1967 году Чхве исчезла снова — и на этот раз уже навсегда.

Обстоятельства её смерти остаются невыясненными. Согласно одной из версий, она пыталась бежать в Китай (на тот момент — страну, скорее, враждебную), но в последний момент была задержана северокорейскими органами безопасности. Согласно другой версии, причиной её окончательного низвержения стала неудачная попытка отправить несколько откровенных писем в Японию, где у неё по-прежнему оставалось множество друзей и поклонников. Я бы не стал воспринимать эти версии всерьёз и ограничился бы констатацией факта: в 1967 году Чхве окончательно впала в немилость, была арестована (возможно, сослана) и вскоре умерла.

Мои знакомые из числа северокорейских артистов и писателей рассказывали, как в конце 1960-х гг. им приходилось принимать участие в «собраниях по борьбе с реакционным наследием клики Чхве Сын-хи». Учеников балерины тогда подвергали долгим проработкам, а её имя из северокорейских публикаций было вымарано. Тем не менее созданные

ею танцы навсегда остались основой танцевальной культуры Севера.

До конца 1980-х гг., то есть до тех пор, пока Южной Кореей управляли военные диктаторы, южнокорейским учёным и журналистам запрещалось слишком много говорить и писать о Чхве, поскольку побег на Север превращал её в «коммунистку». Для северокорейских официозных историков Чхве Сын-хи с конца 1950-х гг. тоже превратилась в «неупоминаемую личность» — ведь с официальной точки зрения северной власти она была «антинациональным реакционным элементом».

Табу на упоминание имени Чхве Сын-хи на Юге исчезло только в конце 1980-х гг., после отстранения от власти военных диктатур и резкого полевения всей университетско-интеллектуальной среды в стране. Её нынешние южнокорейские биографы в большинстве своём являются представителями левонационалистической интеллигенции: они склонны питать симпатии и к Пхеньяну (если не к нынешнему, то, по крайней мере, к Пхеньяну пятидесятых), и к коммунистическому движению в самой Южной Корее. По этой причине им некомфортно писать о том, что случилось с южнокорейскими коммунистами и левыми интеллигентами, бежавшими в Северную Корею в 1945–1953 гг., равно как и о том, с каким остервенением бывшие идеалисты-революционеры в итоге перебили друг друга. Соответственно, в большинстве биографий Чхве Сын-хи, появившихся в последние пару десятилетий, их авторы стараются не привлекать внимания к тому обстоятельству, что в шестидесятые она была репрессирована, но зато активно подчёркивают, что в девяностые её посмертно реабилитировали.

Действительно, табу с упоминания имени Чхве Сын-хи в итоге было снято и в Северной Корее. В начале 1990-х гг. северокорейские власти без особого шума посмертно

реабилитировали некоторых видных деятелей культуры и крупных военачальников, погибших в тюрьмах или в ссылке в 1960-е гг. Чхве Сын-хи посчастливилось оказаться в их числе. Сегодня она официально почитается в Северной Корее — разумеется, без политически неуместных упоминаний о том, как прошли её последние годы. На главном северокорейском кладбище в Тэсонсане (условно говоря, северокорейский аналог Новодевичьего кладбища) есть её могильный камень — хотя с большой вероятностью это надгробие является кенотафом, обозначающим захоронение лишь символически, в то время как реальные останки великой балерины покоятся где-нибудь на заброшенном сельском кладбище (а то и на кладбище лагерном).

На могильном камне датой смерти указано 8 августа 1968 года. В своё время сотрудник журнала «Маль» — ведущего левонационалистического ежемесячного издания — получил от пхеньянских чиновников информацию о том, что Чхве Сын-хи скончалась в 1975 году в провинции Рянгандо, куда обычно отправляли ссыльных поселенцев. Вторая версия кажется более правдоподобной, тем более что, по опыту собственных исследований, я хорошо знаю, что верить надписям на могилах в Северной Корее не стоит: даты смерти часто пересматривают и исправляют в угоду текущим политическим запросам.

Как же нам теперь воспринимать Чхве Сын-хи? Как национальную героиню? Как коллаборационистку и поклонницу Японской империи? Как убеждённую сторонницу коммунистов? Как ловкую функционерку северокорейской культурной бюрократии? Как несчастную жертву коммунистического государственного террора? А может, ещё и как мастера интриги, пиара и саморекламы? Да, все эти определения до некоторой степени подходят Чхве Сын-хи. Однако все её политические роли, все её меняющиеся личины

Фотопортрет Чхве Сын-хи в костюме шаманки, вероятнее всего, сделанный во время её американского тура. Показательно, что эту фотографию она подписала своим японским именем — Сай Сёки

не столь уж и важны. Чхве Сын-хи была одной из величайших творческих личностей Кореи 1920–1950-х гг. С точки зрения истории только это обстоятельство и будет иметь значение.

Много лет назад я задал вопрос советскому разведчику, этническому корейцу, который когда-то близко (очень близко) знал Чхве Сын-хи: «Так кем же она была, как она относилась к происходившему в стране?» Умный старик улыбнулся и сказал: «Она была удивительной красавицей и великой артисткой. Всё остальное — неважно». Я думаю, что полковник Т. был, как всегда, прав.

Американские газеты 1930-х гг. называли Чхве Сын-хи на японский манер — Сай Сёки. Впрочем, и сама танцовщица во время поездок за пределы Восточной Азии представлялась именно так. Сай Сёки — это не её «японское имя», а японское произношение тех трёх китайских иероглифов, которыми записывалось её корейское имя Чхве Сын-хи. К слову, в 1940 году корейцы столкнулись с серьёзной проблемой: японская колониальная администрация попыталась лишить их имён. История этой попытки насильственной ассимиляции станет следующей темой для обсуждения.

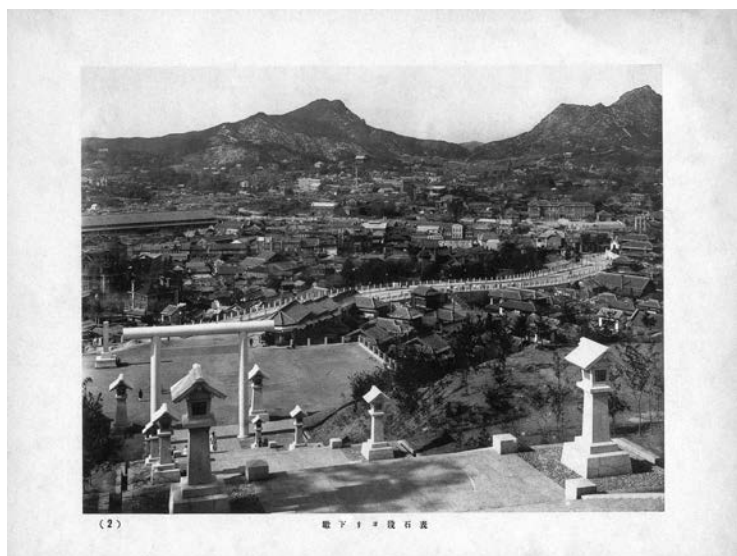
ЧУЖИЕ ИМЕНА, ЧУЖДЫЕ ФАМИЛИИ

1940 г. — корейцам насильно присваивают японские имена

Когда в наши дни речь заходит о колониальной эпохе, самую негативную реакцию корейцев вызывают две акции колониальных властей — использование корейцев в качестве *женщин для утешения* и политика смены корейских имён на японские. Проблема женщин для утешения печально известна во всём мире. Этим термином называют корейских девушек, которых колониальные власти силой или — чаще — обманом набирали в военно-полевые бордели императорской армии. Политика смены имён за пределами Кореи куда менее известна, но вот для самих корейцев остаётся крайне болезненным элементом истории того непростого периода.

Вообще говоря, нынешняя система корейских имён, которую сами корейцы воспринимают как «естественную», тоже является наследием колониального периода — обстоятельство, о котором в Кореи сейчас знают немногие. В 1909 году под эгидой японских советников, к тому времени уже фактически контролировавших государственный аппарат страны, был составлен документ, сделавший официальной и, главное, обязательной именно ту систему имён и фамилий, которая используется по сей день и которая

Вид на центр Кёнсона (Сеула) от синтоистского святилища на горе Намсан. Насаждение синтоизма было важной частью колониальной политики. Главное святилище синтоизма располагалось на горе Намсан. Как только стало известно о том, что Корея получает независимость, святилище было уничтожено самими японцами, которые не хотели, чтобы японская святыня была разрушена корейскими националистами. Окружающий святилище парк и знаменитая «лестница 1000 ступеней» (их там было, вообще-то, 380) просуществовали до середины пятидесятых. Из альбома 1925 года

большинству корейцев кажется не только естественной, но и древней. Эта система в целом опирается на ту систему имён и фамилий, которой к тому времени уже несколько веков пользовались мужчины из привилегированного сословия янбан. Однако до конца XIX века эта система не распространялась ни на женщин, ни на крепостных, которые составляли значительную часть простонародья (лично свободные мужчины к тому времени уже перешли на эту систему).

В соответствии с «системой 1909 года», которая большинству корейцев кажется вечной и исконной, *каждый* кореец

или корейка имеют фамилию (обычно состоящую из одного слога — *Ли, Ким, Пак* и т. д., изредка — из двух) и имя (обычно — двухсложное, но иногда — и односложное). Обычно подразумевается, что и имена, и фамилии могут записываться китайскими иероглифами: они фактически состоят из корней, которые являются заимствованными китайскими словами. В этом, кстати, нет ничего необычного: например, большинство современных русских имён тоже, как известно, состоят из корней греческого, латинского или древнееврейского происхождения.

Введение этой системы было вызвано требованиями модернизации. Современное государство стремится к тому, чтобы контролировать население, не теряя из сферы своего влияния ни налогоплательщиков, ни призывников, отслеживать преступников или, наоборот, людей с редкими и ценными навыками. Для решения этих важных задач необходимо, чтобы у каждого подданного был некий чёткий, неизменный пожизненный идентификатор — и привычное нам сочетание имени и фамилии неплохо справляется с этой ролью. Пока население жило в деревнях, во всех странах мира подавляющее большинство простолюдинов обходилось без фамилий, да и имя зачастую могло заменяться на прозвище. Приход современной эпохи во всём мире — в том числе и в России, и в Корее — знаменовался не только гудками паровозов, но и тем, что у каждого (а не только у дворян-янбанов) появились полноценные фамилии и имена.

Вскоре после введения системы имён и фамилий, в 1911 году, колониальные власти фактически запретили корейцам иметь имена, которые в иероглифическом написании слишком походили бы на японские. Мера выглядит вполне логично в контексте общей политики Японии, проводившейся по отношению к Корее в 1910–1936 гг. Эта политика чем-то напоминала политику апартеида в Южной

Африке: на территории Кореи этнические корейцы и этнические японцы обладали разным набором формальных прав и обязанностей, поэтому колониальные власти хотели, чтобы и в официальных бумагах имена корейцев можно было с первого взгляда отличить от имён японцев. Вдобавок некоторые корейцы стали брать себе фамилии известных японских политиков, намекая таким образом на свою особую связь с ними.

К счастью для колониальных властей, корейские имена в иероглифическом написании обычно очень сильно отличаются от японских, так что перепутать их или трудно, или вовсе невозможно. Не только в Корее, но и в Японии, в Китае и во Вьетнаме имена и фамилии, как правило, имеют древнекитайские корни или, по крайней мере, могут быть записаны китайскими иероглифами. Однако японцы для записи своих имён обычно используют такие сочетания иероглифов, которые жителям остальных стран региона кажутся довольно странными. Если записывать корейские и китайские имена не фонетическим письмом, а при помощи иероглифов (а именно так и только так они записывались в документах по меньшей мере до 1960-х гг.), то китайцев и корейцев часто действительно можно спутать друг с другом. Однако японские имена на их фоне будут выделяться сразу и недвусмысленно.

Ещё одним отличием являются, конечно, фамилии. В Корее фамилия — не сама по себе, а в сочетании с так называемым *поном* (названием места, откуда происходит предок определённого клана) указывает на принадлежность её носителя к большому клану, количество членов которого может достигать десятков и даже сотен тысяч, а то и миллионов человек. В Японии концепция семей больше напоминает знакомую нам западную: фамилия отражает принадлежность человека к одной конкретной семье. Интересно

отметить и то, что для обозначения самого слова *фамилия* корейцы и японцы используют разные иероглифы: в Корее это иероглиф *сон* (姓), а в Японии говорят *сси* (氏).

В 1910-х и 1920-х гг. некоторые японские чиновники критиковали введенный в 1911 году запрет на использование корейцами «имён и фамилий в японском стиле» и настаивали на том, что корейцам надо разрешать брать японские имена, а то и заставлять их делать это в принудительном порядке, однако до середины 1930-х гг. эта позиция была не слишком распространена.

В 1930-х гг. ситуация изменилась. Автором *новой политики имён и фамилий* обычно считается Минами Дзиро, генерал-губернатор Кореи (1936–1942 гг.), но в целом она отражала изменения в общей японской политике тех лет: Япония быстро превращалась из единственной «почти-демократии» Азии в милитаристское и ультранационалистическое государство.

Политика империалистической Японии по отношению к подданным колоний радикально отличалась от политики таких колониальных держав, как Британия или Франция. Британцы, например, прекрасно понимали, что им никогда не удастся превратить в англичан, например, индусов. В Японии же, особенно в 30-х гг. XX века, когда страну захлестнули радикально-националистические настроения, многие видные политические деятели и представители элиты пришли к мысли, что из корейцев (да и из тайванцев) не только можно, но и нужно со временем сделать японцев.

Нетрудно понять, чем было вызвано такое различие в подходе к колониям и их обитателям. Население Индии численно во много раз превышало население самой Англии, в то время как корейцев было примерно в два раза меньше, чем японцев. Индия удалена от Англии на тысячи километров, а Корею и Японию разделяет не слишком широкое

водное пространство Корейского пролива, которое даже тихоходный пароход преодолевал меньше чем за день. Индусы и британцы принадлежат к разным расам, а вот корейцев от японцев зачастую можно было отличить только по одежде и манерам. Индия и Англия — это две совершенно разные культуры, в то время как Корея и Япония в культурном плане имеют много общего. Всё это, вместе взятое, и натолкнуло японских националистов-государственников на мысль, что ассимиляция корейцев вполне возможна. В конце 1930-х гг. Япония отказалась от той своеобразной политики апартеида, которую проводила ранее, и взяла курс на насильственную ассимиляцию корейцев.

У новой политики было официальное название, состоящее из четырёх иероглифов: 內鮮一體. На корейском оно звучит как *нэсон ильчхе*, на японском — *найсэн иттай*. В переводе на русский — «Корея и Япония как единое целое».

С конца 1930-х гг. новая политика нашла широкое применение в самых разных сферах повседневной жизни. Как говорилось в главе 11, в школах запретили преподавание на корейском, да и в целом использование корейского языка постепенно ограничивалось. Газеты, выходившие на корейском языке, были закрыты (за исключением государственной «Мэиль синбо»), а от всех корейцев стали требовать знания *государственного* (то есть японского) языка.

Корейцев всячески убеждали в том, что их страна является всего лишь частью Японской империи, поэтому логично и в Корею отказаться от «местного говора», как это произошло, например, на Окинаве или в регионе Кансай — там тоже имелись свои диалекты, но всех жителей этих регионов обязали знать токийское наречие и говорить на нём.

Политика ассимиляции встречала определённое сопротивление даже в самой Японии. Планы ассимиляции корейцев не поддерживали два противоположных политических

лагеря: японская либеральная интеллигенция и японские крайние правые. Либералы (в первую очередь — левые либералы, а также примкнувшие к ним в данном вопросе социалисты и коммунисты) враждебно относились к японскому национализму как таковому, часто выступали против колониальных захватов и не одобряли такое ущемление прав корейцев. Высказывавшиеся против насильственной ассимиляции крайние правые руководствовались другими соображениями. Будучи по убеждениям расистами и полагая, что японцы превосходят все народы мира не только культурно, но и биологически, они опасались за «чистоту японской нации» и боялись смешения крови с представителями «низших рас», к которым они, в частности, относили корейцев.

Так, один из сторонников ультраправых утверждал: «Чистота расы Ямато может оказаться под угрозой из-за так называемой политики ассимиляции, а уровень нашего культурного развития может снизиться до уровня Кореи или Китая». Тем не менее сторонники и либералов, и ультра-националистов составляли в Японии меньшинство, а колониальная администрация конца 1930-х гг. почти полностью состояла из тех, кто верил: полная ассимиляция корейцев, превращение их в японцев и возможны, и необходимы.

В этой обстановке Отдел образования колониальной администрации предложил не только отменить закон 1911 года о запрете использования корейцами «имён в японском стиле», но и стремиться к тому, чтобы корейцы брали себе полностью японские имена. Показательно, что с этой идеей выступили сотрудники Отдела образования, поскольку именно на них лежала задача проведения в жизнь политики ассимиляции. Однако эта инициатива не вызвала энтузиазма у полиции, поскольку силовики как раз хотели, чтобы корейцы чётко отличались от японцев.

Тем не менее генерал-губернатор Минами Дзиро и большая часть его окружения поддержали идею о смене имён. Они надеялись таким образом решить сразу две задачи. Во-первых, смена имён должна была нанести удар по этнической идентичности корейцев, что облегчало процесс ассимиляции. Вторая цель была не столь очевидна, но именно её сами колониальные власти считали наиболее важной: смена имён должна была подорвать влияние традиционных корейских кланов. Будучи подданными японского императора, корейцы должны были быть преданы ему и его государству, а не своим предкам или дальним родственникам. Чтобы ещё больше разорвать связи внутри кланов, колониальные власти настойчиво рекомендовали каждой семье брать отдельную фамилию.

Новый закон был опубликован в конце 1939 года. Назывался он 창씨개명 / 創氏改名 — «Чхансси Кэмён» (дословно — «создание фамилий, изменение имён»). Как уже упоминалось, корейцы и японцы используют разные иероглифы для обозначения слова «фамилия». Поэтому, с точки зрения японцев, у корейцев действительно не было «нормальных» фамилий (*сси*), и их надо было создать. Имена у корейцев были, так что их следовало просто сменить — на те, которые не отличались бы от японских. Закон должен был вступить в силу в феврале 1940 года.

Стоит отметить, что генерал-губернатор Минами официально заявил, что никого не будут заставлять менять имя насильно. Разумеется, в реальности это было не совсем так — давление на население оказывалось, но генерал-губернатор был вынужден придерживаться подобной позиции (или, по крайней мере, декларировать её) не столько из-за опасений протестов со стороны корейского населения, сколько для того, чтобы не злить японских турбопатриотов, бывших, как мы помним, против идеи смешения «низшей» корейской крови с «высшей» японской.

Процесс был официально запущен 11 февраля 1940 года, то есть в день, когда во всей Японской империи с немалой помпой отпраздновали 2600-летие императорской династии. Первыми имена поменяли известные корейские коллаборационисты, о чём сообщалось в газетах. Официальная печать в ярких красках описывала радость, испытываемую корейцами по поводу того, что им наконец-то предоставили шанс избавиться от фамилий предков.

У жителей Кореи было шесть месяцев на то, чтобы подать официальную заявку на смену имени — весь процесс должен был быть завершён до 10 августа 1940 года. Для генерал-губернатора Минами и его администрации успех мероприятия был крайне важен с политической точки зрения, поэтому они прилагали все возможные усилия для того, чтобы заставить корейцев поменять имена. Когда в мае, после трёх месяцев активной административно-пропагандистской кампании, вдруг выяснилось, что заявки на смену имён подали всего 7,6% от общего населения Кореи, администрация усилила давление, продолжая при этом настаивать, что процесс носит чисто добровольный характер.

Их основной мишенью являлись корейцы, находившиеся в более-менее привилегированном положении: учителя, административные работники, полицейские. Им говорили, что смена имён является требованием империи, так что упрямство может быть расценено как признак недостаточной преданности императору, а это, в свою очередь, могло грозить потерей места. В некоторых учебных заведениях наличие у корейца японского имени фактически сделали обязательным условием поступления. Впрочем, степень давления сильно зависела от конкретной ситуации по месту работы или жительства.

К 10 августа 1940 года, когда кампания должна была официально завершиться, 80,3% всех корейцев значились

как поменявшие имена на японские. Остальные 20% продолжали официально использовать корейские фамилии.

Почему большинство корейцев сменили имена и фамилии? Положим, у чиновников или учителей (людей подневольных даже при менее авторитарных режимах) не было выбора, но ведь они составляли лишь небольшую часть тех, кто сменил имена. Получить представление о том, что двигало людьми, можно из письма Ли Кван-су, основателя современной корейской литературы и на тот момент активного коллаборациониста. Он стал одним из первых, кто сменил имя на японское — Каяма Мицуро. В статье по этому поводу он написал: «Я — верный подданный японского императора. И мои потомки будут верными подданными императора. Не то чтобы я не мог быть верным подданным под именем Ли Кван-су, но имя Каяма Мицуро подходит для этой цели много больше. Политика «Корея и Япония — единое целое» проводится нашим государством ради корейского народа, и мы должны искренне её поддерживать. О чём ещё можно мечтать, если исчезнут дискриминационные различия между корейцами и японцами? Разве не этого мы хотим, разве не на это направлены наши усилия?»

Основная мысль Ли Кван-су сводится к простому тезису: «Я хочу, чтобы со мной обращались как с полноценным человеком. И если смена имени — необходимый шаг для достижения этой цели, что ж, так тому и быть».

В 1940 году идея независимого Корейского государства для большинства корейцев выглядела утопией. Японская империя казалась неуязвимой, а сопротивление — бессмысленным, так что попытки приспособиться к ситуации представлялись наиболее разумным решением. Многие в Корее были готовы пожертвовать частью своей идентичности, если в качестве награды за такую жертву сулили равноправие с жителями самой Японии.

Губернатор Минами Дзиро и другие вдохновители кампании, кажется, искренне считали, что успех их деятельности продемонстрировал факт, что ситуация под контролем и корейцы искренне поддерживают империю. Однако они оказались не правы. Взрыв восторга, которым в августе 1945 года корейцы встретили сообщение о капитуляции Японии, отчётливо показал, какого будущего для своей страны они желали.

Американская военная администрация объявила об отмене закона о смене имён, и в течение нескольких недель после освобождения Корейского полуострова японские имена бесследно исчезли. Впрочем, иногда об их недолгом существовании приходится вспоминать и сейчас: когда корейцу требуется архивная справка, связанная с деятельностью предков в 1940–1945 годах, для её получения обычно нужно знать, какое именно японское имя взял себе тогда прадед (или прабабка).

После освобождения страны корейские имена появились не только у корейцев, но и у их столицы — в 1946 году, в ознаменование первой годовщины освобождения страны, город Кёнсон был переименован в Сеул — об этом, равно как о прежних именах корейской столицы и превращении Сеула в современный город-государство, пойдёт речь в следующей главе.

ЧЕТЫРЕ ИМЕНИ КОРЕЙСКОЙ СТОЛИЦЫ

1946 г. — корейская столица официально становится городом Сеулом

Хотя с самого начала российско-корейских контактов столица Кореи на наших картах именуется Сеулом, в самой Корее это название стало официальным только в августе 1946 года — по инициативе американской военной администрации, которая тогда управляла южной частью Корейского полуострова.

В разговорной речи это слово широко употреблялось с самых давних времён (по-корейски слово *Сеул* как раз и означает «столица»), но вот в официальных документах город до 1911 года именовался *Хансон*, то есть «крепость на реке Хан», или *Ханъян*.

Старый Хансон (Сеул XIV–XIX вв.) был городом относительно небольшим — по крайней мере, по современным стандартам. В этом, в общем-то, нет ничего удивительного: большинство городов доиндустриальной эпохи не отличалось многолюдностью. На начало XIX века на планете существовало всего лишь 4–5 городов, население которых достигало миллиона человек или хотя бы приближалось к этому уровню (Пекин, Лондон, Эдо (Токио) и Стамбул). Большинство городов были гораздо меньше. В Европе XVIII века

Вид центрального Кёнсона (Сеула) в конце 1910-х гг.

В центре фотографии видно двухэтажное светло-серое здание Центрального банка. Справа от него полосатое здание почтамта.

На заднем плане можно увидеть здание отеля «Тёсэн», а за ним — старое здание мэрии, которое будет снесено через несколько лет после того, как была сделана эта фотография

город с населением в 30 000–40 000 человек считался крупным, и даже в Париже в конце XVIII — начале XIX в., во времена Французской революции и Наполеона, было всего лишь 540 000 жителей.

Сеул не был исключением. На протяжении всего правления династии Ли, то есть с конца XIV и до начала XX века, численность населения корейской столицы составляла от 120 000 до 180 000 человек. Впрочем, и в те далёкие времена Хансон по числу жителей с немалым отрывом лидировал среди корейских городов. Второе и третье места в начале XIX века делили между собой Пхеньян и Кэсон, население каждого из которых составляло чуть менее 30 000 человек (впрочем, статистика тех времён неточна и относиться

к ней нужно с осторожностью). Тэджона и Пусана в начале XIX века ещё не существовало.

Старый Сеул располагался на правом, северном берегу реки Ханган, причём на берег реки город тогда не выходил: между южной городской стеной и Ханганом оставалось довольно большое пространство, занятое предместьями и огородами. Отчасти эта необычная черта городской топографии была вызвана естественными причинами: летом, во время муссонных дождей, Ханган разливался, затопливая немалую территорию, и город стали строить на некотором расстоянии от реки именно для того, чтобы избежать регулярных затоплений. На участке, отделявшем городские стены от берега реки, впоследствии выросли нынешние районы Мапхо и Итхэвон.

Как и большинство средневековых городов, Хансон был окружён стенами, общая протяжённость которых составляла 18,6 км. Площадь внутристенного Хансона равнялась примерно 20 км². Впрочем, к концу XIX века в подчинении городских властей оказалась и часть предместий, находившихся за пределами городских стен. Тогда юрисдикция столичных властей распространялась на территории, отстоявшие от городских стен на расстояние до 4 км. Таким образом, с учётом этих предместий, площадь города к 1900 году равнялась примерно 110 км².

Военное значение стен корейской столицы, скажем прямо, было несколько сомнительным. За всю историю династии Ли корейское правительство не предприняло ни одной попытки оборонять город. В случае вражеского нашествия или серьёзного мятежа правительство немедленно выводилось в укрепления, построенные специально на такой случай на острове Канхвадо, в районе нынешнего Инчхона, либо же эвакуировалось к северной границе, поближе к китайским союзникам. Городские стены играли,

---

скорее, административно-полицейскую роль. В десять часов вечера городские ворота закрывались, после чего город был надёжно изолирован от всякого рода праздношатающейся криминальной публики. Стены могли также остановить плохо вооружённую крестьянскую армию или ополчение взбунтовавшихся местных дворян. На большее они не годились, но для большего они и не предназначались.

В 1910 году Корея стала японской колонией, и новые власти решили переименовать корейскую столицу: в 1911 году ей было присвоено название Кёнсон, то есть *столичный город* (京城). Здесь следует заметить, что эти два китайских иероглифа, как и (почти) все китайские иероглифы, имеют и корейское, и японское чтение. По-японски иероглифы 京城 читаются как Кэйдзё, так что это название тоже иногда можно встретить, когда речь заходит о корейской столице в колониальные времена.

В 1908 году городские стены начали сносить. Сейчас от старых стен осталось лишь около 12 км — они сохранились в основном там, где проходили по склонам гор и не могли помешать современному общественному транспорту.

В ходе административной реформы 1914 года японские власти почти в семь раз сократили площадь города, выведя из его состава обширные, но малолюдные пригороды, в результате чего на протяжении 1914–1936 гг. площадь Сеула (то есть, конечно, Кёнсона) составляла 36,18 км². В результате сократилось и население столицы — впрочем, не очень значительно, так как «потерянные» территории были в основном малонаселёнными предместьями. В 1915 году в Кёнсоне (Сеуле) насчитывалось 241 000 жителей.

При этом надо учесть обстоятельство, о котором в Корее сейчас вспоминать не очень любят: в двадцатые и тридцатые годы значительную часть жителей города составляли

японские переселенцы. В 1915 году доля этнических японцев равнялась 26,1%, а в 1935 году — 28,0% от всего населения Кёнсона (для сравнения — примерно такой была доля русских в населении Ташкента перед распадом СССР). Все японцы были насильственно депортированы из страны в 1945–1947 гг., а их имущество полностью конфисковано. Исключение было сделано лишь для немногочисленных этнических японцев и японок, состоявших в браке с корейцами (при желании смешанные семьи могли остаться в Корее — о таких семьях см. главу 23).

Двадцатые годы стали временем постепенного роста Кёнсона, так что к 1930 году население города составляло 350 000 человек. Поначалу население столицы росло медленно, но в середине 1930-х гг. этот рост резко ускорился. Связано это было в первую очередь с изменением политики, которую Токио проводил в колонии. С середины тридцатых годов японские власти стали ударными темпами развивать промышленность Кореи, вкладывая немалые средства — как частные, так и государственные — в горнорудную, химическую и металлургическую промышленности, машиностроение, в развитие транспортной и энергетической инфраструктуры. Результатом стало резкое ускорение урбанизации.

Эти процессы были особенно заметны в северной части страны, где в основном и строились новые предприятия, но и главный город колонии тоже не оставался в стороне от перемен — тем более, что японский капитализм был очень бюрократизированным, так что головные корейские офисы большинства корпораций располагались именно в столице, поблизости от администрации колонии, с чиновниками которой предпринимателям приходилось согласовывать самые разные вопросы. Всего лишь за семь

лет население Кёнсона удвоилось и к 1937 году составило 706 000 человек, а в 1942 году численность населения корейской столицы впервые за историю города превысило миллионную отметку (по данным муниципалитета, население Кёнсона (Сеула) в 1942 году составило 1,114 млн человек).

Росло не только население, но и территория города. В 1936 году административная территория Кёнсона была расширена до 134 км². Кроме того, именно в 1936 году город впервые «переправился через реку». До этого Сеул, как уже говорилось, располагался исключительно на правом (северном) берегу реки Ханган. По результатам административной реформы 1936 года в границах города оказался остров Ёйдо, где сейчас находятся корейский парламент и основные центры политической власти (об этом подробнее см. главу 38), а также прилегающие районы на левом (южном) берегу Хангана, то есть нынешний район Ёндыпхо. В 1944 году произошло ещё одно, совсем небольшое, расширение городских границ, в результате чего площадь города увеличилась до 136 км².

Последние два-три года колониального правления были отмечены некоторым сокращением численности населения столицы, но после 1945 года рост возобновился. В 1945–1946 гг. практически все этнические японцы были насильственно высланы из страны, но это сокращение численности столичного населения было с лихвой компенсировано прибытием в Сеул многочисленных беженцев из Северной Кореи, а также этнических корейцев, возвратившихся домой из Японии, Маньчжурии и других частей внезапно распавшейся Японской империи. Корейцы массово переезжали в Китай с 1910-х, а в Японию — с 1930-х гг., но после окончания Второй мировой войны они обнаружили, что стали там не слишком желанными гостями, и в своём большинстве предпочли вернуться на *историческую родину*.

На протяжении 1945–1953 гг. Северную Корею покинуло более миллиона человек, бежавших на Юг от новой власти. Кроме этого, количество бывших мигрантов, вернувшихся в Южную Корею из Японии и Китая, оценивается в полтора-два миллиона человек. Значительная часть этих людей в итоге осела в Сеуле, население которого к началу 1950 года выросло до 1,445 млн жителей.

Правда, бурные события Корейской войны 1950–1953 гг. привели к тому, что город, четыре раза переходивший из рук в руки, временно обезлюдел: после боёв и эвакуаций в нём осталось меньше четверти жителей (см. главу 28).

Рост населения возобновился в 1953 году, когда в Сеул из эвакуации вернулись правительственные учреждения Республики Корея. На протяжении первого послевоенного десятилетия рост Сеула происходил по схеме, хорошо известной из истории Латинской Америки. Основную массу новых сеульцев составляли вчерашние крестьяне, приходившие в город искать лучшей доли и часто оседавшие в трущобах, которые, соответственно, тоже стремительно росли. В 1955 году в Сеуле насчитывалось 1,43 млн жителей, в 1960 году их число увеличилось до 2,45 млн, а в 1965 году достигло 3,47 млн.

Надо сказать, что темпы роста в те времена вызывали немалое беспокойство и у сеульской мэрии, и у южнокорейского руководства, и у населения в целом. В 1964 году сенсацией стал роман Ли Хо-чхоля «Переполненный Сеул», в котором речь как раз шла о демографических проблемах столицы. Действуя, отчасти, в духе времени, в 1964 году мэр Сеула Юн Чхи-ён всерьёз говорил о введении системы, которая до боли напоминала приснопамятную советскую систему разрешительной прописки. В мудрости своей мэр предложил парламенту следующие законодательные новшества: любой гражданин Республики Корея, возжелавший переехать в столицу, должен был получить соответствующее

разрешения как от сеульских властей, так и от властей того города или села, которое решил покинуть. К счастью, хотя в Корее и была диктатура, но диктатура достаточно мягкая, поэтому столь радикальное предложение вызвало у южно-корейских законодателей лишь оторопь — и в итоге было ими отклонено.

Рост населения Сеула тем временем продолжался: в 1970 году в городе было 5,4 млн жителей, в 1975 году — 6,9 млн, в 1980 году — 8,4 млн. Впрочем, рекордный экономический рост, начавшийся в шестидесятые, во многом снизил остроту городских проблем: с толстым кошельком решать социальные вопросы было проще, так что на смену трущобам (в шестидесятые их в Сеуле именовали *таль тоннэ* — «лунные деревни») довольно быстро стали приходить кварталы многоквартирных домов — возможно, архитектурно и безликие, но зато удобные для жизни.

Административные границы Сеула после провозглашения Республики Корея в 1948 году пересматривались только четыре раза. В 1949 году территория города выросла почти вдвое и составила 268,35 км². Реформа 1963 года увеличила территорию Сеула практически до нынешних пределов — 613 км². В 1973-м и в 1979-м годах произошли два новых пересмотра городских границ, оба — весьма незначительные по масштабам, а после 1979 года и территория города, и его границы остаются неизменными. На настоящий момент площадь города Сеула составляет 605,05 км² — примерно в двадцать раз больше, чем сто лет назад.

Согласно статистическим данным, с начала девяностых годов рост населения столицы приостановился, и на протяжении последних 30 лет число жителей остаётся достаточно стабильным, колеблясь на уровне 10–11 млн человек, а в 2020 году статистика сообщила: впервые за три десятилетия в столице страны жило меньше 10 млн человек.

Однако эта цифра, которую можно найти в любом справочнике, обманчива — или, скажем так, лукава. Дело в том, что границы корейской столицы не менялись лишь законодательно. Более того, в нынешней ситуации такое изменение невозможно по политическим причинам — прошли времена, когда такие решения могли приниматься одним росчерком диктаторского пера. Южная Корея является демократией, в которой почти невозможно провести законопроект об изменении границ Сеула через сложную процедуру голосований на местном уровне. Однако город как таковой продолжал расти, полностью игнорируя административные условности и нарисованные на карте линии административных границ. Уже в середине восьмидесятых реальный город Сеул выплеснулся за пределы той территории, которая формально входит в границы административного образования под названием «особый город Сеул».

С обывательской точки зрения (равно как и с точки зрения здравого смысла) житель города Пундана или города Ильсана, конечно же, является сеульцем. Однако формально в качестве такового он статистикой не учитывается, ведь официально и Ильсан, и Пундан — это отдельные населённые пункты, входящие в состав провинции Кёнги и просто прилегающие к Сеулу. При этом порою невозможно заметить, например, что вы только что покинули город Сеул и въехали, например, в город Пундан: одна сторона улицы относится к одному городу, а противоположная — к другому.

Впрочем, выезжая из города на большинстве направлений, всё-таки можно почувствовать, что ты покидаешь Сеул (в узком, административном, смысле слова). Дело тут в так называемом зелёном поясе, полосе лесонасаждений, которая по инициативе властей была в семидесятые сформирована вокруг Сеула. Тогда надеялись, что создание этого лесного пояса приостановит рост города — как выяснилось,

---

безуспешно. На лесной территории «зелёного пояса» запрещено или жёстко ограничено строительство, так что на многих направлениях после пересечения формальной городской черты дорога на протяжении пары километров идёт через лес, за которым, впрочем, опять начинаются городские кварталы.

Поэтому, говоря в наши дни о Сеуле, следует иметь в виду Большой Сеул, то есть гигантскую городскую агломерацию, которую по-корейски называют *судогвон* («столичная зона» 수도권/首都圈). Эту территорию можно приблизительно представить в виде неправильной окружности диаметром около 50–60 км и с центром где-то на южном берегу Хангана. Туда входит и сам Сеул в административном смысле слова, и формально отдельные административные единицы, такие как города Сувон, Пундан, Инчхон и некоторые другие.

Население *Большого Сеула* сейчас составляет 24 млн человек — примерно 45% всего населения страны. Фактически современная Корея — своеобразный город-государство: ни по размерам, ни по экономическому и политическому значению ни один другой населённый пункт не может и близко соперничать с Сеулом.

Сейчас, когда Сеул стал образцовым мегаполисом, а Республика Корея является одной из самых благополучных стран Азии, трудно представить, что семьдесят пять лет назад в стране шла гражданская война и корейцы с оружием в руках решали вопрос о том, по какому пути должна идти их страна. О красных партизанах сороковых и пятидесятых пойдёт речь в следующей главе.

ПАРТИЗАНЫ! ПАРТИЗАНЫ!

1946 г. — начало коммунистического
партизанского движения в Южной Корее

Несколько лет назад, работая в одном американском архиве, я случайно увидел несколько снимков, сделанных американским корреспондентом летом 1948 года на какой-то захолустной южнокорейской станции. Железнодорожный пейзаж, в общем-то, одинаков во всех странах: перроны, стрелки, водокачки. Однако на фотографиях было хорошо видно, что все станционные объекты обнесены каменными стенами или окружены окопами, а самым высоким сооружением на станции является вовсе не водокачка, а сторожевая вышка, на которой отчётливо различим часовой с пулемётом.

Речь, повторяю, идёт о лете 1948 года. До начала Корейской войны остаётся ещё два года. От кого же, в таком случае, обороняли маленький полустанок в центральной Корее? Конечно же, от коммунистов-партизан. Гражданская война в Южной Корее началась задолго до 25 июня 1950 года и продолжалась и после того, как в июле 1953 года война Севера и Юга завершилась.

После освобождения Кореи в августе 1945 года началась внутрикорейская гражданская смута. Во многом ответственность за неё несли великие державы, СССР и США, превратившие Корейский полуостров в арену борьбы за влияние. Однако корейский конфликт никак нельзя сводить к схватке

Корейский сельский дом, скорее даже зажиточный по тогдашним меркам, около 1950 года. Нищета корейской деревни означала, что среди её жителей было немало желающих поддерживать красных партизан

ставленников Москвы со ставленниками Вашингтона. Фактически в Корее переплелись соперничество сверхдержав и внутренняя гражданская война, то есть борьба между теми, кто по-разному видел будущее своей страны — и был готов за это будущее и убивать, и умирать.

Поначалу борьба между южнокорейскими левыми и южнокорейским правыми в целом носила мирный характер, хотя бывали и печальные исключения: уже в конце 1945 года обе стороны начали прибегать к убийствам оппонентов. Однако в 1946 году, после запрета южнокорейской Компартии, левые приняли решение организовать в Южной Корее партизанское движение — и первые отряды коммунистических партизан появились в южнокорейских горах зимой 1946–1947 гг. Решение это, естественно, было согласовано

с Москвой, которая с самого начала оказывала значительную помощь в обучении и снаряжении партизан.

Для подготовки партизанских командиров и специалистов-диверсантов на Севере было создано Кандонское военно-политическое училище. Возглавлял его советский кореец Пак Пён-юль (с которым я, кстати, встречался в Москве в начале 1990-х гг.), а вооружались отряды из арсеналов японской Квантунской армии, захваченных советскими войсками во время скоротечной и победоносной кампании в августе 1945 года. Делалось это для того, чтобы не было оснований обвинять СССР в поддержке партизанского движения в американской зоне оккупации (по хорошо известному и теперь принципу: «Оружие у них японское? Ну а мы-то тут тогда при чём? Наверное, они его в военной торговле купили!»).

Любопытно, что в те времена сами партизаны называли себя именно русским словом *партизан*, и только впоследствии, после 1960 года, в северокорейских документах их задним числом переименовали на исконно корейский лад: из *пальчисан* они превратились в *юкёкдэ* (впрочем, слово *юкёкдэ*, как и большинство корейских терминов, состоит из китайских корней). Как легко догадаться, противники партизан именовали их куда менее почтительно, используя для этого другой термин китайского происхождения — *конби*, то есть «коммунистические бандиты».

Основную массу бойцов составляли молодые южнокорейские коммунисты. Их тайно переправляло на Север активное коммунистическое подполье, а через несколько месяцев обучения из них формировались отряды, которые перебрасывали через 38-ю параллель снова на Юг. Впрочем, в составе отрядов были и выходцы из Северной Кореи (в те времена это были, скорее, географические, а не политические понятия).

Надо сказать, что Южная Корея — не очень-то подходящая для ведения партизанской борьбы страна. В те времена корейские горы, ныне покрытые густым лесом, были просто голыми холмами, на которых трудно скрываться от противника, если в распоряжении последнего имеется авиация. Вдобавок в Корее существовала развитая сеть коммуникаций, созданная в колониальные времена (японцы построили много железных дорог и телефонных линий, главных врагов партизан). Да и высокая плотность населения обычно скорее препятствует партизанскому движению, нежели помогает. В этих условиях относительный успех корейских красных партизан показывает, что они пользовались немалой поддержкой населения. Без поддержки на такой местности партизаны не продержались бы и нескольких месяцев.

И всё же основными районами партизанских операций были менее населённые районы страны, в первую очередь горный массив Чири на юге и горные хребты Тхэбэк, протянувшиеся вдоль восточного побережья. И там, и там горы были покрыты густым лесом, а плотность населения была по корейским меркам невелика, так что неудивительно, что именно в тех горных массивах находились основные партизанские базы.

Драматический характер приняли события на Чеджудо — острове, который в первые годы после освобождения страны находился под фактическим контролем коммунистов и их союзников. Восстание на острове Чеджудо было частью масштабной кампании, направленной на срыв парламентских выборов 1948 года. Восстание началось в ночь на 3 апреля 1948 года и привело к гибели около 10–15% населения острова (подробнее о трагических событиях на Чеджудо см. главу 49).

В этой связи, пожалуй, необходимо небольшое отступление. В девяностые годы маятник интеллектуально-политической жизни в Корее ощутимо сдвинулся влево,

Корейская деревня в 1966 году, провинция Кёнги. Всего лишь за полтора-два десятилетия до того, как был сделан этот снимок, многие из таких идиллических деревень были ареной кровавой междоусобицы

и сторонники левонационалистических взглядов практически монополизировали преподавание истории в южнокорейских университетах. После этого в южнокорейских изданиях стали говорить почти исключительно о «белом терроре», то есть о жертвах кровавых акций правительственных войск и полиции, направленных против партизан. У рядового южнокорейского читателя, особенно молодого, сейчас всё чаще создаётся впечатление, что пытками и казнями в те кровавые годы занимались только корейские «белые», в то время как корейские «красные» были рыцарями без страха и упрёка.

Лично мне это напоминает тот образ российской гражданской войны, который сформировала у молодёжи постперестроечная российская печать: благородные поручики

Голицыны и корнеты Оболенские, ведущие героическую борьбу против пьяных садистов-комиссаров. В одном случае в роли «безупречных воинов Света» незаслуженно оказались белые, в другом, столь же незаслуженно, — красные. Показательно, впрочем, что в обоих случаях задним числом идеализируется именно проигравшая сторона. Похоже, лучший способ спасти свою историческую репутацию на гражданской войне — это её проиграть. В действительности, конечно, к террору прибегали и те и другие: на гражданской войне в принципе не бывает иначе.

Пожалуй, тут к месту будет вспомнить Бориса Пастернака, который, говоря о другой Гражданской войне, писал: «изуверства белых и красных соперничали по жестокости, попеременно возрастая одно в ответ на другое, точно их перемножали». Так оно, в общем, бывает всегда и на всех гражданских войнах — ведь на таких войнах сражаются люди с примерно одинаковым образованием, с похожими представлениями и добре и зле, о долге, о границах допустимого. Сражающиеся друг с другом на гражданской войне стороны могут сильно отличаться по своей исторической правоте (впрочем, о правоте можно судить только потомкам), но вот по уровню взаимного озверения они друг от друга отличаются не слишком сильно...

В Южной Корее часто получалось так, что та или иная деревня целиком или почти целиком становилась или на сторону коммунистов, или на сторону их противников. Исследования историков показали, что едва ли не важнейшим фактором, определявшим политическую позицию всей деревни (и в результате её судьбу в гражданской войне), были убеждения нескольких авторитетных сельчан, в первую очередь школьного учителя. Однако иногда получалось так, что деревня раскалывалась, и война начиналась уже на её улицах.

Характерный пример — деревня Курим. В этой деревне, население которой сейчас составляет примерно 600 человек, в начале 2000-х гг. поработали историки, действия которых поддержала местная администрация. В результате их исследований мы имеем неплохое представление, как в этой деревне развёртывалась *малая гражданская война*. Подобную информацию трудно переоценить: в большинстве случаев о делах тех времён предпочитают не вспоминать — слишком уж много страшного случилось, слишком уж много поводов для сведения счётов.

Основные события в деревне Курим развернулись осенью 1950 года, то есть уже во время Корейской войны, которая тесно сплеталась с гражданской войной корейских красных и корейских белых. Сначала деревня была занята северокорейскими войсками, однако к началу октября, после высадки американских войск и захвата Сеула белыми, у деревенских красных не осталось сомнений, что на данном этапе война проиграна. Поэтому 7 октября 1950 года красные активисты схватили 28 человек, которых они считали либо активными сторонниками лисынмановской власти, либо излишне активно верующими христианами. Всех их заперли на постоялом дворе, а потом сожгли. Совершив этот акт революционного возмездия, активисты покинули деревню, решив пробиваться либо на Север, либо к партизанам. Однако вскоре в деревню пришли белые, то есть южнокорейские части и поддерживавшие их ополченцы. Белые схватили друзей и членов семей бежавших активистов (около 90 человек) и расстреляли их — при этом некоторых мужчин перед казнью сильно били, а женщин раздевали догола. Кроме того, в январе в родную деревню приехал сержант южнокорейской армии, чью семью тоже сожгли в начале октября красные. И его эмоции, и итоги его поездки были предсказуемы:

сержант и трое его друзей покинули Курим, оставив в соседней долине ещё 13 трупов.

К началу Корейской войны партизанское движение на Юге было почти подавлено: к тому моменту на всей территории действовало около 450–500 партизан, главным образом сконцентрированных в горах Чирисан и Тхэбэк-сан. Однако драматические события первых месяцев войны привели к резкой активизации партизанского движения. В ходе контрнаступления американских и южнокорейских войск осенью 1950 года значительная часть северокорейской армии оказалась в окружении и перешла к партизанским действиям. В начале 1951 года, когда численность партизан достигла своего пика, в отрядах насчитывалось около 15 000 бойцов, в основном солдат-окруженцев. Главным партизанским районом оставались горы Чирисан, где находилась партизанская зона под командованием знаменитого Ли Хён-сана, ветерана корейского коммунистического движения, заброшенного в тот район задолго до войны.

Однако с весны 1951 года численность партизан стала опять быстро сокращаться. Снабжать их по воздуху было невозможно в силу полного господства в небе Кореи американской авиации, а после установления стабильной линии фронта весной 1951 года стало почти невозможным и снабжение по суше. Лишённые оружия, боеприпасов и медикаментов, отряды быстро таяли. Вдобавок отношение местного населения к ним заметно изменилось в худшую сторону: после краткосрочной коммунистической оккупации летом и осенью 1950 года многие жители Юга пришли к выводу, что лисынмановская власть — при всех её серьёзных недостатках — всё-таки лучше, чем власть кимирсеновская (см. главу 28).

В июле 1953 года Корейская война завершилась. Однако партизанское движение на Юге продолжалось и после

формального прекращения боевых действий. Ли Хён-сан был убит в сентябре 1953 года. Отдельные мелкие группы партизан в горах Чирисан действовали до конца 1950-х гг., а потом ещё некоторое время там же скрывались, уже не имея возможности проводить какие-либо операции. 10 октября 1962 года была взята в плен Чан Ток-сун — партизанка, которая к тому времени провела в горах более 10 лет. Её задержание можно считать символической точкой в истории южнокорейского партизанского движения.

Начало операций партизан в 1946 году стало первым шагом на пути к полноценной гражданской войне, которая достигла кульминации 25 июня 1950 года, в день, когда северокорейские войска нанесли внезапный удар по Югу (для одних это было, конечно, *агрессией*, а для других — *попыткой освобождения*). Начавшаяся в тот день Корейская война закончилась без особых результатов и очевидных победителей, но в первые месяцы боевых действия «счастье боевое» явно было на стороне Севера. О том, что происходило в Сеуле в эти месяцы, пойдёт речь в следующей главе.

ТРИ МЕСЯЦА КРАСНОГО СЕУЛА

1950 г. — Сеул находится под контролем северокорейских войск

В 11 часов утра 28 июня 1950 года над зданием правительства Южной Кореи был поднят северокорейский флаг — в центр города ворвались танки первого батальона 105-й танковой бригады (командир этого батальона Ан Тон-су, кстати сказать, всего лишь за несколько лет до этого был Володей Аном, трактористом из Чирчика, что под Ташкентом).

Боевые действия на Корейском полуострове начались с внезапного удара северокорейских войск на рассвете в воскресенье 25 июня — настолько внезапного, что даже президента Ли Сын-мана смогли найти далеко не сразу (он уехал на рыбалку). Спустя всего лишь три дня после начала войны правительство Юга бежало из столицы, и 28 июня город полностью перешёл под контроль северокорейской армии. Северокорейские власти управляли Сеулом ровно три месяца, до конца сентября, но этот короткий период оставил в памяти жителей города неизгладимый след.

В 1950 году Сеул был самым крупным городом Южной Кореи — его население составляло 1,4 млн человек. Около 300 000–400 000 человек (примерно четверть всего населения) покинули Сеул до вступления в столицу северокорейских войск. Среди них было множество недавних беженцев с Севера, которые хорошо знали, что представляет собой

северокорейский режим, и у которых были основания его бояться. Однако даже некоторые из тех, у кого имелись резонные (или не очень) причины опасаться прихода красных, не покинули город. В большинстве своём оставшиеся были жертвами пропаганды правительства Юга, которое до последнего момента заверяло граждан, что доблестные южнокорейские военные уверенно держат оборону и не дадут войскам Севера войти в столицу.

Среди тех, кто покинул Сеул до утра 28 июня, были известные политики и крупные чиновники, которые по роду своей деятельности знали, как в действительности обстоят дела на фронте. Тем не менее и среди южнокорейского политического класса смогли (или захотели) покинуть город далеко не все: примерно 60 из 200 членов южнокорейского парламента, которые остались в Сеуле после 28 июня, были потом арестованы северокорейцами и вывезены в Пхеньян. Впоследствии этих депутатов какое-то время использовали на Севере для пропаганды, заставляя там подписывать обращения с осуждением «преступной политики клики Ли Сын-мана», но в конце 1950-х гг. все они бесследно исчезли. Советскому посольству тогда в закрытом порядке сообщили, что результаты расследования обнаружили, что бывшие депутаты оказались шпионами и заговорщиками, за что и понесли заслуженное наказание.

Как уже говорилось, в первые дни войны основные южнокорейские СМИ, в целом подконтрольные правительству, убеждали население в том, что Сеул находится в полной безопасности. По радио было передано обращение президента Ли Сын-мана к нации, который сказал: «Дорогие жители Сеула, сохраняйте спокойствие и защищайте столицу. Враг терпит поражение. Правительство будет оставаться с вами в Сеуле».

В Сеуле никто не знал, что в те минуты, когда запись этой речи шла в эфир, сам президент уже был далеко

от обречённой столицы. Ранним утром 27 июня, на второй день войны, его поезд, наспех составленный из первых попавшихся вагонов, покинул Сеульский вокзал и устремился на юг. В те времена большинство корейцев ещё не знали о существовании магнитофонов и искренне полагали, что речь президента транслируется в прямом эфире из Сеула, где он находится. Депутаты парламента, у которых на тот день была назначена встреча с президентом, немало удивились, прибыв в его резиденцию и обнаружив, что Ли Сынман бесследно исчез (о том, где он находится, даже депутатам и министрам стало известно далеко не сразу).

Ситуацию усугубил подрыв мостов через реку Ханган. Получив в ночь с 27 на 28 июня ошибочное сообщение о том, что северокорейские танки уже находятся в черте города, начальник охраны мостов отдал приказ взорвать мосты вместе с находящимися на них несколькими сотнями беженцев, чтобы затруднить продвижение войск противника. Проблема заключалась в том, что это был единственный путь для беженцев, уходящих из Сеула, и после уничтожения мостов покинуть город стало невозможно.

Итак, к концу дня 28 июня столица страны находилась под контролем северокорейских войск. При этом северокорейские войска не считали себя завоевателями — по крайней мере, официально. В соответствии с пропагандой они являлись «защитниками рабочего класса и трудовых масс», а их врагом считалось «марионеточное правительство Ли Сынмана, созданное на Юге американскими империалистами». Принятая в 1948 году Конституция КНДР определяла, что именно Сеул является столицей этого государства, в то время как Пхеньян считался лишь временной штаб-квартирой правительства до «освобождения» Сеула. После взятия столицы Ким Ир Сен выступил с речью и поздравил «трудовые массы Сеула» с освобождением от лисынмановского гнёта.

Новая власть поначалу прилагала немало усилий для нормализации жизни в Сеуле. В городе сразу же был создан Временный Сеульский Народный Комитет, призванный выполнять роль городской администрации. Комитет возглавил Ли Сын-ёп, в своё время являвшийся одним из руководителей коммунистического подполья в Сеуле. Вечером 29 июня, выступив на радио, он призвал всех горожан «сохранять спокойствие и продолжать трудиться на заводах, в полях, в магазинах».

Занятия в школах начались в середине июля. Учебные программы были спешно приведены в соответствие с новой политической реальностью: как легко догадаться, эти перемены в основном касались общественно-политических и гуманитарных дисциплин.

Трамвайное движение по улицам Сеула было восстановлено через пару дней после смены власти. Это было очень важно, так как на тот момент именно трамвай был основным видом городского транспорта. К августу 1950 года по улицам Сеула курсировали около 120 трамвайных вагонов — почти столько же, сколько и в довоенный период.

К середине июля вновь открыли свои двери кинотеатры. Вместо «буржуазных» американских фильмов, которые преобладали в южнокорейском прокате в конце сороковых, на экранах появились идеологически правильные советские кинокартины — например, киносказка «Каменный цветок» или военно-героическая «Молодая гвардия». В книжных магазинах появились работы Ленина и Сталина, а также другие сочинения по основам коммунизма.

В июле новая власть начала издавать в Сеуле две газеты. Кроме того, в городе стала продаваться и главная газета Трудовой Партии Кореи «Нодон синмун»: её печатали на Севере, а потом доставляли в столицу. Впрочем, из-за проблем с транспортом удавалось это далеко не всегда.

Другими словами, повседневная жизнь в контролируемом коммунистами Сеуле была совершенно нормальной — точнее, так обстояли дела в самом начале оккупации. Однако через несколько недель ситуация стала меняться к худшему.

При описании настроений простых жителей города историки очень часто ссылаются на дневники Ким Сон-чхили, молодого профессора-историка. Все три месяца оккупации Ким Сон-чхиль провёл в Сеуле. Как и многие жители корейской столицы, поначалу он не испытывал особой враждебности к коммунистам и не питал иллюзий относительно режима Ли Сын-мана. Когда на улицах города появились первые северокорейские танки, Ким Сон-чхиль написал в дневнике, что ему сложно смотреть на северокорейцев как на врагов. В целом он часто описывал северян с симпатией, отмечая высокую дисциплину и военную подготовку северокорейских солдат.

Тем не менее к началу сентября 1950 года Ким Сон-чхиль, как и большинство жителей города, с нетерпением ждал прибытия «американо-южнокорейских войск ООН». Ким Сон-чхиль трезво оценивал Ли Сын-мана, и потому у него не вызывали ни удивления, ни враждебности те из его знакомых, кто решил встать на сторону Севера. Целиком отдавая себе отчёт в несовершенстве обоих соперничающих режимов, Ким Сон-чхиль с течением времени всё больше склонялся к мысли, что по сравнению с властью коммунистов власть Ли Сын-мана всё-таки является меньшим злом. Дневник позволяет проследить за тем, как менялось отношение Ким Сон-чхили к Северу, — и надо сказать, что такая смена взглядов была характерна для большинства людей, проживших в Сеуле те три месяца.

Что же заставляло сеульцев изменить своё отношение к новой власти, установление которой они сначала принимали нейтрально, а порой — даже и благосклонно? Одна

из причин заключалась в политике, проводимой новыми хозяевами города. Северокорейские власти считали особенно важной идеологическую обработку масс, и поэтому от рядовых жителей столицы ожидалось, что они будут всячески демонстрировать свою лояльность и подчёркивать свой энтузиазм в отношении новой официальной идеологии.

Бесконечные политические занятия и скучные пропагандистские лекции стали рутиной. Сеульцам рассказывали об ужасах империалистической Америки, о величии и мощи Советского Союза, о мудрости Сталина и Ким Ир Сена, о кровавой сущности режима Ли Сын-мана. Оказавшаяся тогда в Сеуле Пак Ван-со, будущая знаменитая писательница, вспоминала об этих сессиях: «Казалось, что в коммунистической стране и сексом можно заниматься только ради Вождя, и любить кого-то тоже можно только ради Вождя».

Жителям города было приказано вывесить у своих домов флаги КНДР, которые требовалось изготовить самим из подручных материалов. Оплошность при изготовлении флага могла повлечь за собой серьёзные последствия, вплоть до обвинений в государственной измене. Ким Сон-чхиль в записи от 7 июля пишет, что «купил синюю и красную краски, чтобы раскрасить кусок белой ткани в цвета флага КНДР. Чтобы не ошибиться, пришлось дойти до здания местной администрации и посмотреть на оригинал».

Жителям также полагалось закрепить на дверях домов лозунги в честь новой власти и её лидеров. На дверях сеульских домов в те месяцы можно было увидеть воззвания: «Да здравствует КНДР!», «Да здравствует полководец Ким Ир Сен, наш великий вождь!», «Да здравствует товарищ Сталин, великий вождь коммунизма и защитник угнетённых народов!».

Впрочем, назойливая пропаганда и скучные собрания отнюдь не были главной проблемой сеульцев. С середины

июля стало очевидно, что в городе не хватает продовольствия. С самого начала новые власти твердили, что вагоны с продуктами уже в пути, что они вот-вот прибудут в Сеул, и в городе начнёт работать карточная система, так что у всех жителей будет необходимый минимум продовольствия. Но этого так и не произошло: вагоны с продовольствием не прибыли, карточки не ввели.

В середине июля Ким Сон-чхиль записал в своём дневнике: «Что бы там ни говорили, самая большая проблема — это еда». Он также отметил, что некоторые молодые люди добровольно стали записываться в северокорейскую армию в надежде на то, что уж там-то проблем с продовольствием не будет. Кормить миллионный город у новых властей никак не получалось, поэтому людей стали агитировать за то, чтобы покинуть столицу и переселиться в провинцию. Однако тех масштабов, на которые надеялись власти, эта самоэвакуация населения не достигла: большинство сеульцев оставались в городе до конца сентября, то есть до новой смены власти.

С середины июля 1950 года жители Сеула всё активнее занимались меновой торговлей, которая стала основным или даже единственным способом добыть еду. Они отправлялись в пригородные посёлки, где обменивали ценные вещи на продукты питания. Радиоприёмник или швейная машинка в то время ценились особенно высоко и могли обеспечить семью их бывшего владельца запасом продовольствия на целую неделю. Однако уже к середине августа во всех деревнях зоны пешей доступности от столицы просто не осталось излишков продовольствия, так что в своих торговых экспедициях горожане уходили всё дальше и дальше.

Ещё одной проблемой стало преследование тех, кого — с основанием или без оных — считали врагами новой власти. В Сеуле открытые судебные заседания проходили в самом

центре города — как правило, на площади перед мэрией. Большинство обвиняемых составляли те, кто при Ли Сын-мане занимал ту или иную официальную должность. Суды неизменно завершались вынесением смертного приговора, причём приводили его в исполнение немедленно и зачастую — публично, прямо на площади или на пустыре поблизости. Впрочем, некоторым везло: на таком открытом процессе-спектакле летом 1950 года к смертной казни приговорили Ким Ки-чина, в прошлом — известного писателя левого толка, впоследствии сотрудничавшего с колониальной властью. Однако расстрельная команда с задачей не справилась: Ким Ки-чин был ранен и потерял сознание, но остался жив. Когда расстрельная команда покинула место казни, писатель пришёл в сознание и сумел добраться до дома.

Во время оккупации Юга власти Северной Кореи, следуя хорошо известным традициям, устанавливали «квоты на количество врагов», которых следовало разоблачить в каждом отдельном уезде или городском районе. Как хорошо видно из документов, для выполнения «плана по врагам» часто брали первых попавшихся под руку «подозрительных». Арестовать могли, например, пожилого крестьянина за то, что он был старостой деревни в период правления Ли Сын-мана, или же местного знахаря, жившего подозрительно богато по меркам села, или же заводского рабочего — просто за то, что он не был коренным жителем своего района (всё это — реальные случаи из жизни одной деревни с населением менее 100 семей).

Впрочем, следует помнить, что сторонники Ли Сын-мана, то есть белые, тоже были готовы убивать по малейшим подозрениям, как оно всегда и бывает на гражданской войне, — просто так получилось, что в Сеуле, о котором мы говорим сейчас, в роли убийц выступали в основном красные.

В особо опасном положении оказались политические заключённые, даже те из них, кто попал в тюрьму по ничтожному поводу. Массовые расстрелы политзаключённых были обычным явлением первых месяцев войны. Расстрелами обе стороны занимались обычно во время спешного отступления, когда у них просто не было возможности организованно вывести заключённых (в силу особенностей военной ситуации, которая менялась с исключительной быстротой, такой возможности не было почти никогда). На Юге самый известный расстрел заключённых произошёл в начале июля 1950 года в тюрьме города Тэджона. Когда северокорейские силы стали подходить к городу, южнокорейской полицией было расстреляно большинство находившихся в тюрьме политзаключённых (не менее 1700 человек).

Резня в Тэджоне не была чем-то из ряда вон выходящим. В июле и августе политические заключённые расстреливались по всей стране. При этом многие из погибших не были активными врагами южнокорейского режима. «Преступление» могло, например, состоять в том, что человек принял участие в организованной коммунистами забастовке или просто нелестно отозвался о местном полицейском. В более спокойной обстановке такого «подозреваемого», скорее всего, выпустили бы (возможно, отлупив для профилактики и выбив пару зубов). Однако в условиях, когда танки 105-й северокорейской бригады уже вели бои на ближних подступах к городу, полиция решала вопрос радикально, с помощью пулемётов.

Вскоре подобные расстрелы стали происходить в другой части страны — на этот раз по инициативе Севера. В сентябре — октябре 1950 года северокорейцы оказались практически в такой же ситуации, в какой их противники находились всего лишь двумя месяцами ранее. Высадившиеся в Инчхоне американские войска быстро продвигались

к Пхеньяну, северокорейская армия была разгромлена в последней отчаянной попытке удержать Сеул, и падение города стало неизбежным.

В создавшейся обстановке сотрудники северокорейских «компетентных органов» действовали в той же манере, что и их южнокорейские коллеги. В том же Тэджоне перед сдачей города южанам политические заключённые, оказавшиеся в тюрьме уже во время правления красных, были расстреляны северянами. По мере поспешного отхода остатков северокорейской армии на Север расстрелы происходили и в других местах. Печальную известность приобрели события в Пхеньяне, где были уничтожены почти все политзаключённые, на начало октября 1950 года находившиеся в тюрьмах города, — около 2000 человек.

Помимо репрессий и нарастающих проблем с продовольствием, ещё одной причиной недовольства правлением Севера была политика принудительной мобилизации в вооружённые силы.

Надо сказать, что принудительную мобилизацию в годы Корейской войны проводили обе стороны, но северокорейцы делали это более эффективно — не в последнюю очередь благодаря тому, что были менее коррумпированными и лучше организованными. Кампания по призыву южан в Корейскую народную армию началась уже 1 июля 1950 года, а к августу мобилизация приобрела массовый характер.

Для того чтобы как-то различать кадровые северокорейские войска и части, спешно сформированные на Юге из местного населения, последним было дано специальное название — «Ыйёнгун» (дословно — «Армия праведных героев»). Несмотря на столь пафосное наименование, солдаты этих подразделений, за исключением небольшого количества приверженцев левых взглядов, отнюдь не рвались на гражданскую войну. Поэтому на улицах Сеула в июле — августе

1950 года развернулась настоящая охота за новобранцами. Патрули могли схватить любого мужчину призывного возраста и отправить его в расположение учебной части, откуда очередной «праведный герой» уже через пару дней уходил на передовую. К августу на улицах Сеула было почти невозможно встретить мужчину моложе 45–50 лет — те, кто моложе, прятались от патрулей. К концу августа стало опасно появляться и на работе: время от времени на то или иное предприятие приходил северокорейский отряд, командир которого сообщал рабочим и служащим, что все они отныне — «праведные герои» и что сейчас им предстоит под конвоем отправиться в казармы, а через несколько дней — и на фронт.

Первый период правления красных в Сеуле длился ровно три месяца и закончился в конце сентября, когда американо-южнокорейские войска высадились в Инчхоне и к 28 сентября, после десяти дней тяжёлых уличных боёв, вернули столицу под свой контроль. За всю войну Сеул переходил из рук в руки в общей сложности четыре раза, но только вторая смена власти, произошедшая во второй половине сентября 1950 года, сопровождалась кровопролитными боями на городских улицах.

Большинство жителей столицы приветствовало приход американо-южнокорейских сил (формально — «войск ООН») — установление новой власти как минимум обещало конец голодных времён, так как после прихода американцев в город стала в больших количествах поступать гуманитарная помощь. Ким Сон-чхиль, чья семья к тому времени голодала, записал в дневнике, с какой надеждой он и его соседи прислушивались к медленно приближавшимся с запада, со стороны Инчхона, звукам артиллерийской канонады.

Как и следовало ожидать, после смены власти в Сеуле развернулась масштабная кампания по выявлению

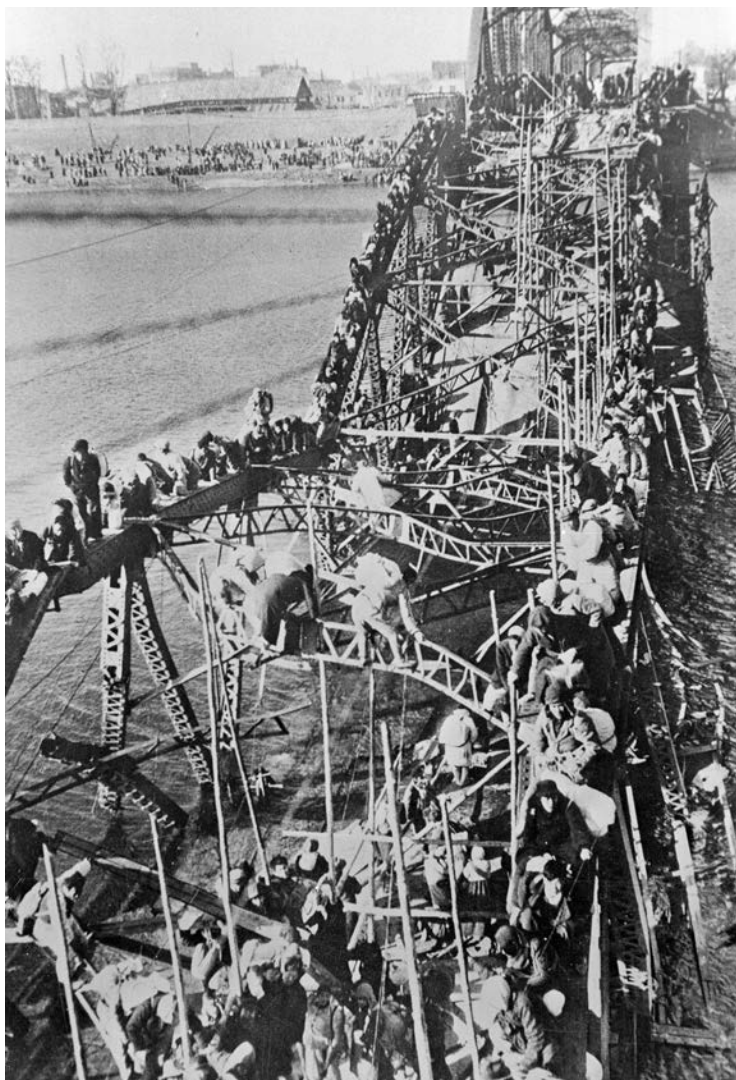

настоящих и мнимых сторонников Севера. Даже обнаруженный в доме северокорейский флаг мог привести к самым неприятным последствиям.

В начале октября в Сеул из Пусана стали возвращаться правительственные органы, но всего лишь через три месяца, в конце декабря 1950 года, войска противника снова были на подходе к столице. На этот раз, впрочем, на Сеул надвигались китайцы, а не северокорейцы. Северокорейская армия была фактически разгромлена в сентябре — октябре 1950 года, так что на выручку правительству Ким Ир Сена пришли китайские части, на которые с конца 1950 года и легла основная тяжесть боевых действий.

На этот раз, однако, узнав о приближении красных, почти всё население Сеула покинуло город. Отчасти тут сыграло роль то, что в этот раз южнокорейские власти вели себя совсем не так, как в июне: о том, что город может быть сдан, сообщили за несколько дней, на Хангане были навешены временные мосты, а в последний день перед падением города над Сеулом летали вертолёты, которые через громкоговорители транслировали призывы к населению покинуть город. Призывы помогли: очевидцы вспоминают, что в последние часы перед вступлением в Сеул китайских войск на улицах, казалось бы, уже пустого города неизвестно откуда появились толпы беженцев.

Впрочем, большинство сеульцев уговаривать не приходилось. Среди тех, кто провёл лето 1950 года в столице, почти не нашлось желающих вновь оказаться под властью северян. Впервые за пять столетий своей истории Сеул превратился в «город-призрак». В январе 1951 года в Сеуле осталось всего 130 000 человек, меньше 10% от предвоенного населения города. Среди немногих оставшихся в городе жителей преобладали старики, которые не боялись мобилизации или которым просто некуда было бежать. Цифры

Начало декабря 1950 года. Уходящие на Юг беженцы переправляются по фермам взорванного моста через Тэдонган в Пхеньяне.

Зимой 1950–1951 гг. с Севера на Юг ушло около 500 000 человек

Немногочисленные жители, оставшиеся в опустевшем и разрушенном Сеуле в 1952 году, выживали во многом мелкой торговлей и подсобными промыслами

эти лучше любых социологических опросов говорят о том, какими в итоге оказались политические предпочтения жителей южнокорейской столицы.

Второй раз Сеул находился под управлением коммунистов с начала января до середины марта 1951 года. В отличие от лета 1950 года, второй «северный» эпизод ничего примечательного в жизнь города не внёс, в первую очередь потому, что этой жизни как таковой и не было: как уже говорилось, после эвакуации в январе 1951 года в Сеуле практически не осталось жителей.

В марте 1951 года Сеул снова взяли «войска ООН», и город опять перешёл в руки южан и их союзников. Таким образом получилось, что за восемь месяцев власть в городе сменилась четыре раза. Однако до момента полного окончания боевых действий, то есть до июля 1953 года, Сеул

оставался пустым и безжизненным, фактически — городом-призраком. В феврале 1952 года его население составляло всего 321 626 человек — примерно четверть от населения довоенного периода.

Для многих корейцев воспоминания о войне связаны больше с Пусаном, нежели с Сеулом. Речь об этом пойдёт в следующей главе.

ПУСАН: БЕЖЕНЦЫ

1950 г. — Пусан становится временной столицей Республики Корея

В книгах о Корейской войне часто можно увидеть снимки, на которых запечатлены толпы беженцев — тысячи плохо одетых людей, нагруженные баулами, чемоданами и заплечными мешками, устало идут куда-то по пыльной дороге.

Действительно, толпы беженцев — один из характерных образов Корейской войны 1950–1953 гг., хотя вынужденное массовое переселение корейцев началось ещё раньше, сразу после раздела страны в августе 1945 года. После земельной реформы и начала кампании по выявлению «прояпонских элементов» на Севере многие зажиточные и образованные северяне решили уходить на Юг. Неизвестно, сколько именно жителей северной части страны в 1945–1953 гг. ушло, но наиболее близкой к истине цифрой можно считать примерно один миллион человек, или одну десятую от всего населения Северной Кореи. Было, впрочем, и обратное движение, хотя и куда более скромное по масштабам: примерно 300 000 человек ушло с Юга на Север — чаще всего из-за симпатий к коммунистам.

Разумеется, в военное время число беженцев выросло в разы. По оценкам, в марте 1951 года количество южно-корейцев, покинувших свои дома, достигло максимума

Зима 1950–1951 гг. Беженцы уходят от войны. Транспортные средства — повозки и велосипеды, а также собственные спины. На заднем плане видны безлесные горы — Корея до начала семидесятых оставалась страной, в которой почти не было леса

в 5,8 млн. Другими словами, беженцем тогда был каждый пятый житель Кореи.

Беженцы пешком преодолевали гигантские расстояния: вполне обычной была ситуация, когда семья (часто — с маленькими детьми) пересекала весь Корейский полуостров — от города Синьиджу на границе с Китаем до Пусана.

Летом 1950 года Пусан стал временной столицей Республики Корея. Скажем прямо: с военной точки зрения принятое в своё время решение сделать столицей страны Сеул было ошибочным (в связи с этим предпринимались попытки переноса столицы, о чём будет рассказано в главе 47). С 1948 года гражданская война между Севером и Югом могла вспыхнуть в любой момент, так что было не слишком разумно размещать столицу чуть ли не в зоне

обстрела вражеской артиллерии. Однако исторический престиж Сеула, который являлся столицей Кореи на протяжении 600 лет, перевесил все другие соображения. В результате 15 августа 1948 года Сеул был провозглашён столицей Юга — и взят северянами на четвёртый день после начала военных действий, 28 июня 1950 года.

Как говорилось в предыдущей главе, президент Ли Сын-ман бежал из Сеула утром 27 июня 1950 года, а вслед за ним город покинули и другие представители южнокорейской элиты — точнее, те, кто успел это сделать. Временная столица Юга первоначально находилась в Тэджоне, но стремительное продвижение войск Севера вскоре вынудило правительство перебраться на юг ещё дальше. 27 июля корейский парламент возобновил заседания в Пусане, на южном побережье страны. К середине августа в этот портовый город прибыли и другие правительственные учреждения. За исключением короткого периода в ноябре — декабре 1950 года, правительство Южной Кореи находилось в Пусане вплоть до полного прекращения военных действий в июле 1953 года. Администрация президента предсказуемо заняла здание бывшей администрации провинции, а парламент разместился в кинотеатре. Президент Ли Сын-ман с семьёй расположились в резиденции губернатора, которая была построена ещё японцами для своего губернатора провинции в 1926 году.

Конец августа и начало сентября 1950 года были, пожалуй, самым драматическим временем во всей истории Пусана. Наступление северян было остановлено всего лишь в 60–70 километрах от города. К концу августа 1950 года правительство Ли Сын-мана контролировало менее 10% всей территории Южной Кореи.

В августе 1950 года многим казалось, что война проиграна и осаждённый Пусан обречён, так что предприимчивые

владельцы судов брали огромные деньги с тех, кто хотел нелегально переправиться в Японию до того, как в город ворвутся танки красных. Богатые люди действительно могли позволить себе такое путешествие, но вот для большинства оно было совершенно недоступным. При этом многие беженцы имели основания полагать, что северяне расстреляют их при первой возможности (впрочем, надо помнить, что в отношении противников и южнокорейская сторона гуманизмом не отличалась).

Город был спасён только крупномасштабным американским вмешательством в боевые действия. В середине сентября Пусан послужил базой американского контрнаступления. Это контрнаступление обычно связывается с американской высадкой в Инчхоне. Действительно, десантная операция в Инчхоне сыграла решающую роль в кардинальном изменении военной ситуации в пользу американо-южнокорейской коалиции, но и удар, который наносился по суше из Пусана, тоже имел большое значение.

В октябре 1950 года южнокорейское правительство ненадолго вернулось в Сеул. Однако новое наступление коммунистических сил, на тот момент — в основном китайских, заставило южнокорейское правительство снова переехать в Пусан, где оно и оставалось до окончания военных действий. Правда, в конце 1951 года, когда линия фронта стабилизировалась, некоторое время обсуждалась возможность переезда правительства в Тэджон, в центральную часть страны. Однако в итоге правительство решило, что оставаться в Пусане будет и удобнее, и безопаснее.

Импровизированная перепись населения, проведённая в феврале 1951 года, показала, что Пусан был домом для 840 000 человек, около половины которых составляли беженцы. К концу войны, то есть к лету 1953 года, население города достигло отметки в один миллион человек. При этом

надо иметь в виду, что в 1945 году население Пусана составляло всего лишь 300 000 человек. Понятно, что столь резкое увеличение численности населения создало огромную нагрузку на все городские службы, которые и в 1945 году находились, скажем прямо, не в лучшем состоянии.

Почти все общественные здания, церкви, некоторые школы и промышленные предприятия были тогда переоборудованы во временные жилища для размещения беженцев. Одной из самых трудных задач для властей было обеспечение людей питьевой водой. Городская система водопровода была сооружена в 1930-х гг. и рассчитана на обеспечение водой не более 300 000 человек. К тому же к 1950 году водопроводная система не ремонтировалась уже более десяти лет.

Некоторые увидели в этом возможность для ведения своеобразного бизнеса: люди занялись доставкой воды. Воду носили в больших металлических бочках из-под горючего, доставляя её в дома зажиточных соотечественников, рестораны и прочие заведения, нуждавшиеся в больших количествах воды. Встретить человека с коромыслом и полными ведрами воды на плечах можно было тогда в каждом переулке Пусана.

Хроническая нехватка воды означала не только неудобства, но и опасности: в перенаселённых кварталах могли начаться эпидемии, а пожары становились всё более масштабными из-за невозможности их толком тушить. По всему городу висели плакаты, призывающие соблюдать правила гигиены и противопожарной безопасности. В общественных местах часто проводились массовые дезинфекции, в том числе и с использованием популярного в те времена инсектицида ДДТ, который впоследствии приобрёл дурную славу, но в те времена неплохо справлялся со своими задачами.

Сначала беженцы ставили палатки или выкапывали землянки, но постепенно их жилища приобретали более

Хижины и шалаши беженцев у ручья на окраине Пусана.
В таких условиях провели годы войны миллионы корейцев

капитальный характер. К концу войны в Пусане насчитывалось уже почти 40 000 самодельных домов, построенных главным образом из фанеры, брусьев и досок. В качестве строительного материала особенно часто использовались ящики, в которых поставлялись продовольствие и боеприпасы американским войскам. Как правило, семья из 5–7 человек ютилась в комнатухе площадью десять квадратных метров, однако и «квартиры» меньших размеров были не редкостью.

На жизнь беженцы зарабатывали оказанием разовых услуг или мелкой торговлей. Некоторые из них, с немалым риском для жизни, вылавливали в море доски и брёвна, которые потом сушили и продавали как топливо. Кто-то собирал металлические банки или баки и разрезал их на мелкие полосы листового металла, которые потом можно было использовать при строительстве временных жилищ. Кто-то

Выгрузка продовольственной помощи в порту Пусана, апрель 1952 года. Голода и в Пусане, и в других крупных городах, в которых в начале 1951 года скопились миллионы беженцев, удалось избежать. Главная причина этого — поставки иностранной (в основном американской) продовольственной помощи

выбирал съедобные отходы из мусора, который выкидывали с американских баз — эти отходы затем использовались для приготовления пищи. Блюда, приготовленные таким способом, иногда иронично именовались *кулькули чук* (дословно — «хрюшкина кашка»).

Существовали, разумеется, и более традиционные виды зарабатывания денег. Люди работали носильщиками, продавали еду на улицах или даже устраивались на немногочисленные функционирующие предприятия города. Таких вакансий было крайне мало, поэтому перед проходными заводов и фабрик каждое утро можно было наблюдать длинные очереди.

Работа на военной базе была мечтой многих, но попасть туда удавалось единицам. В обстановке крайней бедности, как правило, повышается уровень преступности, однако, судя по всему, в Корее в те времена это не было большой проблемой. Впрочем, мелкое воровство являлось довольно распространённым явлением (в Пусане даже появилась поговорка: «Глаза закроешь, у тебя и нос своруют!»).

По итогам войны количество христиан в Корее выросло в несколько раз, хотя в 1950 году всего лишь 1% населения придерживался «западной религии». Корейские церкви имели очень тесные связи с религиозными организациями США и поэтому могли относительно свободно доставать продовольствие и товары первой необходимости, которые потом распределяли среди прихожан. Принадлежность к какой-либо церкви была важным элементом жизни беженца.

Конфуцианская традиция социальной ответственности и взаимопомощи также сыграла свою роль. Местные жители обращались к своим более зажиточным землякам с различными просьбами и зачастую помощь получали. Временами беженцы часто даже селились в богатых домах с разрешения их владельцев.

Война оказала большое влияние и на личную жизнь людей. Мужчины — по своей воле или по призыву — оказывались в армии, а некоторым приходилось скрываться от мобилизации и даже от политического преследования. При этом одни прятались от белых, а другие — от красных. Женщинам приходилось не только заниматься детьми и стариками, но и искать источники доходов, например продавать вещи. Поскольку абсолютное большинство женщин-кореенок не имели образования и не были обучены каким-либо ремёслам, то единственным доступным им видом трудоустройства был неквалифицированный

физический труд, включая и работу прислугой в богатых домах.

Условия войны и присутствие в стране иностранных войск способствовали процветанию проституции. Гарнизоны «войск ООН» очень быстро оказались окружены районами со специфической инфраструктурой и контингентом. Здесь селились молодые женщины, зарабатывавшие на жизнь не только интимно-сексуальным, но и бытовым обслуживанием солдат: они готовили, стирали, чинили одежду. Кроме того, вокруг военных баз появлялись бары и магазины, специально рассчитанные на военнослужащих. Как следствие, в таких районах стали рождаться дети смешанного происхождения. Мононациональное корейское общество тогда таких детей решительно не принимало, поэтому почти все они были отправлены за границу на усыновление.

Проституция, разумеется, процветала не только в непосредственной близости от гарнизонов иностранных войск (там она просто лучше оплачивалась), но и вокруг бараков южнокорейских военных, а также около лагерей беженцев. Несмотря на то что *девушкам*, обслуживающим иностранцев, лучше платили, тех, кто обслуживал соотечественников, было много больше.

При всём этом даже в самые тяжёлые военные годы в корейском обществе не только поддерживался, но даже повышался процент тех, кто получал образование. Примерно 70% всех детей школьного возраста регулярно посещали занятия даже в тяжелейшем 1951 году, а к 1953 году эта цифра выросла до 75%. Никого на останавливало даже то, что уроки приходилось проводить прямо под открытым небом или, если повезёт, в армейской палатке.

В 1950–1951 гг. типичная школа в лагере беженцев представляла собой огороженную территорию, где ученики сидели прямо на земле. В одном таком «классе» могло быть

до ста человек. Катастрофически не хватало ручек и бумаги, одним учебником могли одновременно пользоваться пять школьников. Тем не менее уроки проходили согласно расписанию. В эвакуации и лагерях беженцев работали даже университеты.

В отличие от студенческих движений 1965–1990 гг., где тон задавали левые радикалы, студенты 1950–1953 гг. были в массе своей приверженцами правых взглядов. Во времена правления Ли Сын-мана в вузах действовало множество молодёжных организаций правого толка, вступать в которые обязывали всех студентов университетов. Впрочем, не следует всё сводить к давлению сверху: как уже говорилось, южнокорейские студенты в те времена обычно придерживались правых взглядов. Эти организации занимались изготовлением пропагандистских материалов, а также проводили многочисленные демонстрации в поддержку правительства.

После перехода к позиционной войне весной 1951 года жизнь населения в какой-то степени нормализовалась. Нехватка основных продуктов питания оставалась острой проблемой, но, в отличие от северян, южанам не приходилось опасаться массового голода.

27 июля 1953 года китайские, северокорейские и американские представители подписали в местечке Пханмунджом соглашение о прекращении огня. Корейская война завершилась не подписанием мирного договора в привычном нам значении, а всего лишь заключением перемирия, то есть договорённости о прекращении активных боевых действий. Тем не менее военные действия завершились, а беженцы начали покидать Пусан и иные города Юга. Жизнь возвращалась в привычное русло.

События Корейской войны вывели Корею — небольшой полуостров на крайнем востоке Евразии — на авансцену мировой политики. В новых условиях печать на английском

языке, которая существовала в стране и раньше, приобрела особое значение, превратившись для власти в важнейший инструмент дипломатии и пропаганды. О том, как менялась английская пресса в Корее на протяжении последних 130 лет, мы поговорим в следующей главе.

1950 г. — основана газета Korea Times

В отличие от СССР (России) и большинства стран Европы, где пара французский — немецкий окончательно уступила первенство английскому лишь несколько десятилетий назад, в Корее и других странах Восточной Азии французский, немецкий, русский или испанский всегда играли весьма скромную роль. Языком *большого мира* и — главное — языком модернизации в Корее с 1890-х гг. был английский — и не удивительно, что примерно тогда же в Корее стала появляться периодическая печать, выходившая на этом языке.

Первое периодическое издание на английском, посвящённое Корее и всему, что с ней связано, носило вполне предсказуемое название *Morning Calm*, то есть «Утреннее спокойствие» (одно из названий Кореи, Чосон, переводится как «[страна] утреннего спокойствия»). Интересно, что *Morning Calm* редактировали в Корее, но печатали примерно в 10 000 км от неё, в Лондоне. Выпуском издания занимались англиканские миссионеры, и первый его номер увидел свет в июле 1890 года. Содержание *Morning Calm* касалось в основном миссионерской деятельности. Однако, несмотря на такую узкую специализацию (а может, наоборот, именно благодаря ей), *Morning Calm* оказался чрезвычайно жизнеспособным проектом, просуществовавшим почти сто лет, до 1987 года.

Всего через два года после начала публикации *Morning Calm* в Корею появилось второе англоязычное периодическое издание — журнал *Korean Repository*, который издавали миссионеры методистской церкви с 1892 по 1898 год. Он был уже не просто миссионерским бюллетенем: журнал стремился стать научным и политическим изданием, посвящённым обсуждению проблем, связанных с Кореей.

Первой полноценной англоязычной газетой Кореи стала газета *Independent*. Корейское название этого издания — «Тоннип синмун» — сейчас знакомо каждому образованному корейцу. Многие вообще считают «Тоннип синмун» первой корейской газетой. Это, конечно, не так: газеты в Корею выходили и ранее (см. главу 5), но нет никаких сомнений, что это издание во многом определило лицо корейской журналистики. Хотя «Тоннип синмун» и считается корейской газетой, она вообще-то была изначально создана как газета двуязычная: каждый её номер содержал материалы как на английском, так и на корейском языках.

В этом нет ничего удивительного, поскольку учредителем «Тоннип синмун» являлся Со Чэ-пхиль, чья жизнь была весьма необычной даже для тех бурных времён. Ещё очень молодым человеком Со Чэ-пхиль вошёл в ряды радикальных модернизаторов, принял участие в неудачной попытке переворота 1884 года, после чего бежал в США, где окончил медицинский факультет, женился на американке (дочери одного из основателей американской почтовой системы) и стал одним из первых корейцев, принявших гражданство США. В Корею Со Чэ-пхиль — полный грандиозных планов — вернулся в 1896 году.

Первый номер «Тоннип синмун» был отпечатан 7 апреля 1896 года. Газета состояла из четырёх страниц, одна из которых целиком выходила на английском языке. Английский подзаголовок описывал издание как *Journal of Korean*

Commerce, Politics, Literature, History and Art, что можно перевести как «Газета корейской торговли, политики, литературы, истории и искусства». «Тоннип синмун» выпускалась в двуязычном формате до 1898 года, когда английское и корейское издания разделили, превратив в две разные, хотя и связанные друг с другом, газеты.

Та политическая линия, которую проводила редакция «Тоннип синмун», раздражала и реакционеров при дворе, и прояпонскую фракцию, поэтому газета часто становилась объектом нападок властей. В мае 1898 года Со Чэ-пхилу пришлось покинуть страну и вернуться в США, а в сентябре 1899 года англоязычное издание «Тоннип синмун» было закрыто (корейский вариант газеты просуществовал немного дольше — до декабря того же года).

Закрытие «Тоннип синмун», однако, не означало конца англоязычной прессы в Корее. В 1904 году британский журналист Эрнест Томас Бетелл, убеждённый противник колониальной экспансии Японии, основал газету *Korea Daily News*. Несмотря на давление и преследования со стороны властей, всё чаще вынужденных действовать по японским указаниям, эта газета просуществовала до мая 1909 года, активно критикуя действия и Японии, и её корейских сторонников.

Чтобы привлечь на свою сторону мировое общественное мнение, японские власти тоже решили выпускать периодическое издание, которым стала газета *Seoul Press*, начавшая выходить в декабре 1906 года.

Первым редактором *Seoul Press* стал один из самых известных японских журналистов того времени — Дзумото Мотосада, с 1897 года работавший редактором *Japan Times* — главной англоязычной газеты Японии. Решение о переводе в Сеул такого авторитета в сфере иноязычной журналистики многое говорит о том значении, какое в Токио придавали проекту *Seoul Press*. Львиную долю тематики *Seoul*

Press в 1906–1909 гг. составляла полемика с силами, выступавшими за независимость Кореи, а также с антияпонской *Korea Daily News*.

Seoul Press выходила на протяжении почти всего колониального периода. Как и следовало ожидать, аннексию 1910 года газета описала как счастливый и добровольный союз двух равных сторон, да и колониальное правление характеризовала в самом розовом свете. Впрочем, на страницах *Seoul Press* иногда появлялись и критические материалы о порядках в Корее, так что в ряде случаев дело даже доходило до принудительной приостановки издания цензурой. В более либеральные периоды, особенно в 1920-е гг., *Seoul Press* также публиковала критические письма иностранцев, не испытывавших восторга от условий жизни в Корее.

На протяжении большей части своей истории *Seoul Press* была убыточной и держалась на плаву только благодаря субсидиям колониальной администрации. Весь штат газеты состоял из 7–8 сотрудников. Рынок англоязычных СМИ оставался небольшим: западная община в Корее насчитывала в лучшем случае несколько тысяч человек, а среди корейцев лишь немногие покупали англоязычную периодику. Как мы увидим, эта ситуация была типичной для всей истории англоязычной прессы в Корее: рынок англоязычной прессы там всегда был мал и работать на нём с прибылью было или сложно, или вовсе невозможно. Поэтому в большинстве случаев англоязычные газеты были либо рупорами официальной пропаганды (в таком случае их убытки покрывало правительство), либо же престижными проектами крупных издательских домов, которым хотелось иметь среди своих изданий и англоязычную газету.

В мае 1937 года *Seoul Press* сообщила читателям, что большинство проживающих в Корее иностранцев овладели

японским языком (что было явной неправдой) и необходимость в выпуске англоязычного издания отпала, в связи с чем *Seoul Press* больше выходить не будет. Истинная причина данного решения была иной: в новых обстоятельствах правительство Японии уже не намеревалось тратить деньги на пропагандистские проекты.

В 1945 году после освобождения Кореи и с прибытием на юг полуострова американских войск в сфере англоязычных периодических изданий случился небольшой бум. Были основаны две газеты под названием *Korea Times* (обе не имели отношения к современной *Korea Times*), а также *Seoul Times*, *Seoul Daily News*, *Korean Union Times* и *Union Democrat*. Все эти издания просуществовали не более нескольких месяцев.

По-настоящему солидные и долгоживущие англоязычные газеты были, по примеру *Seoul Press*, учреждены правительством. Первым таким изданием стала *Korea Times*, которая под этим же названием выходит и в наше время. Газета была основана Ким Хваль-ран (также известной как Хелен Ким), одной из первых корейских женщин-профессоров и одной из первых кореянок, защитивших докторскую диссертацию на Западе. В вопросах политики она была верным союзником президента Ли Сын-мана, в начале 1950-х гг. занимала ряд важных правительственных постов, а также часто бывала с дипломатическими миссиями за границей.

Ким Хваль-ран считала, что существует необходимость в создании англоязычной газеты, которая разъясняла бы мировой общественности политику официального Сеула. Именно благодаря её усилиям 1 ноября 1950 года и вышел первый номер *Korea Times*. Формально именно Ким Хваль-ран стала первым редактором газеты, но на практике делами издания она почти не занималась: у неё было слишком много работы в правительстве.

Korea Times выходила ежедневно, кроме понедельника, и поначалу состояла всего из двух страниц небольшого (таб-лоидного) формата. В 1952 году количество страниц в *Korea Times* увеличилось до четырёх, но только в 1961 году газета стала широкоформатной.

Основной аудиторией *Korea Times* являлись военнотружущие американской армии. Во время Корейской войны ежедневный тираж издания составлял 5000–10 000 экземпляров, большинство из которых раскупались различными официальными учреждениями для последующего бесплатного распространения среди военнотружущих и иностранцев других специальностей.

В 1951–1952 гг., когда в Пусане разразился серьёзный политический кризис, редакторы *Korea Times* встали на сторону оппозиционных групп, бросивших вызов диктаторской политике президента Ли Сын-мана. Последний не славился терпимостью к оппозиции: недовольных оппозиционеров разогнали, а газета *Korea Times* оказалась на грани закрытия. Однако вмешательство Ким Хваль-ран, имевшей немалое влияние на президента, спасло газету, которую она считала своим детищем. Тем не менее некоторые репрессии всё-таки последовали: государственным учреждениям запретили приобретать выпуски *Korea Times*. Это поставило газету в тяжёлое финансовое положение, но *Korea Times* выжила и в дальнейшем стала частью влиятельного издательского дома «Хангук ильбо».

Узнав о «мятеже» в редакции *Korea Times*, президент Ли Сын-ман был взбешён. Он посчитал, что ему нужна англоязычная газета, которая безоговорочно отражала бы точку зрения его администрации. Президент также решил, что новая газета должна издаваться непосредственно государством, дабы не допустить повторения печальной истории с *Korea Times*.

Организованная правительством в Пусане демонстрация с протестами против возможного подписания соглашения о перемирии, 13 июня 1953 года (соглашение о перемирии будет подписано через две недели). Подобные демонстрации предназначались в основном для иностранных наблюдателей и должны были повлиять на общественное мнение в США и других странах. К 1953 году Ли Сын-ман собирался воевать с коммунистами до последнего американского солдата

Так появилась на свет газета *Korean Republic*. Её первый номер, поступивший в продажу в августе 1953 года, представлял собой четырёхстраничный таблоид. В 1965 году газета сменила название на *Korea Herald* («Корейский вестник»), под которым издаётся и сейчас.

В те времена, когда всё было в дефиците, государственное финансирование давало газете много преимуществ. *Korean Republic*, например, стала первым изданием Кореи, где появился линотип — машина, позволяющая с помощью клавиатуры набрать сразу целую строку. В других газетах

набор производился вручную по технологии, практически не изменившейся с XV века.

В апреле 1960 года Ли Сын-ман был свергнут, а пришедшее ему на смену демократическое правительство продержалось у руля недолго: после переворота в мае 1961 года к власти в стране пришли военные. Некоторое время военное правительство относилось к рупору свергнутого режима с подозрением, и оставшаяся без субсидий *Korean Republic* переживала непростые времена. Однако по зрелому размышлению новые власти поняли, что мастерами пропаганды и пиара на иностранных языках (ценная и редкая специальность!) разбрасываться не стоит, и решили субсидировать *Korean Republic*, которую в 1965 году переименовали в *Korea Herald*. Впрочем, со временем издание избавилось от связей с правительством и стало частной газетой.

Система двух англоязычных ежедневных газет, установившаяся в начале 1950-х гг., оказалась очень устойчивой и просуществовала полвека — а в какой-то степени существует и в наши дни. До настоящего момента предпринимались всего две попытки изменить эту систему. Первый раз — в октябре 1990 года, когда была основана газета *Korea Daily*. Просуществовала она недолго, меньше года. В октябре 2000 года была предпринята вторая попытка — начала выходить газета *JoongAng Daily*, которая принадлежит издательскому дому «Чунан ильбо».

По-видимому, девяностые годы прошлого XX века были золотым временем для корейской печати на английском языке. В стране появлялось всё больше иностранцев, и они были готовы платить деньги за доступ к новостям — как корейским, так и мировым — на понятном им языке. Кроме того, газеты активно выписывали корейские студенты и школьники, учившие английский и воспринимавшие англоязычные СМИ как учебные тексты. В общем, впервые

за столетие в стране возник рынок, который позволял англоязычной прессе существовать и расти. Не удивительно, что именно тогда в Корее, помимо газет и в дополнение к ним, возникло и немало англоязычных журналов, часть из которых издавалась властями, а часть уже носила вполне коммерческий характер.

Впрочем, эти хорошие времена длились недолго — в лучшем случае пару десятилетий. Сейчас всё больше оснований сомневаться в будущем корейской англоязычной печати. До недавнего времени главный смысл существования англоязычных газет заключался в том, что они давали возможность проживающим в Корее иностранцам оставаться в курсе мировых новостей на английском. Сейчас необходимости в этом нет — интернет полностью решил эту проблему. Правда, остаётся другая задача — рассказывать иностранцам о корейских делах на понятном им языке и в понятном им стиле. Однако похоже на то, что привычная нам ежедневная бумажная газета — вовсе не лучший способ удовлетворить и эту потребность: сайты и блоги с ней обычно справляются лучше. В общем, в 2020 году, когда пишутся эти строки, будущее корейских газет на английском (и других иностранных языках) выглядит довольно неопределённым — такова уж цена прогресса...

С окончанием Корейской войны стала постепенно восстанавливаться экономика страны. Проследить за этим процессом можно на примере отрасли автомобилестроения, как сделано в следующей главе.

НАСТУПЛЕНИЕ ВЕКА АВТОМОБИЛЕЙ

1955 г. — «Сибаль», первый собранный в стране автомобиль, представлен корейской публике

Когда и как началась история корейской автомобилестроительной индустрии, ныне пятой по величине в мире? На этот вопрос можно дать точный ответ — случилось это в 1955 году, когда в маленькой мастерской в Сеуле был собран первый корейский автомобиль «Сибаль».

В колониальной Корее автомобили были редкостью: в 1940 году на 30 млн корейцев приходилось 10 000 машин (сейчас на 51 млн южных корейцев приходится 24 млн машин). Настоящий автомобильный век начался только после 1945 года. Присутствие многочисленных американских воинских частей означало, что Корея оказалась наводнена и американскими военными автомобилями, в основном джипами. Списанные джипы, которые продавались американскими военными по бросовым ценам, на несколько десятилетий стали основой автомобильного парка Кореи, причём их часто использовали в таких целях, к каким эти суровые военно-полевые автомобили, казалось бы, были не приспособлены. В частности, в кустарных мастерских эти джипы превращали в микроавтобусы, которые на протяжении 1945–1960 гг. использовались в Сеуле и других крупных

Джип «Сибаль» в роли самого себя в современной реконструкции быта Сеула на рубеже пятидесятих и шестидесятых годов

городах в качестве маршруток (да, в те времена маршрутки были в Сеуле вполне обычным явлением).

В середине 1950-х гг. несколько автомастерских попытались перейти от ремонтных работ к сборке автомобилей из доступных запчастей. В американской армии списанные армейские джипы умышленно повреждались, чтобы исключить возможные подозрения в списании пригодного автотранспорта с целью его продажи. Некоторые корейские мастерские покупали такие умышленно повреждённые машины и превращали их в работающие автомобили. Однако корейские автомеханики сталкивались с рядом трудностей, поскольку в большинстве случаев двигатели машин ремонту не подлежали — на списанных машинах умышленно

повреждался блок цилиндров, восстановить который в кустарных условиях было проблематично.

В начале 1955 года, после неудачных экспериментов, два молодых инженера — Ким Ён-сам и его начальник О Вон-чхоль, президент Международной автомобильной компании (за этим пышным названием скрывалась небольшая авторемонтная мастерская в Сеуле), нашли способ восстановления блока цилиндров на том оборудовании, которое имелось в их мастерской. Это может сейчас показаться не слишком значительным достижением, однако именно оно сделало возможным восстановление двигателей списанных американских джипов.

В апреле 1955 года восстановленный по новой технологии двигатель был установлен на собранный в мастерской джип, после чего почти-что-новая машина успешно прошла дорожные испытания. Вдохновившись успехом, «Международная автомобильная компания» решила своими силами собрать несколько джипов. Многие компоненты по-прежнему снимались со списанных американских армейских автомобилей, но некоторые детали уже изготавливались на месте или закупались в обычном порядке. У корейских джипов была не брезентовая, а жёсткая крыша, и их обычно окрашивали в чёрный или синий цвет. Автомобилям дали название «Сибаль» («начало»).

Амбициозные планы маленькой компании получили новый импульс в октябре 1955 года, когда автомобиль «Сибаль» был представлен на Национальной промышленной выставке. В обстановке послевоенной бедности и всеобщего разорения демонстрация автомобиля местного производства вызвала живой интерес. «Сибаль» получил высшую награду выставки, Президентскую премию, и это событие привлекло к нему ещё больше внимания. В результате компания решила начать мелкосерийный выпуск новой машины.

В мае 1958 года автомобильная компания «Сибаль» согласовала с правительством план, предусматривающий увеличение выпуска до ста автомобилей в месяц (в настоящее время корейские заводы производят 100 автомобилей примерно каждые 15 минут). Но проекту не суждено было воплотиться в жизнь в связи с новыми мерами правительства, направленными на экономию топлива. В надежде снизить расходы на импорт дефицитного топлива правительство тогда решило ограничить регистрацию новых автомобилей. Новый автомобиль мог быть официально зарегистрирован только взамен старой машины, более не годной к эксплуатации, — таким образом предполагалось, что общая численность автомобильного парка будет оставаться постоянной. Эти ограничения действовали недолго, но на какой-то период резко снизили спрос на автомобили. В результате производители «Сибаль» пришли к выводу, что коммерческие перспективы у их начинания сомнительны, и выпуск машин был приостановлен — тем более, что в бедной стране автомобили были по карману очень немногим.

Неясно, сколько именно машин было выпущено в рамках программы «Сибаль» — встречающиеся в печати данные по этому вопросу противоречивы, но, похоже, этих автомобилей было произведено около тысячи. На протяжении последующего десятилетия их использовали как машины такси и как транспорт правительственных учреждений. Небольшое количество «Сибалей» оказалось и в частном пользовании.

В мае 1961 года в результате военного переворота к власти пришло правительство генерала Пак Чон-хи. Под руководством генерала Пака и его последователей Корея за несколько десятилетий прошла путь от бедной страны третьего мира до современного индустриального государства. Автомобильная промышленность стала одним из главных двигателей экономического роста на Юге, но произошло это

позже, а вот в 1961 году мало кто мог подумать, что нищая Южная Корея в обозримом будущем станет одной из главных автомобильных держав мира.

Кстати сказать, судьба создателей первой корейской машины сложилась очень интересно. О Вон-чхоль, молодой (ему в середине пятидесятых не было и 30) владелец «Международной автомобильной компании», по инициативе которого в своё время — фактически из металлолома — был создан «Сибаль», в шестидесятые стал советником президента Пак Чон-хи по экономическим вопросам. В семидесятые годы именно О Вон-чхоль был главным стратегом южнокорейской индустриализации, и по праву его можно включать в десятку творцов корейского экономического чуда. Его напарник инженер Ким Ён-сам продолжил заниматься разработкой автомобильных двигателей — и тоже с немалым успехом (он получил прозвище, которое я несколько вольно переведу здесь как «кардинал церкви двигателестроителей»).

Но вернёмся к истории корейского автомобилестроения. 29 января 1962 года группа японских бизнесменов корейского происхождения под председательством Пак Но-чжона учредила автомобильную компанию Sae Nara («Новая страна»). Предприниматели заключили соглашение с японским автомобильным гигантом Nissan и получили разрешение на сборку в Корее Nissan Bluebird, одной из самых популярных моделей. Комплектующие поставлялись японской компанией, но автомобиль носил корейское название Sae Nara.

Автомобиль выглядел куда более современным, чем угловатый «Сибаль». Производственных мощностей теоретически было достаточно для выпуска 6000 автомобилей в год, но этот объём никогда не был достигнут. В июле 1963 года, проработав все лишь год, завод закрылся. Официально

причина состояла в том, что заинтересованные стороны не смогли договориться об условиях обмена твёрдой валюты. Однако, как многие подозревали с самого начала, реальная причина заключалась в том, что владельцы новой компании отказались делать пожертвования в фонд правительственной партии и были за своё упрямство наказаны. Как бы то ни было, компании Sae Nara удалось выпустить всего 2 773 автомобиля.

Примерно в то же время компания Kia, изначально специализировавшаяся на производстве велосипедов, тоже решила войти в новую отрасль. Опираясь на имеющийся у фирмы опыт выпуска велосипедов, менеджеры Kia приобрели в Японии лицензию на производство мотоциклов и трёхколёсных грузовых мопедов. Трёхколёсный мопед может показаться странным в контексте современных транспортных средств, но на корейских дорогах эти устройства были обычными вплоть до начала 1980-х гг.

Продолжая традицию «Сибаль», пусанская компания Sinjin выпускала небольшие автобусы, собранные из деталей старых американских военных грузовиков. Очевидно, владельцы Sinjin знали, кому следует делать пожертвования, поскольку в ноябре 1965 года им было разрешено приобрести бывший завод компании Sae Nara, который с 1963 года простаивал. На этот раз на заводе организовали сборку Toyota Corona из деталей, поставляемых японским гигантом Toyota.

В 1967 году была основана компания Hyundai Motors — безусловный лидер корейского автопрома в наши дни. Тогда она была лишь дочерним подразделением концерна (*чэбол*) Hyundai: в шестидесятые он занимался в основном строительством. В начале 1970-х гг. Hyundai Motors производила несколько моделей автомобилей в сотрудничестве с Ford и General Motors — точнее, и в этом случае речь шла не о производстве, а о сборке. Масштабы были невелики,

---

работа компаний тоже не всегда шла гладко, но сотрудничество с американскими производителями позволило инженерам и техническим специалистам Hyundai приобрести необходимый опыт, который, как мы все знаем, им потом очень пригодился.

В 1967 году в Корею было выпущено 6604 автомобиля. Япония в том же 1967 году произвела 1,376 млн автомобилей. Южнокорейская автомобильная промышленность всё ещё находилась в зародышевом состоянии.

Ситуация изменилась в 1973 году, когда правительство представило план развития машиностроительной промышленности, нацеленный на ускоренный рост южнокорейского автопрома. Правительство Пак Чон-хи решило, что именно автопром является одной из тех отраслей, в которых Корея имеет, как выражаются экономисты, конкурентные преимущества, то есть может производить продукцию и лучше, и дешевле, чем большинство конкурентов. Тогда подобная идея казалась дерзкой и даже безумной, но время показало, что ставка была сделана правильно.

Верное привычному дирижистскому подходу и не слишком склонное доверять «невидимой руке рынка» правительство вовсе не открыло доступ в новую индустрию всем желающим. Было объявлено, что производить автомобили будет разрешено только четырём компаниям, а вскоре этот список сократился до трёх: Hyundai, Kia и Daewoo. У Hyundai и Kia, как уже говорилось, был к тому времени некоторый опыт работы в автомобилестроении. Концерн Daewoo был новичком в этой сфере, однако его глава имел хорошие отношения с президентом, что, разумеется, немало помогало всем его деловым начинаниям.

В середине 1974 года на рынке появились две машины местного производства. Одной из них была Brisa, выпуск которой в тот год начала Kia, а другой — Hyundai Pony, первая

Hyundai Pony — первая южнокорейская автомашина, которую стали поставлять на экспорт. Об этом напоминает постановочная фотография из рекламного проспекта конца семидесятых

легенда южнокорейского автопрома, о которой до сих пор с теплотой вспоминают многие пожилые корейцы.

Kia Brisa была местной копией Mazda Familia, хотя её производители постоянно сокращали количество импортируемых деталей, и со временем около 80% всех комплектующих производилось в Корее. Двигатель Brisa объёмом в один литр не отличался особой мощностью, но зато был довольно экономичным, что являлось важным в эпоху дороговизны топлива, которая началась после нефтяного кризиса 1973 года. В 1975 году на долю Kia Brisa приходилось 58% всех проданных на внутреннем рынке автомобилей. Экономичный и относительно просторный автомобиль завоевал популярность среди водителей такси: до начала 1980-х гг. Kia Brisa была самой популярной моделью такси в стране. Производство Brisa и её модификации Brisa II продолжалось до 1982 года. В течение десятилетия было продано в общей сложности 76 000 автомобилей.

Корейские автомобили ожидают погрузки на корабль, который повезёт их к будущим владельцам в Америку, Европу, Россию или Китай.

Глядя на это, трудно представить, что первый автомобиль в Корее сделали в 1955 году, используя для этого в самом буквальном смысле слова детали и запчасти, найденные на свалке

Однако большинство корейцев, если их спросить о первом выпущенном в стране серийном автомобиле, скорее всего, назовут не Kia Brisa, а её сверстника, Hyundai Pony, производство которого началось тоже в 1974 году, всего на несколько месяцев позже, чем производство Brisa. Двигатель у Pony был более мощным, и в итоге всё больше и больше покупателей стали предпочитать именно эту модель. Технология производства вновь была заимствована у Японии, а дизайн был разработан итальянской фирмой. Процент комплектующих местного производства в Hyundai Pony был выше, чем у модели Brisa, и со временем достиг 90%.

Pony стала первым пассажирским автомобилем корейского производства, экспортируемым за рубеж: в 1976 году пять (да, целых пять!) машин были экспортированы не куда-нибудь, а в Эквадор!

Позже эти маленькие машины отправились во многие страны Латинской Америки и Ближнего Востока. Летом

2006 года одна такая Pony была возвращена в Южную Корею из Египта, где она эксплуатировалась как такси на протяжении почти 25 лет. Автомобиль потребовался в качестве реквизита для съёмок фильма, действие которого происходило в начале 1980-х гг. Некоторые Hyundai Pony до сих пор колесят по Корее: по состоянию на июнь 2006 года по всей стране было зарегистрировано 7399 автомобилей, к большинству из которых владельцы относятся как к раритетам, а не как к вульгарному средству передвижения.

Тем не менее общее число автовладельцев некоторое время росло медленно, так как цены для страны с низким уровнем дохода оставались непомерно высокими: например, в 1982 году автомобиль Hyundai Pony продавался на внутреннем рынке по цене в \$3550, в то время как годовой доход среднего корейского домохозяйства составлял всего \$4500. Прошло ещё целое десятилетие, прежде чем частные автомобили заполонили корейские улицы, создав множество новых проблем городским администрациям. Но это уже другая история...

1956 г. — начинает вещание первая корейская телевизионная станция «Чонно»

Строго говоря, телевидение появилось практически одновременно с радиовещанием — первые эксперименты с телевизионной трансляцией были предприняты в 1920-е гг., а к середине 1930-х гг. в некоторых странах (в том числе Англии, Германии, США и Советском Союзе) началось и коммерческое телевидение. Впрочем, в те давние времена телевизор был явлением очень редким — в первую очередь из-за высокой стоимости самого приёмника. Например, по состоянию на 1940 год во всём Нью-Йорке — богатом городе, население которого тогда составляло 7,5 млн человек, — имелось всего 2000 телевизоров.

Как бы то ни было, к 1940 году телевизионная технология в своей основе уже существовала. Более того, именно тогда были разработаны первые телевизионные стандарты, которые в общем дожили до начала XXI века, когда их сменило телевидение высокой чёткости, а также интернет-телевидение.

В Корее распространение телевидения началось, по меркам Азии, на удивление рано: первая корейская телевизионная станция начала работу 12 мая 1956 года. Таким образом, Южная Корея стала четвёртой страной Азии, где началось регулярное телевизионное вещание (первыми тремя были

Япония, Таиланд и процветавшие тогда Филиппины). Станцию создал радиоинженер Хван Тхэ-ён, который, побывав в командировке в США и познакомившись с телевидением, вернулся домой с решимостью развивать новую технологию на родине.

Располагалась станция на улице Чонно в центральной части Сеула, так что её иногда называли «Телевидение Чонно», хотя было также и официальное (весьма труднопроизносимое) название — HLKZ-TV. В те времена телевизионные станции, подобно радиостанциям, имели позывные, состоявшие из сочетаний латинских букв. Так уж получилось, что первой сеульской телестанции достался такой позывной — HLKZ-TV.

Корейское аналоговое телевидение, разумеется, использовало американский стандарт телевидения NTSC, который отличается от привычного нашим читателям стандарта SECAM, применявшегося в телевидении в СССР (России) до 2019 года, когда аналоговое вещание в России было прекращено. В студии было всего три телевизионные камеры, а принятый в ноябре 1956 года график работы предусматривал, что HLKZ-TV будет вести вещание по два часа каждый день, кроме пятницы, начиная с 20:00 (впоследствии начало передач сместилось на 19:00).

Поначалу телевидение было, скорее, аттракционом и играло примерно такую же роль, которая полувеком раньше досталась кинематографу. Впрочем, в отличие от кинематографа, бывшего с первых же лет существования зрелищем демократичным по цене и поэтому общедоступным, телевидение поначалу являлось удовольствием отнюдь не дешёвым. Самый маленький телевизор с размером экрана 8,5 дюйма (нынешний планшетник) в конце пятидесятых стоил 190 000 хван (так называлась денежная единица Кореи с февраля 1953 г. по июнь 1962 г.) — примерный эквивалент

девяти месячных зарплат среднего служащего. Иначе говоря, даже самый скромный телевизор был доступен примерно в такой же степени, в какой доступны машины среднего уровня в наше время. Неудивительно, что к концу 1956 года во всём Сеуле работало всего лишь 300 частных телеприёмников. Также телевизоры устанавливались в общественных местах, например в лобби отелей или на первых этажах универмагов. Смотрели их тоже коллективно. К концу 1958 года число телевизоров выросло до 7000, что тоже, в общем, было мало для страны с населением в 24 млн человек.

В сетке вещания HLKZ-TV преобладали иностранные программы, многие из которых поставлялись из США в порядке гуманитарной помощи (а также как часть усилий по пропаганде американского образа жизни). Фильмы, впрочем, демонстрировали часто отечественные — благо, тогда как раз началось возрождение корейского кинематографа (см. главу 39). Уже в 1956 году были сняты и первые корейские телевизионные драмы — в студии, на мизерном бюджете, с 2–3 актёрами в каждом коротком, около 15 минут, эпизоде. Первой южнокорейской телевизионной драмой стали «Врата рая»; речь там шла о воришке, оказавшемся на том свете и вспоминавшем былые похождения на земле.

Любопытно, что в те времена драмы не записывались и не редактировались, а шли в прямой трансляции — ничего другого корейское телевидение не могло себе позволить. Впрочем, с видеозаписью тогда везде было туго: когда в феврале 1960 года в СССР на телевидении впервые использовали видеомэгнитофон и показали одну и ту же программу сначала в прямой трансляции, а потом в записи, об этом событии даже написали советские газеты.

Довольно быстро владельцы сеульской телестанции обнаружили, что проявили излишний оптимизм, оценивая прибыльность корейского телевизионного рынка. В стране,

---

по уровню дохода на душу населения сильно отстававшей от Гондураса, просто не было достаточного количества людей, которые могли позволить себе домашний телевизор. Это, в свою очередь, означало, что рекламодатели тоже не слишком интересовались телевидением, аудитория которого измерялась несколькими тысячами семей. В результате заработать деньги на рекламе телевидение не могло, а с государственной поддержкой дело тоже, в общем, не складывалось.

В результате первая сеульская телестанция несколько раз переходила из рук в руки, меняя не только владельцев, но и название. Каждый новый владелец быстро обнаруживал, что наличие собственной телекомпании гарантирует не только моральный престиж, но и ощутимые финансовые убытки. Вдобавок в феврале 1959 года на студии ночью вспыхнул пожар, в котором пострадало ценное оборудование. На помощь пришли американские телевизионщики из компании AFKN-TV, которые в порядке профессиональной солидарности стали ежедневно предоставлять корейским коллегам по полчаса эфирного времени для передачи новостей и коротких развлекательных программ.

Здесь, конечно, надо сказать о том, откуда, собственно, взялись в Корее американские телевизионщики. В 1950-е гг. в США сложилась практика, в соответствии с которой в тех странах, где присутствовал заметный американский военный контингент, организовывалось теле вещание для американских военнослужащих. Оно было адресовано именно американским солдатам и офицерам, и, как правило, организаторы полностью игнорировали то обстоятельство, что вещание ведётся на территории другой страны. Кроме того, американский стандарт NTSC, который использовался американским военным телевидением, не совпадал со стандартами стран, где стояли американские войска, — в таких

странах полноценный приём американских военных телепередач местными жителями технически невозможен. Разумеется, в Корее этой проблемы не было.

Существование американской военной телевизионной сети AFKN-TV сыграло немалую роль в ранней истории корейского телевидения. В шестидесятые и семидесятые годы многие корейцы покупали телевизоры не столько для того, чтобы смотреть передачи корейского телевидения, сколько для того, чтобы иметь доступ к американскому телевещанию. Благодаря этому, несмотря на все кризисы и пертурбации, происходившие с сеульской телестанцией, количество телевизоров в стране постепенно возросло.

Любопытно, что в период военных диктатур американское телевидение зачастую служило для корейцев источником информации о том, что происходило во внешнем мире, а порою — и в их собственной стране. Как это ни покажется странным, но многие корейцы в те времена смотрели американское военное телевидение примерно с такими же целями, с какими жители советских городов в семидесятые годы слушали вещание «Голоса Америки» или Би-би-си, — чтобы узнать новости, о которых местным СМИ нельзя было сообщать (разумеется, в данном случае для получения доступа к информации надо было владеть английским языком).

Однако вернёмся к корейскому телевещанию. На полноценное восстановление сгоревшей студии владельцы так и не пошли — им немало надоели приносимые проектом убытки. Телестанция HLKZ-TV, которую к тому времени именовали DBC, официально прекратила существование в октябре 1961 года, а вечером 31 декабря 1961 года, то есть в новогоднюю ночь, впервые вышла в эфир новая корейская государственная телестанция KBS.

Телестанция KBS была любимым проектом только что пришедшего к власти военного правительства во главе

В студии телекомпании KBS снимается один из первых корейских сериалов. Начало 1960-х гг.

с генералом Пак Чон-хи. Любопытно, что тогда в проправительственной печати часто говорили о том, что, дескать, новая власть «подарила» корейцам телевидение к Новому году, специально перенеся дату открытия с марта 1962 года на новогоднюю ночь. Спешка была крайняя — некоторые из окон в здании ещё не были застеклены, и их пришлось заложить временными щитами, чтобы вечером 31 декабря станция KBS впервые вышла в эфир.

Новогодний подарок этот был, что называется, с двойным дном. В XX веке — точнее, во второй его половине — правители всех стран (и особенно — авторитарные правители) осознали: телевизор является одним из важнейших средств пропаганды, и во многих случаях он, как сейчас

говорят, может оказаться даже сильнее холодильника. Поэтому Пак Чон-хи стремился создать официальное телевидение, которое доводило бы до населения точку зрения правительства — то есть по определению единственно правильную точку зрения.

В шестидесятые годы корейское телевидение всё ещё сталкивалось с многочисленными проблемами, одной из которых по-прежнему было почти полное отсутствие телевизоров у населения. В 1962 году в стране имелось 8000 телевизоров, то есть этими устройствами владели всего лишь 0,1% корейских домохозяйств. К 1970 году ситуация несколько улучшилась — телевизоры купили уже 6,4% корейских семей. Однако настоящий прорыв произошёл в 1970-е гг., ставшие десятилетием массовой телевизионизации Южной Кореи. В 1980 году телевизор смотрели уже в 79,1% всех корейских домохозяйств.

Понятно, что до появления кабельного, а потом и спутникового вещания в 1990-е гг. количество телевизионных каналов было ограниченным. Я не буду подробно излагать историю возникновения, слияния и ликвидации телеканалов — те, кому нужно, всегда смогут найти эту информацию самостоятельно. Несколько упрощая ситуацию, можно сказать, что в Корее с 1960 по 1988 год, то есть во времена военных диктатур, существовало всего три телевизионные станции — KBS, TBC и MBC (ну и, конечно, американская армейская станция AFKN-TV). До конца восьмидесятых корейские телестанции находились под надёжным и прямым (или почти прямым) контролем властных структур. KBS была государственной компанией, станцией MBC управляли квазигосударственные фонды, и только TBC, которая специализировалась на развлекательных программах, тогда считалась частной. Однако TBC принадлежала концерну Samsung, в лояльности которого, как и в лояльности других чэболь, корейскому правительству сомневаться не приходилось.

В 1967 году ТВС стала первой станцией, начавшей утреннее вещание — до этого все передачи шли только по вечерам. Вскоре её примеру последовали и конкурирующие станции — впрочем, в условиях нехватки электроэнергии от утренних передач пришлось на некоторое время отказаться.

Основой телевидения того времени являлись сериалы, которые делились на несколько групп. Наиболее важными были так называемые *ежедневные сериалы*. Как уже говорилось, сериалы ничем не отличались от спектаклей и шли в прямой трансляции или в записи практически без монтажа.

Особой популярностью пользовались сериалы «Асси» (아씨 можно примерно перевести как «Госпожа»: асси — это обращение к женщине) и «Ёро» (여로/旅路 «Путь странствий»). В «Асси» речь шла о жизни в годы колониального правления, Корейской войны и послевоенной бедности. Героиня, получившая традиционное воспитание, вопреки всему стремилась оставаться хорошей женой, матерью и невесткой, хотя это и не всегда было легко, в первую очередь — из-за неверности мужа. «Путь странствий» тоже рассказывал о жизни в 1930–1950 гг., хотя в этом сериале уделялось чуть больше внимания не личной, а *большой истории*. Героиня претерпевала разнообразные страдания на пути к счастью (и, кстати, к деловому успеху), причём проблемы создавал не столько непутёвый и слабоумный муж, сколько свекровь. Показательно, что ни авторами, ни героями не ставился под сомнение тезис о полной недопустимости развода и необходимости сохранения семьи любой ценой.

Как можно догадаться по содержанию, главной аудиторией сериалов были женщины-домохозяйки. В этом нет ничего удивительного — неслучайно за телесериалами ещё с пятидесятых закрепилось насмешливое название «мыльные

оперы». Оно подразумевало, что данный телепродукт смотрят в основном домохозяйки, одновременно занимающиеся стиркой, чтобы не терять времени.

Любопытно, что корейское телевидение долго было чёрно-белым. В 1960-е гг. цветное телевидение стремительно распространялось по планете, но южнокорейские власти запрещали цветное телевидение в стране — и это несмотря на то, что Корея к тому времени уже была одним из главных мировых производителей цветных телевизоров. Связано это было с ориентацией на максимальную экономию, характерную для режима Пак Чон-хи. В те времена правительство постоянно напоминало гражданам о том, что не следует тратить деньги на предметы роскоши. Если появлялись свободные средства, подразумевалось, что надо нести их в банк. Связано это было не столько с желанием поощрять накопления, сколько с совершенно прагматическим расчётом: деньги в банках работали на индустриализацию страны.

Популярность телевидения в первые десятилетия его истории была чрезвычайной. В 1970-е гг. сеульское Управление полиции обратилось к жителям столицы с предупреждением. Полицейское руководство сообщало, что воры часто проникают в частные дома именно во время трансляции популярных сериалов. Обитатели домов были настолько увлечены происходящим на экране, что не особо прислушивались к тому, что происходило на улице, — чем воры и пользовались.

Существенное ослабление контроля над телевидением произошло в начале 1980-х гг., после прихода к власти военного правительства генерала Чон Ду-хвана. В отличие от своего предшественника, Чон Ду-хван не собирался поощрять экономию, а, наоборот, подчёркивал важность «разумного потребления». Тогда часто говорили о том, что Чон Ду-хван

проводит политику «трёх S»: Sex, Screen, Sport. Действительно, при Чон Ду-хване были существенно ослаблены цензурные ограничения в кинематографе, стал быстро развиваться профессиональный спорт. В области телевидения главной переменной стало появление цвета. Цветное телевидение в Корее началось в декабре 1980 года — на 13 лет позже, кстати сказать, чем в СССР.

С приходом к власти Чон Ду-хвана структура телевидения несколько изменилась. ТВС по решению правительства была слита с KBS и стала там основой для второго канала (KBS-2). В 1990 году появилась ещё одна — третья — станция, SBS. В таком виде система телевидения просуществовала до середины нулевых, хотя с течением времени роль и значение *большой тройки* постепенно снижались.

Снижение это было вызвано в первую очередь тем, что с приходом новых времён стало быстро увеличиваться количество телевизионных каналов. С 1990-х гг. в Корее распространяется сначала кабельное, а затем и спутниковое телевидение. К концу девяностых количество доступных каналов стало измеряться десятками и сотнями. На смену старой системе, при которой телевидение было монополизировано небольшой группой крупных телестанций, пришла система новая, отличающаяся куда большим разнообразием. Кроме того, к концу девяностых в Корее начал работать высокоскоростной интернет, позволявший без особых проблем смотреть видеопрограммы. Хотя старые телестанции уцелели и даже до недавнего времени работали с прибылью, их влияние, охват и доходы постепенно уменьшаются — впрочем, похожие процессы происходят сейчас во всём мире.

В настоящее время будущее корейского телевидения выглядит проблематично. И молодёжь, и люди среднего возраста всё менее склонны проводить время перед телевизионным экраном и смотреть то, что им решило показать

руководство телестудии. Не исключено, что конец эры телевидения близок и что в Корее его история, начавшаяся около 1960 года, уже завершается. Впрочем, будущее, как известно, непредсказуемо и мудрее с пророчествами не торопиться. Мало кто, например, ожидал в начале шестидесятых, что Южная Корея, одна из самых бедных стран Азии, за время жизни одного поколения превратится в промышленного гиганта. О том, как и почему это превращение стало возможным, мы поговорим в следующей главе.

ГЕНЕРАЛЫ СДЕЛАЛИ СВОЁ ДЕЛО, ГЕНЕРАЛЫ МОГУТ УХОДИТЬ: ВЗЛЁТ И ПАДЕНИЕ ДИКТАТУРЫ РАЗВИТИЯ В ЮЖНОЙ КОРЕЕ

1961 г. — военный переворот приводит к власти
генерала Пак Чон-хи

Проснувшись утром 17 мая 1961 года, жители южнокорейской столицы обнаружили, что на улицах города стоят танки. В тот день в стране произошёл государственный переворот (или, как заявили его организаторы, «военная революция»). Для большинства это не стало неожиданностью — переворота ждали уже несколько недель, и многие ждали его с нетерпением.

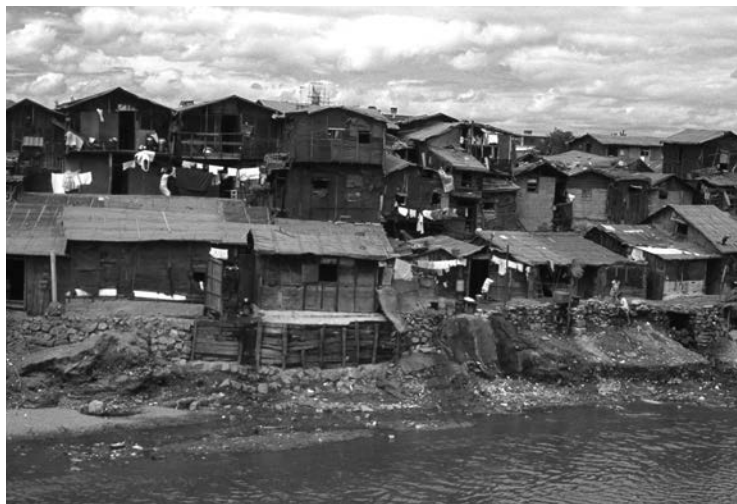
В апреле 1960 года массовые демократические выступления свергли режим престарелого диктатора Ли Сын-мана. Однако корейцы, ожидавшие, что после свержения диктатуры наступит золотой век демократии, быстро разочаровались. Современники тех событий в большинстве своём воспринимали время демократической Второй республики (апрель 1960 — май 1961) как эпоху хаоса, разгула коррупции и экономического развала. Поэтому решение армии вмешаться в политику и взять власть в свои руки приветствовали тогда многие — ведь армия символизировала

порядок. Первый в истории Южной Кореи демократический режим просуществовал ровно один год и один месяц. В мае 1961 года страна опять оказалась под властью авторитарного режима — и оставалась под этой властью четверть века, до лета 1987 года.

Формальности, впрочем, были соблюдены: в 1963 году генерал Пак Чон-хи, бывший главной фигурой в новом военном правительстве, ушёл из армии, провёл президентские выборы и выиграл их. В целом эти выборы были, скорее всего, честными — суровый и немногословный генерал символизировал порядок, и в уставшей от хаоса стране он нравился многим.

Между авторитарным режимом Ли Сын-мана и авторитарным режимом Пак Чон-хи существовало одно важное отличие. Ли Сын-ман не слишком интересовался экономикой и полагал, что поддержание правильного идеологического

Так выглядели многие районы Сеула в начале шестидесятых, то есть во времена, когда по уровню ВВП на душу населения Южная Корея отставала от Гондураса в полтора раза

Так в наши дни выглядит Чхонгечхон, где в пятидесятые располагался самый крупный трущобный район Сеула

тонуса куда важнее решения скучных экономических задач. Пак Чон-хи и его окружение, наоборот, чётко понимали, что судьба и режима, и страны зависит в первую очередь от того, удастся ли вывести Южную Корею из экономического тупика.

Такой подход во многом был определён биографией самого Пак Чон-хи. Будущий южнокорейский диктатор родился в многодетной и бедной крестьянской семье. Способности и трудолюбие позволили ему получить стипендию и окончить педагогическое училище. Потом он учился в офицерском училище и служил в рядах армии марионеточного государства Маньчжоу-го (обстоятельство, о котором до сих пор охотно вспоминают его многочисленные недоброжелатели). После восстановления независимости страны в 1945 году будущий диктатор был коммунистом-подпольщиком, а разочаровавшись в коммунизме, стал одним из самых популярных командиров южнокорейской армии.

Обычные сеульские улицы в 1966 году. «Чудо» только начинается,
и Южная Корея представляет собой бедную азиатскую страну,
которая по ВВП на душу населения отстает от Филиппин почти в полтора,
а от Гватемалы — в два с половиной раза

Экономическое положение Южной Кореи в начале 1960-х гг. было крайне незавидным. После раздела страны практически вся современная промышленность и энергетика оказались на Севере. Сейчас трудно в это поверить, но в начале шестидесятых Южная Корея по уровню ВВП на душу населения отставала не только от Мексики и Гватемалы, но и от Мозамбика. В 1960 году ВВП на душу населения в РК составил \$1100 (доллары 1990 года). Для сравнения: в тех же долларах 1990 года ВВП на душу населения в 1960 году на Филиппинах равнялся \$1500, а в Гватемале вообще достигал \$2300. Вдобавок в Южной Корее практически нет полезных ископаемых, а природные условия не слишком благоприятны для развития сельского хозяйства.

Перед новой властью, которая сделала ставку на экономическое развитие страны, стояла, казалось бы, неразрешимая задача, которая, как мы сейчас знаем, была ею решена. На протяжении почти двух десятилетий правления Пак Чон-хи (1961–1979) годовой рост корейского ВВП составлял 9–10%, изредка поднимаясь до 12–14% и никогда не опускаясь ниже 5%. К всеобщему удивлению, за три десятилетия Южная Корея из страны развивающейся превратилась в страну развитую.

Методы, которыми пользовались Пак и его окружение, не были совсем уж оригинальны. Немалое влияние на стратегию корейских авторитарных модернизаторов оказал хорошо известный им японский опыт промышленной модернизации. Похожие процессы развёртывались в шестидесятые и семидесятые и в других странах Восточной Азии — на Тайване, в Сингапуре. Впоследствии, после 1980 года, эту модель, которую часто именуют *диктатурой развития*, была в целом скопирована и псевдокоммунистическими (*красными снаружи, белыми внутри*) режимами Китая и Вьетнама.

Несколько упрощая, можно считать, что экономическая стратегия, выбранная Пак Чон-хи (и другими авторитарными модернизаторами Восточной Азии) сводилась к тому, что страна превращалась в огромную фабрику. Из-за границы в Южную Корею завозилось сырьё и полуфабрикаты, они перерабатывались внутри страны, а готовая продукция шла на экспорт. Альтернативы у этой стратегии, скорее всего, не было. Поскольку в Южной Корее практически нет природных ресурсов, единственное, на что можно было сделать ставку, — это на наличие в стране людей, готовых добросовестно и качественно работать за гроши. Таких людей хватало — благо высочайшая трудовая культура испокон веков была чертой народов Восточной Азии.

Впрочем, при всей простоте концепции экспорт-ориентированного развития реализовать её было не так просто. В Южной Корее 1961 года не было ни капитала, ни квалифицированных кадров, ни оборудования.

Поэтому на первых порах ставка была сделана на лёгкую промышленность, не требовавшую ни крупных капиталов, ни высоких технологий, ни образованных кадров. Сотни тысяч сельских девушек уходили в города, где находили работу в бесчисленных швейных мастерских. Там они шили одежду и обувь, делали парики и игрушки, которые потом экспортировались в развитые страны Запада. Условия труда были очень тяжёлыми: нормой считался один выходной в месяц, а продолжительность рабочего дня редко была меньше 10 часов (о профсоюзном движении и его героях см. главу 44).

В ретроспективе можно задать вопрос, насколько неизбежным был авторитарный характер восточноазиатской модернизации. С полной определённой ответить на этот вопрос невозможно потому, что, как известно, «история не имеет сослагательного наклонения» (точнее, поскольку

у нас есть одна и только одна реальная история и провести соответствующий эксперимент мы не можем). Мы знаем только то, что случилось в *реальной* истории Восточной Азии, — а в этой истории все успешные экономические модернизации были проведены диктаторскими режимами. Режимы эти были весьма похожи друг на друга — несмотря на то что в одних случаях они использовали псевдодемократическую риторику (Южная Корея и Тайвань), а в других — риторику псевдокоммунистическую (Китай и Вьетнам).

Было несколько причин, по которым авторитарные режимы обладали преимуществами в деле экономической модернизации.

Во-первых, стабильному авторитарному режиму проще заниматься долгосрочным планированием. В условиях, когда исход выборов предопределён, чиновники куда больше готовы к тому, чтобы заниматься долгосрочными программами, а не сосредотачиваться на мероприятиях, помогающих набирать очки к очередным выборам.

Во-вторых, одной из характерных черт диктатур развития, особенно на первых этапах, была жёсткая политика по подавлению рабочего движения. Главным конкурентным преимуществом стран Восточной Азии на мировом рынке в те времена была дешёвая и качественная рабочая сила. Правительство делало всё, чтобы эта рабочая сила оставалась дешёвой и впредь, жёстко пресекая деятельность независимых профсоюзов, — добиться этого было куда легче в условиях диктатуры.

Впрочем, социальная стабильность в Корее обеспечивалась не только жёстким подавлением сил, не соглашавшихся с логикой ускоренного капиталистического развития в понимании Пак Чон-хи. Сам бывший сторонник левых идей, генерал-президент отлично понимал: возникают эти идеи отнюдь не на пустом месте и отнюдь не в результате

Президент Пак Чон-хи, для одних – свирепый диктатор,
для других – спаситель страны, выведший Корею из многовековой нищеты

манипуляций «агентов Пхеньяна, Пекина и Москвы». Пак Чон-хи боролся как с самим неравенством, так и с демонстративным, престижным потреблением, которое практиковала верхушка. Немалую известность получил скандал,

---

который президент устроил нескольким олигархам, когда их жёны появились на приёме, увешанные бриллиантами. Корейский олигарх образца 1970 года должен был жить скромно.

Впрочем, чисто демонстративные, пропагандистские акции — это было ещё не всё. Коэффициент Джини, характеризующий уровень имущественного неравенства, в эпоху *экономического чуда* в Корее равнялся примерно 27–30, то есть был примерно на том же уровне, что в странах Европы, и гораздо ниже уровня большинства стран Азии (в современном Китае, якобы социалистическом, коэффициент Джини достигает 50).

Южнокорейская дипломатия умело использовала международную ситуацию, сложившуюся в годы холодной войны. Советская печать часто называла Пак Чон-хи американской марионеткой, но это утверждение имело мало общего с истиной. Когда было необходимо, Пак Чон-хи воспроизводил американскую риторику и громко клялся в верности *идеалам свободного мира*. Можно предположить, впрочем, что бывший коммунист-подпольщик Пак Чон-хи к этой риторике в глубине души относился иронически. Однако он понимал: без внешней поддержки реализация его планов будет невозможна — и использовал все доступные ему средства, чтобы эту поддержку получить. Дело доходило до того, что южнокорейские спецслужбы напрямую подкупали американских политиков. Например, в 1976 году выяснилось, что южнокорейская разведка подкупала тех американских конгрессменов, кто голосовал за выделение Южной Кореи помощи и льготных кредитов (было доказано получение взятки десятью конгрессменами, но виновных, скорее всего, было больше).

До 1972 года режим Пак Чон-хи носил характер мягкого авторитаризма, являясь, как говорят политологи,

---

имитационной демократией. В стране действовали оппозиционные политические партии, печать не могла позитивно высказываться о Севере и коммунистах, но в остальном была относительно свободна, регулярно проводились конкурентные выборы (впрочем, пресловутый административный ресурс при этом был задействован тоже). Однако в 1972 году Пак Чон-хи объявил о реформе Конституции, фактически совершив переворот и превратив умеренно авторитарный режим в откровенную диктатуру с элементами культа личности, а также сделав себя пожизненным президентом.

После переворота 1972 года прямые выборы президента были ликвидированы, цензура резко ужесточилась, против оппозиционных лидеров стали проводиться спецоперации. Наиболее известной из таких операций стало похищение Ким Тэ-чжуна, самого популярного из оппозиционных политиков, совершённое в Токио в 1973 году. Конечная цель затеи с похищением до сих пор не ясна: возможно, Ким Тэ-чжуна хотели просто припугнуть, но нельзя исключить и того, что планировалось убийство, но потом, не желая огласки, организаторы от первоначального плана отказались.

Можно, конечно, долго спорить о причинах, по которым Пак Чон-хи решился на переворот 1972 года. Скорее всего, он элементарно опасался потерять власть. Выборы 1963 и 1967 гг. он выиграл с немалым преимуществом и минимальными фальсификациями, но вот на выборах 1971 года экс-генерал набрал всего лишь 51,2% голосов (против 43,6% у Ким Тэ-чжуна). При этом существуют подозрения, что и эти скромные результаты появились на свет во многом стараниями волшебников из Центризбиркома. Впрочем, для своего окружения (и, возможно, для самого себя) Пак Чон-хи объяснял переворот 1972 года заботой о национальных интересах. Он считал, что передача контроля над страной гражданским политикам приведёт к хаосу и не даст

возможности выйти на следующий этап экономического развития.

Действительно, произошедший в 1972 году переход от мягкого к жёсткому авторитаризму экономике не повредил. Наоборот, модернизация вступила в новую стадию: с начала семидесятых Южная Корея начала активно развивать тяжёлую промышленность. Именно тогда правительство составило список приоритетных отраслей тяжёлой промышленности, на которых следовало сосредоточить всё внимание. К таковым отраслям отнесли автомобилестроение, судостроение, нефтехимию и металлургию.

Решающую роль в экономике Южной Кореи к тому времени стали играть крупные гигантские концерны чэболь. Чэболь — это огромная многопрофильная фирма, которая, как правило, не имеет чёткой специализации и выпускает всё — от швейных машин до компьютеров, от стального проката до микросхем. Концерны чэболь появились на свет благодаря сознательной политике правительства, которое отбирало бизнесменов, казавшихся достаточно перспективными, и создавало их компаниям режим наибольшего благоприятствования. Другими словами, олигархов в Южной Корее фактически назначали — именно так появились и Hyundai, и Samsung, и LG.

Ставка на небольшое количество компаний-тяжеловесов была связана с экспортной ориентацией экономики. Пак Чон-хи и его советники считали: только крупные фирмы имеют шанс всерьёз преуспеть на мировом рынке. Поскольку крупных фирм в Южной Корее не было, а их возникновения, так сказать, естественным путём пришлось бы ждать слишком долго, гигантов решили вырастить искусственно.

В те времена стратегия выращивания карманных олигархов часто подвергалась критике. Несогласные, помимо

всего прочего, указывали на то, что подобная модель чревата коррупцией. Они были отчасти правы, и коррупция действительно имела место, но была, по меркам большинства стран Азии, умеренной. Возможно, некоторую роль тут сыграла личность самого Пак Чон-хи, которого даже самые неистовые из его многочисленных противников ни в какой коррупции обвинить не могли. Деньги от олигархов он брал, но тратил не на дворцы и колье для любовниц, а на финансирование мероприятий, получить деньги на которые легальным путём было затруднительно (например, на разработку ядерного оружия). Возможно, личное бескорыстие правителя несколько охлаждало коррупционные аппетиты его окружения. Впрочем, идеализировать южнокорейское общество не следует (попилы и откаты там имели место), и по меркам Европы или США оно действительно и казалось, и являлось коррумпированным.

Участие правительства в экономике отнюдь не сводилось к поддержке карманных олигархов. Власти крупно вкладывались в транспортную инфраструктуру (ещё до начала массовой автомобилизации было запущено строительство скоростных дорог), энергетику, образование — то есть в те области, которые частному капиталу были не по силам или просто неинтересны.

Однако экономический успех постепенно подрывал политическую базу южнокорейского авторитаризма. Экономическое развитие неизбежно вело к росту образовательного уровня населения и к формированию в стране среднего класса, а это делало неизбежными и политические перемены. Подобные перемены произошли и на Тайване, и в Корее, причём случились они практически одновременно, в конце восьмидесятых годов.

Режим Пак Чон-хи прежде всего поддерживали корейцы, успевшие на момент переворота 1961 года достичь среднего

возраста. Это были люди, выросшие в нищете и имевшие возможность оценить стремительность экономического роста и связанных с ним новых возможностей. К концу семидесятых большинство южнокорейцев впервые в жизни получили возможность есть досыта, жить в относительно приличных домах и смотреть телевизор, а концу восьмидесятых к списку общедоступных благ добавился и собственный автомобиль. Вполне понятно, какое впечатление этот рывок производил на людей, родившихся в лачугах под соломенными крышами, если в их детстве белый рис был доступен только по большим праздникам, а мясо вообще считалось пищей богачей. Кроме того, это поколение хорошо помнило и кровавый хаос конца сороковых, когда в Корее фактически шла гражданская война, и последовавший за этим северокорейский блицкриг 1950 года. В своей массе эти люди боялись нового нападения Севера, а ещё больше — политической нестабильности. Они считали авторитаризм неизбежной (и не столь уж дорогой) ценой, которую приходится платить за внешнюю и внутреннюю безопасность.

Однако их дети, родившиеся в пятидесятые и шестидесятые и в массовом порядке получившие высшее образование, относились к происходящему совсем иначе. Они всё больше тяготились диктатурой со всеми её неизбежными атрибутами — подцензурной печатью, странными происшествиями, которые случались с неудобными политиками, жёстким контролем над интеллектуальной жизнью. Экономический рост, конечно же, ценили и эти люди, но для них возможность есть белый рис три раза в неделю казалась чем-то естественным: о голоде они слышали только от старшего поколения. Кроме того, стиралась память о хаосе сороковых и пятидесятых, росла уверенность в собственных силах, и диктатура стала казаться ненужной даже некоторым

из тех, кто в шестидесятые приветствовал её как неизбежное зло.

Южная Корея 1980 года резко отличалась от Южной Кореи, которой она была двумя десятилетиями ранее. За это время уровень ВВП на душу населения увеличился примерно в четыре раза, с \$1100 до \$4300 (в долларах 1990 года). Доля городского населения выросла в полтора с лишним раза: с 35% в 1960 году до 57% в 1980 году. Резко расширился доступ к образованию. В 1960 году в среднюю школу поступали 49% детей соответствующего возраста (остальные после начальной школы шли работать), а к 1980 году среднюю школу оканчивали уже 96% корейцев. При этом в 1980 году четверть всей молодёжи (27,1%) получала высшее образование, о чём подавляющее большинство в предшествующем поколении и не мечтало. Все эти изменения свидетельствовали об успехе диктатуры развития, но — парадоксальным образом — они же подтачивали её политические основы.

В октябре 1979 года Пак был убит начальником собственной разведки, и в стране началось движение за демократизацию. Оппозиционно настроенные студенты вышли на улицы с требованием пересмотра Конституции, перехода к демократии и введения прямых выборов президента. Началась так называемая *сеульская весна*. Её кульминацией стала демонстрация на площади перед Сеульским вокзалом, в которой участвовали более 100 000 человек.

К тому времени фактическим главой правительства стал генерал Чон Ду-хван, захвативший власть в армии ещё в декабре 1979 года. Понимая, что развёртывающееся массовое движение ставит под угрозу вновь обретенную власть, в мае 1980 года Чон Ду-хван объявил о введении военного положения. Контроль над Сеулом военные восстановили быстро, но вот на юге страны, в городе Кванджу (родина Ким Тэ-чжуна и самый оппозиционный город страны) они

столкнулись с вооружённым сопротивлением. Восстание в Кванджу было подавлено ценой немалых жертв и стало одним из главных символов сопротивления авторитарным режимам.

К лету 1980 года военной верхушке удалось отбить натиск первой волны демократизации. В итоге Южная Корея опять превратилась в авторитарный режим, похожий на режим позднего Пак Чон-хи.

Чон Ду-хвану удалось продержаться у власти несколько лет — и немало обогатиться за это время (в отличие от аскетического предшественника, Чон Ду-хван был весьма вороват, и народ об этом, в принципе, догадывался). Однако ему пришлось править в условиях постоянной нестабильности. Университеты в 1981–1987 гг. находились в состоянии почти перманентного мятежа, и массовые студенческие демонстрации вспыхивали по любому поводу. В те времена студент, высказавший позитивное мнение о власти, скорее всего, немедленно подвергся бы остракизму со стороны товарищей.

С другой стороны, в правление Чон Ду-хвана экономика продолжала двигаться по проложенным при Пак Чон-хи рельсам и, соответственно, по-прежнему росла рекордными темпами (среднегодовой рост ВВП в 1981–1987 гг. составил 8,8%).

Кстати сказать, заслуги Чон Ду-хвана вовсе не сводятся к тому, что он продолжил вести страну «дорогой Пак Чон-хи». Чон Ду-хван в наши дни крайне непопулярен — он бьёт рекорды антирейтинга среди всех корейских президентов. Это обстоятельство заставляет забывать о том, что принял страну он в достаточно неблагополучном состоянии. В последние годы жизни увлечение Пак Чон-хи инвестициями в инфраструктуру и тяжёлую промышленность привело к тому, что Южная Корея вышла на четвёртое место в мире (и первое место в Азии) по объёмам внешнего

долга. Сочетание резкого увеличения цен на энергоносители и острого внутривнутриполитического кризиса привело к тому, что в 1980 году ВВП Кореи сократился, а инфляция достигла 44% в год. Многие тогда говорили о том, что корейскому экономическому чуду пришёл конец.

Однако администрация Чон Ду-хван сумела быстро справиться с этими проблемами. При всей своей склонности запускать руку в казну, Чон Ду-хван сохранил понимание того, что экономический рост является для Кореи основой всего, и к экономике он относился очень серьёзно — настолько серьёзно, что каждое утро для президента проводились лекции и семинары по экономической теории.

Отставной президент и поныне иногда выражает обиду по поводу того, что его заслуги в деле стабилизации экономического положения до сих пор не оценены по достоинству. В частности, Япония предоставила Сеулу срочный льготный кредит на сумму в \$4 млрд, который был использован для стабилизации экономического положения. Конечно, экономикой управлял не президент-диктатор, а подобранная им команда экономистов, в основном получивших образование в США, — таких, например, как главный советник Чон Ду-хвана по вопросам экономики Ким Чэ-ик или министр финансов Ким Кён-сик. Однако важнейшая задача любого руководителя — это именно подбор команды, так что при всей своей склонности к коррупции и, скажем так, некоторой простоватости, Чон Ду-хван показал себя неплохим кризисным менеджером.

Результаты его успеха были предсказуемы: продолжающийся рост среднего класса, рост образовательного уровня, урбанизация — те самые факторы, которые объективно усиливали оппозицию и подрывали диктатуру развития. Время работало против режима — причём (парадокс!) потому, что режим в целом оставался чрезвычайно эффективным

Студенты дерутся с полицией в центре Сеула, облака слезоточивого газа плывут над городом. Такие сцены были частью корейской городской жизни в восьмидесятые

экономически. При этом отсутствие полезных ископаемых и относительно скромные размеры государственного сектора означали, что среди корейцев работоспособного возраста было мало тех, кого в России называют бюджетниками — то есть представителей группы, которая тесно связана с властями и экономическими интересами, и общими установками. Главной движущей силой экономического рывка в Южной Корее и других странах региона послужил всё-таки частный бизнес, пусть и находящийся под жёстким государственным контролем.

Окончательный кризис авторитарного режима в Корее разразился летом 1987 года. В эти месяцы на улицы Сеула выходило до миллиона человек — и это при том, что население корейской столицы составляло 10 млн. На этот раз в демонстрациях участвовало не только студенчество,

---

радикальная оппозиционность которого к тому времени стала аксиомой, — присоединились к протестам и горожане среднего возраста: рабочие крупных предприятий, служащие, интеллигенция. Именно их участие в выступлениях в итоге оказалось решающим.

Если к 1980 году горожане в целом колебались, на чью сторону встать в конфликте, то к 1987 году колебаний у них не осталось. Вдоволь наевшись риса, отправив сына в университет и почти решившись на покупку автомобиля, корейский горожанин среднего достатка задумался над тем, что теперь было бы неплохо иметь честные выборы и свободную печать.

Главным лозунгом демонстрантов был переход к прямым выборам президента и снятие ограничений на деятельность оппозиционных партий и профсоюзов. Хотя заметную

Ночной вид на высотные дома в Пусане на побережье Южного моря (в российской географической номенклатуре это водное пространство именуется Корейским проливом). Корейские многоэтажные жилые дома являются действительно многоэтажными

Контейнерный терминал в порту Пусан — главные ворота страны.
Уже полвека Корея живёт экспортом

роль среди активистов движения играли левые радикалы, появившиеся в стране в восьмидесятые, большинство корейцев было довольно экономической ситуацией и поэтому хотело не радикальных социальных преобразований, а перехода к либеральной демократии в политической сфере. Ключевое положение в движении занимали хорошо известные политики либерального толка — Ким Ён-сам и неоднократно упомянутый Ким Тэ-чжун.

К концу июня 1987 года генералы поняли, что им придётся отступить. 29 июня военные объявили о согласии на требования демонстрантов — то есть требования о политической капитуляции. Армия вернулась в казармы. В результате проведённого в 1987 году пересмотра Конституции были введены прямые выборы президента, отменена цензура, разрешена деятельность независимых профсоюзов. Во избежание

соблазна было решено, что президент не имеет права избираться на второй (пятилетний) срок, но при этом президентская власть осталась очень большой.

Со временем, уже в девяностые, в стране сформировалась двухпартийная система. В результате реформ конца восьмидесятых Южная Корея превратилась в демократическое государство — одно из немногих демократических государств в современной Азии. И, как легко догадаться, далеко не все в современной Южной Корее готовы признать, что своим нынешним процветанием страна во многом обязана Пак Чон-хи и его диктатуре развития.

Экономический рост и стремительная урбанизация немало повлияли на корейскую секс-индустрию: сначала они породили её бум, а потом — её упадок. Об этом пойдёт речь в следующей главе.

«КРАСНЫЕ ФОНАРИ» ГАСНУТ?

1961 г. — принят «Закон о противодействии проституции»

Проституцию часто именуют древнейшей профессией, но как мы уже говорили в главе 15, в Корее до конца XIX века почти не было коммерческого секса — секс-индустрию в страну принесли японцы.

В первые же месяцы после изгнания японцев в 1945 году местные женские организации (в основном — христианские) стали активно требовать от властей запретить проституцию. Какое-то время казалось, что американская военная администрация, которая управляла страной с сентября 1946 по август 1948 года, склонялась к тому, чтобы согласиться с этими требованиями. Впрочем, владельцы соответствующих заведений и сами работницы секс-индустрии активно протестовали против этих планов: первые защищали свои прибыли, а вторые — возможность хоть как-то зарабатывать на жизнь (альтернатив тогда было не так много). В итоге всё окончилось компромиссом. В 1948 году специальный закон, принятый парламентом уже независимой Кореи, запретил лицензированные дома терпимости, которые существовали под государственным контролем в колониальные времена, но при этом не криминализировал проституцию, которая продолжалась в виде частной инициативы. Фактически это означало, что южнокорейское правительство, в котором

тогда доминировали христиане, выразило своё отрицательное отношение к проституции в теории, но на практике никаких мер по её искоренению не приняло.

В условиях экономического и политического хаоса, который последовал за освобождением страны и её расколом, проституция неизбежно росла. По данным Министерства здравоохранения и социального обеспечения, в 1947 году в Южной Корее насчитывалось 16 900 проституток, а к 1949 году их число увеличилось в три с лишним раза и достигло 52 600 человек.

С началом Корейской войны 1950–1953 гг. проституция стала чуть ли не массовой профессией. Больше всего зарабатывали те проститутки, которые имели дело с американскими солдатами. Память об этих барышнях, которых тогда именовали *заморскими принцессами* или *ооновскими мадам*, до сих пор жива среди корейцев старшего поколения. В те времена специализирующаяся на обслуживании американских военных проститутка зарабатывала деньги, которые превышали зарплату университетского профессора или правительственного чиновника средней руки. Впрочем, не следует забывать, что всё-таки большинство проституток имели дело с отечественным, корейским клиентом.

Проведённое в последние месяцы Корейской войны обследование проституток показало, что они в своей массе были очень молоды: 14,6% из них было меньше 19 лет, 44,0% были в возрасте от 20 до 24 лет, а 31,8% — в возрасте от 25 до 30 лет. При этом 28% проституток были неграмотны. Из этого видно, что большинство проституток составляли молодые женщины из деревень, которые, оказавшись в урагане войны, потеряли контакты со своими семьями (или были брошены ими на произвол судьбы) и остались без средств к существованию. Многие из них, как отмечали

тогда наблюдатели и журналисты, были вдовами, мужья которых погибли в ходе боевых действий и террора.

В послевоенные годы корейская полиция и правоохранительные органы при молчаливом одобрении как властей, так и общества в целом (по крайней мере, значительной его части) предпочитали проституцию не замечать. В 1961 году был, правда, принят «Закон о противодействии проституции», однако он носил символический и декларативный характер. В соответствии с этим законом проституция в Корее была запрещена, но никакой ответственности за нарушение этого запрета не предусматривалось. Другими словами, закон фактически свёлся к декларации о том, что проституция — это вообще-то неправильно и плохо. Несмотря на это, в 1962 году были созданы 104 «района красных фонарей». На территории этих районов проституция разрешалась вполне официально. Кроме того, для сексуального обслуживания американских военных и прочих иностранцев было создано ещё 32 аналогичных района, в основном вблизи от американских военных баз. С течением времени количество *особых районов* менялось, но общий принцип оставался неизменным: за их пределами проституция являлась незаконной (хотя на практике не преследовалась).

Любопытно, что в те времена корейских секс-работниц, обслуживавших иностранных военных, вполне официально называли женщинами-утешительницами (*вианбу* 위안부/慰安婦). Термин этот восходит ко временам японского колониального правления — так именовались корейки, которые оказались в военно-полевых борделях японской армии. В современном корейском языке это термин имеет исключительно отрицательные коннотации, но в шестидесятые годы в слове не видели ничего особенного и употребляли его спокойно.

В конце 1960-х гг. валютная проституция в Корее получила новый импульс. Связано это было с появлением в Корее японских туристов. Собственно говоря, других туристов в Корее тогда почти и не было: японцы составляли примерно три четверти от тех, кто приезжал в страну с туристскими целями. Япония тогда начинала быстро богатеть, однако у большинства японцев не было ни денег, ни времени на дальние поездки, так что на первых этапах своей истории, в начале семидесятых, японский выездной туризм был в основном туризмом в Корею. В 1971–1973 гг., всего лишь за три года, количество посетивших Корею японских туристов утроилось, увеличившись с 232 000 до 679 000 человек. За границу из Японии тогда выезжали мужчины средних лет, и многие из них в Корею отправлялись на поиски сексуальной экзотики. В этом смысле Корея играла для Японии такую же роль, которую сейчас для Европы и иных развитых стран играет Таиланд. В те времена южнокорейское правительство сознательно закрывало глаза на существование интердевочек, деятельность которых служила для бедной страны источником дополнительного валютного дохода.

Корейские историки, в силу своих идеологических пристрастий, склонны обращать особое внимание на валютную проституцию и проституцию вокруг американских баз, но в индустрии секса по-прежнему доминировал местный клиент. В середине и конце семидесятых, с массовым распространением в стране телефонов, появилась новая форма сексуального обслуживания — *чайные с купонами*. Речь идёт о табанах, которые в те времена существовали в Корее в огромном количестве. Некоторые из этих чайных являлись по своей сути заведениями секс-индустрии, так как клиент мог позвонить в табан и заказать доставку кофе на дом (или в мотель). По нынешним меркам, кофе этот был весьма сомнительного качества, однако на практике клиент заказывал

не напиток, а девицу, которая (обычно — на мотороллере) привозила ему как заказ, так и саму себя. Любопытно, что традиционные чайные пришли в упадок после 2000 года и почти исчезли, но вот чайные с купонами благополучно существуют и в наши дни, хотя в основном — в провинции. Такие псевдочайные являют собой чистую форму проституции — в большинстве случаев у приехавшей по вызову барышни нет возможности отказаться от обслуживания клиента, в то время как во многих других заведениях допускается и подразумевается определённая свобода выбора.

Точную статистику числа проституток для последних десятилетий дать невозможно. Дело в том, что для большинства женщин, так или иначе связанных в Корее с коммерческим сексом, проституция уже с семидесятых годов являлась (и является) не основным, а дополнительным заработком. Всем в Корее хорошо известно, что женщина, работающая в сомнительном заведении (например, девушка из хостес-бара), в принципе может согласиться на платный секс с понравившимся ей гостем, но может также и отвергнуть его ухаживания, если гость её неприятен или не готов проявить необходимую щедрость. С другой стороны, сам факт работы в сомнительном баре вовсе не обязательно означает, что девушка занимается коммерческим сексом в целях приработка: многие из этих барышень просто кокетничают с посетителями, разговаривают с ними *за жизнь* и разводят их на покупку дорогого спиртного, за что им от заведения переплачивают комиссионные.

Помимо уже упомянутых хостес-баров, в качестве прикрытия для коммерческого секса используются кафе и парикмахерские, массажные салоны, студии караоке. Разумеется, существуют многочисленные интернет-сервисы, с помощью которых находят клиентов корейские «индивидуалки» (для большинства из них коммерческий секс

Так выглядели «районы красных фонарей» в середине 1980-х гг., когда фотограф Чон Ён-син сделал серию снимков, посвящённых их быту. Маленькие комнатки, у входа в которые проститутки ждали клиентов

является просто формой приработка). Впрочем, по-прежнему попадают в Корею и классические бордели старого стиля, которые выглядят, надо сказать, очень характерно: за огромными витринами, подсвеченными красным светом, на высоких табуретках сидят в ожидании клиентов фривольно одетые девицы.

В Корею фирмы, которые работают в одной сфере (например, продажа компьютеров), обычно концентрируются в одних и тех же районах, по соседству друг с другом. Относится это и к поставщикам сексуальных услуг — впрочем, в последнем случае мы часто имеем дело с наследием созданной ещё в 1962 году системы особых районов. По состоянию на 2019 год во всей стране было 34 «района красных фонарей», но их количество постепенно сокращается.

Зыбкость границы между профессиональными проститутками, проститутками на полставки и потенциальными проститутками означает, что статистика может толковаться самым произвольным образом. Те, кто по тем или иным политическим причинам стремится преувеличить размах сексуальной индустрии в Южной Корее, относят к проституткам весь женский персонал заведений, которые имеют сомнительную репутацию и, следовательно, могут служить крышей для занятий проституцией. В результате появляются те гигантские цифры, которые в Корее любят цитировать политические активисты левонационалистического толка и радикальные феминистки. Хорошим примером такого широкого подхода является часто повторяемое (и совершенно фантастическое) утверждение о том, что проституция составляет 4% корейского ВВП и что в Корее якобы имеется 300 000 проституток. Эти цифры просто отражают суммарный доход всех баров, караоке-салонов и прочих учреждений, под прикрытием которых теоретически может иметь место проституция, и учитывает всех женщин, которые в этих заведениях работают.

С другой стороны, те чиновники, журналисты или учёные, у которых есть причины занижать масштабы проституции, приводят невероятно скромные цифры, отражающие количество тех женщин, для которых проституция является единственным заработком, — такие работают «в районах красных фонарей». В 2019 году количество профессиональных проституток во всей стране было 3592, то есть в 80 раз меньше, чем утверждают те, кто склонен драматизировать проблему.

В целом можно с уверенностью сказать, что первая оценка (300 000) — завышена, а вторая (3600) — занижена. Скорее всего, сейчас в Корее насчитывается несколько десятков тысяч *девушек с пониженной социальной ответственностью*.

Приметой времени стало появление мужской проституции — почти исключительно в виде хост-баров, в которых относительно мускулистые и смазливые парни развлекают состоятельных клиенток, готовых за это (и, если договорятся, за последующее) удовольствие заплатить. Внимание к хост-барам было привлечено в ходе политического скандала, который в 2016 году привёл к отставке Пак Кын-хе, первой корейской женщины-президента. Тогда выяснилось, что Чхве Сун-иль, ближайшая подруга и советник президента Пак, была завсегдатаем подобных заведений. Любопытно, кстати, что мужчины в таких барах зарабатывают в среднем в два раза меньше, чем женщины-хостессы. Как ни странно, средний заработок хоста даже ниже среднего заработка по Сеулу.

В 2004 году левонационалистическая администрация президента Но Му-хёна предприняла едва ли не первую в истории страны серьёзную попытку справиться с проституцией или, по крайней мере, резко снизить её масштабы. Тогда правительство попыталось провести в жизнь запрет на проституцию, который, как уже говорилось, формально существует ещё с 1961 года. Попытки завернуть гайки вызвали немалые протесты, в том числе и впечатляющую демонстрацию протеста напротив здания парламента. Девушки, лица которых были закрыты медицинскими масками, пришли к парламенту под лозунгами «Мы тоже хотим есть». В последующие годы подобные выступления происходили каждый раз, когда власти пытались увеличить давление на работников секс-индустрии.

Масштабы корейской проституции в последние пару десятилетий сократились — «районы красных фонарей», бывшие столь многочисленными до конца девяностых, после 2000 года стали исчезать один за другим. Сомнительно при этом, что правительственные кампании сыграли в этих

Демонстрация секс-работниц не такая уж редкая картина в Корее начала XXI века. Все они в медицинских масках, так как не хотят, чтобы их случайно увидели и узнали по фотографии знакомые, друзья и соученики.

Лозунг на первом плане: «Защитите наше право на жизнь!»

изменениях хоть какую-то роль. Одной из причин стал уход секс-индустрии на просторы интернета: многие индивидуалки (в особенности те, для кого эта работа является, скорее, приработком) сейчас находят клиентов в Сети, что им и удобнее, и безопаснее. Однако, даже с учётом интернет-сектора, по большому счёту индустрия проституции в последние пару десятилетий сжимается в объёмах, и кризис этот с течением времени только углубляется.

По данным опроса 2019 года, 14,0% всех корейских взрослых мужчин имели секс с проституткой в течение предшествующего года (при этом 3,5% имели только один такой контакт). В 2013 году доля таковых составляла 27%.

Связано это с двумя причинами. С одной стороны, проституцию подкосила сексуальная революция. Вплоть до 1980-х гг. нравы в Корее были суровыми, девушки должны были хранить девственность до брака, а супружеская неверность была уголовно наказуемым преступлением. С другой стороны, эта строгость нравов сочеталась с весьма спокойным отношением к коммерческому сексу. С конца восьмидесятых ситуация стала быстро меняться, так что сейчас молодые корейцы и — главное — кореянки относятся к добрачному сексу так же спокойно, как, скажем, европейцы или россияне. У солдат или у студентов (в былые времена именно представители этих двух группы населения составляли едва ли не большинство клиентов в дешёвых публичных домах), да и вообще у молодёжи, сейчас куда меньше причин для того, чтобы отправляться на поиски проститутки: сексом по взаимному согласию и к взаимному удовольствию в наши дни можно спокойно заняться и с другой.

С другой стороны, происходят изменения в положении женщин. В былые времена проститутками обычно становились пришедшие в город сельские девушки без образования,

---

у которых не было никаких шансов заработать хорошие деньги на заводах или в мастерских. Сейчас ситуация изменилась и мало кто из кореянок хочет заниматься унижительной (да и отчасти небезопасной) работой в секс-индустрии, даже если она неплохо оплачивается.

Трудно не согласиться с тем, что проституция не может быть искоренена в обозримом будущем. Однако очевидно и другое: женская эмансипация, рост доходов и уровня жизни и — главное — изменения в сексуальной морали приводят к тому, что проституция, некогда массовая, постепенно становится нишевой деятельностью.

Почти одновременно с «Законом о противодействии проституции» в Корее был принят и другой закон, название которого также вводило в заблуждение. Он именовался «Законом о принадлежащей иностранным гражданам недвижимости», а на практике был направлен против китайской общины Кореи. Об этой общине и её истории пойдёт речь в следующей главе.

1961 г. — принят «Закон о принадлежащей
иностранным гражданам недвижимости»

Логично было бы ожидать, что Корея, просто в силу своего географического положения, должна иметь большую и влиятельную китайскую общину. Этнические китайцы играют заметную экономическую и политическую роль даже в таких далёких от китайских границ странах, как Индонезия или Малайзия, так что было бы естественно предполагать, что и в Корее китайское присутствие будет очень заметным. Однако это не так: до сравнительно недавнего времени, то есть примерно до 1990–1995 гг., китайцев в Корее было на удивление мало.

Этот факт объясняется в первую очередь особенностями политики, которую проводили корейские власти на протяжении многих веков. В Восточной Азии с древности существовала жёсткая система пограничного и иммиграционного контроля, немыслимая в античной или средневековой Европе. В Корее между XV и XIX веками въезд иностранцев в страну был строго ограничен и о постоянном проживании китайцев, да и любых иностранцев, не могло быть и речи. Лишь в 1876 году Канхвасский договор, силой навязанный стране японцами, разрешил иностранцам селиться на территории Кореи (первоначально — только в нескольких портовых городах).

Вскоре после этого в Корее появились первые китайские переселенцы. Случилось это в 1882 году, когда в Корею был отправлен ограниченный контингент китайских войск для подавления мятежа в Сеуле. Вместе с войсками в Корею прибыли и около 40 китайских торговцев. Впрочем, есть сведения, что некоторые китайцы въезжали в Корею и раньше — они выдавали себя за японцев, так как последним проживание и ведение бизнеса в Корее было разрешено с 1876 года. Китайские войска, в 1882 году введённые в страну по просьбе корейского правительства, не стали торопиться с возвращением на родину, так что между 1882 и 1894 гг. Корея фактически находилась под китайской оккупацией.

Уже к концу 1883 года в стране действовали 210 китайских предпринимателей. Местным торговцам было непросто конкурировать с пришельцами: китайские купцы превосходили корейских и по объёмам доступного капитала, и по опыту. В результате очень скоро, примерно к 1890 году, китайские торговцы стали доминирующей силой в корейской внешней торговле. При этом часть купцов — в основном выходцы из южной провинции Гуандун — занимались импортом и экспортом, в то время как другие — преимущественно выходцы из северной и близкой к Корее провинции Шаньдун — специализировались на розничной торговле, открывая лавки в Хансоне (Сеуле) и других крупных городах.

Раздражённые растущим китайским присутствием местные купцы писали протесты властям и даже организовали несколько забастовок, требуя запретить китайцам торговать в столице. Однако все их усилия были напрасны: в стране стояли китайские войска и корейский двор не рисковал вступать в конфликт с Китаем. Кроме того, всемогущий генерал Юань Шикай, верховный китайский представитель в Корее (впоследствии, уже после Синьхайской революции 1911 года, некоторое время — президент Китайской

Республики), активно защищал китайские коммерческие интересы, а при случае и сам не брезговал контрабандой.

В апреле 1884 года власти отвели землю (17 000 м²) под первый в стране *Чайна-таун*, поселение китайских торговцев. Оно было основано в портовом городе Инчхоне, что было вполне логично — именно через этот порт шла почти вся торговля с Китаем. Вскоре корейские власти разрешили китайским фирмам возить товары на кораблях по реке Ханган и разгружаться непосредственно в корейской столице.

Однако китайское господство в корейской внешней торговле продлилось недолго. В 1894 году между Китаем и Японией вспыхнула война, причём главной причиной конфликта послужил именно вопрос о правах и привилегиях в Корее. Китай потерпел в войне сокрушительное поражение и должен был вывести из Кореи свои войска, а также смириться с потерей политического влияния на полуострове. Большинство китайских бизнесменов, осознав, что время их привилегий закончилось, ушло с китайскими войсками.

Те китайские торговцы, которые предпочли остаться в Корее и после окончания Японо-китайской войны, действительно столкнулись с немалыми проблемами. Корейские конкуренты постарались отыграть на них за десятилетие беспомощности и унижений. Политика вытеснения китайского бизнеса также поощрялась и японцами, чьё влияние в Корее возрастало и которые стремились избавиться от соперников на корейском рынке. Корейские реформаторы и модернизаторы, политическое влияние которых в новой ситуации резко выросло, также с подозрением относились к Китаю. Для них консервативный конфуцианский Китай был носителем и символом тех традиций, от которых реформаторы хотели избавить Корею, в некотором смысле — символом *проклятого прошлого*.

Однако некоторым китайским предпринимателям удалось преуспеть даже в такой неблагоприятной обстановке. Например, именно в те бурные годы вёл свою коммерческую деятельность Там Кольсэн (или, если читать иероглифы его имени в современном северокитайском литературном произношении, — Тань Цзечен 譚傑生), китайский бизнесмен, в двадцатые годы ставший самым богатым человеком в Сеуле и входивший в десятку ведущих налогоплательщиков страны. Выходец из далёкой провинции Гуандун, что находится на крайнем юге Китая, Там Кольсэн сначала занимался экспортно-импортными операциями. В 1880-е гг. он продавал в Китай корейский женшень и кожу, а из Китая ввозил дешёвый и качественный текстиль, чаще всего — европейского производства. Ещё в период китайского доминирования в корейской политике Там Кольсэн смог немало заработать на займах, которые были предоставлены корейскому правительству, а потом открыл транспортный бизнес: его компании принадлежали небольшие речные пароходы, ходившие по реке Ханган между Сеулом и Инчхоном. Со временем Там Кольсэн стал заниматься и автомобилями, а в начале двадцатых годов владел крупнейшим в Сеуле таксопарком. Однако основой его процветания оставалась именно внешняя торговля.

Тем временем новые и новые китайцы прибывали в Корею. К 1906 году в Корее проживали 3700 китайцев, причём женщины составляли среди них всего лишь 3,5%. Это цифра много говорит о характере китайской общины: в Корею обычно мигрировали мужчины в работоспособном возрасте, приехавшие туда без семьи, надеясь заработать денег и затем возвратиться домой (кстати, примерно такой же характер носило и переселение китайцев на российский Дальний Восток). Большинство китайских гастарбайтеров были выходцами из провинции Шаньдун, что лежит

на западном берегу Жёлтого моря, напротив Корейского полуострова.

Ещё в конце 1880-х гг. в Корее появились и первые китайские крестьяне, которые арендовали там землю и занимались выращиванием овощей и зелени на продажу. Огородниками они оказались умелыми, так что в стране стали возникать китайские овощеводческие хозяйства, и скоро другие китайские крестьяне стали приезжать в Корею, чтобы наниматься батраками к своим соплеменникам. Некоторым батракам удавалось со временем накопить денег, арендовать землю и самим превратиться во владельцев маленьких сельскохозяйственных предприятий.

Стали приезжать в Корею и повара, хотя до 1920-х гг. китайских ресторанов в стране было мало (впрочем, в Корее в те времена любых ресторанов было немного, как рассказано в главе 10). При этом первые китайские рестораны ориентировались исключительно на китайскую публику, а среди корейцев любители китайской кулинарии стали появляться только в тридцатые годы.

Примерно с 1910 года в стране всё чаще стали появляться китайские неквалифицированные рабочие, те самые *кули*, которые в те дни трудились на стройплощадках всего мира, заменяя отсутствующие бульдозеры и ещё редкие экскаваторы. Для Кореи начало XX века было временем интенсивного железнодорожного строительства, и многие из железных дорог колониальных времён были построены руками китайских рабочих. К середине 1910-х гг. примерно половина китайской общины в Сеуле состояла именно из неквалифицированных рабочих, главным образом землекопов.

В последующие годы число китайских рабочих быстро росло, так как относительная стабильность Кореи делала её привлекательным местом не только для мелких предпринимателей, но и для людей попроще. Привлекало также то,

---

что даже самая неквалифицированная работа в Корее оплачивалась, по китайским меркам, неплохо.

В начале марта 1927 года главная сеульская газета «Мэ-иль синбо» писала, что в порт Инчхон ежедневно прибывает по тысяче китайских трудовых мигрантов. Все они стремились попасть в Корею перед началом очередного строительного сезона. Большинство из них, однако, не собиралось оставаться в Корее надолго: к концу осени, когда работы на стройках прекращались, китайские рабочие отправлялись домой.

К 1930 году, в соответствии с официальной статистикой, в Корее проживали 67 794 китайца. Китайцы на тот момент являлись вторым по величине этническим меньшинством в стране — первым, как легко догадаться, были японцы. Китайцев было намного меньше, чем японцев, но всё равно они составляли 0,3% населения Кореи. Фактически в колониальной Корее было заметно присутствие только двух некорейских этнических групп — японцев и китайцев. Надо помнить, что в те времена большинство китайцев выделялись на улицах своим внешним видом: китайского гастарбайтера можно было легко отличить от корейского неквалифицированного рабочего и по одежде, и по причёске, и по манерам.

Летом 1931 года произошли первые и, к счастью, едва ли не единственные в корейской истории массовые межэтнические столкновения. Поводом для них стали события, развернувшиеся за пределами Кореи, в Маньчжурии. Там, поблизости от посёлка Ванбаошань (в корейском произношении Манбосан), возник конфликт между корейскими и китайскими крестьянами-переселенцами. Причиной спора стал ирригационный канал, который корейцы проложили по земле, принадлежавшей китайцам. Страсти накалялись, в дело вмешались и местные японские консульские власти

(естественно, на стороне корейцев: Маньчжурия считалась частью Китая, а вот проживавшие там корейцы были японскими подданными). В конце концов, дело дошло до прямых столкновений. Новости о событиях в Манбосане были преувеличены корейской прессой, сообщавшей о резне в корейских деревнях, которую якобы учинили китайцы, и большом количестве жертв, хотя в действительности всё ограничилось дракой стенка на стенку и разгоном протестующих китайцев силами японской армии. Результатом сообщений из Маньчжурии стали массовые погромы китайских магазинов и нападения на китайцев в Кёнсоне (Сеуле), Инчхоне, Пхеньяне и других крупных городах Кореи. В ходе погромов 127 китайских переселенцев погибли, 393 человека были ранены.

Последовавшая реакция китайцев была вполне предсказуема: после погромов многие из них предпочли уехать из страны, так что количество китайцев, проживавших в Корее, сократилось почти в два раза: с 68 000 в 1930 году до 38 000 в 1932-м. Однако скоро численность китайских переселенцев снова стала расти. Начавшаяся летом 1937 года японская агрессия в Китае сделала жизнь там ещё труднее. В Корее, напротив, эта война на первых порах привела к экономическому буму, который повысил и потребность в рабочих руках. Поэтому в страну стали в ещё больших количествах прибывать китайские рабочие, готовые заниматься неквалифицированным трудом за самую скромную плату.

В 1945 году, когда Корея вновь стала независимой, в стране проживало без малого 100 000 этнических китайцев (в 1942 году их было 85 000).

Крах Японской империи заставил многих китайцев вернуться домой. Немалое их число оказалось и на территории Северной Кореи. Тем не менее к 1950 году в Южной Корее проживало около 40 000–50 000 этнических китайцев. Формально они являлись гражданами гоминдановской

«Китайской Республики», территория которой к тому времени ужалась до острова Тайвань.

Китайская община, доставшаяся независимой Корее в наследство от колониальных времён, вызывала у корейцев беспокойство уже самим фактом существования. В разговорах с пожилыми корейцами я не раз слышал об опасениях, которые в пятидесятые и шестидесятые годы испытывала по поводу китайского присутствия корейская элита. Власти (и не только власти) тогда искренне опасались, что китайцы, если только их влияние не будет ограничено, со временем займут ведущие позиции в южнокорейской экономике, так что Корея будет напоминать в этом отношении страны Юго-Восточной Азии с их влиятельными китайскими меньшинствами. Похоже, что такие опасения, которые сейчас выглядят параноидальными, разделялись тогда и корейской публикой в целом.

После провозглашения Республики Корея в 1948 году местная китайская община сталкивалась со значительной дискриминацией. В Южной Корее не существовало вида на постоянное жительство для иностранцев, и местные китайцы считались «временно проживающими» на корейской территории. Регулярно (сначала — раз в два года, потом — раз в три года, а с 1998 года — раз в пять лет) им приходилось собирать необходимые бумаги и отправляться в Иммиграционное управление для продления визы.

Впрочем, была у корейских китайцев и одна немаловажная привилегия. Остальные иностранцы могли находиться на территории Кореи, только если имели официальный контракт с корейским работодателем, причём окончание контракта означало, что иностранцу надо немедленно выехать из страны. На местных китайцев это правило не распространялось. В то же время китайцы не могли быть государственными служащими, не могли заниматься адвокатской

и врачебной практикой, а крупные корейские компании не брали их на работу как иностранцев — несмотря на то, что большинство из них родились в Корее, свободно владели корейским и мало чем отличались от корейцев.

Формально корейские китайцы считались гражданами Китайской Республики, то есть, называя вещи своими именами, острова Тайвань. Практически никто из них отношения к этому далёкому субтропическому острову не имел и никогда на своей «исторической родине» не бывал — почти все они происходили из провинции Шаньдун. В антикоммунистической Южной Корее, которая до 1992 года КНР не признавала и не поддерживала с ней дипломатических отношений, было просто невозможно выбрать гражданство «Красного Китая». Тайвань активно поддерживал общину, причём особую роль играла поддержка тайваньским правительством действовавших в Корее китайских школ. Именно в таких школах, где преподавание шло на китайском языке, получало образование большинство корейских *хуацяо*, но без тайваньских субсидий эти школы не смогли бы существовать.

В сентябре 1961 года только что пришедшее к власти в Сеуле военное правительство издало «Закон о принадлежащей иностранным гражданам недвижимости», который резко ограничил право иностранцев владеть собственностью. Всем было очевидно, что закон направлен против китайцев, так как никаких других постоянно проживающих иностранцев в Корее тогда не наблюдалось. Согласно закону 1961 года и его более поздним версиям, китайцам не разрешалось владеть земельными участками суммарной площадью более 200 *пхён* (примерно 660 м²). Иностранцам (то есть китайцам) нельзя было иметь в собственности пахотную землю, что сделало для них невозможным занятия сельским хозяйством. Кроме того, им разрешалось иметь в собственности не более одного жилого дома или квартиры, а площадь принадлежащих им

производственных и офисных помещений не могла превышать 50 *пхён* (165 м²). Пытаясь обойти новые ограничения, многие китайцы срочно перерегистрировали принадлежавшую им недвижимость на имя корейских друзей или жён, если те были гражданками Кореи. Некоторые из них стали жертвами обмана, но многим удавалось и дальше вести бизнес через подставных лиц.

До недавнего времени принятие южнокорейского гражданства было делом непростым. Дети, рождённые в браке между китайцем и корейкой, не могли претендовать на гражданство Южной Кореи, так как до конца 1990-х гг. в Корею гражданство детей автоматически определялось гражданством их отца.

Ограничения на владение недвижимостью и запрет на занятие почти всеми престижными профессиями означал, что корейские *хуацяо* могли владеть только небольшими фирмами, чего, собственно, авторы дискриминационного законодательства и добивались. На практике едва ли не единственной из традиционных областей деятельности, в которой и при таких условиях у китайцев имелись конкурентные преимущества, был ресторанный бизнес.

В 1948 году в Корею было всего 332 китайских ресторана, а в 1972 году в одном только Сеуле их насчитывалось более 2000. К началу шестидесятых годов ресторанным бизнесом занималась примерно половина всех китайских семей Кореи, а к концу семидесятых доля тех, кто владел ресторанами или работал в них, достигла среди местных китайцев 77%. Иначе говоря, из-за этнической дискриминации (а также объективной ситуации на рынке труда и рынке услуг) южнокорейские *хуацяо* превратились в общину рестораторов.

До начала семидесятых корейским китайцам не оставалось ничего, кроме как терпеть, приспосабливаться к дискриминации и стараться существовать в предлагаемых им

Улица китайских ресторанов в Инчхоне, где китайцы живут с конца XIX века. Этот исторический квартал сейчас во многом превращён в туристский объект, но рестораны там по-прежнему принадлежат китайцам, и готовят в них вкусно

обстоятельствах. Выбора у них, в общем, не было. Они не могли покинуть Корею, так как ехать им было и некуда, и не на что. На Тайване, гражданами которого они формально являлись, их никто не ждал, ведь островное государство в те времена жило очень небогато. Невозможно было и уехать на Запад, так как в те расистские времена ни одна западная страна не была готова принимать *цветных иммигрантов*. Однако около 1970 года ситуация изменилась, и начался постепенный отток хуацяо: часть уехала на Тайвань, но большинство предпочло переселиться в США и Европу.

В результате массовой эмиграции китайская диаспора, численность которой в середине семидесятых достигала 40 000 человек, начала сокращаться. В настоящий момент в Корее на постоянной основе проживают всего лишь 20 000 хуацяо с гражданством Тайваня — это потомки переселенцев 1884–1944 гг.

В последние два десятилетия отношения к китайской общине изменилось в лучшую сторону, и многие дискриминационные ограничения исчезли. Однако перемены эти начались слишком поздно: старая китайская община умирает. Тем не менее постепенное исчезновение старой общины не означает конца китайского присутствия в Корее. Наоборот, после установления дипломатических отношений с Китаем в 1992 году этнические китайцы приезжают в Корею в доселе невиданных количествах — сейчас их более миллиона. Однако это уже совсем другая община: и по статусу, и по составу, и по установкам и целям.

До недавнего времени Южная Корея отнюдь не являлась страной, куда стремились иммигранты: наоборот, она была страной, из которой люди стремились уехать, равно как и важным источником поставок рабочей силы на мировой рынок. О корейских рабочих за рубежом пойдёт речь в следующей главе.

1963 г. — первая группа корейских рабочих прибыла в Германию

В настоящее время Южная Корея является одним из крупных импортёров рабочей силы: в 2019 году в стране насчитывалось около 1,3 млн иностранных рабочих, причём, скорее всего, их число в обозримом будущем будет только расти.

Между тем ещё несколько десятилетий назад никто и представить себе не мог, что Южная Корея, считавшаяся в экономическом плане случаем совершенно безнадёжным, со временем станет страной, привлекательной для трудовых мигрантов. Наоборот, в 1960-х и 1970-х гг. она сама была одним из основных экспортёров дешёвой рабочей силы на мировом рынке труда. В современном мире Южная Корея — это единственная страна, за время, существенно меньшее, чем продолжительность жизни одного поколения, превратившаяся из крупного поставщика трудовых мигрантов в важного потребителя их услуг.

Когда в 1961 году к власти пришёл генерал Пак Чон-хи, его правительство было полно решимости сдвинуть положение дел в стране с мёртвой точки. Однако Корея была практически банкротом: у неё не было ни природных ресурсов, ни промышленности, ни технических знаний, ни капитала.

Однако, несмотря на полное отсутствие полезных ископаемых, у Кореи был один ресурс, который, как показали

Типичная сельская дорога в Корее, лето 1966 года.
В те времена воловья упряжка была главным транспортным средством в деревне,
а асфальтированных дорог за пределами городов
практически не существовало

последующие события, оказался определяющим — сами корейцы, их руки, их головы и их готовность в самых тяжёлых условиях трудиться с максимальной ответственностью и, скажем прямо, за более чем скромную плату.

Поэтому одним из направлений развития южнокорейской экономики в годы правления генерала Пака стал экспорт рабочей силы: на мировом рынке труд корейских работников можно было продать намного дороже, чем в родной Корее.

Самой первой главой в истории экспорта рабочей силы из Кореи стала отправка на работу корейских шахтёров и медсестёр в Германию. В первые послевоенные десятилетия Западная Германия переживала экономический бум, одним из следствий которого стала острая нехватка рабочей

силы. Стремясь найти рабочих для заводов и фабрик, германские предприниматели активно брали на работу и турецких, и югославских, и португальских гастарбайтеров, фактически зазывая их в страну. Президент Пак договорился с правительством ФРГ, что Корея будет отправлять своих рабочих-мужчин трудиться в шахтах, а женщин — работать медсёстрами в больницах. Германская сторона рассматривала это как немалую услугу со стороны Кореи, и готовность эту услугу оказать помогла Сеулу получить льготные займы, в которых страна тогда остро нуждалась.

Первая группа корейских рабочих прибыла в Германию в 1963 году, а последнюю отправили туда в 1980 году. На первый взгляд программа была не такой уж масштабной: общее число корейцев мужского пола, которые поработали в немецких шахтах, за всё время действия программы составило 7936 человек. За это же время в Германию было направлено 10 032 женщины-медсестры, так что суммарная численность участников программы составляет 18 000 человек.

18 000 рабочих — это, конечно, немного, особенно если сравнивать с куда более масштабными проектами по отправке корейских гастарбайтеров на строительство объектов на Ближнем Востоке, которые осуществлялись в семидесятые и восьмидесятые и о которых у нас речь пойдёт дальше. Необходимо, однако, учитывать, что в начале 1960-х гг. Южная Корея была одной из беднейших стран мира: разрыв в доходах между нищей Кореей и процветающей Германией был огромен. Корейским рабочим платили более или менее стандартную, по немецким меркам, зарплату, а жили они очень скромно, экономя буквально каждый пфенниг. Благодаря этому рабочие могли отправлять домой в среднем 80% своих доходов (после вычета расходов на проживание). В отдельные периоды в середине 1960-х гг. общий объём их денежных переводов достигал 2% ВВП Южной

Кореи: более чем впечатляющая сумма, если учесть, что мы говорим об очень небольшой группе людей.

Основную часть шахтёров составляли мужчины в возрасте 20–29 лет, порой женатые и часто — с хорошим образованием. Конкурс был огромным: на 500 мест в первой группе заявки подали 46 000 человек. Для успешного прохождения отбора нужно было иметь хорошую физическую форму, а вот профессиональные навыки большой роли не играли, поэтому прибывающие в Германию рабочие, как правило, мало что понимали в шахтёрском труде. В течение первого месяца после приезда они проходили ускоренную подготовку, а затем отправлялись в шахты, часто располагая словарным запасом из двух-трёх десятков немецких слов.

Условия были тяжёлыми — в иных условиях трудовые мигранты обычно нигде и не работают. Трудиться приходилось на глубине до километра, при температуре 35–40 градусов. Проживали рабочие в общежитиях, по несколько человек в небольшой комнате с минимумом удобств. Типичный трудовой контракт заключался на три года. По истечении этого срока у многих на счету по-прежнему не было никаких денежных накоплений: всё заработанное они немедленно отсылали домой.

Медсёстрам тоже было нелегко. Постоянное одиночество и тоска по дому создавали дополнительное нервное напряжение. У некоторых девушек появлялись проблемы с психикой, случались и самоубийства. Конечно же, медсёстры тоже отчаянно экономили, и всё, что только могли, отправляли на родину.

Чтобы как-то смягчить проблемы, вызванные одиночеством и ностальгией, южнокорейские консульства по выходным устраивали для шахтёров и медсестёр смешанные туристические поездки (мало кто из корейских рабочих овладевал немецким языком в достаточной степени, чтобы

свободно общаться с местными жителями). Как правило, молодых людей возили в Париж. В результате таких туристических поездок — как и было задумано — завязывалось множество романов и появлялись новые семьи.

Был ещё один способ познакомиться с девушкой. В выходной день шахтёр арендовал машину (желательно — лучше) и отправлялся в общежитие, где жили корейские медсёстры. Затем он наугад нажимал кнопку звонка одной из многочисленных комнат. Девушка, которой позвонили, вскоре появлялась на пороге и получала приглашение прокатиться на машине. Приглашение могло быть принято, но могло быть и отвергнуто. В случае согласия девушки дальнейшее развитие — или неразвитие — событий определялось, понятно, наличием или отсутствием взаимного интереса.

С середины 1970-х гг. программа экспорта рабочей силы в Германию начала терять смысл. Причины, как всегда, были экономическими. С середины 1960-х гг. в Южной Корее наблюдался рекордный экономический рост, в то время как экономическое развитие Западной Германии начало замедляться, и особой потребности в иностранной рабочей силе она больше не испытывала. Корейским рабочим в ФРГ всё настойчивее давали понять, что в их услугах больше не нуждаются, в то время как в самой Корее желающих отправляться в немецкие шахты тоже становилось всё меньше. В результате около 1980 года программа была прекращена.

Далеко не все участники программы, однако, вернулись на родину — около трети так и остались за рубежом. Большинство этих *невозвращенцев* были медсёстрами: примерно 4500 кореянок остались в Германии. В подавляющем большинстве случаев причины были личными: девушки вышли замуж за немцев. Предпочли остаться в Германии (и других европейских странах) по истечении срока контрактов

и несколько сотен южнокорейских шахтёров. Однако в отличие, скажем, от рабочих из Югославии или Турции, которые тоже массово приезжали в Германию с 1960-х гг., подавляющее большинство корейских мужчин, отработав свой контракт, вернулись домой. Впрочем, ничего удивительного в этом нет: в Корее у них было будущее, так как темпы экономического роста в стране били мировые рекорды.

Около 1970 года корейское правительство нашло новый способ привлекать иностранную валюту за счёт дешёвой рабочей силы — участие в зарубежных строительных проектах. По сравнению с пилотной программой поставок рабочей силы в Германию новые проекты были куда более впечатляющими.

История участия Кореи в мировом строительном бизнесе началась ещё в середине 1960-х гг., когда корейские компании (прежде всего Hyundai) были вовлечены в крупномасштабные проекты в Юго-Восточной Азии. Участие США в продолжавшихся тогда войнах во Вьетнаме и Индокитае создавало спрос как на инфраструктуру, так и на военные объекты. И то и другое корейские рабочие могли построить быстро и дёшево. Первым проектом корейцев стало шоссе Паттани — Наратхиват, которое было построено в Таиланде в конце 1960-х гг.

Однако самым перспективным регионом для экспорта рабочей силы вскоре стал Ближний Восток. Нефтяной кризис 1973 года привёл к внезапному увеличению доходов стран — экспортёров нефти, правительства которых стали искать способы потратить внезапно обрушившиеся на них несметные богатства. Южнокорейские компании, в свою очередь, были готовы соблюсти все их требования и сроки. С точки зрения Южной Кореи нефтяной кризис и последовавшее за ним резкое повышение цен на жидкое топливо означали, что ей придётся платить гораздо больше

Южнокорейские рабочие строят дорогу на Ближнем Востоке —
один из проектов гигантской строительной фирмы
Daewoo Engineering and Construction

за импорт жизненно важных для экономики товаров, а значит — стране в новых условиях требовалось больше твёрдой валюты. Таким образом, интересы обеих сторон совпали. В то время как шахтёры и медсёстры начали покидать Германию, десятки тысяч корейских рабочих стали отправляться на Ближний Восток.

Корейский подход отличался от подхода других иностранных компаний, работавших в том же регионе. Корейцы присылали на объекты не только инженеров и техников, но и рабочих. Весь штат — вплоть до уборщиц — состоял из корейских сотрудников, которые жили в больших лагерях, часто расположенных буквально в пустыне.

Самым крупным южнокорейским строительным проектом 1970-х гг. был порт Эль-Джубайль, гигантский танкерный терминал в Саудовской Аравии. Президент Пак наказал своему давнему соратнику Чон Чу-ёну, в то время возглавлявшему Hyundai Group, заполучить проект любой ценой. Это означало прежде всего то, что работу нужно было выполнить с минимальными затратами. Сумма контракта, предложенная на тендере корейской компанией (\$930 млн), была самой низкой, некоторые конкуренты просили вдвое больше. Тем не менее в 1976 году \$900 млн соответствовали примерно половине годового бюджета Кореи. Предложенная сумма не основывалась на каких-либо расчётах. Её назвал один из топ-менеджеров, хотя, на самом деле, головной офис Hyundai был готов на ещё более низкую цену. В Корею 1976 года никто толком не знал, как рассчитать бюджет такого огромного проекта.

Порт Эль-Джубайль был игрой, которая, как выяснилось позднее, стоила свеч. Риски присутствовали во всём. Например, для строительства потребовалось девятнадцать партий стальных труб. Судам, доставлявшим этот груз, надо было пересечь зоны активности тайфунов в двух океанах, при этом ни одно из судов не было застраховано: глава Hyundai посчитал, что страховаться будет слишком уж затратно.

Строительство осуществлялось как военная операция. Большинство из трёх с лишним тысяч рабочих, нанятых Hyundai, только что демобилизовались после окончания срочной службы в армии, так что жизнь в лагерях была для

После работы можно и расслабиться — южнокорейские рабочие после смены, скорее всего, где-то в аравийских пустынях

них продолжением недавней жизни в армейских казармах. Многие бригады и иные начальники низшего звена вышли из рядов армейских сержантов. Командные навыки и дисциплина были главными требованиями — не в последнюю очередь потому, что любые инциденты, вызванные присутствием *язычников* или *христиан*, оттолкнули бы местное мусульманское население.

Именно корейские рабочие обеспечили успех многочисленных ближневосточных строительных проектов в 1970–1985 гг. В те времена технологии обычно предоставлялись западными субподрядчиками — у Кореи ещё не было опыта. Однако корейцы брались за реализацию проекта на месте и — главное — обеспечивали его рабочей силой, причём последнее имело решающее значение: корейцы работали хорошо.

Великая эпоха корейских зарубежных строительных проектов закончилась в 1980-х гг., когда рост заработной платы в самой Корее сделал поставки рабочей силы экономически невыгодными. А через десять лет, примерно с 1990 года, разбогатевшая Корея сама начала привлекать трудовых мигрантов из-за рубежа. Впрочем, корейская индустрия строительства объектов за рубежом по-прежнему процветает, обходясь теперь без корейской рабочей силы (корейцы на таких проектах сейчас — инженеры и техники).

Южная Корея, как ясно из её официального названия (Республика Корея), является республикой. Однако в стране живут потомки корейских королей династии Ли, судьба которых после низвержения монархии является темой следующей главы.

ПРИНЦЫ РЕСПУБЛИКИ: КОРЕЙСКАЯ КОРОЛЕВСКАЯ СЕМЬЯ В КОЛОНИАЛЬНЫЕ ВРЕМЕНА И ВО ВРЕМЕНА РЕСПУБЛИКИ

1963 г. — в Сеул возвращается Ли Ын,
последний наследный принц династии Ли (Чосон)

До 1910 года, то есть до момента превращения в японскую колонию, Корея была абсолютной монархией. Королевством Чосон, как тогда называлась Корея, с 1392 года правила династия Ли.

Основателем династии был генерал Ли Сон-ге, который в 1392 году совершил государственный переворот и низверг правившую на протяжении почти четырёх веков династию Корё (монархи той династии носили фамилию Ван). Переворот сопровождался уничтожением всех ближайших родственников низвергнутого короля, вне зависимости от пола и возраста. Ничего необычного в этом нет — сам по себе монархический принцип правления предусматривает, что любой представитель низвергнутого рода по определению представляет опасность, которую зачастую и ликвидируют самым радикальным образом.

Однако династии Ли повезло — те, кто отстранил её от власти в начале XX века, поступили с её потомками

совсем не так, как Ли Сон-ге некогда поступил с отпрысками свергнутой династии Корё. Потомки королей и в наши дни живут в Корее (и некоторых других странах).

Каждый кореец принадлежит к определённом клану (этнографы предпочитают называть подобные объединения мудрым словом *линъяж*). О принадлежности к клану говорит не фамилия сама по себе, а сочетание фамилии со специальным дополнительным индикатором — так называемым поном. В качестве *пона* обычно выступает название того места, откуда происходит легендарный или реальный основатель клана. Таким образом, можно говорить о «Кимах из Кимхэ», «Паках из Миряна» и, конечно же, о «Ли из Чончжу». Именно к клану Ли из Чончжу относился генерал Ли Сон-ге, основавший династию, которая правила в стране в 1392–1910 гг.

Основателем клана Ли из Чончжу являлся некий Ли Хан, живший в середине VIII века, то есть во времена Объединённого Силла, который был чиновником среднего ранга. В настоящее время в клан Ли из Чончжу входит ни много ни мало 2,631 млн человек, что делает его одним из крупнейших кланов Кореи. По своей численности он находится на третьем месте, уступая только кланам «Кимов из Кимхэ» (4,5 млн членов) и «Паков из Миряна» (3,1 млн). Впрочем, надо помнить, что далеко не все, кто сейчас причисляет себя к клану, на самом деле являются потомками легендарного чиновника середины VIII века. В кланы зачастую попадали путём усыновления, а иногда в генеалогические книги можно было попасть и за взятку. Кроме того, в XIX веке, когда в Корее было окончательно ликвидировано крепостное право, многие бывшие крепостные приписали себя к кланам бывших владельцев.

Последние полтора века своей истории правящему дому сильно не везло с сыновьями. Корейские короли по традиции

имели немало наложниц, однако как-то так получалось, что короли, правившие Кореей в XIX веке, зачастую не имели детей мужского пола, так что власть приходилось передавать не очень близким родственникам.

Последним корейским королём, реально управлявшим страной, был король Кочжон, который вступил на престол ещё подростком в 1863 году и правил до 1907 года. Строго говоря, Кочжона звали Ли Мён-бок, но по установившейся традиции и короли, и ближайшие их родственники всегда именовались по официальным титулам, а не по именам. Сейчас обычно используются официальные тронные имена королей, которые, кстати сказать, самим этим монархам были неведомы, — эти имена давались уже после смерти правителей. Для удобства читателя здесь исторические персонажи будут именоваться по имени и фамилии, иногда — с упоминанием титула (хотя обычно в корейских текстах королей и их ближайших родственников и в наши дни именуют по титулам, а не по личным именам).

У короля Кочжона было девять сыновей и четверо дочерей. Однако до совершеннолетия дожили всего четверо из них — трое сыновей и дочь. Что же, один выживший из троих рождённых — это, как хорошо знают историки и демографы, вполне обычная пропорция для времён «экологически чистых продуктов» и «здорового образа жизни».

Когда в 1907 году Кочжон под давлением японцев отрёкся от престола, его преемником стал Ли Чхок, старший сын короля, известный под тронным именем как король (формально — император) Сунчжон. Он формально правил Кореей с 1907 по 1910 год. Реальной власти он уже не имел и являлся, скорее, марионеткой в руках японских чиновников. Сунчжон (Ли Чхок) был бездетным и умер в 1926 году.

После потери страной независимости японцы постарались привлечь на свою сторону значительную часть

Открытка 1911 года показывает только что отстранённую от власти корейскую королевскую семью. Вверху — король Коджон, слева — главная жена Коджона госпожа Юн, справа — сын Коджона и (недолгое время) король Сунчжон, внизу — сын Коджона Ёнчхин-ван (Ли Ын)

традиционной аристократии и, разумеется, королевский дом. Королю Кочжону был оставлен в собственность дворец Токсугун, а его недолго правивший сын Сунчжон получил от японской колониальной администрации в своё распоряжение дворец Чхандоккун.

Обоим экс-королям был оставлен небольшой штат обслуживающего персонала, так что они продолжали жить в немалом комфорте. Когда в 1911 году в Корее появились первые два автомобиля, один из них предназначался японскому генерал-губернатору, а другой — корейской королевской семье. В целом королевской семье колониальные власти предоставляли огромные субсидии. В 1911 году субсидии королевской семье, в которой насчитывалось несколько

десятков человек, составляли 3% всего бюджета колонии (впоследствии их доля сократилась до 1%, но, поскольку бюджет с течением времени рос, в абсолютных цифрах субсидии даже несколько выросли). Понятно, что эти субсидии должны были гарантировать если не поддержку со стороны королевской семьи, то, по крайней мере, её осторожное поведение. Как мы увидим, подход этот сработал, но только отчасти.

Вторым сыном Кочжона был Ли Ган (корейцы чаще называют его по титулу — Ёйчхин-ван), родившийся в 1877 году от одной из королевских наложниц. В молодые годы он недолго учился в США и немного поездил по миру, а потом стал одним из командиров корейской армии.

Из всех членов правящего дома Ли Ган, пожалуй, был наиболее тесно связан с национально-освободительным движением. В 1919 году он даже попытался бежать в Китай, чтобы присоединиться к силам антияпонского сопротивления. Впрочем, побег не удался, и Ли Ган оказался под пристальным наблюдением японских властей, фактически под домашним арестом. Тем не менее японцы платили ему немалое содержание, которого хватало на вполне обеспеченную жизнь. С годами Ли Ган, кажется, потерял интерес к политической борьбе — возможно, потому, что японская власть и ему, и многим другим казалась тогда вечной. Ли Ган сосредоточился в основном на личной жизни и своих многочисленных романах, которые, надо сказать, пошли на пользу королевскому дому — все ныне здравствующие потомки короля Кочжона являются именно отпрысками Ли Гана, в то время как все остальные линии пресеклись.

Освобождение страны Ли Ган встретил в Сеуле. Однако пришедший к власти после 1945 года в Южной Корее президент Ли Сын-ман относился к династии Ли крайне недоброжелательно. В начале Корейской войны Ли Ган оказался

в Сеуле и на протяжении нескольких месяцев жил в городе, в июле — сентябре 1950 года находившемся под управлением красных. Как ни странно, его не тронули, хотя многие члены корейской аристократии были тогда арестованы и расстреляны. Однако, когда красные стали подходить к Сеулу во второй раз в начале января 1951 года, Ли Ган и его женщины (которых было, как легко догадаться, несколько), решили не рисковать и вместе с большинством населения корейской столицы переправились в Пусан. Надо признать, что наследный принц вёл в Пусане отнюдь не королевскую жизнь. Как и другие беженцы, принц, его жена, наложницы и дети недоедали и жили в крайней нужде.

Умер Ли Ган (Ыйчхин-ван) в Сеуле в 1955 году, причиной смерти стало подорванное за время полуголодной пусанской жизни здоровье. Сейчас, пожалуй, из всех трёх сыновей Кочжона именно он пользуется наибольшей популярностью — в первую очередь в силу своих связей с национально-освободительным движением. Однако умер он в нищете, забытый всеми, кроме своих детей и женщин. О его смерти сообщили лишь некоторые газеты, опубликовавшие короткие некрологи.

Третьим из выживших сыновей Кочжона был Ли Ын, известный под титулом Ёнчхин-ван. Он родился в 1897 году, а в 1907 году по требованию Ито Хиробуми, представлявшего японскую власть в Сеуле, был отправлен на учёбу в Токио — сначала в школу, а потом в военное училище.

Ли Ын сделал карьеру в японской армии, дослужившись до генерал-лейтенанта, — в частности, он командовал дивизией. Неясно, впрочем, отражал ли этот успех его военные таланты или же был просто частью японской политики, которая во многом была направлена на задабривание корейской аристократии и королевского рода.

Ли Ына женили на японской принцессе императорской крови Масако. Брак оказался на удивление удачным, так что корейцы, несмотря на неприязнь к японцам вообще и к японской императорской династии в особенности, и поныне очень хорошо относятся к жене Ли Ына, которая впоследствии приняла гражданство Республики Корея и известна на своей второй родине под корейским именем Ли Пан-чжа. У Ли Ына и Ли Пан-чжа был только один ребёнок, Ли Гу, о котором мы поговорим дальше. Однако Ли Гу умер бездетным, так что эта линия рода Ли в итоге пресеклась.

После окончания Второй мировой войны Ли Ын хотел вернуться в Сеул. Однако Ли Сын-ман, об отношении которого к корейской королевской династии уже говорилось, считал, что отпрыску королевского рода, да ещё служившему на высоких постах в Японской императорской армии, места на корейской земле нет.

Ситуация изменилась только в 1962–1963 гг., когда на смену Ли Сын-ману пришёл военный режим генерала Пак Чон-хи. Пак Чон-хи не только не возражал против возвращения Ли Ына и его жены Ли Пан-чжа в Сеул, но даже был готов помочь им с обустройством на исторической родине. Возвращение состоялось летом 1963 года, однако оказалось невесёлым. То ли перед самым вылетом, то ли уже непосредственно в самолёте с Ли Ыном случился инсульт, так что оставшиеся годы жизни (он умер в мае 1970 года) он провёл прикованным к постели. Ли Пан-чжа преданно заботилась о муже, чем, надо сказать, снискала немалую симпатию среди корейцев. По распоряжению Пак Чон-хи Ли Ын и другие члены семьи короля Кочжона получили в своё распоряжение часть дворца Чхандоккун, которая и оставалась в их пользовании до конца 1980-х гг.

Рассказав о судьбе трёх сыновей Кочжона, надо упомянуть и о его дочери — принцессе Токхе (как и полагалось

Официальная фотография Ли Ына и его жены – принцессы Масако (Ли Пан-чжа),
сделанная перед их свадьбой

девушке из хорошей семьи, личного имени она не имела — только титул). Токхе была выдана замуж за отпрыска японского княжеского рода Со, почти восемь столетий правившего островом Цусима. Выбор был неслучаен: на протяжении долгого времени именно цусимские князья из клана Со отвечали за отношения Японии с Кореей.

В отличие от брака Ли Ына и принцессы Масако, брак принцессы Токхе оказался неудачным: отношения между супругами постепенно разладились. С конца 1930-х гг. у принцессы стали появляться признаки душевной болезни, которая с течением времени обострялась. Всё кончилось тем, что Токхе была госпитализирована и провела остаток своей долгой жизни в психиатрических лечебницах — сначала в Японии, а с начала 1960-х гг. — в Корее.

Трагически сложилась и судьба её единственного ребёнка. Дочь принцессы Токхе, носившая японское имя Со Масаэ, в 1956 году, когда ей было всего лишь 24 года, бесследно пропала, оставив короткое прощальное письмо, из которого можно было предполагать, что она собирается совершить самоубийство. Её останки были найдены в горной долине спустя несколько десятилетий.

Самой заметной (и отчасти самой скандальной) фигурой среди многочисленных внуков Кочжона являлся, пожалуй, Ли Гу, родившийся в 1931 году. В последние годы жизни Ли Гу являлся председателем Совета клана Ли из Чончжу и считался своего рода виртуальным наследником корейского престола — хотя в качестве наследника его никто, включая и самого Ли Гу, не воспринимал всерьёз.

Ли Гу провёл детство в Японии, его родным языком был японский, а по-корейски он до конца жизни говорил с некоторым трудом. После войны Ли Гу учился на архитектора в США, где окончил престижный Массачусетский технологический институт (MIT) и принял американское

гражданство. Там же он женился на американке российско-украинского происхождения Юлии Мулло — впрочем, в семье брак виртуального наследника с белой женщиной скромного происхождения не одобрили, и в итоге супруги расстались, прожив вместе около 20 лет. После этого у Ли Гу был роман с японкой-астрологом, но в брак формально они не вступали, и детей у них не было.

Карьера Ли Гу была, скажем прямо, весьма бурной. Он, судя по всему, был неплохим архитектором и инженером, однако у него возникали проблемы из-за его постоянных попыток заниматься собственным бизнесом, который у него не ладился. Ли Гу жил то в США, то в Японии, то в Южной Корее. В 1996 году он стал председателем Совета клана Ли из Чончжу — должность, которую и занимал до смерти в 2005 году. Скончался он в Японии, в отеле, в который была переделана резиденция его отца, генерала Ли Ына, — то есть умер в том же доме, где был рождён.

После смерти Ли Гу должность председателя Совета клана Ли из Чончжу перешла к Ли Вону — родившемуся в 1962 году сыну Ли Гана (Ыйчхин-вана). Его отец, как мы помним, был средним из трёх сыновей последнего корейского короля Кочжона — и единственным из четырёх отпрысков Кочжона, линия которого продолжается и в наши дни.

До превращения в *виртуального наследника* корейского престола Ли Вон жил обычной жизнью члена корейского среднего класса (скорее, впрочем, верхов корейского среднего класса). Он окончил Нью-Йоркский технологический институт. Проработав некоторое время в США по специальности — продюсером на кабельном телевидении, он вернулся в Корею, где также работал на телестудиях — в частности, был менеджером среднего уровня в компании Hyundai Home Shopping (не самая обычная работа для принца, пожалуй).

В 2005 году Ли Вон стал руководителем Совета клана Ли из Чончжу. Работа эта является достаточно хлопотной, так как он должен принимать участие в жертвоприношениях покойным корейским королям. В принципе, каждый год Ли Вон в качестве главы Совета клана должен принять участие как минимум в 50 подобных ритуалах, хотя на практике их существенно больше. В качестве председателя Совета Ли Вон получает субсидии от Министерства культуры — примерно \$100 000 в год, которые он, впрочем, не может использовать на личное потребление, а только на служебные и командировочные расходы. Таким образом субсидируется организация ритуалов, связанных с культом покойных корейских королей и их родственников.

Говорить о ныне здравствующих потомках Кочжона сложно, ибо их очень много. Связано это исключительно с активной личной жизнью Ли Гана, который стал отцом 12 сыновей и 9 дочерей (от разных женщин: у него была одна жена, но множество наложниц). Благодаря усилиям Ли Гана род потомков Кочжона в обозримом будущем едва ли пресечётся.

Среди потомков Кочжона есть несколько людей с весьма интересными биографиями.

Одним из сыновей Ли Гана является Ли Сок (Ли Хэ-сок), который, окончив испанское отделение Корейского университета иностранных языков, избрал карьеру эстрадного певца. Ли Сок исполняет характерные для корейской эстрады песни в жанре *трот* (сентиментальные и тягучие, отчасти напоминающих песни советской эстрады шестидесятых). В своё время его решение стать певцом вызвало немалое раздражение в клане Ли, но родственники не смогли воспрепятствовать его выбору. В итоге Ли Сок добился определённых успехов на поприще, скажем так, южнокорейской

традиционной поп-музыки (кстати, мало похожей на тот К-поп, что ныне известен во всём мире).

Похоже, Ли Сок — единственный из потомков Кочжона, время от времени заявляющий о правах на престол (впрочем, не исключено, что тут имеет место специфический рекламный приём). Именно он активно взаимодействовал с крохотным сообществом корейских монархистов, во главе которых стоит отставной профессор одного из сеульских университетов Ан Чхон.

Родившаяся в 1980 году Ли Хон, дочь Ли Сока (и, соответственно, правнучка короля Кочжона), пошла по стопам отца и стала актрисой. Впрочем, главных ролей ей не доставалось, славы особой она не стяжала, и в последние годы о ней, в общем, ничего не слышно. Другая дочь Ли Сока стала довольно известным в профессиональных кругах мастером-керамистом. Во время своих интервью эта королевская правнучка пресекает разговоры о своей родословной и подчёркивает, что в наши дни монархизм невозможно воспринимать всерьёз.

Нынешний глава кланового Совета Ли Вон, как мы помним, не является старшим сыном принца Ли Гана. Связано это с тем, что судьба старшего сына Ли Гана сложилась неожиданно. Он, в отличие от отца, связанного с антияпонским национально-освободительным движением, с юности стал преданным подданным японского императора. Сын Ли Гана взял себе японское имя и всю оставшуюся жизнь был известен как Момояма Кэнъити. После войны Момояма Кэнъити, подполковник японской армии, оказался в буквальном смысле на улице и выживал, занимаясь мелочной торговлей с лотков (жена, японская аристократка, его бросила). Впрочем, со временем, когда закончились трудные времена, Момояма стал мелким административным работником, а к концу жизни был

даже избран председателем Японского клуба любителей классических автомобилей. История автомобилей всегда была хобби подполковника Момоямы, который в старости много писал на эти темы.

Момояма Кэнъити, хотя и являлся внуком последнего короля, никогда не выказывал никакого интереса к своим корейским корням. Его дети, ныне живущие в Японии, вообще узнали о том, что являются потомками корейской королевской династии, уже в довольно зрелом возрасте. Один из них сказал в интервью, что, по его мнению, родители скрывали от них королевское происхождение для того, чтобы следующее поколение чувствовало себя более свободным в выборе жизненных путей. Эти правнуки Кочжона сделали довольно неплохую карьеру — один из них стал популярным учителем (а потом и вице-директором) в самой, пожалуй, престижной средней школе Японии, да и остальные потомки подполковника Момояма тоже вполне преуспевают.

Потомки Кочжона живут не только в Японии. Одна из дочерей Ли Гана, Ли Хэ-гён, предпочла поселиться в Соединённых Штатах. Она окончила Университет Ихва в Сеуле и отправилась учиться в Америку, где в итоге осталась на всю жизнь. До самой пенсии, почти сорок лет, она проработала библиотекарем в Колумбийском университете в Нью-Йорке. В отличие от своих японских племянников, упомянутых выше, Ли Хэ-гён не забывала о своём происхождении — наоборот, её перу принадлежит несколько книг, посвящённых истории династии Ли.

Таким образом, подобно потомкам многих других низвергнутых династий, потомки последних корейских королей оказались рассеяны по планете. Однако они, в отличие от многих других несостоявшихся наследников, не имеют никаких политических амбиций и в своём подавляющем большинстве даже не притворяются, что собираются

когда-нибудь вернуться на давно не существующий корейский престол. Большинство из них стали обычными представителями среднего класса и лишь изредка вспоминают о своём необычном происхождении.

Можно предположить, что большинство потомков корейских королей ведут такой образ жизни, который поверг бы в шок их коронованных предков — в том числе и потому, что обходятся без личной прислуги.

1967 г. — начало масштабного строительства
на острове Ёйдо

Упоминание острова Ёйдо вызывает у современных корейцев совершенно определённые ассоциации. Этот остров на реке Ханган является средоточием южнокорейской политической жизни. Здесь располагаются парламент, штаб-квартиры важнейших корпораций и экспертно-аналитические центры. При этом, если вы приедете на Ёйдо, вы обязательно заметите, насколько новым здесь всё выглядит. И, действительно, район, играющий важную роль в современной корейской политике, был построен с нуля всего около полувека назад.

На протяжении почти всей своей истории Сеул располагался на правом (северном) берегу реки Ханган, поэтому Ёйдо, песчаный остров в нескольких километрах от юго-западной окраины города, примыкающий к южному (левому) берегу, не воспринимался как часть столицы. На острове почти не было постоянных жителей, поскольку летом, в дождливый сезон, когда уровень воды в Хангане поднимался на несколько метров, значительная часть территории Ёйдо уходила под воду. Один японский предприниматель, в начале 1920-х гг. основавший на острове животноводческую ферму, познал всё это на собственном горьком опыте. Поначалу ферма работала вполне успешно, но катастрофическое

наводнение 1925 года, самое сильное в истории колониального Кёнсона, практически смыло её с лица земли.

В 1916 году на незатапливаемой части острова был построен аэродром — в выборе места сыграло то обстоятельство, что остров был малонаселён, пустынен и имел идеально ровную поверхность. Подходы к нему тоже были достаточно простыми, так как гор в непосредственной близости от острова нет. В основном аэродром предназначался для военной авиации, но порой им могли воспользоваться также пилоты-любители, а с конца 1920-х гг. отсюда начали осуществляться и регулярные пассажирские рейсы (см. главу 22).

В 1958 году для международных рейсов стали использовать аэропорт Кимпхо, но взлётно-посадочная полоса Ёйдо по-прежнему оставалась едва ли не главной достопримечательностью острова. В начале 1960-х гг. примерно треть территории острова занимал аэропорт, половина представляла собой песчаную пустошь, а оставшаяся часть была занята огородами, на которых крестьяне выращивали лук, кукурузу и бобы.

Как и в случае со многими другими смелыми проектами, которые определили современный облик Сеула, план развития Ёйдо был детищем Ким Хён-ока — харизматичного и гиперактивного государственного деятеля, бывшего мэром Сеула с 1966 по 1970 г. Своё прозвище Бульдозер он заслужил не просто так. В начале 1960-х гг. Ким Хён-ок несколько лет был мэром Пусана, и, когда его назначили столичным градоначальником, рынок уже знал, чего следует ожидать от Ким Хён-ока. В течение первых двух месяцев с момента назначения Кима цены на цемент увеличились на треть. Предприниматели знали, что должно случиться, и оказались правы: Ким начал масштабную программу строительства, не имевшую аналогов в истории города. С его именем связаны первые столичные тоннели, первые эстакадные

На этой фотографии 1966 года Ким Хён-ок, только что назначенный мэром Сеула, занят своим любимым делом — показывает на планах и рисунках, как корейская столица будет выглядеть в будущем

дороги, развитие Каннама, то есть левого (южного) берега реки Ханган и множество других инноваций. Его бурная деятельность едва не разорила Сеул, но сейчас о ней вспоминают с благодарностью.

В 1960-х гг. безопасность столицы являлась для руководства страны более чем актуальной проблемой. Сеул, почти целиком располагавшийся на правом берегу Хангана, был зажат между рекой и демилитаризованной зоной на севере. Военные опасались, что в случае нового нападения Северной Кореи столица и её население окажутся в ловушке — так же, как это произошло в июне 1950 года. Обсуждались и планы переноса столицы (см. главу 47), но в итоге было

решено, что достаточно переместить основные правительственные объекты на южный берег реки Ханган.

Остров Ёйдо, по существу, является частью Каннама, поскольку находится не посреди реки, а плотно примыкает к её левому, южному берегу, от которого отделён только узкой и мелкой протокой. Соответственно, в случае нападения Северной Кореи эвакуация с Ёйдо представлялась менее сложной, чем эвакуация с правого, северного берега, на котором располагались и старый центр столицы, и основные правительственные учреждения: для того чтобы экстренно покинуть Ёйдо, нет необходимости переправляться через широкую и опасную реку. Поэтому и решено было перенести на Ёйдо некоторые государственные учреждения.

Ожидалось, что Ёйдо станет олицетворением нового Сеула, свободного от наследия колониального прошлого и следов бедности. Здесь будут широкие улицы, современные высотные многоквартирные дома, безупречно спланированные прямоугольные кварталы и административные здания из стекла и бетона. Наверное, современного читателя такая картина не особенно впечатлит, но корейцев 1960-х гг. она вдохновляла не меньше, чем советских людей того времени — полёты в космос. Памятники старинной архитектуры, не говоря уж о традиционных городских домах, многими корейцами воспринимались тогда как воплощение отсталости, как напоминание о низком уровне развития страны. Корейцы мечтали о городе сияющих небоскрёбов и многополосных магистралей.

В конце 1960-х гг. группа молодых архитекторов под руководством Ким Су-гына, вице-мэра Сеула, составила грандиозный план строительства на острове. У этого великолепного плана был только один недостаток: он был абсолютно нереалистичным. Стоимость предполагаемого строительства значительно превышала возможности всё ещё очень

бедной Южной Кореи, поэтому его пришлось значительно ужать и сократить (тем не менее проектом до сих пор восхищаются как великолепным теоретическим упражнением в городском планировании). Даже в сильно упрощённой форме план Ким Су-гына оставался весьма амбициозным, ведь в 1967 году, когда начались работы по его реализации, годовой доход на душу населения в Корее составлял \$123, а самым высоким зданием в Сеуле оставалась гостиница «Пандо», построенная ещё на закате колониальной эпохи.

В декабре 1967 года на Ёйдо начались масштабные строительные работы. Поскольку остров был подвержен наводнениям, сюда первым делом стали завозить песок и грунт, чтобы во время паводка поверхность земли оказалась существенно выше уровня воды. Кроме того, с целью предотвращения наводнений вокруг всего острова была построена защитная насыпь общей протяжённостью около семи километров.

В наши дни, когда в Корее со сверхъестественной скоростью строятся огромные здания, мосты и тоннели, сооружение семикилометровой дамбы не кажется сложным делом. Однако в 1967 году такая стройка требовала масштабной мобилизации ресурсов. Для сдачи насыпи в срок пришлось собрать землеройные машины и грузовики со всей страны. При этом значительную часть работ, таких, например, как укладка защитных каменных плит на насыпь, приходилось выполнять вручную. То были времена, когда нехватку современного оборудования компенсировали большим количеством дешёвой рабочей силы. Кадры кинохроники показывают, как на стройке трудятся множество людей, одетых в традиционную одежду и вооружённых инструментами, которые мало чем отличаются от тех, что в XV веке использовались при строительстве городских стен.

На завершённой дамбе были высажены вишнёвые деревья (никогда не называйте их в Корее *сакурой!*). Сейчас там каждую весну проводится знаменитый фестиваль цветущей вишни, самый, пожалуй, знаменитый такой фестиваль в Корее.

Два новых моста соединили остров с правым берегом, обеспечив необходимые транспортные пути. Кстати сказать, Ким Хён-ок поначалу намеревался построить тоннели под дном реки, но для Кореи 1960-х гг. это была несбыточная мечта. Обычные мосты, впрочем, вполне справлялись с задачей.

Главным объектом нового Ёйдо стало внушительное здание Национального собрания, парламента страны, расположившееся на западной оконечности острова (большой купол его крыши до сих пор хорошо виден издалека). Это здание было официально открыто в 1975 году. Неподалёку располагается Библиотека Национального собрания, являющаяся самой крупной в Корее. Кроме того, большинство политических партий, что не удивительно, открыли свои штаб-квартиры поблизости от Национального собрания.

Большой бизнес тяготеет к центрам политической силы, и в конце 1970-х — начале 1980-х гг. головные офисы некоторых ведущих корейских корпораций были перенесены на остров Ёйдо. Корейская фондовая биржа тоже располагается здесь, как и близнецы-небоскрёбы штаб-квартиры LG Group. В «Здании 63», которое на протяжении длительного времени было самым высоким в Восточной Азии, тоже находятся офисы крупных компаний. Наконец, KBS, крупнейшая телерадиокомпания страны, также построила головной офис на Ёйдо. За ней последовали и её главные конкуренты, и Ёйдо постепенно превратился также и в центр теле- и радиовещания.

В октябре 1970 года президент Пак Чон-хи предложил мэру Сеула устроить в центре острова Ёйдо, поблизости от Национального собрания, огромную площадь. Предполагалось, что она станет самой большой площадью в мире: 1350 метров в длину и 300 метров в ширину. На ней должно было хватить места для 500 000–600 000 человек.

Просторной площади было дано название площадь Революции 16 мая. В те дни Революцией 16 мая именовался военный переворот 1961 года, в результате которого к власти пришёл Пак Чон-хи. Иногда здесь проводились масштабные политические мероприятия, из которых, пожалуй, наиболее значительным и запоминающимся событием стала встреча с Папой Римским в мае 1984 года. Позднее, после падения авторитарного правительства, площадь была переименована и получила политически нейтральное название площадь Ёйдо.

Когда архитекторы начали готовить проект площади, они собирались устроить в центре острова обширное пространство, покрытое травой, во многом копируя то, как устроен центр Вашингтона. Однако на эти планы было наложено вето на самом высоком уровне. Дело в том, что гигантская лужайка, о которой мечтали архитекторы, не подходила для решения другой задачи, о которой в то время знали лишь немногие. Согласно правительственным планам, в случае начала войны необычно длинная площадь должна была послужить взлётно-посадочной полосой для эвакуации важнейших государственных учреждений, располагавшихся на острове.

К слову, в конце 1990-х гг. строители обнаружили в районе площади заброшенный бункер, построенный в начале 1970-х. По всей видимости, он был спроектирован в качестве убежища для высших чиновников (находка эта надедала много шума в корейских СМИ).

Однако военные понимали, что огромное открытое пространство в непосредственной близости от парламента и ряда ключевых государственных учреждений могло быть использовано и силами вторжения. Военные опасались, что спецназовцы Северной Кореи, решившие осуществить неожиданный налёт на центр города, могут использовать эту площадь для посадки самолётов с десантом. Поэтому каждую ночь на площади устанавливались заграждения, делавшие невозможной посадку даже лёгких самолётов.

Впрочем, площади этой больше нет. В 1996 году было решено, что огромная бетонная площадка в центре города мало его украшает, и в результате в 1997 году площадь была превращена в парк. Сейчас только необычная вытянутая форма выдаёт её изначальное предназначение как аэродрома для экстренной эвакуации.

Значительная часть острова Ёйдо занята многоквартирными домами, которые были в основном построены в начале 1970-х гг. Они появились там потому, что городскому бюджету был нанесён немалый ущерб амбициозными планами Ким Хён-ока. За время его четырёхлетнего руководства Сеулом городские расходы увеличились в шесть раз, а вот доходная база оставалась неизменной, так что дефицит столичного бюджета достиг угрожающих размеров. Поскольку земля на острове Ёйдо была городской собственностью, мэрия приняла решение о её продаже с целью покрытия накопившихся долгов. В мэрии решили, что, если продавать землю под строительство многоквартирных домов, это принесёт доход, который можно будет использовать для покрытия дефицита городского бюджета. Так на Ёйдо появились многоэтажные микрорайоны. В то время дома, которые сейчас выглядят довольно скромно, являлись самым современным жильём, какое только можно было найти в Корее.

Один из первых микрорайонов многоэтажных домов, который был построен в середине семидесятых на острове Ёйдо.
На снимке видна любопытная особенность многоквартирных домов (апхатхы) того времени: в каждую квартиру вход отдельный, не из привычной нам (и обычной в современной Корее) лестничной клетки, а с опоясывающего здание балкона-галереи

В 1970-е гг. путеводители называли Ёйдо корейским Манхэттенom. Однако к началу 1980-х стало ясно, что острову не суждено сыграть такую роль. Он и сейчас остаётся важнейшим центром сосредоточения государственной власти, но мало кто воспринимает его как воплощение

современной урбанистической культуры. Эта роль бесспорно перешла к Каннаму — другому молодому району, который располагается на левом берегу реки Ханган и развитие которого тоже началось в конце 1960-х гг. (см. главу 48).

Те годы, когда на острове Ёйдо кипело строительство, стали непростым временем для корейского кинематографа, причём парадоксальным образом неприятности ему принесли именно экономические успехи Кореи. Они сделали доступным телевизор, а распространение телевидения положило конец тому периоду в истории корейского национального кинематографа, который и ныне считают его вторым золотым веком.

1960-е гг. — второй золотой век
корейского кинематографа

Восстановление независимости Кореи в 1945 году, как это ни удивительно, стало для кинематографистов серьёзным ударом. Хотя исчезла колониальная цензура, ей на смену тут же пришла цензура правоконсервативных и антикоммунистических режимов, во многих случаях более суровая и подозрительная, чем её предшественница. Независимость также означала разрыв устоявшихся связей с Японией и ознаменовалась началом экономического кризиса. Вдобавок очень скоро на страну обрушился кровавый ураган Корейской войны, и корейское киноискусство стало восстанавливаться только в середине 1950-х гг.

Однако восстановилось оно очень быстро. Сейчас историки корейского кино часто говорят о периоде с начала 1960-х и до начала 1970-х гг. как о *втором золотом веке* корейского киноискусства (подразумевается, что первый имел место в 1920-е и начале 1930-х гг.). Действительно, именно тогда, в 1960-е, работали такие замечательные режиссёры, как Ким Ки-ён, Ли Ман-хи и Син Сан-ок.

Косвенным, но весомым признанием заслуг последнего является то обстоятельство, что он и его жена актриса Чхве Ын-хи в своё время были по специальному распоряжению Ким Чен Ира похищены северокорейской разведкой, так

что Син Сан-ок провёл несколько лет в Пхеньяне, не совсем по своей воле работая своего рода «старшим инструктором» в местной киноиндустрии. В этом качестве он непосредственно общался с Ким Чен Иром (до этого Син Сан-ок имел прямой выход на Пак Чон-хи).

Жанровый репертуар корейского кино того времени отражал особенности аудитории, состоявшей отчасти из молодёжи, а по большей части — из домохозяек. В те времена большинство замужних корейских горожанок не работало, так что у многих замужних дам было время для похода в кинотеатр. Мужчины работоспособного возраста, отцы семейств, как правило, на подобные удовольствия времени не имели, так как им приходилось работать по 12–14 часов в сутки. Поэтому на экранах тогда преобладали сентиментальные мелодрамы, которые не без иронии называли кинофильмами в стиле слезоточивого газа. В 1963 году, например, из 148 полнометражных фильмов, снятых в Южной Корее, к жанру мелодрамы относилась 81 картина. Популярностью пользовались также и истории из семейной жизни, снимать которые было дёшево и которые при этом заведомо вызывали интерес у домохозяек.

Параллельно государство не забывало о пропагандистском потенциале кинематографа и периодически субсидировало съёмки так называемых *антикоммунистических фильмов*, целью которых была демонстрация коварства и бесчеловечной жестокости северного соседа. Впрочем, иногда по разряду антикоммунистических проходили картины, которые в других странах сочли бы военно-приключенческими, то есть картины о недавней Корейской войне (воевали ведь с коммунистами? Значит, картину о войне можно считать антикоммунистической). Любопытно, что неполитические требования цензуры к антикоммунистическим фильмам были мягче, чем ко всей прочей кинопродукции. Например,

Кинотеатр «Кукто» («Столичный») на улице Ыльчжиро.
Как видно из афиш, в кинотеатре идёт костюмная историческая драма
и несколько мелодрам. 1961 год

эротические мотивы, которые в целом беспощадно изничтожались в обычных фильмах, в политически важных лентах могли и пройти через цензурные ограничения. Не случайно, что первый в корейском кино поцелуй показали в 1954 году в антикоммунистическом фильме «Рука судьбы» (целовались там, кстати сказать, роковая, но в чём-то трагическая шпионка-соблазнительница и благородный офицер южно-корейской армии).

В 1962 году новое военное правительство приняло «Закон о кинематографе», который существенно ужесточил цензуру, а также привёл к перестройке всей системы кинопроизводства — её укрупнили, заставив студии и прокатные конторы

сливаться в большие объединения. Некоторые фильмы (например, «Шальная пуля», сейчас неизменно входящая в списки лучших картин корейского кинематографа) были запрещены, как бы выразились в СССР, за *очернение южно-корейской действительности*.

В 1961 году в Сеуле работал 51 кинотеатр, а к 1972 году их число выросло до 118. По данным статистики, в 1966 году житель Сеула посещал кинотеатр в среднем 18,5 раза за год. Для сравнения, в 2015 году этот показатель был в три с лишним раза меньше — 5,9 посещений за год. Наконец, в 1970 году производство фильмов в Южной Корее достигло своего пика. В тот год студии страны произвели 231 полнометражный художественный фильм, то есть в два раза больше, чем было снято за весь колониальный период 1923–1944 гг.

Впрочем, когда житель Сеула (или другого корейского города) шёл в кинотеатр в 1960-е гг., скорее всего, он отправлялся туда вовсе не для того, чтобы посмотреть новый корейский фильм, — с куда большей вероятностью его привлекал очередной американский блокбастер. Действительно, доминирование Голливуда на корейских экранах, начавшееся ещё в 1910-е гг., продолжалось и после восстановления независимости. С другой стороны, японские ленты, игравшие большую роль в колониальные времена, после 1945 года полностью исчезли с южнокорейских экранов. После приобретения независимости в Корее был введён запрет на распространение в стране продуктов японской массовой культуры, к которой были отнесены все без исключения японские фильмы. Запрет был снят только в конце 1990-х гг., в президентство Ким Тэ-чжуна — лидер южнокорейских либерально-демократических сил относился к Японии, пожалуй, с большей симпатией, чем кто-либо ещё из числа южнокорейских президентов (за возможным исключением своего

главного антипода — Пак Чон-хи, в молодости служившего офицером в японской армии).

Чтобы хоть как-то бороться с голливудским доминированием в кинопрокате, южнокорейские власти решили использовать тот же способ, которым когда-то пользовались власти колониальные. В стране была введена система квот на прокат иностранных фильмов, ограничивавшая возможности кинотеатров показывать голливудскую или иную импортную кинопродукцию (как мы помним, подобная система существовала и в конце колониального периода — см. главу 19). Кинотеатры были обязаны показывать отечественные фильмы на протяжении определённого числа дней в году. Конкретные правила, относящиеся к системе квот, часто менялись, но, например, в период с 1966 по 1969 год кинотеатры должны были показывать не менее шести разных корейских лент не менее 90 дней в году. Пика все эти ограничения достигли в 1990-е гг., когда на показ фильмов отечественного производства кинотеатрам полагалось отводить 146 дней. Разумеется, если владельцы кинотеатров хотели, они могли показывать корейские фильмы и чаще — однако почему-то желающих обычно не находилось.

Впрочем, несмотря на всю административную поддержку, на долю корейских фильмов никогда не приходилось и половины национального рынка кинопроката. В 1983 году по объёму выручки за билеты на долю отечественной кинопродукции приходилось 40% рынка, но к 1990 году эта доля снизилась до 20%.

В начале 1970-х гг. произошла некоторая политизация кинематографа — разумеется, в пределах дозволенного цензурой. В частности, с цензурой боролся — и в итоге подорвал здоровье — режиссёр Ха Киль-чжон. Некоторые кинематографисты пытались снимать фильмы, в которых действительность изображалась критически и, разумеется, с левых

позиций (в странах, где у власти находились правые режимы, творческая интеллигенция была, само собой, левой).

Однако в начале 1970-х гг. южнокорейским кинематографистам стало не до идеологических дискуссий. Киноиндустрия страны столкнулась с кризисом, причиной которого стало стремительное распространение в стране телевидения (см. главу 32). Тогда проблемы начались у кинематографистов всех стран мира, но, кажется, в Южной Корее кризис был особенно серьёзным. В 1975 году в стране было выпущено всего лишь 94 фильма — в два с половиной раза меньше, чем в 1969 году, а количество посещений кинотеатров за 1969–1979 гг. снизилось в три раза.

На кризис, вызванный распространением телевидения, наложилось и резкое ужесточение политической цензуры, последовавшее за самопереверотом 1972 года, в ходе которого Пак Чон-хи от мягкого и гибридного авторитаризма перешёл к авторитаризму явному и жёсткому.

В попытках уцелеть в новых условиях, когда домохозяйки, закончив уборку и готовку, больше не отправлялись в соседний кинотеатр, а садились напротив новеньких телевизоров у себя дома, владельцы киностудий и кинопрокатчики обратились к старому, как мир, жанру эротики.

Впрочем, в 1970-е гг. корейская цензура ничего слишком уж откровенного на экраны не пропускала. Тем не менее кинематографистам удалось найти компромисс: вместо открытой эротики они стали штамповать мелодрамы из жизни хостес — работниц разнообразных сомнительных заведений, в обязанности которых входило развлечение посетителей разговорами (на практике, конечно, обязанности хостес часто были более разнообразны). Первым таким фильмом стала «Родина звёзд», снятая в 1974 году и рассказывающая о фее из бара, которая в итоге кончает жизнь самоубийством из-за несчастной любви. Фильм посмотрело

почти полмиллиона человек — впечатляющее достижение по тем временам, и вскоре сердечные страдания хостес и их спонсоров стали едва ли не главной темой массового южнокорейского кинематографа.

Кинематографу помогла и частичная либерализация цензуры, начавшаяся после прихода к власти в 1980 году нового (и последнего) военного правительства. Президент Чон Ду-хван, безусловно, был таким же диктатором, как и его предшественник Пак Чон-хи. Однако Чон Ду-хван считал, что после двадцати лет тяжёлого труда и рекордного экономического роста народу можно позволить и несколько расслабиться. В связи с этим были сняты или смягчены многие запреты, которые в более ранние времена мешали корейцам наслаждаться жизнью.

Среди всего прочего Чон Ду-хван принял решение о существенной либерализации цензурных ограничений. В результате на корейские экраны хлынул поток эротических фильмов. Первым из них стала «Госпожа Эмма», снятая в 1982 году и ставшая в своём роде знаменитой. Сюжет этой ленты был самым неприязательным — речь шла о сексуально-любовных похождениях ненасытной красавицы, и экранное время было в основном посвящено детальному показу её плотских утех. Фильм посмотрели 310 000 зрителей, что сделало его кассовым чемпионом корейского проката в 1982 году. Успех вдохновил, и в последующие годы на экраны вышли более десятка фильмов, рассказывавшие о дальнейших похождениях ненасытной и неутомимой Эммы.

Как раз в то время в Сеуле и других корейских городах был отменён комендантский час, и кинотеатры стали организовывать ночные сеансы с фильмами фривольно-эротического содержания. Поначалу такие сеансы пользовались огромным успехом — недавний запретный плод был по-прежнему сладок. Известен случай, когда на один

Афиша фильма «Родина звёзд», с выхода которого на экраны началась эпоха мелодрам из жизни хостес

Рекламный плакат фильма «Госпожа Эмма». Первый корейский эротический фильм, который вышел в прокат в 1982 году, в условиях ослабления цензурных ограничений

из таких сеансов (показывали первую серию «Госпожи Эммы») на 1500 мест было продано 5000 билетов, так что зрителям, дабы полюбоваться формами госпожи Ан Со-ён, исполнявшей заглавную роль, приходилось весь сеанс стоять в проходе.

Обо всём этом можно сейчас вспоминать с улыбкой, потому что мы знаем: южнокорейский кинематограф не просто пережил трудное время, но в середине 1990-х гг. начал быстро развиваться. Более того, кинематографисты девяностых совершили то, о чём их предшественники не могли даже мечтать, — они вывели корейский кинематограф на мировую арену. Но все успехи, «Оскары» и «Пальмовые ветви» были бы невозможны без скромных мелодрам семидесятых и умеренно-дерзкой эротики восьмидесятых.

В возрождении корейского кинематографа в девяностые немалую роль сыграет компания Samsung — один из тех гигантских конгломератов, которые известны в Корее как чэ-боль. Их истории — а точнее, биографиям некоторых из их основателей — посвящается следующая глава.

РАССКАЗ О ТРЁХ ОЛИГАРХАХ

1960-е гг. — многопрофильные семейные концерны
чэболь начинают играть лидирующую роль
в экономике страны

Как говорил один политический деятель, у любой ошибки есть фамилия. Можно предположить, что фамилия (а также и имя) есть и у любого успеха. Относится это и к корейскому экономическому чуду — превращению Кореи из нищей страны третьего мира в развитое и богатое современное государство. Движущей силой этого рывка были многопрофильные семейные концерны, которые принято называть чэболь (это слово, некогда заимствованное из японского, в самой Корее имеет несколько негативный оттенок, поэтому чэболи чаще называют *группами* — например, группа Lotte или группа Hyundai). Чтобы понять, откуда взялись чэболь, какую роль играли и что с ними происходит сейчас, имеет смысл познакомиться с биографиями трёх современников, трёх создателей современных южнокорейских промышленных гигантов. Речь идёт о Чон Чу-ёне, основателе Hyundai, Ли Пён-чхолье, основателе Samsung, и о Син Кёк-хо, основателе Lotte. Их биографии во многом являются отражением истории южнокорейской экономики в последнее столетие.

Детство олигархов

Все наши герои (как и вообще почти все основатели чэ-боль) родились между 1910 и 1922 годами и принадлежат к одному поколению, которое можно назвать первым поколением колониальной эпохи. Их детство и юность прошли в те времена, когда Корея была японской колонией. С середины 1930-х гг. японцы активно создавали в Корее промышленность, но все новые предприятия строились в северной части страны, и после раздела Кореи в 1945 году они оказались на территории КНДР. Вдобавок на 1945 год почти вся тяжёлая промышленность в стране принадлежала японским компаниям — национальный корейский капитал тогда присутствовал в основном в лёгкой и текстильной промышленности, торговле и сфере обслуживания.

Любопытно, что ни один из ведущих чэболей не был основан человеком, семья которого в колониальные времена входила бы в состав верхнего эшелона корейской деловой элиты. Настоящие богачи колониальных времён, представители землевладельческой элиты, после 1945 года особой деловой хватки не продемонстрировали и в итоге оказались оттеснены на второй план. Большинство основателей концернов чэболь были детьми помещиков средней руки, однако среди первых генералов и маршалов корейского бизнеса на удивление много и выходцев из крестьянских низов.

Это хорошо видно по нашей тройке, которая состоит из одного помещичьего сына и двух сыновей бедных (но не нищих) крестьян.

Ли Пён-чхоль (Samsung) родился в 1910 году в провинциальной помещичьей семье (сеульцев среди наших героев не было). На родительские деньги он получил образование в Японии и в середине тридцатых годов, так и не доучившись до диплома в Университете Васеда, вернулся

на родину. В 1938 году Ли Пён-чхоль открыл в родном городе Тэгу фирму, которая получила ставшее впоследствии знаменитым название Samsung (삼성/三星), что в переводе с ханмуна (не с корейского!) означает «три звезды». Это корейско-китайское слово по-русски правильно произносить как [самсон], но привычным стало произношение английского написания этого слова — [самсунг], так что, во избежание путаницы, мы будем пользоваться английским/латинским написанием этого названия. В первые годы своей истории фирма Samsung специализировалась на оптовой торговле мукой, яблоками и сушёной рыбой, а потом переключилась на рис и бобы.

Родившийся в 1915 году Чон Чу-ён (основатель Hyundai) был сыном бедного крестьянина. Своё движение к успеху этот олигарх начал, как и полагается, с преступления, хотя и сравнительно скромного: он украл у отца деньги, вырученные от продажи коровы. С немалой по тем временам суммой в 80 вон, примерно равной доходу крестьянской семьи за 4–6 месяцев, он бежал в Сеул на поиски счастья (родители его быстро простили). Будущему автомобильному магнату пришлось поработать грузчиком и разнорабочим, прежде чем в 1942 году он открыл собственную авторемонтную мастерскую, которую назвал Hyundai – 현대/現代. Это слово «современность» (опять-таки не на корейском, а на ханмуне, см. главу 7), которое полагается правильно читать на русском как «хёндэ», но которое под влиянием английской транскрипции у нас часто читают как «хьюндай». Стоит отметить, что из всех трёх героев этой главы основатель Hyundai имел самый низкий уровень образования: он стал богатейшим человеком Кореи, имея за спиной лишь начальную школу.

Наконец, Син Кёк-хо (Lotte) родился в 1922 году в бедной крестьянской семье, но смог выучиться на зоотехника. Как и многие жители южных провинций, в начале сороковых он

перебрался в Японию, где поступил в техническое училище при Университете Васеда, где специализировался на промышленной химии. Подобно подавляющему большинству корейских мигрантов, Син Кёк-хо взял себе японское имя, став Сигэмицу Такэо, и вскоре женился на японке.

Итак, из тройки будущих олигархов-миллиардеров к августу 1945 года один был владельцем средней провинциальной фирмы, второй — мелким сеульским предпринимателем (фактически просто автомехаником), а третий — вообще гастарбайтером в чужой стране. Мало что предвещало их будущий успех, но они были молоды, готовы работать, а мир вокруг них изменился внезапно и полностью, открыв множество перспектив.

Начало больших дел

В 1947 году Ли Пён-чхоль перенёс свою штаб-квартиру в Сеул, чтобы быть ближе к власти, к центрам принятия решений. С началом новых времён только в Сеуле можно было делать настоящие деньги.

В 1948 году Ли основал дочернюю компанию, которая должна была заниматься международной торговлей, и именно в области международной торговли были сделаны первые миллионы концерна Samsung. Начал Samsung с экспорта сушёных кальмаров в Гонконг. Сейчас это кажется странным, но ещё в конце сороковых именно сушёные кальмары были главной статьёй корейского экспорта.

Во время Корейской войны Ли Пён-чхоль продолжил торговые операции из Пусана. Его компания продавала металлолом в Японию, а на вырученные деньги закупала сахар и удобрения, которые с выгодой перепродавала в стране. К концу Корейской войны Samsung вошёл в десятку

крупнейших компаний Кореи, а к 1960 году группа Samsung, в состав которой к тому времени входило 16 компаний, стала крупнейшим чэболь страны. При этом репутация у Ли Пён-чхоль была очень неоднозначная — в народе его не без оснований считали одним из символов коррупции, которая царил в окружении Ли Сын-мана.

В 1947 году, то есть как раз тогда, когда Ли Пён-чхоль переводил свой бизнес из провинциального захолустья в Сеул, Чон Чу-ён основал в корейской столице компанию Hyundai Civil Industries (позже Hyundai Construction). В компании работало 11 человек, в числе которых был даже один инженер, бывший преподаватель техникума. Компания занималась строительными работами и, несмотря на громкое название, была по сути своей просто бригадой шабашников. Однако брат Чон Чу-ёна неплохо знал английский — качество по тем временам необычное. Это помогало получать заказы от американских военных, которые платили суммы, казавшиеся корейцам гигантскими.

Как и Ли Пён-чхоль, Чон Чу-ён провёл военные годы в Пусане и, используя языковые навыки брата и собственные деловые способности, превратил Hyundai Construction в одну из крупнейших строительных компаний в Корее. Впрочем, Корея тогда по уровню доходов в три раза уступала Филиппинам, так что компания, считавшаяся в Корее крупной, была, по мировым меркам, малозаметной.

Тем не менее Чон Чу-ёну удалось успешно завершить несколько масштабных — по меркам Кореи — проектов, главным из которых стало восстановление сеульского моста Индогё, который был взорван во время войны. Успешное завершение нескольких проектов привлекло к компании внимание как властей, так и тех молодых офицеров, которые были всё больше недовольны происходящим в стране, — в том числе и внимание генерала Пак Чон-хи.

Чон Чу-ён и Ли Пён-чхоль действовали на территории родной страны, пусть и среди всеобщего разорения и хаоса, а вот Син Кёк-хо заложил основы успеха в послевоенной Японии, что было куда сложнее, ведь делать карьеру за рубежом всегда непросто, а корейцы в те времена подвергались в Японии тотальной дискриминации.

Успех к Син Кёк-хо пришёл после того, как он разработал способ изготовления мыла из огромных запасов технических масел, оставшихся на складах после окончания войны. На этом мыле Син Кёк-хо и сделал свой первый миллион. В конце сороковых годов он, используя эти деньги, переключился на пищевую промышленность и наладил производство жевательной резинки, сладостей и — впоследствии — шоколада. Как было модно в то время, он назвал свою фирму на западный лад — Lotte («Лотте»), в честь той самой Лотты, любовь к которой в романе Гёте довела до гибели молодого Вертера.

К началу шестидесятых Син Кёк-хо (вернее, Сигэмицу Такэо — свои корейские корни олигарх благоразумно не афишировал) стал одним из ключевых игроков на японском рынке пищевых продуктов. Именно тогда Син Кёк-хо и заинтересовался делами на исторической родине, откуда вдруг стали поступать обнадеживающие новости.

Олигархи на ручном управлении

Корейская война и раздел страны нанесли и без того слабой экономике тяжёлый удар. Весной 1961 года в результате военного переворота к власти в Сеуле пришёл генерал Пак Чон-хи — жёсткий прагматик, считавший экономическое развитие важнейшей политической задачей Кореи.

Пак Чон-хи делал ставку на конкурентную рыночную экономику, но к неограниченной свободе рынка он

относился, скажем так, с осторожностью и в целом являлся сторонником государственного регулирования. Генерал полагал, что полностью лишённая природных ресурсов Южная Корея преуспеет, только если сможет продавать на мировом рынке качественную и дешёвую промышленную продукцию. По мнению Пак Чон-хи, шансы выйти на мировой рынок были лишь у крупных фирм, а поскольку крупных фирм в Корее тогда не было, он решил их создать искусственно.

Основатели чэболь превратились в олигархов в первую очередь потому, что их назначил олигархами генерал Пак Чон-хи. Впрочем, в олигархи обычно попадали не те, кто ранее служил с Пак Чон-хи в одном батальоне или вместе с ним занимался тхэквондо. Генерал возвышал руководителей тех относительно крупных фирм, которые к тому времени свою компетентность и умение добиваться успеха доказали на деле.

В 1961 году Ли Пён-чхоль уже был самым богатым человеком страны. Одновременно в массовом восприятии руководитель крупнейшей компании страны был едва ли не главным воплощением коррупции, так что поначалу военное правительство даже собиралось его арестовать — подобный шаг гарантированно получил бы поддержку населения. Впрочем, случилось так, что в момент переворота в мае 1961 года Ли Пён-чхоль находился в Токио, где у него был второй дом и постоянная любовница-японка, фактически — вторая жена. Любопытно, что у Син Кёк-хо ситуация была зеркальной: он в основном базировался в Японии, так что у него главной женой была японка, а вот в роли наложницы или, если хотите, «второй жены» выступала кореянка.

Заметим мимоходом, что никто из героев этой истории не отличался супружеской верностью — это качество среди корейских бизнесменов и, шире говоря, представителей элиты тогда просто не считалось добродетелью. Тот же

Основатель Samsung Ли Пён-чхоль. Фотография сделана в середине 1960-х гг. Олигарх готовится к тому, чтобы выступить по радио с официальными извинениями по поводу очередного коррупционного скандала, в котором оказались замешаны он и его семья. Как легко заметить, его лицо полно искреннего раскаяния и свидетельствует о глубоком чувстве вины за содеянное

Чон Чу-ён славился как многочисленными любовницами из числа актрис и эстрадных певичек, так и множеством внебрачных детей, которых, кстати, олигарх всегда брал на содержание. Показательно, что сыновьям и их матерям он выплачивал содержание более щедрое, чем то, что полагалось дочерям и их матерям. Син Кёк-хо и Ли Пён-чхоль тоже не оставляли вниманием внебрачных детей, хотя их побочное потомство было не столь многочисленным. Тем не менее с законными жёнами олигархи жили дружно и о разводе не помышляли, следуя в этом отношении нормам патриархально-конфуцианского общества: развлечения — развлечениями, а семья — семьёй.

Вернёмся, однако, к богатейшему человеку Кореи, которого переворот 1961 года застал в Японии. После некоторого размышления Ли Пён-чхоль рискнул и вернулся в Сеул, где его ждала встреча с Пак Чон-хи. Новая власть нуждалась в деньгах, связях и опыте олигарха, поэтому в итоге вместо ареста заключила с ним сделку — но откровенно неравную. Ли Пён-чхоль обещал следовать указаниям нового правительства, всемерно развивать экспорт (это он умел) и не слишком явно нарушать закон. Поскольку было ясно, что в случае нарушения конвенции олигарха ждали бы очень большие неприятности, глава Samsung в целом соглашение соблюдал (впрочем, в целом не означает всегда — иногда старые привычки давали о себе знать).

Первый успех воодушевил Пак Чон-хи, и после ряда встреч с президентом Чон Чу-ён тоже был произведён в олигархи. Перед ним была поставлена задача организовать за границей строительство объектов под ключ, используя корейскую рабочую силу, и заработать деньги на запланированный экономический рывок. Именно Чон Чу-ён организовал те строительные проекты с участием корейских рабочих, о которых шла речь в главе 36. Вообще говоря, из всех

Чон Чу-ён — основатель Hyundai вместе с саудовским принцем. Организация строительных проектов под ключ на Ближнем Востоке была одним из важнейших видов бизнеса Hyundai в семидесятые

олигархов, стоявших у истоков корейского экономического чуда, наиболее близкие отношения с Пак Чон-хи сложились именно у Чон Чу-ёна.

Впрочем, строительством дело не ограничилось. Когда в 1972 году Пак Чон-хи решил отбросить конституционные ограничения и превратился в диктатора, он изменил и экономическую политику страны, сделав ставку на тяжёлую промышленность, которой ранее в Южной Корее не было в принципе. Новые заводы должны были открывать всё те же олигархи, к тому времени накопившие ещё больше опыта, связей и — главное — денег. Чон Чу-ён оказался среди тех, кого Пак Чон-хи назначил *главными по автопрому*, и в середине семидесятых бывший владелец мелкого автосервиса стал отцом южнокорейской автомобильной промышленности.

Другой сферой ответственности олигарха была судостроительная промышленность, в которой Hyundai за десятилетие, начав с полного нуля, стала одним из главных мировых игроков. Впрочем, задача развивать судостроение была поставлена и перед Ли Пён-чхолом (кроме этого, Samsung занимался созданием в стране нефтехимии). Впоследствии, на рубеже семидесятых и восьмидесятых, и Ли Пён-чхоль, и Чон Чу-ён также создали в стране электронную промышленность. Разумеется, ставил задачи перед олигархами президент Пак Чон-хи, который также обеспечивал им и политическое прикрытие, и дипломатическую поддержку за рубежом, и доступ к льготному финансированию — при условии, что олигархи будут знать своё место и, не забывая о себе, будут работать над экономическим развитием страны. При этом подразумевалось, что олигархи должны думать не столько о прибылях, сколько об объёмах производства и экспорта.

В первые годы правления Пак Чон-хи обратил свой державный взор и на Син Кёк-хо с его шоколадно-конфетным бизнесом в Японии. В отличие от Китая, на ранних стадиях экономического рывка Южная Корея почти не могла рассчитывать на поддержку диаспоры — богатых зарубежных корейцев тогда просто не существовало, так что Син Кёк-хо был фигурой уникальной.

Поначалу отношения с Син Кёк-хо у генерала Пака не складывались: олигарх базировался в Японии, так что мог легко отказаться от сотрудничества, если ему это было невыгодно, и вообще был неподконтрольным и, следовательно, неуправляемым. В частности, он не согласился помогать генералу в развитии военной промышленности — то ли в силу своих взглядов, то ли опасаясь, что подобное сотрудничество подорвёт его репутацию в Японии, которая в шестидесятые была страной, если можно так выразиться,

Как и большинство корейских олигархов, основатель Lotte Син Кёк-хо много ездил по миру. Эта фотография сделана в аэропорту, который в семидесятые и восьмидесятые был для конфетно-шоколадного короля фактически домом родным

агрессивно-пацифистской. Возможно, именно в ответ на его упрямство южнокорейские власти внезапно обнаружили, что жевательная резинка, которую производили заводы Син Кёк-хо, не соответствует корейским санитарным нормам. Впрочем, в итоге президент Кореи и президент концерна Lotte договорились, и Син Кёк-хо стал активно работать в Корее, специализируясь на пищевой промышленности и сервисе (гостиницы, развлекательные центры). В отличие от почти всех других чэболь, которые были компаниями многопрофильными и занимались всем понемногу, у Lotte была чёткая специализация.

Бизнес в Японии Син Кёк-хо не забросил, продолжая и жить, и работать на две страны. Именно благодаря этому

в 1988 году Син Кёк-хо занял четвёртое место среди миллиардеров мира в списке «Форбса» (для справки: в 2020 году это же четвёртое место занимал Билл Гейтс, создатель Microsoft). Ни до, ни после этого никто из корейских олигархов никогда не поднимался так высоко. В 1988 году состояние Син Кёк-хо оценивалось в \$8 млрд — что с учётом инфляции примерно соответствует \$18 млрд 2021 года. Значительная часть денег Lotte была вложена в недвижимость, которая в конце восьмидесятых была в Японии безумно дорогой. Потом пузырь на японском рынке недвижимости лопнул, и Син Кёк-хо существенно обеднел — но миллиардером всё равно остался. До середины 1990-х гг. активы Lotte в Японии и Корее по размеру были примерно равны, но в последующие десятилетия корейская часть росла намного быстрее японской. В итоге Lotte, изначально возникшая как чисто японская компания, к настоящему времени является в первую очередь компанией корейской.

Всё проходит, но следы остаются...

Выбранная Пак Чон-хи политика искусственного выращивания олигархов принесла результаты, которые превосходили даже самые оптимистические ожидания. Корея на протяжении нескольких десятилетий удерживала мировые рекорды по темпам роста экономики и к 1990-м гг. превратилась в развитую промышленную державу. Огромную роль в этом сыграли гигантские концерны чэболь, создателями которых были в том числе и наши герои.

С момента возникновения чэболь были семейными предприятиями — даже в тех случаях, когда тот или иной чэболь формально являлся акционерным обществом, контрольный пакет всегда находился в руках того клана,

---

к которому принадлежал основатель. В большинстве случаев в руках самого отца-основателя находились далеко не все права на владение предприятиями: значительные части контрольного пакета доставались его братьям (куда реже — сёстрам), детям и племянникам. Несмотря на конфликты, которые время от времени происходили в кланах, подразумевалось, что ближайшее окружение *первоолигарха* будет действовать совместно и согласованно. В большинстве случаев эти ожидания оправдывались.

Однако со временем стали очевидны и слабости чэболь: обнаружилось, что гигантские концерны слишком забюрократизированы для того, чтобы адекватно реагировать на новые проблемы. В конце 1990-х гг. корейское правительство попыталось провести реформу чэболь. Подразумевалось, что их следует лишить главных специфических черт — семейного характера владения, слияния управления и владения (главные менеджеры являются и владельцами предприятий), а также многопрофильности. Предполагалось раздробить крупнейшие чэболь на специализированные компании, назначив на ключевые управленческие должности профессиональных менеджеров не из семьи владельцев бизнеса. Удалась эта реформа только отчасти — большинство чэболь сохранились, хотя и несколько, скажем так, *похудели*.

На рубеже девяностых и нулевых группа Hyundai была разделена на десяток независимых фирм. Впрочем, главной причиной стали не правительственные попытки реформировать чэболь, а желание сыновей, дочерей и прочих родственников основателя, так сказать, выделиться из семейного хозяйства — это понятное желание стало особенно заметным после смерти Чон Чу-ёна в 2001 году. Наиболее важной частью его наследия стал автомобильный гигант Hyundai Motors, руководителем и владельцем которого стал Чон Мон-гу, старший из восьми (законных и выживших)

сыновей Чон Чу-ёна. Сейчас Чон Мон-гу передал управление концерном своим детям. Вторым осколком империи — компанией Hyundai Heavy Industries (судостроение и машиностроение) — руководит Чон Мон-чжун, другой сын Чон Чу-ёна.

Samsung в целом избежал раздела, хотя и ему пришлось отказаться от нескольких дочерних компаний — в частности, от автомобильного производства. Некоторые из детей основателя тоже решили отправиться в самостоятельное плавание — например, независимой стала компанией Shinsegye (универмаги и торговля), которой руководит дочь Ли Пён-чхоля. Ли Пён-чхоль умер ещё в 1987 году, после чего пост руководителя перешёл к его сыну Ли Кон-хи. В 2020 году главой концерна стал Ли Чэ-ён, сын Ли Кон-хи и внук основателя концерна. Эксперты считают, что Samsung, скорее всего, сохранится в своём нынешнем виде надолго — слишком уж запутана система владения акциями, которая соединяет все многочисленные дочерние компании в единую и, кажется, неразрывную сеть.

Син Кёк-хо прожил дольше всех остальных героев этого рассказа — он умер в 2020 году на 98-м году жизни, формально выйдя на пенсию в возрасте 94 лет. Последние годы олигарха были омрачены конфликтом двух его сыновей, который временами напоминал ссору принцев в каком-нибудь средневековом королевстве. Победителем из конфликта вышел младший сын Син Тон-бин (он же Сигимицу Акио), под контролем которого в итоге оказались почти все активы Lotte. Его брату, старшему сыну Син Кёк-хо, потерпевшему поражение в борьбе, досталось активов всего лишь на миллиард долларов.

Кажется, что эпоха чэболь действительно проходит: концерны становятся более специализированными, а роль семейных кланов в руководстве большинства из них

Один из бесчисленных корейских контейнерных терминалов, которые в изобилии можно увидеть на южном и западном побережье страны (на восточном побережье их мало в силу в первую очередь географических условий)

постепенно снижается. Однако, скорее всего, такие названия как Samsung, Hyundai или Lotte будут известны каждому корейцу ещё не одно десятилетие. Они сыграли в корейской истории главную роль, превратившись в локомотив, который вывел страну из нищеты.

Не следует забывать, что во времена экономического чуда Кореи правил авторитарный режим — и, как и любой режим подобного типа, он стремился контролировать не только дела, но и мысли граждан, используя для этого — не в последнюю очередь — массовое искусство. О том, как осуществлялся идеологический контроль в Корее семидесятых, будет рассказано в следующей главе.

ЗДОРОВАЯ ПЕСНЯ ДЛЯ ЗДОРОВОГО ДУХА

1970-е гг. — усилия военных правительств
по борьбе с чуждыми влияниями и поддержке
здоровых ценностей

У южнокорейского руководства 1970-х гг. было немало поводов для беспокойства. Страна, конечно, тогда стремительно росла и богатела, темпы повышения уровня жизни били один мировой рекорд за другим. Однако у военных, которые уже почти два десятилетия правили страной, вызывали недовольство нездоровые, даже антинациональные веяния, распространявшиеся среди молодёжи. Правительственные чиновники считали, что молодые корейцы носят неправильную одежду (на их взгляд, женские юбки стали слишком уж короткими), поют неправильные песни и делают неправильные причёски (волосы у юношей казались солидным дядям в правительстве слишком уж длинными). Чиновники полагали, что долг государства — спасти наивных молодых людей от морального падения и, возможно, даже от скрытого коммунистического влияния.

Поиски заговоров и разоблачение тайных планов идеологических противников — вещь достаточно универсальная. В семидесятые годы в СССР многие руководящие товарищи среднего и старшего возраста искренне считали пристрастие

юношей к длинным волосам результатом подрывной деятельности антикоммунистических сил. Любопытно, что в это же время их коллеги, правоконсервативные идеологи на Западе, наоборот, были уверены, что за длинноволосыми хиппи стоят зловещие кукловоды-манипуляторы из Москвы, логова всемирного коммунизма. В Южной Корее эти теории заговора, кажется, не получили особого распространения, но в любом случае в семидесятые и восьмидесятые годы южнокорейское правительство вело решительную борьбу с мини-юбками, гонялось за местными длинноволосыми хиппи и, разумеется, прилагало усилия к тому, чтобы направить популярную музыку в идеологически правильное русло.

Мини-юбки появились в Южной Корее в конце шестидесятых. Интересно, что обстоятельства появления этого наряда известны абсолютно точно: первой решилась надеть мини-юбку известная эстрадная певица Юн Пок-хи в 1967 году.

Хранителям основ новая одежда не понравилась, и они обрушились на зарвавшихся любителей показывать ножки всей мощью государственного аппарата. В феврале 1973 года была введена в действие 41-я статья «Закона о мелких правонарушениях». Этот замечательный юридический документ запрещал ношение юбок, край которых был более чем на 20 см выше коленок. Нарушительниц ждал штраф в 30 000 вон (в те времена — немалая сумма, примерно равная средней месячной зарплате). На основании этого закона полицейские вылавливали самых вызывающе одетых модниц (или же, смею предположить, модниц с самыми красивыми ножками) и, линейкой измерив расстояние от коленок до края юбки правонарушительниц, штрафовали их.

«Закон о мелких правонарушениях» был пересмотрен в декабре 1988 года, и с того момента ношение мини-юбок в Корее было легализовано — точнее, оно было легализовано

в южной части Корейского полуострова, так как на Севере, то есть в КНДР, кампании по борьбе с мини-юбками периодически происходят и в наши дни. Впрочем, как оно часто и бывает, формальная отмена запретов несколько отставала от правоохранительной практики: придя к власти в 1980 году, Чон Ду-хван несколько ослабил цензурные ограничения, не касавшиеся вопросов политики, так что гонения на мини-юбки фактически прекратились в начале восьмидесятых.

В семидесятые на улицах южнокорейских городов шла охота и на любителей длинных волос. Молодых людей, чьи волосы казались слишком длинными, задерживали и насильственно стригли прямо на месте. Такие сцены были достаточно обычными в 1976–1979-х гг. на улице Тэханно, где в те времена (как, впрочем, и сейчас) любили собираться студенты.

В попытках воспитать молодое поколение надлежащим образом военное правительство обратилось к эстраде — точнее, попыталось взять эстраду под контроль, огородив её от вредных и, возможно, даже подрывных влияний. Надзор за музыкальной индустрией был возложен на Комитет по исполнительской этике, цензурный орган, неусыпно стоявший на страже общественной безопасности в борьбе с «коммунистической деятельностью», толкование которой было весьма широким, и с «аморальными идеями», понимаемыми ещё шире. Комитет должен был давать цензурное разрешение на тиражирование любых музыкальных записей. Он прекратил существование только в 1996 году.

На Комитет также возлагалась дополнительная задача: воспитывать таких артистов, которые могли бы служить наряду образцами для подражания и популяризовать благопристойные, воодушевляющие песни. В семидесятые власти стали требовать, чтобы звукозаписывающие компании

Одна из нескольких хорошо известных фотографий – замер длины мини-юбки в семидесятые. Если обнаруживалось, что она короче положенного, барышню ждал штраф

Конец семидесятых: полиция проверяет, не превышает ли длина волос установленные выше нормы. Если полиция решит, что волосы слишком длинные, то нарушителя общественного спокойствия ждёт принудительная стрижка и, конечно, штраф

включали в выпускавшиеся пластинки или альбомы так называемые *кончжон каё* или, буквально, *здоровые песни*, призванные привить южнокорейской массовой аудитории позитивное мировоззрение и правильные идеи, то есть патриотизм, трудолюбие, честность и тому подобные добродетели. Собственно говоря, насаждением добродетелей путём поощрения правильной поп-музыки власти Южной Кореи впервые занялись ещё в конце 1950-х гг., но по-настоящему эта деятельность развернулась в 1970-е гг., когда система Пак Чон-хи из умеренного авторитарного режима стала превращаться в откровенную диктатуру.

Едва ли не самая известная из таких «идейно здоровых песен» называлась «О, Республика Корея!». Она превозносила Южную Корею как живое воплощение идей рыночной экономики и политической демократии (первое было в целом правдой, второе — в целом нет). Подобных музыкальных

произведений было много — на 1972 год в списке «здоровых песен» насчитывалось более сотни наименований, а в последующие годы их количество выросло ещё больше.

Другая известная «здоровая песня» исполнялась от лица рыночной торговки, идущей в собственную лавку. Название у песни было соответствующее — «По дороге на рынок», а её текст призывал быть добросовестным и жизнерадостным в общении с покупателями: «Мы будем продавать с улыбкой товары без изъяна и будем покупать, веря чувствам людей». В течение всего одной минуты 25 секунд (песня была короткой) слушатели должны были наслаждаться содержанием краткого курса деловой этики, который был напет, надо признать, очень приятным голосом Хе Ын-и, едва ли не самой популярной певицы южнокорейской эстрады семидесятых.

Под давлением властей распространением «здоровых песен» занимались всерьёз. В 1974 году Министерство транспорта потребовало, чтобы во всех автобусах звучала идейно правильная музыка, то есть «здоровые песни». Как уже упоминалось, также требовалось включать по одной такой песне в любую долгоиграющую пластинку (потом — в магнитный альбом), которые выходили в Корее в те годы. Формально производителей музыкальных записей никто не принуждал, но на практике все понимали, что без соответствующей песни новый альбом едва ли пройдёт цензуру, которой занимался Комитет по исполнительской этике. Продюсеры были не очень довольны, потому что «здоровые песни» предсказуемо не пользовались популярностью и их включение в альбомы негативно отражалось на продажах.

В 1960–1970-х гг. правительство исходило из предположения о том, что общественные нравы можно улучшить, заставляя людей слушать правильные песни. Предположение это, скорее всего, было наивным, хотя на сто процентов утверждать что-либо тут трудно. В отличие от большинства

критиков южнокорейского руководства того времени, я не вполне уверен, что оно заблуждалось в своём воспитательном оптимизме. Не исключено, что благодаря ежедневному прослушиванию торговками песни «По дороге на рынок» уровень обмана покупателей действительно снизился, скажем, на 0,1%. С другой стороны, очевидно, что морализаторские песни, звучавшие в восьмидесятые годы, как тогда по похожему поводу говорили в СССР, «из каждого утюга», всё больше и больше раздражали южнокорейскую публику.

Комитет по исполнительской этике не ограничивался пропагандой идейно правильной поп-музыки. Его функционеры также пытались уберечь публику от того, что их коллеги в Северной Корее, вероятно, назвали бы «проникновением уродливой космополитической идеологии». Комитет официально запретил ряд песен, которые были сочтены «слишком японскими» по стилю и духу. Ирония заключается в том, что японская поп-музыка всегда оказывала очень сильное влияние на корейскую эстраду. В некотором смысле едва ли не все корейские эстрадные песни шестидесятых и семидесятых можно было считать подражанием японским образцам (в некоторых случаях копировались не только мелодии и стиль, но и костюмы и даже названия групп). Таким образом, Комитету приходилось действовать весьма выборочно, ведь при желании японские влияния можно было найти почти в любой песне.

Одним из запрещённых хитов была «Девушка-камелия» в исполнении Ли Ми-чжа, ещё одной сверхпопулярной эстрадной певицы той эпохи. Долгое время песню эту нельзя было ни исполнять публично, ни транслировать в эфире, так как в ней было обнаружено «японское влияние». Любопытно, кстати, что в 1979 году, во время переговоров с высокопоставленной японской делегацией, президент Пак

Данный снимок был сделан на одном из тех танцевальных вечеров, которые в семидесятые годы южнокорейские власти считали проявлением упадка и разложения. Подобные вечера в последние годы правления Пак Чон-хи пытались запретить — но, как легко догадаться, безуспешно

Чон-хи пригласил Ли Ми-чжа выступить на закрытом концерте в Голубом Доме — очевидно, что он просто не знал, что Ли Ми-чжа попала в опалу и что её главный хит был под запретом. Сам Пак Чон-хи, кстати, часто напевал запрещённую «Девушку-камелию». Существовал и список запрещённых слов и выражений, которые нельзя было использовать в текстах популярных песен. Некоторые из них были непристойными, то есть имели сексуальный подтекст, в то время как у других имелся скрытый политический смысл: выражения эти намекали на термины и фразы из жаргона радикальных левых.

Пострадала от этой кампании и Юн Пок-хи, та самая певица, которая в 1967 году впервые появилась на публике

в мини-юбке: одно время власти запрещали её выступления, так как считали, что она слишком вольно ведёт себя на сцене.

В наши дни эпоха «здоровых песен», охоты на мини-юбки и государственной цензуры вспоминается с иронией даже теми корейцами, которые в целом положительно относятся к противоречивому наследию 1970-х гг. Левые интеллектуалы, то есть большинство образованных корейцев моложе 55 лет, чаще всего и поныне воспринимают эти песни с отвращением, видя в них символ непрошеного вмешательства государства в творческую и личную жизнь. Впрочем, упомянутая выше Юн Пок-хи в последние годы стала заметной фигурой в корейской уличной политике и часто появляется на демонстрациях, участники которых требуют защитить наследие Пак Чон-хи от клеветы, которую возводит на него левонационалистическое правительство Мун Чжэ-ина. Времена меняются, и взгляды людей — тоже...

В начале семидесятых корейскую оппозиционную интеллигенцию раздражала не только цензура: им казалось, что всё в стране идёт не так. Среди инцидентов, о которых часто упоминали противники Пак Чон-хи, немалую роль играла и трагедия, случившаяся в апреле 1970 года, — обвал жилого комплекса «Вау». Об этом событии, а также о неудачной попытке запустить программу дешёвого социального жилья мы поговорим в следующей главе.

1970 г. — обрушение дома в жилом комплексе «Bayu»

В большинстве стран современного Запада многоэтажные жилые дома, те самые «коробки», над которыми (кстати, несправедливо) смеются в культовом фильме «Ирония судьбы, или С лёгким паром!», устойчиво ассоциируются с бедностью или, по крайней мере, с невысоким достатком. Считается, что мало-мальски обеспеченные семьи среднего класса должны жить не в многоэтажках, а в собственных домах где-нибудь в пригороде. В Южной Корее, однако, всё обстоит ровно наоборот: не только средний класс, но и богатые, успешные люди обычно предпочитают селиться в многоквартирных домах, известных как апхатхы (кореизированный вариант английского слова apartment — «квартира, апартаменты»).

Так, впрочем, было не всегда. Когда-то давно Южная Корея тоже экспериментировала со строительством дешёвого многоквартирного жилья для малообеспеченных граждан. Эксперимент, однако, закончился провалом.

Обычно говорят, что первым современным многоэтажным жилым комплексом в Корее были «Апартаменты Мапхо», построенные в 1962–1964 гг. Это не совсем так: у комплекса в Мапхо были предшественники, но куда более скромные по размерам. В начале 1960-х гг. шестизэтажные дома, из которых состоял комплекс Мапхо, казались

корейцам чудом современной архитектуры. Вместе с тем продать в них квартиры оказалось делом довольно непростым, поскольку людям было непривычно жить на «голововкружительной высоте» четвёртого или даже пятого этажа.

В 1960-х гг. Сеул был городом «лунных деревень», или, по-корейски, таль тоннэ. Столь поэтичное название тогда носили городские трущобы. Скопления их располагались, как правило, на высоких холмах, так что обитатели трущоб оказывались немного ближе к Луне — отсюда, вероятно, и произошло их необычное название.

Лачуги «лунных деревень» были сколочены из досок, фанеры и гофрированного железа. Возводились эти строения чаще всего без официального разрешения, а жили в них, как правило, недавние переселенцы, которые пришли в город из нищих деревень Юга или, напротив, с Севера, где укреплялся режим Ким Ир Сена (на протяжении 1945–1953 гг. в Южную Корею бежало более 10% всего населения Севера). О сносе трущоб до семидесятых годов не могло быть и речи, поскольку это привело бы к политическому кризису: обитатели «лунных деревень» были многочисленны, обладали правом голоса, а жить им было больше негде. В результате, по данным проведённого в 1966 году исследования, в административных границах Сеула насчитывалось 137 000 нелегально построенных жилых домов.

В середине 1960-х гг. правительство решило предоставить обитателям трущоб относительно приличное жильё. В то время в городах богатого Запада идеальным жильём для бедных считались многоквартирные жилые комплексы, и Корея решила перенять западный опыт. Идею льготного муниципального жилья активно продвигал Ким Хён-ок, мэр Сеула с 1966 по 1970 год, которому не случайно дали прозвище Бульдозер. С энергией, невероятной даже по меркам тех стремительных времён, Ким разрушал старый Сеул

и строил на его месте новый современный город. За тот короткий период, на протяжении которого он руководил столичной администрацией, Ким Хён-ок изменил облик Сеула больше, чем любой из его предшественников или преемников. Именно при нём был ликвидирован сеульский трамвай, началось строительство эстакадных дорог, были оборудованы первые подземные переходы и началось масштабное строительство туннелей. Одним из его любимых детищ был проект строительства льготного жилья для простых людей — но именно провал этого проекта поставил на его карьере крест.

В декабре 1968 года Ким Хён-ок выступил с заявлением, в котором пообещал решить жилищные проблемы сеульской бедноты, организовав масштабную субсидируемую программу строительства многоквартирных домов. Проект Ким Хён-ока был амбициозным как по объёмам, так и по срокам: за три года предполагалось построить 2000 домов для размещения 90 000 семей из числа обитателей «лунных деревень».

Строить начали без промедления. В 1969 году мэрия Сеула и её подрядчики возвели 406 многоквартирных домов на 16 000 семей — в соответствии с планом, предполагавшим сдачу в 1969 году 400 многоэтажек.

Многоквартирные дома, возводимые в рамках программы Ким Хён-ока, называли *симин апхатхы* (дословно — «апартаменты горожан»). Квартиры там были очень маленькими: площадь их обычно составляла всего 8 пхён, или около 27 м² (для сравнения: в наши дни средний размер новых квартир, построенных в корейской столице, составляет 35 пхён — примерно 117 м²). В квартирах, которые были много скромнее советских *хрущёвок*, обычно имелось две комнаты по 8 м² каждая, маленькая кухня (4–5 м²) и совсем уж миниатюрный коридор-прихожая. Тем не менее, когда обитатели «лунных

деревень» перебирались в новостройки, перемена эта была им очень по душе. Да, их прежние трущобы бывали порой даже просторнее нового жилья, но в многоквартирных домах они имели водопровод, отопление и туалет со смывным бачком. В «лунных деревнях» всё это считалось роскошью.

Проект Ким Хён-ока требовал немалых субсидий: 40% расходов на строительство покрывало центральное правительство, ещё 40% приходилось на долю столичной администрации, а вот потенциальный покупатель должен был оплатить только 20% стоимости своей новой квартиры. Чтобы дополнительно облегчить приобретение квартир, покупателям выделялся льготный ипотечный кредит. Ради сокращения трат на проект мэрия использовала в качестве подрядчиков небольшие и не самые опытные строительные компании.

Всё это выглядело как вполне разумная и даже где-то похвальная жилищная политика, но в 1970 году ей был нанесён сокрушительный удар. Причиной, по которой программу Ким Хён-ока пришлось остановить, стало трагическое происшествие в жилом комплексе «Вау» в столичном районе Мапхо. Кстати сказать, его название не имеет никакого отношения к известному англо-американскому восклицанию — комплекс называли в честь горы Вау-сан, расположенной по соседству. Комплекс «Вау» был одним из микрорайонов, возведённых в первый год осуществления жилищного проекта Ким Хён-ока.

Ранним утром 8 апреля 1970 года один из домов комплекса «Вау» полностью обрушился, превратившись в гору мусора. Дом построили всего за шесть месяцев до этого, а в эксплуатацию сдали к Рождеству 1969 года. Из 70 жильцов, находившихся в то утро в доме, погибло 32 человека, а 38 получили ранения разной степени тяжести. Могло, впрочем, быть и хуже: жильцы начали заселяться в дом только

Руины жилого дома в комплексе социального жилья «Вай».

Эта катастрофа, случившаяся в апреле 1970 года, похоронила планы, оказала огромное влияние на облик корейских городов, остановив программу строительства дешёвого многоквартирного жилья

в марте, так что примерно половина квартир на момент катастрофы ещё пустовала. Если бы обрушение случилось на несколько недель позже, жертв могло бы быть вдвое больше.

Как выяснилось в ходе расследования, главной причиной произошедшего стала сама лежавшая в основе проекта идея строить быстро и дёшево (точнее говоря, *очень* быстро и *очень* дёшево). Выделенных средств было явно недостаточно для выполнения работ на надлежащем уровне, а строительство требовалось вести рекордными темпами. Стоит ли в такой ситуации удивляться, что архитекторы проигнорировали местные геологические условия и дали совершенно

нереалистичные оценки нагрузок на перекрытия: по их расчётам, нагрузки не должны были превысить 280 кг/м², тогда как на деле они достигали не менее 600 кг/м².

Отчасти перегрузка здания объяснялась социально-политическими причинами. Поскольку дома строились для бедноты из «лунных деревень», а перепродажа льготного жилья третьим лицам была запрещена, при проектировании предполагалось, что в квартирах будет мало мебели. Однако какими бы маленькими и непритязательными ни казались квартиры в новых домах, они тем не менее были достаточно привлекательны не только для бедноты, но и для представителей низов городского среднего класса, поэтому многие бедняки находили способы с выгодой продать права на жильё более обеспеченным людям. В результате в новых — и, прямо скажем, довольно хлипких — квартирах оказалось много мебели и прочих тяжёлых вещей.

Ситуацию усугубил слабый контроль над строительством со стороны властей. Не обошлось и без взяток, но главной причиной стало то, что строительные компании просто не могли выполнить все положенные требования, оставаясь при этом в рамках выделенного им бюджета.

Возмущение общественности было велико, а речь идёт о временах до 1972 года, когда в Корее ещё сохранялись элементы демократии. Как и следовало ожидать, в печати на Ким Хён-ока стали возлагать ответственность за катастрофу, и через несколько дней он ушёл в отставку, сделав за четыре года управления Сеулом едва ли не больше, чем любой другой мэр корейской столицы за 600 с лишним лет её истории.

Впоследствии Ким Хён-ок некоторое время занимал пост министра внутренних дел, но после гибели Пак Чон-хи в 1979 году и переворота, который привёл к власти Чон Ду-хвана, он не сработался с новым начальством

и решил полностью уйти из политики. Вернувшись в Пусан, из окрестностей которого происходила его семья, бывший министр и столичный мэр решил не сидеть без дела: он стал там директором одной из самых неблагополучных средних школ города и со временем превратил её в образовую. Делами этой школы Ким Хён-ок занимался до конца своей жизни.

Уход Ким Хён-ока похоронил концепцию дешёвого льготного жилья, которую пытался продвигать гиперактивный и талантливый мэр. По инерции строительство дешёвых квартир какое-то время продолжалось, но к 1972 году оно было практически полностью свёрнуто. Вместо первоначально запланированных 90 000 квартир построить в итоге удалось всего около 20 000.

Сейчас очевидно: комплекс «Вау» и его печальная судьба, равно как и вся программа строительства дешёвого многоэтажного муниципального жилья, оказались тупиковой ветвью в истории корейской городской архитектуры. Главным и магистральным её направлением стало строительство многоэтажных домов для среднего класса. На первых порах, то есть примерно до 1985–1990 гг., эти дома были недоступны большинству, ибо тогда средний класс составлял от силы 15–20% населения даже крупных городов. Однако с течением времени страна богатела, и многоквартирные апхатхы становились всё более и более доступными, пока в конце концов на рубеже девяностых и нулевых они не превратились в самый распространённый тип корейского жилья.

В соответствии с существующей ныне классификацией в Корее официально принято выделять пять типов жилых помещений. Первый из них — это апхатхы, второй — это так называемые *ёллип* (их обычно называют *виллами*), которые в действительности представляют собой те же апхатхы, но только меньшие по размерам, с упрощённым

оборудованием и, соответственно, менее престижные. Третий тип — это индивидуальные жилые дома, а четвёртый — так называемые *многоквартирные* дома (то есть дом в 2–4 этажа, в котором есть от одной до пяти-шести квартир, сдающихся по найму, а также обычно и большая квартира владельцев дома). Наконец, существуют индивидуальные дома и достаточно экзотическая и редкая пятая категория жилья — дома, которые используются как для жилья, так и в производственных целях (например, в том случае, когда на первом этаже находится, скажем, мастерская, а на втором этаже — квартира владельцев этой мастерской).

По данным статистики, на 2018 год доля многоквартирных апартаментов в корейском жилом фонде составила 61,4% — и продолжает расти. Если добавить к ним ещё и квартиры в *ёллип*, то получается, что примерно 2/3 южнокорейцев сейчас живут именно в многоквартирных жилых домах, в тех самых якобы «бездушных коробках», над которыми в своё время так издевался Эльдар Рязанов в известной всем россиянам «Иронии судьбы».

При этом в Южной Корее сложилась ситуация, которая радикальным образом отличает её от большинства развитых стран — за исключением, возможно, Китая. В Корее идеальным жильём преуспевающего человека является не собственный домик с участком, находящийся в каком-нибудь «хорошем пригороде», а большая квартира в престижном многоэтажном микрорайоне, лучше — в центре города. По установившейся ещё в 1960-е гг. традиции южнокорейские многоквартирные дома всегда строят микрорайонами, каждый из которых может включать в себя от трёх-четырёх до несколько десятков примерно однотипных зданий.

Любопытно, что после 2010 года в Корее наблюдается достаточно неожиданная тенденция: цены на элитные индивидуальные дома в престижных районах Сеула (таких как

Типичный пейзаж центрального Сеула — многоквартирные дома, офисные башни-небоскрёбы и горы, — Сеул располагается необычно, в горных долинах

Пхёнчхан-дон или, скажем, южный склон горы Намсан) растут довольно медленно — существенно медленнее, чем цены на квартиры в многоэтажных домах люксовой категории. Связан этот парадокс с тем, что в последние 10–15 лет южнокорейские миллионеры, и раньше не слишком жаловавшие собственные особняки, кажется, всё больше разочаровываются в этом виде жилья и со всё большим удовольствием переезжают в те самые апхатхы, которые у нас в России очень любят именовать «человейниками».

Чем вызвано такое пристрастие к многоквартирному строительству, я сказать не берусь, хотя признаюсь, что сам всю жизнь при наличии выбора предпочитал жить именно в многоквартирных домах — мне лично так удобнее, и никакой *тяги к земле* ни я, ни прочие члены моей семьи как-то не ощущаем. В случае с Кореей некоторую роль

играют, конечно же, прагматические соображения: Корея является одной из самых густонаселённых стран мира, уступая по плотности населения только Тайваню и Бангладеш, а также городам-государствам. Понятно, что нехватка земли в Корее означает, что многоквартирные дома являются достаточно привлекательным вариантом именно в силу того, что они более экономно используют дефицитный земельно-территориальный ресурс.

Однако сводить дело к этому не приходится. Немалую роль играет, наверное, и общая престижность многоквартирных домов, ибо с самого своего появления в Корее эти дома стали восприниматься как воплощение прогресса, современности, движения в будущее. Не исключено, что программа строительства муниципального жилья могла бы существенно повредить престижу апхатхы и привести к тому, что многоквартирные дома стали бы восприниматься в первую очередь как жильё городской бедноты. Так произошло в США и в некоторых других странах мира. Однако трагический инцидент в жилом комплексе «Вау» привёл к тому, что программа строительства муниципального жилья была свёрнута. В долгосрочной перспективе результатом этого, возможно, и стало превращение апхатхы в самое престижное жильё корейских городов.

Разумеется, новые комплексы были построены куда добротнее и судьба «Вау» им не угрожала. Жителями этих комплексов в большинстве своём становились люди, получившие высшее образование, — и людей таких в Корее становилось всё больше и больше, поскольку система высшего образования развивалась вслед за экономикой страны. О высшем образовании в Корее после освобождения страны и пойдёт речь в следующей главе.

ОБРАЗОВАНИЕ, ПОСТРОЕННОЕ НА КОСТЯХ

1970-е гг. — в Корее вводится система ЕГЭ

«Наш университет построен на коровьих костях», — с гордостью говорят студенты старейших корейских университетов, прежде всего — Университета Корё, второго (или третьего — мнения на этот счёт, как скоро станет ясно, расходятся) университета страны. Казалось бы, какое отношение кости одомашненных парнокопытных имеют к высшим учебным заведениям? Как мы увидим, самое прямое.

В Корее, как и во всех странах конфуцианской Восточной Азии, к образованию трепетно относились с незапамятных времён. Во многом это вызвано вполне материальными причинами: на протяжении веков в этих странах именно образование было пропускным билетом в ряды правящей элиты.

У конфуцианской образовательной политики была одна интересная особенность: считалось, что доступ к образованию и тесно связанной с ним чиновничьей карьере должен быть равным для всех. В идеале предполагалось, что в правильно организованном обществе успеха должны добиваться самые талантливые и работоспособные — вне зависимости от происхождения и доходов их родителей. Решению этой задачи была подчинена система государственных экзаменов на чиновничьи должности, которая в этих странах

на протяжении многих веков лежала в основе формирования госаппарата (и отчасти — правящей элиты в целом). Такое отношение, в общем, нетипично для большинства обществ древности и Средневековья, где существовала сословная структура.

Корея времён династии Чосон (1392–1910) не соответствовала этому высокому конфуцианскому идеалу: в ней царили законы сословного общества, позволявшие дворянам пользоваться немалыми наследственными привилегиями, в том числе по части доступа к карьере и образованию. Вместе с тем многие корейцы уже тогда относились к этой особенности общественного устройства как к чему-то не совсем правильному — слишком уж явно принцип сословности противоречил конфуцианскому идеалу.

С началом Нового времени эгалитаризм восторжествовал: стремление обеспечить максимально равный доступ к образованию стало одним из главных движущих факторов всей корейской политики в этой области на протяжении последних 70 лет. И общество, и правительство в Корее едины в мнении о том, что доступ к образованию (в первую очередь — высшему) должен определяться способностями и трудолюбием кандидата, а не толщиной кошелька и связями родителей.

Хотя начальное образование в Корее стало обычным для мальчиков уже к концу колониального периода, строить систему высшего образования после восстановления независимости пришлось почти с нуля. В 1945 году во всей стране — при населении порядка 30 млн человек — насчитывалось всего около 2000 выпускников университетов. В колониальный период в Корее был только один вуз — Кёнсонский имперский университет, большинство студентов которого составляли японцы, а также несколько двухгодичных колледжей. Однако уже к концу 1940-х гг. по всей

стране возникло несколько десятков вузов. В большинстве случаев это произошло за счёт превращения в университеты как колледжей, так и наиболее престижных средних школ.

В Южной Корее работают два типа вузов — с четырёх-летним сроком обучения (их обычно называют университетами) и вузы с двухлетним сроком обучения. Последнее — это, скорее, аналоги советских техникумов, которые в постсоветские времена в массовом порядке переименовывали в *колледжи*. Впрочем, между советско-российскими техникумами и корейскими двухлетними вузами есть одно формальное различие, которое, однако, сказывается на статистике. В СССР и России техникумы считаются учреждениями среднего специального образования, а в Южной Корее вузы с двухлетним сроком обучения считаются своего рода неполноценными вузами: два года обучения в таком вузе более или менее приравниваются к двум курсам университета, и в некоторых случаях выпускник «вуза-техникума» теоретически может поступать в университет сразу на третий курс, сдав специальные переводные экзамены (впрочем, на практике сделать это очень непросто). Система эта в общем возникла ещё в колониальные времена, а свои нынешние очертания окончательно приобрела в 1979 году.

В 1948 году в корейских вузах обучались 24 000 студентов. Вскоре, однако, стало ясно, что страсть корейцев к образованию, неудержимое стремление отправить своего ребёнка в вуз, желательно — в университет, создаёт серьёзные проблемы. Оставленная поначалу на самотёк образовательная лихорадка привела к появлению самозванных «университетов», дающих образование крайне низкого качества. Для решения этой проблемы правительство ввело систему квот, ограничивая приём в вузы. Однако власти постепенно сдавали позиции под натиском неугомонных родителей — образование было слишком важно для будущего их детей.

Количество университетов и студентов продолжало расти, причём в целом — темпами, опережающими рост спроса на специалистов с высшим образованием на рынке труда.

Беспокойство властей по поводу перепроизводства высокообразованных специалистов объяснялось не только экономическими соображениями или желанием избежать лишних трат бюджетных средств. Принимая во внимание радикализм, ставший чертой корейского студенчества с конца пятидесятых, правительство боялось и того, что образованные, но нетрудоустроенные молодые люди станут идеальным объектом для коммунистической пропаганды. В 1961 году, сразу после военного переворота, правительство сократило количество высших учебных заведений с 71 до 44 и уменьшило квоту на приём студентов с 91 000 до 55 000 человек.

Это не помогло. Давление снизу было слишком сильным, и численность студентов продолжала расти. В 1965 году в университетах и колледжах Кореи учились 139 000 студентов. В 1975 году их число более чем удвоилось и достигло 294 000. Затем рост ускорился, и в 1985 году в Корее насчитывалось уже 1,26 млн студентов. Иначе говоря, за сорок лет численность населения Южной Кореи удвоилась, а вот количество студентов за этот же период увеличилось в пятьдесят раз.

Военные правительства, опасаясь перепроизводства специалистов с высшим образованием, устанавливали жёсткие квоты на число абитуриентов. До конца 1980-х гг. количество выпускников в Корее старались держать на уровне реальной потребности страны в специалистах с высшим образованием. Однако в 1993–1994 гг. эти ограничения были ослаблены, после чего и доля выпускников средних школ, поступающих в вузы, и численность студентов стали быстро расти. Вызвано это было тем, что люди, которые стали тогда определять образовательную политику, считали: чем больше

в стране людей с образованием, тем лучше. Некоторую роль играло и то, что они в своём большинстве являлись выпускниками американских аспирантур и часто сознательно копировали американскую систему, в которой нет жёстких квот для числа абитуриентов.

В 1985 году в вузы поступало 22,9% всех тех, кто получил среднее образование. В 2000 году впервые в истории в вузы поступило большинство — точнее, 52% — всех выпускников средних школ, а к 2010 году в вузах, включая и двухлетние «вузы-техникумы», оказались уже 70,1% выпускников (для справки: с 2011 года статистика учитывает не тех, кто сдал экзамен, а тех, кто фактически приступил к занятиям). Иначе говоря, примерно к 2010 году высшее образование стало нормой для корейской молодёжи: человек, который не идёт в вуз, воспринимается как исключение.

Впрочем, после 2010 года количество выпускников средней школы, которые решают поступать в вузы, немного снизилось и сейчас составляет примерно 67–68%. Причина очевидна: обесценивание вузовского диплома. Прошли те времена, когда диплом даже третьесортного провинциального вуза служил гарантией получения *хорошей* офисной работы. Абитуриенты осознали, что, окончив, скажем, «отделение дипломатии тхэквондо» в каком-нибудь забытом богом Университете Кёнмин, они, скорее всего, не смогут получить никакой работы (такое отделение, кстати, существует на самом деле). В итоге заметное меньшинство выпускников средней школы (примерно треть) в последние 10–15 лет стало сомневаться в практической необходимости самого диплома о высшем образовании.

По состоянию на 2019 год в Корее зарегистрирован 201 университет (в том числе 10 педагогических университетов) и 137 двухгодичных колледжей. В университетах

обучались 2 млн студентов (в том числе 160 000 иностранцев), а в колледжах — 644 000.

Южнокорейские университеты образуют чёткую иерархическую структуру. В целом система сформировалась ещё в шестидесятые, хотя положение отдельных вузов в иерархии с течением времени менялось: кто-то поднялся выше, а кто-то соскользнул вниз. При этом важно понимать, что для корейцев престиж университета важнее, чем престиж специальности. Все знают, что выпускник отделения философии Сеульского университета имеет куда больше шансов устроиться, скажем, в отдел продаж концерна Samsung, чем, допустим, выпускник отделения коммерции провинциального Университета Чосон. Впрочем, как мы увидим, у выпускника Университета Чосон вообще почти нет шансов попасть в какой-либо отдел концерна Samsung или другой чэболь.

Эта иерархия университетов никак не оформлена официально, но о ней знает каждый кореец. Несколько упрощая, можно сказать, что в этой структуре в настоящее время существуют четыре уровня.

На верхней ступени иерархии располагается *большая тройка* корейских университетов — Сеульский государственный университет, Университеты Корё и Ёнсе. Эту тройку в Корее по традиции называют университетами SKY. Формально это народное название дано по первым буквам английского наименования вузов (Seoul — Korea — Yonsei), но всем понятно, что означает оно именно то, что, собственно, и означает слово sky в английском языке — «небо». По представлениям корейских абитуриентов и их родителей, попасть в эти университеты — примерно то же самое, что попасть в рай, на небеса. Впрочем, даже внутри большой тройки нет равенства. Сеульский государственный университет находится в этой триаде на первом месте,

---

а вот Университет Корё и Университет Ёнсе давно и ожесточённо спорят о том, кто же из них является вторым, а кто — третьим. Как легко догадаться, что мнения по этому вопросу у студентов Университета Корё и студентов Университета Ёнсе прямо противоположны. До начала девяностых доминирование Сеульского государственного университета было бесспорным, но в последние десятилетия разрыв между ним и другими вузами высшей лиги сокращается.

Впрочем, помимо большой тройки, в высшую лигу входят также и два специализированных провинциальных университета — Пхоханский технологический университет (Пхохан) и Корейский институт науки и технологии (KAIST) (Тэджон). Эти университеты готовят инженеров и учёных для ключевых высокотехнологических отраслей промышленности.

Второй эшелон состоит из примерно десятка ведущих частных вузов Сеула и ближайших к нему городов. В 2010-е гг. ко второму эшелону относили такие столичные университеты, как Соган, Ханъян, Сонгюнган, женский Университет Ихва и некоторые другие.

Третий эшелон корейских вузов образуют те государственные вузы, что располагаются в провинции. В Корею на 2019 год имелось 42 государственных университета и 156 частных университетов. Особенность Кореи заключается в том, что государственные вузы считаются более престижными, чем примерно равные им по иным показателям частные вузы. Престижность при этом слабо коррелирует с платой за обучение: государственные вузы, несмотря на то, что являются более престижными, являются и более дешёвыми.

Собственно говоря, любой человек, рассчитывающий на умеренно успешную карьеру в государственном аппарате, равно как и в крупных или средних фирмах, должен

поступить в один из вузов упомянутых выше первой, второй или, в крайнем случае, третьей категории.

В том случае, если абитуриента или абитуриентку ожидает неудача, альтернативой являются вузы четвертой категории, к которым относятся провинциальные частные вузы. Одной краской мазать их не следует, так как и среди них есть относительно продвинутые учебные заведения. Однако в целом диплом провинциального частного университета (точнее, диплом подавляющего большинства таких университетов) в наши дни не даёт шансов на серьёзную карьеру: в лучшем случае с таким дипломом можно устроиться на работу в какую-нибудь небольшую фирму.

Статистика трудоустройства подтверждает: практически все, кто поступает на государственную службу и на работу в крупные концерны (то есть Samsung, LG и прочие чэболь), являются выпускниками пары десятков университетов, занимающих первые строчки в табели университетских рангов. В этих вузах обучается примерно 20–25% всех корейских студентов. Таким образом, удача или неудача на вступительных экзаменах обычно определяет судьбу человека: если не попал в хороший вуз, путь к наиболее престижным и доходным рабочим местам закрыт навсегда. Наоборот: уже сам факт поступления в Сеульский государственный университет фактически гарантирует человеку, что к концу жизни он окажется, по меньшей мере, в верхушке среднего класса, в рядах «верхних 5%» — для этого достаточно просто проявлять минимальную добросовестность, не слишком лениться и не попадать в скандалы. В результате в Корее сложились условия, когда, с одной стороны, успех или неудача на вступительном экзамене определяют всю последующую жизнь, а с другой — экзамены проводятся честно и дают шанс любому абитуриенту. Это сочетание кнута и пряника привело к тому, что учатся корейские подростки куда прилежнее,

---

чем их сверстники в других странах. Впрочем, разговоры о корейском «экзаменационном аде» немало преувеличены. Жёсткая конкуренция касается лишь тех, у кого есть амбиции, в то время как те, кто готов удовлетвориться поступлением в третьесортный вуз, сейчас не так уж и напрягаются в старших классах.

Образование в южнокорейских вузах платное. По состоянию на 2019 год средняя плата за обучение составляла: для гуманитарных и общественных специальностей 5,9 млн вон (примерно \$5400) в год, для естественных наук — 6,8 млн вон (\$6200), для инженерно-технических специальностей — 7,2 млн вон (\$6600). Существенно дороже, впрочем, стоило обучение медицинским специальностям и фармакологии — в среднем 9,6 млн вон (\$8700) за учебный год. Следует помнить, что средняя зарплата в Корее в то время составляла 2,7 млн вон (\$2500) в месяц.

Значительная часть корейцев считает, что высшее образование должно быть бесплатным. В начале 2010-х гг. плата за обучение в южнокорейских вузах была заморожена, и с тех пор, несмотря на инфляцию и рост доходов населения, остаётся на одном и том же уровне — к большому недовольству администрации вузов, деятельность которых всё больше зависит от государственных субсидий.

В последнее десятилетие, в условиях моратория на повышение платы за обучение, администрация вузов обратилась к новому источнику доходов — иностранным студентам. По состоянию на 2019 год в вузах Кореи обучались 160 000 иностранных студентов, магистрантов и аспирантов. Для сравнения: в 2003 году иностранцев в корейских вузах было всего лишь 12 000 человек. В 2019 году, то есть перед началом пандемии коронавируса, почти половину из них — 71 000 — составляли граждане КНР (в значительной части — этнические корейцы с китайскими паспортами).

За ними следовали вьетнамцы (37 000), граждане Узбекистана (7500, в основном — узбекские корейцы) и Монголии (7300). Россиян в корейских вузах в 2019 году училось 1169 человек, то есть чуть меньше, чем французов (1442 человека), но чуть больше, чем малазийцев (1116 человек).

Руководство университетов относится к иностранным студентам мягко и смотрит сквозь пальцы на их, скажем прямо, не слишком впечатляющие успехи в учёбе. Причина проста: запрет на повышение платы за обучение не распространяется на иностранцев, так что приём на обучение иностранных студентов становится всё более выгодным для вузов делом. Небольшая часть иностранных студентов получает стипендии, но подавляющее большинство, более 91%, учится в Корее за свой счёт.

Понятно, что при таких настроениях и в обществе, и в правительстве вопросам поступления в вузы всегда уделялось чрезвычайное внимание. На протяжении всей истории корейской образовательной системы главная задача не менялась: ожидалось, что поступление будет устроено так, что влияние таких факторов, как место жительства или общественное положение и доходы родителей, будет сведено к минимуму, равные шансы будут у всех желающих и успех поступления будет зависеть лишь от способностей и трудолюбия абитуриента.

Если говорить об истории корейской системы поступления в вузы, то можно выделить несколько этапов. На первом, с 1946 по 1968 год, вопросы поступления находилось в ведении самих университетов, которые по своему усмотрению организовывали вступительные экзамены и отбирали будущих студентов. Дело не обходилось без коррупции. Правда, в те времена под «коррупцией» имелось в виду не столько поступление за взятку, данную кому-то из членов приёмной комиссии, сколько полуофициальная *продажа*

В шестидесятые экзаменационный марафон начинался даже раньше, чем сейчас: до 1968 года даже в среднюю школу принимали по результатам экзаменов, и это было отнюдь не формальностью. На фотографии 1967 года можно видеть, как проходили те экзамены

ректором права на зачисление в обмен на *пожертвования* в бюджет вуза (*пожертвования* эти делались вполне открыто и официально).

Кстати сказать, большинство ныне уважаемых частных вузов заложили материальные основания своего благополучия именно в те годы, в том числе и путём того, что по нынешним меркам можно назвать «торговлей

дипломами». Например, Университет Ханъян, ныне занимающий 6–7-е место в корейском университетском рейтинге, в 1960-е гг. регулярно оказывался в центре скандалов, связанных с описанной выше полулегальной коррупцией на вступительных экзаменах. Дело тогда дошло до того, что ректора Ханъяна для дачи объяснений пригласили в парламент, где он и сказал депутатам: «Этот вопрос возник потому, что мы не получаем денег из бюджета. Если у нас будет бюджетная поддержка, мы не будем заниматься приёмом в университет за деньги. Проблема возникла потому, что правительство и парламент не выполняют своих обязанностей в отношении университета». Эта речь вызвала возмущение у депутатов, но в ней была своя правда — впрочем, тогда у корейского правительства, пожалуй, и не было средств на то, чтобы щедро финансировать университеты.

Подобный подход, противоречащий главным принципам конфуцианского мировоззрения, разумеется, раздражал всех, и не в последнюю очередь — власть предержащих. Поэтому в 1969 году был введён единый государственный экзамен по ряду основных предметов из курса средней школы. Экзамен носил отборочный, предварительный характер. Те и только те выпускники школ, которые успешно его сдавали, получали право сдать вторую серию экзаменов, проводившуюся уже самими вузами. При этом количество отобранных через государственный экзамен кандидатов в полтора (а потом — и в два) раза превышало количество мест в вузах — то есть только часть тех, кто сдал госэкзамен, становились студентами.

В начале 1990-х гг. последовала очередная реформа, создавшая систему, в несколько изменённом виде существующую и сейчас. Тогда была введена система, в соответствии с которой единый государственный экзамен проводится в конце ноября. По результатам этого экзамена, который

в целом аналогичен российскому ЕГЭ, в основном и происходило зачисление в вузы.

Правда, в XXI веке система была несколько усложнена, и значение ЕГЭ снизилось — хотя и поныне результаты этого экзамена остаются самым важным фактором при отборе будущих студентов. Сейчас на поступление влияют, во-первых и в главных, результаты ЕГЭ, во-вторых, средний балл за время обучения в старших классах средней школы и, наконец, дополнительные экзамены, которые проводятся при поступлении уже самим вузом (подобные дополнительные экзамены проводит лишь небольшое количество наиболее престижных вузов).

Скорее всего, споры по поводу идеальной системы поступления в вузы в Южной Корее не окончатся никогда — слишком уж важной и болезненной для корейцев является эта тема. Тем не менее основанная на ЕГЭ система вступительных экзаменов отвечает главному, с точки зрения большинства корейцев, критерию — она позволяет максимально уравнивать шансы всех абитуриентов.

Ноябрьский день, когда проходит экзамен, — это день особый. На один час позже начинают работать крупные фирмы и государственные предприятия. Во всех школах объявляется выходной. Делается это для того, чтобы снизить нагрузку на транспорт и дать возможность абитуриентам спокойно добраться до экзаменационных пунктов, которые оборудованы на базе средних школ. В день Большого Экзамена объявляется режим повышенной готовности в полиции и на транспорте, причём транспорт работает по особому графику и по особым планам — его главная задача заключается в своевременной доставке экзаменуемых к местам проведения экзаменов. Наконец, в течение дня один раз на 30 минут прекращаются полёты гражданской и военной авиации. Дело в том, что значительная часть

Поступить в университет в Корее сложно, но вот жизнь у студентов весьма расслабленная. Улочка торгово-увеселительных заведений рядом с Университетом Хонгик, главным центром сеульской богемной жизни. Снимок сделан в разгар эпидемии коронавируса, влияние которой на повседневную жизнь в Корее было много слабее, чем в большинстве иных стран

школ находится в непосредственной близости от военных и гражданских аэродромов. В то время, когда школьникам зачитывается экзаменационный английский текст (зачитывается он по всей стране одновременно, минута в минуту), гул авиационных двигателей может помешать расслышать отдельные части текста и поставить школьников в неравное положение — поэтому полёты приостанавливаются. Раньше их приостанавливали в день экзамена дважды: не только во время аудирования, но и во время диктанта, но в 2013 году диктант из программы был исключён, и с тех пор полёты авиации в день Большого Экзамена прекращаются только один раз. Кстати сказать, строительным фирмам рекомендовано (прямого запрета тут нет) воздержаться в этот день от проведения слишком шумных строительных работ — по той же самой причине.

Большинство студентов 1960-х и 1970-х гг. в своих семьях были первыми, кто получил возможность учиться в университете. Некоторые из них были выходцами из деревенской бедноты. Конечно, поначалу родители были счастливы видеть успехи отпрысков на вступительных экзаменах, но вскоре вставал вопрос о том, где взять деньги на оплату обучения. Многие семьи были вынуждены продавать самое дорогое — корову или быка. Отсюда и пошло выражение о «коровьих костях», ставших фундаментом для ведущих корейских вузов.

Впрочем, только около 1985 года высшее образование в Корее стало доступным для подавляющего большинства жителей страны. До этого у многих корейских семей просто не было средств на то, чтобы оплачивать обучение в вузе даже самых способных детей. О судьбе такого молодого корейца, который из-за бедности не смог получить высшего образования, но сыграл немалую роль в истории страны, и пойдёт речь в следующей главе.

СМЕРТЬ АКТИВИСТА

1970 г. — самоубийство профсоюзного активиста

Чон Тхэ-иля

Около полудня 13 ноября 1970 года 22-летний работник одной из сеульских швейных фабрик Чон Тхэ-иль облил себя бензином и поджёг, превратившись в живой факел. Сделал он это прилюдно, посреди оживлённого коммерческого района в окрестностях рынка Пхёнхва, который был частью ещё более крупного рынка Тондэmun и местом сосредоточения предприятий лёгкой промышленности.

До того как Чон Тхэ-иль потерял сознание, у него хватило сил прокричать: «Соблюдайте трудовое законодательство!», «Мы не машины!», «Отдыхать по воскресеньям!». По современным меркам, эти лозунги были весьма умеренными, но тогда они звучали революционно. Прохожие сумели сбить пламя, и молодой человек был доставлен в больницу, но спасти его не удалось, он скончался от полученных ожогов.

Своим отчаянным поступком Чон надеялся привлечь внимание людей к изнанке свершавшегося в то время корейского экономического чуда, к судьбе деревенских девушек, которые подвергались жесточайшей эксплуатации в бесчисленных мелких мастерских, разбросанных по всей стране, но особенно многочисленных в Сеуле. До некоторой степени замысел Чона удался. О его смерти написали все основные

газеты Кореи, и многие люди стали задаваться вопросом, что можно и нужно сделать, чтобы облегчить положение корейских рабочих.

Чон Тхэ-иль родился в Тэгу 26 августа 1948 года — на 11-й день существования Республики Корея. Во время Корейской войны его семья бежала в Пусан, где в лагерях беженцев и прошло детство будущего рабочего активиста. Вскоре после окончания войны семья Чона отправилась в Сеул: как и многие другие корейцы, его родители надеялись, что в столице будет легче заработать на пропитание.

Первые годы жизни в Сеуле были тяжёлыми: одно время вся семья в буквальном смысле ночевала под мостом. К концу 1950-х гг., однако, дела начали постепенно налаживаться: отец Чон Тхэ-иля завёл небольшую швейную мастерскую, жили они теперь хоть и в лачуге, но, по крайней мере, не в землянке, а сын пошёл в начальную школу.

Как ни парадоксально, скромные успехи семьи были подорваны студенческой революцией 1960 года, свергнувшей режим Ли Сын-мана. Как раз накануне массовых выступлений столичных студентов отец Чон Тхэ-иля сумел заполучить большой и казавшийся очень выгодным заказ: от него требовалось сшить большое количество школьных костюмов. Он занял большую сумму денег, чтобы купить ткань и прочие необходимые материалы, но заказ был отменён в связи с начавшейся революцией. Вдобавок брокер-посредник, который организовал кредит, бежал с деньгами, и в результате семья Чона снова оказалась в нищете, да к тому же ещё и в долгах.

Чон Тхэ-илю пришлось бросить учёбу и заняться поиском работы. Поначалу он зарабатывал уличной торговлей, но, поскольку благодаря отцу немного разбирался в швейных машинках, в возрасте 17 лет смог устроиться мастером по обслуживанию этих не самых сложных, но очень важных

в то время устройств: швейная промышленность быстро превращалась в одну из главных экспортных отраслей страны и, соответственно, в один из основных источников валютных поступлений.

Чон Тхэ-иль работал в Сеуле, в огромном комплексе на рынке Тондэмун, где и были в основном сосредоточены швейные мастерские, работавшие на экспорт. Хотя проучился в школе Чон и недолго, по меркам своего времени и своей среды, он был неплохо образованным молодым человеком: он много читал и хорошо писал. Как и многие другие молодые корейцы его поколения, он вёл дневник.

На рынке у самого Чон Тхэ-иля дела пошли неплохо. Его вскоре повысили до техника, и благодаря его усилиям семья вновь начала выбираться из нищеты. Однако Чон был потрясён тем, что увидел в мастерских рынка Тондэмун.

Корейское экономическое чудо изначально основывалось на экстенсивном использовании дешёвой рабочей силы. В сущности, избыток рабочих рук был единственным конкурентным преимуществом Южной Кореи в 1960-х гг. В долгосрочном плане эта ставка на дешёвую рабочую силу себя оправдала, но она потребовала немалых жертв от простых людей, и жертвы эти не были добровольными (что бы ни писали про «всенародный порыв» и «массовый героизм», массовые жертвы вообще редко бывают добровольными, и это подтвердит любой непредвзятый историк).

Правительство сделало ставку на то, что реализация продукции, произведённой за счёт дешёвого труда, в итоге создаст условия для экономического роста и со временем даст возможность повысить уровень жизни всех корейцев. Так оно в итоге и случилось. Режим Пак Чон-хи оказался прав в своих расчётах, и, честно говоря, сейчас, с высоты прошедших десятилетий, я не вижу никакой другой стратегии, которая имела бы шансы на успех в те времена и в такой

Как ни странно, осталось мало фотографий, которые бы показывали жизнь текстильных заводов и швейных мастерских в Корее шестидесятых. Поэтому мы приводим в качестве иллюстрации кадр из современного (1995 г.) фильма, в котором речь идёт о тех временах и событиях

стране, как Южная Корея. Но, как бы то ни было, именно простые люди должны были расплачиваться за рискованную игру элиты (удачную — в этом случае, гибельную — во многих других).

В мастерских в районе рынка Тондэмун в подавляющем большинстве работали девушки из провинции. Средний возраст работниц был восемнадцать лет, а некоторым девочкам не исполнилось ещё и тринадцати. Смена начиналась в 8 утра и продолжалась до 11 вечера. К концу дня работницы полностью выбивались из сил, но наутро им снова надо было выходить на работу. В месяц у них был один выходной или в лучшем случае два, а воскресенья были обычными рабочими днями. Девушки зачастую голодали, поскольку их зарплаты не хватало даже на еду. Обычной болезнью был

туберкулёз, а некоторые из девушек принимали наркотические стимуляторы (амфетамины), чтобы подержать себя в рабочем состоянии и не засыпать за швейными машинками.

В 1968 году Чон узнал о положениях трудового законодательства, которое существовало (и даже было не таким уж и суровым) в теории, но беззастенчиво игнорировалось владельцами мастерских на практике. Будучи молодым идеалистом, Чон вместе с единомышленниками, такими же молодыми рабочими, попытался организовать профсоюз. Эти планы Чон Тхэ-иля не понравились ни работодателям, ни властям. О владельцах тут не приходится и говорить — их беспокоила возможная и даже неизбежная потеря прибылей. У властей, однако, тоже были причины для недовольства. Во-первых, независимый профсоюз выглядел как нечто подрывное, потенциально почти коммунистическое. Во-вторых, профсоюз наверняка стал бы требовать повышения зарплат, что поставило бы под угрозу экономическую стратегию правительства, которая базировалась именно на изобилии в стране дешёвой рабочей силы. В результате Чона просто уволили.

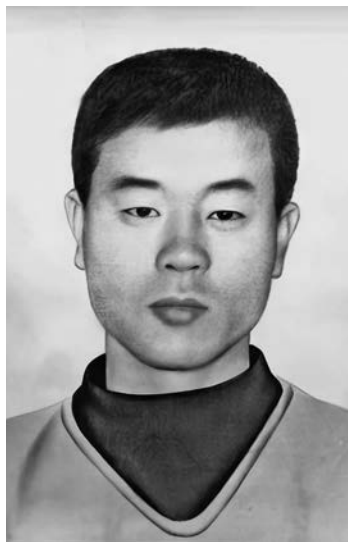
Чон Тхэ-иль вернулся на рынок Тондэmun в сентябре 1970 года. К тому времени ему было 22 года, у него появилась кое-какая квалификация и была перспектива со временем стать техником или, может быть, даже мелким предпринимателем. Однако идеализм заставлял Чона выбрать иной путь, который никак не был связан с личным успехом: он возобновил борьбу за организацию профсоюза работников местных мастерских.

Чон провёл опрос и собрал большой объём фактического материала об условиях труда на Тондэмуне. В октябре 1970 года он решил обратиться с этим материалом в СМИ, надеясь привлечь внимание общественности к тяжёлой

доле работников швейных мастерских. Сначала он пошёл на радио, но там интереса к материалу не проявили. Вскоре после этого, однако, «Кёнхян синмун», одна из крупнейших общенациональных газет, используя данные Чон Тхэ-иля, опубликовала статью об ужасающих условиях труда в мастерских Тондэмун. Статья обсуждалась по всей стране, а Чон вместе с другими активистами скупил 300 экземпляров газеты и раздал их рабочим на рынке Тондэмун. Но в результате этой публикации ничего в мастерских не изменилось. Чтобы ещё раз привлечь внимание к ситуации, Чон Тхэ-иль хотел провести митинг, но полиция не дала разрешения на организацию этого мероприятия.

Всё это довело Чона до отчаяния, и он в конце концов решил пожертвовать собой, причём сделать это таким образом, чтобы о положении рабочих, наконец, заговорили. Публичное самоубийство как форма протеста издавна было традицией в конфуцианских странах Восточной Азии (где, кстати, в отличие от христианской Европы, в самоубийстве никогда не видели ничего плохого). В те времена протестные самосожжения часто происходили в Южном Вьетнаме, и об этих самосожжениях много писала мировая печать, сообщения которой тоже могли повлиять на решение Чон Тхэ-иля.

Одна из немногих
сохранившихся фотографий
Чон Тхэ-иля

Действительно, самоубийство Чон Тхэ-иля не прошло незамеченным. «Тона ильбо», главная оппозиционная газета тех лет, назвала его важнейшим событием 1970 года. В университетах прошли митинги, посвящённые его памяти.

Огромное впечатление на всех произвёл его дневник, который был обнаружен корреспондентом «Чосон ильбо» и вскоре опубликован. Многих поразило не только содержание дневника, в котором речь шла о тяжёлой жизни рабочих швейных мастерских, но и его стиль. Обнаружилось, что Чон Тхэ-иль, заочно окончивший среднюю школу, мог писать грамотно и красиво.

Для профсоюзного движения Чон Тхэ-иль немедленно превратился в героя борьбы за права трудящихся — и остаётся таковым поныне. Фактически он стал одним из общепризнанных национальных героев, частью государственного пантеона, перед памятью которого преклоняются и правые, и левые.

Смерть Чон Тхэ-иля стала первой в череде самоубийств, которые в течение последующих двух десятилетий совершили около 40 южнокорейцев, по большей части — молодые радикалы.

Эти жертвы оказали большое воздействие на южнокорейское общество. Чон Тхэ-иль превратился в символ сопротивления и источник вдохновения для профсоюзного движения Южной Кореи, которое к концу 1980-х гг. стало одним из самых мощных в мире.

Самоубийство Чон Тхэ-иля и реакция на него общественности стали тревожным сигналом и для южнокорейской элиты. Южнокорейские руководители, многие из которых и сами в молодости увлекались коммунизмом, хорошо понимали, что революции не происходят по причине происков зловредных агитаторов. Поэтому правительство, движимое отчасти инстинктом самосохранения (хотя и не только им

одним), инициировало ряд мероприятий, направленных на повышение уровня благосостояния простых людей и снижение уровня социального неравенства.

Вообще, в годы военных режимов общественные движения, организованные и направляемые сверху, были важной чертой корейской жизни. Многие из этих кампаний сейчас вспоминаются с раздражением или с издевательской ухмылкой, но некоторые из них были вполне осмысленны — как, например, кампания по мобилизации населения для участия в программе восстановления корейских лесов. Об этой программе пойдёт речь в следующей главе.

ВОЗРОЖДЕНИЕ КОРЕЙСКОГО ЛЕСА

1972 г. — принят Первый план лесовосстановления

Южная Корея занимает одно из первых мест в мире по плотности населения — по состоянию на 2020 год приходилось 517 человек на квадратный километр. По этому показателю Корею опережают только Бангладеш, Ливан и Тайвань (а также несколько городов-государств). Вместе с тем корейская провинция на удивление зелена: холмы и горы, занимающие две трети всей территории страны, сплошь покрыты густыми лесами. Гостям Кореи, как, впрочем, и молодому поколению корейцев, эта картина кажется естественной, и они, не особо задумываясь, полагают, что так было всегда.

Однако ещё совсем недавно, в середине шестидесятых, Корея была страной абсолютно голых, безлесных холмов и гор. В горах вдоль восточного побережья ещё можно было иногда увидеть лес, но на большей части территории страны преобладающей цветовой гаммой в сельской местности тогда были коричневый и жёлтый, а не зелёный, как в наши дни. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть кадры кинохроники времён Корейской войны, которых сохранилось немало: бои идут на фоне унылых холмов, лишённых не только лесного покрова, но даже и кустарников.

Разумеется, много веков назад весь Корейский полуостров был покрыт густыми лесами, но высокая плотность населения — а она была высокой уже с давних времён — постоянно оказывала негативное воздействие на леса: древесина постоянно была нужна многочисленному населению полуострова и как топливо, и как строительный материал.

Нельзя сказать, что правители старой Кореи не понимали необходимости сохранять лесные массивы. Наоборот, они как раз старались защищать леса от вырубки, но их усилия не имели большого успеха. Когда в XIV веке к власти в стране пришла династия Ли (Чосон), на многих территориях был введён запрет на ведение тех видов хозяйственной деятельности, которые могли бы нанести ущерб лесам. Однако и это не помогло.

В наше время в уничтожении корейских лесов обычно обвиняют японцев. Это обвинение справедливо, только если говорить о севере полуострова, где в начале 1900-х гг. японские предприниматели действительно активно уничтожали леса на границе с Китаем. В этом сведении лесов, кстати, участвовали и российские предприниматели — получение ими концессии на вырубку леса в Корее стало последним толчком на пути к Русско-японской войне 1904–1905 гг. Однако в центральной и южной части полуострова большинство холмов потеряли лесной покров задолго до того, как в Корее появились первые японцы.

В частности, иностранные пассажиры, которые путешествовали по построенной в 1904 году железной дороге Сеул — Пусан, замечали, что за целый день им не удавалось увидеть ни одного дерева. Сейчас это звучит странно, ведь в наши дни многие участки этой дороги проходят через лесные массивы. Однако этим лесам, как мы сейчас увидим, всего лишь около полувека. Окрестности Сеула, как единодушно отмечали западные путешественники уже в 1890-х гг.,

---

к тому времени тоже были безлесными. В 1923 году известный писатель и путешественник Гарри Франк написал после поездки в Корею: «Пожалуй, первое, что бросается в глаза любому, кто приехал в Корею из Японии, это полное отсутствие там деревьев».

Первые попытки восстановить леса центральной Кореи были предприняты ещё колониальной администрацией. В частности, именно тогда был установлен день посадки деревьев (3 апреля), в который жителям колонии полагалось отправляться в горы и высаживать там саженцы деревьев. Однако эти усилия привели лишь к ограниченному успеху, а Корейская война 1950–1953 гг. ещё более усугубила ситуацию. Многочисленным беженцам тогда ничего не оставалось, кроме как рубить лес на дрова и строительные нужды, да и солдатам воюющих армий было не до охраны природы — их как-то больше интересовало то, где достать

Горы Сорак на восточном побережье страны — один из немногих регионов Кореи, в которых лесной покров никогда не исчезал

На фотографии, сделанной в 1970 году в южной части страны, изображён деревенский рынок скота. Однако следует обратить внимание на фон этой фотографии — деревня окружена горами, которые начисто лишены лесного покрова. Сейчас эти горы покрыты густым лесом — и мало кто в Корее помнит, что лес в горах появился совсем недавно, менее полувека назад

брёвна для блиндажей. В результате к 1952 году запасы деловой древесины в Южной Корее сократились вдвое по сравнению с уровнем 1942 года.

Исчезновение лесов предсказуемо привело к экологическим бедствиям. Реки порой полностью пересыхали зимой, но в сезон дождей стремительно выходили из берегов, и бурные потоки воды заливали поля, разрушали жилища и становились причиной гибели людей.

Как именно это происходило, можно представить на примере современной Северной Кореи. Обезлесение страны привело к разрушительным последствиям в результате наводнений в 1995 году. В тот год из-за необычайно сильных дождей наводнения случились в обеих частях Кореи.

Однако на покрытом к тому времени лесами Юге наводнений почти не заметили, а вот на Севере они привели к гуманитарной катастрофе. Поля были в прямом смысле слова смыты потоками воды, и от разразившегося в результате голода погибли сотни тысяч людей.

В Южной Корее пейзаж начал меняться в 1960-х гг. Эта перемена, как и многие другие тогда, стала результатом настойчивого стремления президента Пак Чон-хи преобразить экономику страны, её общество и до какой-то степени саму её землю. Пак Чон-хи проявил себя как горячий сторонник лесовосстановления.

Решение приступить к масштабным лесопосадкам Пак Чон-хи принял во время визита в Германию в 1964 году. Большое впечатление на Пака произвели немецкие автобаны, которые он позже распорядился скопировать в Корее. Однако понравились ему не только автобаны: густые леса Германии, страны с высокой плотностью населения, произвели на президента не меньшее впечатление. Вернувшись домой, Пак решил всерьёз взяться за восстановление лесного покрова страны.

К тому времени в стране уже появились ресурсы, пусть и ещё и скромные, которые можно было потратить на программу возрождения корейских лесов. В результате Первый план лесовосстановления (1972–1982) коренным образом изменил панораму центральных районов страны. Именно тогда лес вновь появился на склонах холмов и гор в тех местах, где он был полностью вырублен в XVII–XVIII веках. Это достижение даже получило признание со стороны ООН, официально объявившей Корею (наряду с Израилем) мировым лидером в области восстановления лесного покрова.

В самом деле, 84% всех ныне существующих южнокорейских лесов было посажено в 1964–1984 гг., то есть в период правления Пак Чон-хи и в первые несколько лет после его

Южнокорейский вариант субботника —
горожане приехали на работы по высадке леса на склонах гор и холмов.
1978 год

гибели. С 1961 по 1987 год показатели запасов древостоя в Корее (то есть древесины растущих деревьев) увеличились в пять раз — с 11 до 56 м³/га. В последующие два десятилетия запасы древостоя опять удвоились, достигнув 103 м³/га, но это увеличение произошло главным образом просто за счёт роста тех деревьев, что были посажены ещё в шестидесятых и семидесятых.

Правительство не без оснований рассчитывало, что население страны в целом поддержит усилия, направленные на восстановление корейского леса. Объяснить корейским крестьянам, в чём состоит важность лесовосстановления, не составило труда. В результате в 1970–1980-х гг. каждую весну тысячи людей отправлялись на безлесные холмы

и горы, чтобы высаживать молодые деревца. Их труд считался добровольным и не оплачивался. И хотя принуждение со стороны официальных лиц до некоторой степени всё же имело место, большинство волонтеров проекта действительно рассматривали участие в посадках леса как свой гражданский долг.

5 апреля было объявлено праздником — Днём высадки деревьев. Это был нерабочий день, который на практике превращался в некое подобие «всесоюзного субботника», который, полагаю, памятен нашим читателям старшего поколения. Подразумевалось, что в этот день большинство корейцев отправится на добровольные работы по посадке леса.

За всю программу высадки лесов отвечал молодой чиновник Ко Гон. Успех программы запустил его карьеру, так что в 37 лет он стал губернатором провинции. Со временем Ко Гон дважды занимал пост мэра Сеула, стал премьер-министром и даже одно время считался вероятным президентом страны. Курировал программу другой человек, имя которого в этой книге упоминается не раз, — Ким Хён-ок, харизматический мэр Сеула в 1966–1970 гг. (см. главу 38 и главу 42). После своей отставки с поста мэра столицы Ким Хён-ок стал министром внутренних дел.

Не обходилось и без показухи. Например, правительство требовало, чтобы леса обязательно высаживались в юго-восточной части страны, хотя преобладающие там скалистые почвы делали высадку леса непростой задачей. Причина, по которой этому региону уделялось особое внимание, была чисто политической. В то время большинство иностранцев прибывало в Корею самолётами из Японии, и Пак Чон-хи говорил, что надо сделать так, чтобы в окно самолёта иностранцы сразу же увидели покрытую лесами страну. Чтобы решить эту пиаровско-политическую задачу, корейским лесоводам пришлось даже разработать методики, которые

позволяли высаживать деревья в скалистый грунт (это оказалось непростой задачей).

Чтобы снизить опасность для высаживаемых деревьев, корейское правительство взяло курс на изменение образа жизни и хозяйствования в сельской местности. В частности, сельских жителей призвали отказаться от использования дров для отопления, поощряя (в том числе и деньгами, через систему субсидий) использование каменного угля — ведь уголь был одним из тех немногих полезных ископаемых, промышленные запасы которых в Южной Корее имеются. Разумеется, были установлены большие штрафы за повреждение саженцев.

Нечего и говорить, что, как и у всякого крупного начинания, осуществляемого государственными органами, то есть бюрократами, у программы лесовосстановления были и свои недостатки. Во многих случаях чиновникам хотелось отчитаться о как можно большей площади лесопосадок, поэтому они пренебрегали необходимостью ухаживать за уже высаженными деревьями и бросали все силы на посадки на новых территориях. Следствием этого стала плохая приживаемость саженцев. В некоторых случаях для посадки выбирались не самые подходящие породы деревьев. Некоторые из этих недостатков были исправлены в ходе Второго плана лесовосстановления, осуществлённого в 1979–1988 гг.

В наши дни в среде корейских интеллектуалов модно (и, скажем прямо, весьма полезно для академической карьеры) критиковать всё, что было сделано президентом Паком, поэтому недостатки его любимого проекта неоднократно подчёркивались и смаковались. Однако факт остаётся фактом: Корея добилась успеха в том начинании, в котором многие другие страны — пожалуй, большинство других стран — потерпели неудачу. Корейские горы теперь снова покрыты густым лесом. Как это ни удивительно, большинство молодых

корейцев ничего не знают о программах лесовосстановления и многие пребывают в уверенности, что южнокорейские горы были покрыты богатой растительностью всегда.

Среди многочисленных перемен, которые произошли в корейском обществе в семидесятые, стало и разрушение старого принципа, в соответствии с которым женщина могла работать только до замужества. Об этом речь пойдёт в следующей главе.

МЕСТО ЖЕНЩИНЫ – НА РАБОТЕ?

1976 г. – корейские банки отказываются от практики
обязательного увольнения женщин-сотрудниц
после их замужества

В мае 1976 года корейские банки объявили о том, что отныне они готовы принимать на работу замужних женщин, отменив таким образом прежнее правило, в соответствии с которым за замужеством сотрудницы в обязательном порядке следовало её увольнение с работы. В те времена от девушек, поступающих на работу в банки или иные фирмы (а брали туда тогда только незамужних), требовали в письменной форме согласиться с тем, что они будут уволены после вступления в брак. Отказ от этой практики стал результатом общенациональной кампании, инициатором которой выступила Ли Мён-сук, сотрудница банка «Чохын» (сейчас банк «Синхан»), отказавшаяся увольняться с работы после своего замужества.

Примечательно, что тот же банк «Чохын» когда-то стал первым в Корее банком, который принял женщину на работу. Случилось это 17 января 1920 года, когда Чо Су-чжа стала первой в Корее женщиной — сотрудником банка. Для того времени это было революционным достижением.

Если говорить о борьбе корейских женщин за право на работу и, соответственно, на самостоятельный доход,

Так выглядела «женская работа» на протяжении столетий –
жительницы Сеула стирают в ручье. 1904 год

то надо сказать, что эта борьба прошла три этапа. На первом, который начался в 1920-е гг., во времена Чо Су-чжа, и закончился к шестидесятым, корейки добились права работать до замужества. На втором этапе, в семидесятые и восьмидесятые, им удалось добиться того, что право на работу стало сохраняться за ними и после замужества, а также и после рождения детей. Наконец, сейчас разворачивается третий этап, в ходе которого в Южной Корее всё большее распространение получают идеи современного западного феминизма. Впрочем, об этих идеях, равно как и о такой теме, как борьба с сексуальными домогательствами (движение Ме Тоо есть и в Южной Корее), мы сейчас говорить не будем, сосредоточившись на борьбе женщин за право на трудоустройство и работу по найму.

Говоря о кореянках, которые пошли по стопам Чо Су-чжа, надо понимать, что речь здесь идёт о женщинах из среднего класса, который до начала девяностых составлял в корейском обществе привилегированное меньшинство. В своём большинстве женское население страны тогда состояло из крестьянок и бедных горожанок, которые почти поголовно работали с детских лет. Другое дело, что работали они не в офисах и даже, как правило, не на заводах, а в собственном хозяйстве. Вместе с родителями они трудились на полях, помогали в мастерских и лавках, занимались тяжёлым домашним трудом (попробуйте обстирывать семью из десяти человек, не имея не только стиральной машины, но и водопровода!).

На Западе образованные незамужние женщины стали в массовом порядке занимать низовые офисные должности уже с 1890-х гг., однако в патриархальной Корее ситуация была совершенно иной, и можно восхищаться как самой Чо Су-чжа, так и её работодателями, которые отважились на такую авантюру — наняли женщину для выполнения заведомо *мужской работы*.

Чо Су-чжа не стала знаменитостью, так как вскоре её перевели в Токио (ни причины перевода, ни её дальнейшая судьба автору неизвестны). Слава досталась другой кореянке, Ким Сэн-рё, которую в декабре 1921 года приняли на работу в банк «Саноп» («Промышленный банк»). Она работала в отделении банка в районе Тондэмун, и самого её присутствия в офисе было достаточно, чтобы привлекать туда любопытных.

На протяжении тридцатых годов женщины-клерки оставались в Корее редкостью, а карьерных перспектив в нынешнем понимании у них не было вообще. Незамужние девушки, которых нанимали для канцелярской работы, служили *офисными цветами* (очень распространённое и тогда,

---

и в позднейшие годы клише). На практике это поэтическое выражение означало, что женщин просто не рассматривали в качестве полноценных коллег. Никто ведь не интересуется мнением комнатных растений по поводу новой системы расчётов, и даже самая красивая роза не обязана посещать утреннюю планёрку.

Причиной такого отношения были не только патриархальные взгляды мужчин (разделяемые тогда и большинством женщин), но и практический расчёт. Никто не ожидал, что девушка из среднего класса или тем более из элиты будет работать долго, — она должна была выйти замуж, а, согласно традиционным представлениям, замужняя женщина обязана всё своё время и все свои силы посвящать мужу и семье. Соответственно, если девушка из *верхних 5%* и шла работать, она вливалась в ряды канцелярских служащих незадолго до своего двадцатилетия, а очень скоро, примерно в 22–23 года, уже выходила замуж и увольнялась. Неслучайно в те времена популярностью пользовалась шутка: «Поскольку девушки — это *офисные цветы*, то их надо часто менять».

В тридцатые годы сама по себе идея работы вне дома, пусть и кратковременной, принималась лишь немногими образованными женщинами (которых тогда было очень мало). Однако ситуация постепенно менялась, и к началу шестидесятых то, что женщина — по крайней мере, горожанка — работает до замужества, стало восприниматься как нечто само собой разумеющееся. За редким исключением подразумевалось, что девушка поступает на службу после завершения образования и оставляет её, выйдя замуж.

Офисные барышни тех лет принадлежали к элите общества. В подавляющем большинстве это были девушки из семей среднего класса, имевшие образование, необходимое для выполнения *чистой* офисной работы. Женщинам

из менее привилегированных слоёв, как уже говорилось, приходилось работать на фабриках и мастерских или — ещё чаще — на полях и огородах.

За расширение экономических возможностей и прав начали бороться как раз дочери богатых или, по меньшей мере, обеспеченных людей. В этом нет ничего удивительного: во всём мире феминизм изначально возник как движение женщин среднего класса, то есть *низов элиты*, и ориентировался в первую очередь на решение специфических проблем женщин из этого слоя (что не исключает того, что в итоге плоды успехов пожинали представительницы всех социальных слоёв). Так, в семидесятые годы кампанию против обязательных увольнений начали банковские работницы, на тот момент, вероятно, самая высокооплачиваемая и привилегированная часть работающих по найму корейнок.

Поступая на работу в банк, девушки подписывали формальное обязательство уволиться после замужества. Однако офисные цветы вовсе не стремились к тому, чтобы их, как полусхотливо говорили циники, *меняли почаше*. Ли Мён-сук начала борьбу за сохранение рабочего места в конце 1974-го, и в течение года индивидуальный протест перерос в общенациональное движение. С ноября 1975 года сотрудницы банка «Чохын» в массовом порядке отказывались подписывать заявления об увольнении с работы в связи с вступлением в брак. Вскоре к ним присоединились работницы других банков, и в 1976 году система обязательных увольнений в банках была полностью отменена.

Но если от обязательного увольнения замужних женщин в семидесятые и начале восьмидесятых отказались в крупных банках и в государственных учреждениях, то в частных компаниях — особенно мелких — такая система просуществовала заметно дольше. Так, по данным проведённого весной 1995 года исследования, подобная практика тогда

Жители и жительницы Сеула едут с работы.
1984 год

по-прежнему существовала в 13,6% крупных фирм. В действительности она была ещё более распространена, так как, во-первых, увольнение вышедшей замуж сотрудницы было более характерно для мелких фирм, а во-вторых, в упомянутые 13,6% попали только те компании, где увольнение происходило автоматически. Полностью практика обязательных увольнений замужних женщин сошла на нет только в начале нынешнего XXI столетия, хотя последний случай, когда такую систему пришлось ликвидировать официально, случился в маленьком городе Куми в 2017 году.

В большинстве корейских семей зарплата мужа тогда являлась не просто главным, но практически единственным источником денежного дохода. По состоянию на 1970 год 92% дохода в корейской семье давала работа её главы, в то время как совокупный заработок всех остальных членов семьи, включая, разумеется, и доходы жены, обеспечивал только 8% поступлений в семейный бюджет. В идеале

жена, которую (отнюдь не случайно) по традиции называли *внутренний человек* или *человек нашего дома*, должна была вести хозяйство, воспитывать детей и, как это ни покажется странным, контролировать финансы (в подавляющем большинстве корейских городских семей все деньги находятся в руках жены). Вплоть до конца 1970-х гг. производственная и общественная деятельность считались сферами, в которых женщинам (по крайней мере, замужним) места нет и не должно быть.

До 1992 года в корейских банках вполне официально существовала система, которая узаконивала дискриминацию женщин в оплате труда. За совершенно одинаковую работу женщины получали меньше, поскольку считались не полноценными членами коллектива, а лишь временными сотрудниками. Их зарплата составляла примерно 70% от зарплаты мужчин, которые выполняли точно такую же работу.

Принятие в 1988 году «Закона о равноправии полов» и официальная отмена в 1992 году дискриминационных ограничений означали серьезные изменения в отношении к работающим женщинам.

На изменение отношения к проблеме «женщина и работа» немалое влияние оказало резкое увеличение числа женщин с высшим образованием. До конца 1960-х гг. высшее образование было для женщин почти недоступно, так как в большинстве семей его просто не считали необходимым. Ещё в 1977 году в Корее только 33% опрошенных сказали, что хотели бы в перспективе дать дочерям высшее образование (для сыновей эта цифра составила тогда 55,5%, то есть была в полтора с лишним раза больше). Спустя всего лишь 13 лет, в 1990 году, университетский диплом для дочерей сочли необходимым 61,3%, а для сыновей — 61,9% опрошенных. Правда, южнокорейские родители, стремясь дать дочерям высшее образование, по инерции воспринимали его

в первую очередь как необходимое условие для удачного замужества, ведь к началу девяностых в Корее девушке без диплома было уже практически невозможно выйти за университетского выпускника.

Как бы то ни было, к концу XX века усилия корейнок увенчались успехом, хотя значительная часть женщин и в наши дни являются домохозяйками. Тем не менее работа по найму к концу девяностых стала для корейских горожанок, в том числе и замужних, делом обычным.

Урбанизация Кореи вела не только к изменениям в отношениях полов. Её побочным (и в целом не очень приятным) результатом стало превращение Сеула в мегаполис — гигантский, но расположенный крайне неудачно. О попытках корейских властей решить эту проблему рассказывает следующая глава.

КОРЕЙСКАЯ СТОЛИЦА: ПОПЫТКИ К БЕГСТВУ

1976 г. — первая попытка перенести столицу
из Сеула

Корея всегда была очень централизованной страной, а в последние десятилетия и вовсе стала напоминать город-государство. На начало 2000-х гг. в Сеуле было сосредоточено 76% южнокорейского экономического потенциала и 62% всех финансов Кореи, а в так называемом *столичном регионе*, включающем Сеул, Инчхон и провинцию Кёнгидо, сейчас проживает больше 25 млн человек, то есть ровно половина населения страны.

Однако у южнокорейского правительства есть немало оснований для беспокойства по поводу концентрации всего и вся в столице страны.

Во-первых, подобная концентрация опасна с военной точки зрения. Не только Сеул, но и практически весь столичный регион располагается в зоне досягаемости тяжёлой северокорейской артиллерии, которая фактически стоит у северных пригородов столицы. При этом Северная Корея время от времени прямо и недвусмысленно напоминает о тех преимуществах, которые даёт географическая близость южнокорейской столицы. Так, в 2009 году в официальном заявлении правительства КНДР говорилось: «Южная Корея

Официальный снимок правительственных зданий в городе Седжоне.
Пожалуй, снимок этот хорошо показывает характер
«административного города Седжон»

не должна забывать, что Сеул расположен всего лишь в 50 километрах от военной демаркационной линии». Несколько раз северокорейские переговорщики заявляли, что Север «превратит Сеул в море огня», если очередные требования Пхеньяна не будут выполнены. Можно считать это лишь формой вербального дипломатического шантажа, который не стоит понимать буквально, но печальный для Юга факт состоит в том, что угрозы являются технически выполнимыми, — и в Сеуле это понимают ещё с середины шестидесятых.

Во-вторых, гиперконцентрация населения в столице не является оптимальной и с экономической точки зрения. Уже к середине 1970-х гг. в Сеуле и его окрестностях проживало около трети всего населения Южной Кореи, а сегодня этот показатель превысил 50% и продолжает расти. Такое скопление людей на столичных территориях

оказывает неблагоприятное воздействие на региональное развитие — тем более, что Сеул находится далеко от географического центра страны, фактически — на её северо-западной окраине.

Как же вообще получилось, что Сеул, столь неудобно расположенный, в 1948 году стал столицей Республики Корея? На то были политические причины. Сеул служил важнейшим центром жизни Кореи с XIV века, и с течением времени в сознании корейцев именно этот город стал синонимом *стольного града*, местом, где решаются судьбы страны, строятся карьеры, создаются великие произведения искусства и делаются огромные состояния. Престиж Сеула был настолько высок, что до 1972 года даже Северная Корея официально, согласно собственной Конституции, считала Сеул столицей Северокорейского государства, а Пхеньян — «временным местопребыванием» правительства КНДР. Контроль над Сеулом достался южнокорейскому руководству достаточно случайно, по результатам спешно подготовленного в августе 1945 года двумя американскими офицерами предложения о временном разделе страны. Однако руководство Юга постаралось извлечь максимальные политические дивиденды из столь ценного, пусть и почти случайного, приобретения. Поэтому логично, что в 1953 году, сразу по окончании Корейской войны, президент Ли Сын-ман вернулся в Сеул — вопреки советам генералов, которые предпочли бы, чтобы президент и правительство оставались в безопасном Пусане.

В начале 1960-х гг. население столицы составляло 3 млн человек, к началу 1970-х гг. увеличилось до 6 млн и продолжало расти. И столичная администрация, и центральное правительство были весьма обеспокоены высокими темпами роста населения (см. главу 26). В 1974 году было даже проведено специальное исследование на тему

«Изучение возможных мер по ограничению концентрации населения на территории Сеула». Эта работа объёмом в 540 страниц, как легко догадаться, ни на что не повлияла.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что время от времени южнокорейское правительство начинает разрабатывать очередной план побега из Сеула — то есть, конечно же, план переноса столицы. Пока таких попыток было две — и обе окончились неудачей. Возможно, лишить Сеул его статуса — задача невыполнимая в принципе.

Первую попытку предпринял в середине 1970-х гг. президент Пак Чон-хи (для одних корейцев — «кровавый палач демократии», для других — «гениальный создатель современной Кореи» и «отец экономического чуда»). В 1975 году он заявил, что идеальным решением стало бы создание *административной столицы* с населением в 1 млн человек в центральной части страны. В 1976 году, впрочем, решили, что и город с населением в 250 000 вполне справится с административными задачами столицы. Предполагалось, что Сеул останется деловым и экономическим центром страны, превратившись в этакий «*корейский Нью-Йорк*», в то время как функции «*корейского Вашингтона*» перейдут к городу меньшего размера, расположенному дальше к югу.

В принципе, нет ничего необычного в плане создания административной столицы — относительно небольшого города, населённого в основном чиновниками и их обслугой. Такими столицами, в частности, являются Канберра в Австралии, Бразилиа в Бразилии, долгое время ею был и Бонн, столица Западной Германии до объединения страны. До определённой степени административными столицами можно считать и Вашингтон с Оттавой.

В конце 1975 года чиновники и эксперты занялись детальной проработкой плана. Вначале работы шли в обстановке секретности, но уже в феврале 1977 года план был

обнародован, а в июле 1977 года принят «Закон о временной административной столице». Словом, началась реализация проекта, и бюрократические шестерни завертелись.

Представляя план в феврале 1977 года, президент Пак ясно обозначил основные критерии, которым должна соответствовать будущая столица. Во-первых, она должна располагаться в пределах полутора часов езды от Сеула. Во-вторых, от неё не должно быть больше 50 километров до какой-либо из станций железной дороги Сеул — Пусан, являвшейся основой корейской транспортной инфраструктуры в те доавтомобильные годы. В-третьих, столицу следовало строить на максимальном удалении от потенциальной линии фронта. Впоследствии эти условия частично пересматривались, но суть оставалась неизменной: новая столица должна находиться на безопасном расстоянии от северного соседа, быть как можно ближе к географическому центру Южной Кореи, но в то же время оставаться в пределах разумной досягаемости от Сеула.

В итоге для возведения нового города был выбран район неподалёку от Тэджона. Планировалось построить скоростное шоссе, а также железную дорогу, которые позволили бы добираться до новой столицы из Сеула меньше чем за два часа. Некоторую роль в выборе места сыграло, как можно предполагать, то немаловажное обстоятельство, что в районе будущей столицы большинство населения было убеждёнными лоялистами и поддерживало режим Пак Чон-хи. Оппозиция и её тогдашний руководитель Ким Тэ-чжун по той же причине резко протестовали против планов переноса столицы. Ким Тэ-чжун даже заявил, что расположение столицы на опасной границе, дескать, полезнее в военном отношении, так как в случае войны отступить будет некуда, и агрессору с Севера будет дан особо яростный отпор.

По отношению к будущей столице в законе 1977 года отнюдь не случайно использовали определение «временная». Предполагалось, что после объединения Кореи столица вернётся в Сеул, откуда будет происходить управление уже всем Корейским полуостровом. Это казалось логичным решением: в нём учитывалось как огромное историческое значение Сеула, так и его удобное расположение в центре Корейского полуострова.

В начале 1978 года городские архитекторы и проектировщики начали работу над проектом административной столицы. Для этого в Корейском институте науки и технологии (KAIST) была сформирована специальная проектная группа. Она включала молодых инженеров и архитекторов, большинству из которых на тот момент было чуть больше тридцати. Группа начала работу над планировкой города, а также разработку эскизных проектов некоторых важнейших сооружений будущей столицы — включая и президентский дворец, который должен был располагаться на берегу искусственного озера. Для участия в работе были приглашены и иностранные консультанты, среди которых были архитекторы мирового уровня.

Вскоре, однако, работы пришлось притормозить. В 1977–1978 гг. выяснилось, что Вашингтон готовится к выводу из Южной Кореи американских войск (вывод осуществлён так и не был, но обсуждался вполне всерьёз). Средства, которые изначально были выделены на строительство новой столицы, пришлось использовать для компенсации неизбежного в новых условиях увеличения военного бюджета. В октябре 1979 года был убит президент Пак — самый активный сторонник переноса столицы. После этого в стране наступил короткий период гражданских волнений, завершившийся в конце 1980 года установлением нового диктаторского режима.

В результате всех этих событий работы по переносу столицы сначала замедлились, а с 1980 года были и вовсе прекращены. Разговоры о желательности переноса продолжались ещё несколько лет, а принятый в 1977 году «Закон о временной административной столице», о котором постепенно все благополучно забыли, формально оставался в силе до 2004 года. Однако у нового военного правительства были другие приоритеты, так что оно ограничилось тем, что перенесло часть учреждений из центрального Сеула в Квачхон, который формально считается отдельным городом, а фактически является дальней южной окраиной Сеула.

В начале 2000-х гг. идея переноса столицы вдруг снова оказалась в центре внимания, хотя произошло это в совершенно других политических обстоятельствах.

К планам переноса столицы вернулся Но Му-хён, избранный президентом в 2002 году. В этом была немалая доля иронии: Но Му-хён, левый националист и популист, всегда позиционировал себя как противник всего связанного с наследием генерала Пак Чон-хи. Кроме того, он всегда подчёркивал, что является последователем бывшего видного оппозиционера, а затем и президента страны Ким Тэ-чжуна, который, как упоминалось, когда-то был яростным противником переноса столицы.

Однако проблемы, вынудившие южнокорейское правительство задуматься о переносе столицы в 1970-е гг., не потеряли актуальности и в начале 2000-х. Неожданного вторжения Северной Кореи, спору нет, к тому времени стали бояться заметно меньше — в первую очередь потому, что военное превосходство Юга стало очевидным. Однако концентрация населения в Сеуле и его округе продолжала возрастать — к тому времени в столичном регионе проживало 46% населения страны.

В сентябре 2002 года Но Му-хён, тогда ещё кандидат в президенты, пообещал, что в случае избрания он проведёт референдум по переносу столицы в центральную часть Южной Кореи. Таким образом, утверждал кандидат, удастся добиться того, что «чиновники станут ближе к народу».

Впрочем, политтехнологи сразу отметили, что у нового плана был и явный политический подтекст. В провинции Чхунчхон, на территории которой собирались возводить новую столицу, симпатии избирателей к тому времени были уже давно разделены примерно поровну между сторонниками левых националистов (то есть Но Му-хёна) и сторонниками консерваторов. Но Му-хён рассчитывал, что постройка новой столицы сдвинет баланс сил в этом регионе в пользу сторонников его лагеря.

Консервативная оппозиция немедленно выразила несогласие с планом переноса столицы, хотя план этот почти в точности повторял предложения президента Пак Чон-хи, кумира южнокорейских консерваторов. Правые выдвигали примерно те же контраргументы, что и их оппоненты 25 лет назад. Как видим, правые и левые просто поменялись местами: двойные стандарты не чужды обоим корейским политическим лагерям.

В октябре 2003 года президент Но Му-хён внёс законопроект о новой административной столице на рассмотрение Национального собрания. В южнокорейском парламенте большинство тогда составляли представители оппозиции, но они изначально были уверены, что ничего из этой затеи не выйдет, и не выступили против законопроекта. Однако сразу же после голосования противники переноса столицы подали петицию в Конституционный суд. Противники президента требовали провести референдум, рассчитывая, что планы Но Му-хёна будут отвергнуты народным волеизъявлением.

Однако Конституционный суд пошёл гораздо дальше. Вместо поддержки идеи о референдуме судьи постановили, что решение о переносе столицы противоречит тому, что они назвали «неписаной конституцией Республики Корея». По мнению Конституционного суда, перенос должен рассматриваться как поправка к Конституции и в таком качестве требует одобрения как минимум двух третей депутатов Национального собрания (получить такое большинство практически невозможно). В результате президенту пришлось пересмотреть план и объявить, что в будущую административную столицу будет выведена только часть центральных государственных учреждений.

Правые попытались отменить и этот план Но Му-хёна, но Конституционный суд снова вмешался в процесс, сохранив план в усечённом виде. В 2005 году суд постановил, что частичный перенос госучреждений в соответствии с принятым ранее законом должен продолжаться. Придя к власти в 2008 году, правые опять попытались остановить перенос части учреждений из Сеула, но потерпели неудачу.

Понятно, что проекты новой столицы, подготовленные при президенте Пак Чон-хи, давно устарели. Для административного города, который после решения Конституционного суда больше не следовало называть административной столицей, выбрали новое место. Впрочем, недалеко от того, где предполагалось строить новую столицу по плану 1977 года, — вблизи Тэджона. Город этот называли Седжон — в честь корейского короля, правившего страной в XV веке (он известен в первую очередь как человек, под чьим руководством была создана корейская письменность хангыль).

После этого началась неспешная работа по постепенному выводу части центральных учреждений из Сеула. Работа эта затянулась на многие годы — не в последнюю очередь потому, что сотрудники министерств и ведомств вовсе

не рвутся в Седжон. На 2020 год ситуация выглядит следующим образом: из 53 министерств и ведомств правительства Республики Корея 16 переехали в Седжон и его окрестности, причём из 22 министерств там оказались 12.

Население административного города Седжон на конец 2020 года составляло 353 000 человек — в три раза больше, чем в 2012 году. Тем не менее едва ли не большинство чиновников по-прежнему живут в Сеуле. По статистике, летом 2020 года из 110 чиновников 1-го (высшего) класса, официальное место работы которых находилось в Седжоне, только 48 человек приобрели там жильё, да и среди них у 36 человек была недвижимость также и в Сеуле. Иначе говоря, из 110 высших чиновников страны в Седжон полностью и всерьёз переселились 12 человек.

По действующим правилам главы министерств и ведомств, которых жестокая судьбина закинула в Седжон, должны проводить в своих «главных» офисах (то есть в офисах в Седжоне) ровно половину присутственного времени. На практике, как выяснили журналисты, в среднем они находятся в этих офисах около 30% всего рабочего времени, проводя остальные 70% в Сеуле.

Впрочем, дело не ограничивается высшим начальством. Среди тех сотрудников центральных учреждений, которые всё-таки перебрались в Седжон, ровно половина (48%) переехали туда без своих супругов. При том что в современной Южной Корее раздельное проживание супругов по служебным обстоятельствам — явление куда более распространённое, чем в современной России, такая доля соломенных вдовцов и вдов всё-таки необычна. Эта цифра ясно показывает, что для чиновников этот странный город остаётся своеобразным «полевым лагерем», в то время как их настоящая жизнь продолжает протекать в Сеуле. Учитывая такой состав местных чиновничьих

семей, не приходится удивляться тому, что по выходным Седжон превращается в город-призрак, город без людей: значительная часть его населения откочёвывает в Сеул, к жёнам и детям.

На практике это означает, что большинство служащих центральных ведомств проводят значительную часть времени в поездах, автобусах и машинах, странствуя между Седжоном и Сеулом. Для них созданы специальные скоростные автобусные маршруты, соединяющие правительственный комплекс в центре Сеула, где компактно расположены оставшиеся там министерства и ведомства, и город Седжон. Дорога занимает около двух часов в одну сторону. В целом на финансирование командировок чиновников из располагающихся в Седжоне министерств и ведомств на протяжении 2016–2018 гг. было потрачено около \$80 млн.

Такая система даёт возможность при желании попросту «исчезать»: заявив в Седжоне, что отправились в Сеул, а в Сеуле — что уехали в Седжон, изобретательные чиновники отправляются домой или по своим делам. К подобным комбинациям особенно склонны бюрократы среднего звена, которые, с одной стороны, имеют больше свободы, чем младшие служащие, а с другой — не привлекают к себе такого внимания, как высшее начальство. Как показало одно из расследований, самый изобретательный (и самый наглый) из таких чиновников в 2015 году ухитрился, провалившись в пространство между Сеулом и Седжоном, прогулять почти 100 рабочих дней. Впрочем, куда более распространённой является ситуация, при которой чиновник появляется на рабочем месте два дня в неделю, а остальное время проводит в Сеуле, действительно решая там самые разнообразные вопросы. Всё чаще можно услышать и жалобы на то, что перевод государственных учреждений в город

Седжон, который, как мы помним, должен был «сблизить» служащих с народом, в действительности привёл к тому, что чиновники оказались в ещё большей изоляции от людей, проблемы которых им полагается решать.

В принципе, первая попытка переноса столицы со-
рвалась, а вторая завершилась лишь частичным успехом. Однако похоже, что сейчас назревает третья попытка: президент Мун Чжэ-ин, считающий себя учеником и продолжателем Но Му-хёна, в 2020 году стал снова продвигать идею о переносе столицы. Он надеется, что Конституционный суд, состав которого сильно изменился, пересмотрит старое решение и даст добро на полный перенос столицы.

Пока неясно, чем закончится третья попытка побега корейской центральной власти из Сеула. Ожидается, что в случае успеха инициативы Мун Чжэ-ина в Седжон и его округу переедут все центральные министерства и ведомства, а также парламент страны. Однако, к чему бы ни привели все эти усилия, первенство Сеула и его статус как главного города страны всё рано останется непоколебимым. Ни у сурово-прагматичного диктатора Пак Чон-хи, ни у велеречивого популиста Но Му-хёна не получилось пошатнуть доминирующее положение этого города — скорее всего, не получится и у их преемников.

В 1960-е и 1970-е гг. были и другие попытки устранить стратегические угрозы, нависавшие над Сеулом, и сделать развитие столицы более сбалансированным. Одной из таких попыток стал проект застройки южного берега реки Ханган. В отличие от переноса столицы, он оказался успешным, и как раз об этом мы поговорим в следующей главе.

КАННАМ-СТАЙЛ: НАЧАЛО

1970-е гг. — Каннам становится центром
«нового Сеула»

Сейчас в Корее найдётся немного мест, способных соперничать с сеульским районом Каннам по богатству и, скажем так, урбанистическому совершенству. Уже не первое десятилетие Каннам, то есть та часть Сеула, что расположена на южном (левом) берегу реки Ханган, рассматривается как обиталище людей богатых и влиятельных, а порой — и как символ социального неравенства. В связи с этим Каннам превратился в излюбленный объект обличительных речей корейских левых, лидеры которых, кстати сказать, сами в своём большинстве почему-то проживают именно там, в этом *гнездилище порока и привилегий*.

В такой ситуации кажется весьма странным, что всего полвека назад правительство Южной Кореи было вынуждено реализовывать специальные программы, направленные на заселение Каннама, к которому жители Сеула относились примерно так же, как сейчас жители российской столицы — к районам Новой Москвы (и примерно по тем же причинам).

Развитие Каннама началось в первой половине 1960-х гг. В 1961 году южнокорейское правительство обратилось

за помощью к известному бизнесмену Пак Хон-сику. Пак некогда был одним из богатейших людей Кореи. В колониальные времена он основал универмаг «Хвасин» — первый в стране универмаг, чьим владельцем был кореец, а не японец. После восстановления независимости Пак Хон-сик лишился большей части состояния и дважды подвергался аресту: сначала за прояпонскую деятельность в годы колониального правления, а затем — за коррупционные контакты с режимом Ли Сын-мана.

Несмотря на все злоключения, у Пака по-прежнему оставались хорошие связи, и именно поэтому власти предложили ему разработать новый план развития Сеула. От бизнесмена требовалось использовать деловые связи, включая зарубежные, особенно в быстро богатевшей тогда Японии, для привлечения инвесторов, готовых вкладывать деньги в развитие новых районов города.

Идея Пак Хон-сика была проста: дальнейший рост Сеула возможен только в том случае, если город распространится и на южный берег реки Ханган. На протяжении веков Сеул занимал только правый, северный берег реки, в то время как на левом, южном берегу, располагались маленькие деревушки, поля и огороды. Пак Хон-сик рассчитывал построить на южном берегу жилые кварталы на 480 000 жителей, причём сделать это всего за 10 лет.

План Пак Хон-сика так и не был воплощён в жизнь, поскольку ему так и не удалось найти инвесторов. Однако идея *перехода через реку* продолжала будоражить умы. Стремление развивать левобережье было обусловлено не только логикой расширения Сеула, но и военными соображениями: в случае новой Корейской войны население северной части столицы могло легко оказаться в ловушке, будучи запертым между наступающими северокорейскими войсками и рекой. В 1963 году административные границы Сеула были

расширены, и в его состав вошли обширные территории на противоположном берегу Хангана, что раньше находились за пределами городской черты.

В 1960-е гг. будущий Каннам представлял собой обычную сельскую местность. Когда в январе 1963 года он формально оказался в черте города, его население составляло чуть больше 20 000 человек. Сообщение с городом осуществлялось в основном с помощью паромных переправ. Обслуживалась такая переправа обычно старой деревянной баржей, которая сидела в воде так низко, что напоминала, скорее, плот. В сентябре 1962 года одна из таких барж опрокинулась, что привело к гибели примерно 30 человек — точного числа погибших никто так и не узнал, так как учёта пассажиров не велось и немало тел было унесено течением реки в море. Большинство жителей Каннама до середины 1960-х гг. зарабатывали на жизнь выращиванием овощей на продажу. Теперь же в этих местах, где до 1966 года не было ни одного телефона, располагаются штаб-квартиры крупнейших компаний мировой IT-индустрии.

Поначалу строящиеся на юге микрорайоны называли вторым Сеулом или новым Сеулом, но к концу 1970-х гг. за ними закрепилось название Каннам (буквально: «южная сторона реки»).

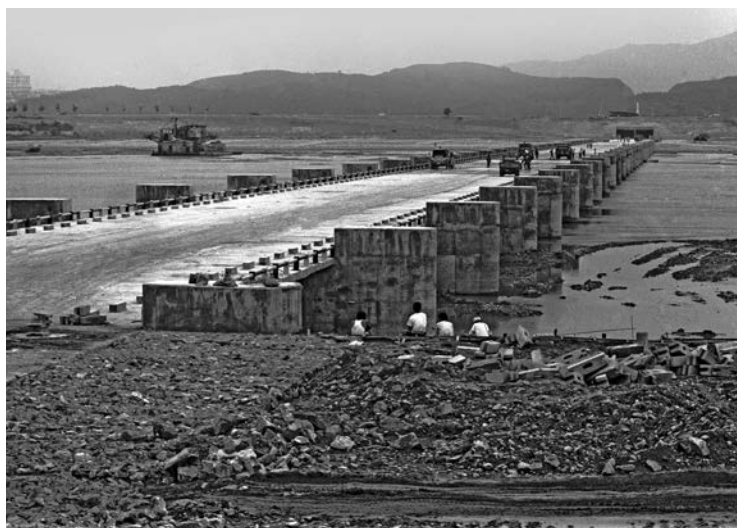
До середины 1970-х гг. сеульцы не выражали ни малейшего желания переезжать в каннамские новостройки. До 1974 года в Сеуле не было метро, а до 1969 года Ханган пересекали только два автомобильных моста, поэтому дорога на работу в центр Сеула и обратно отнимала у жителей Каннама не один час (в самом Каннаме работы почти не было).

Чтобы сделать район привлекательным, государству нужно было развить транспортную инфраструктуру и — в первую очередь — строить мосты. В 1969 году был открыт Третий Ханганский мост, ныне известный как мост Ханнам,

---

что значительно улучшило транспортное сообщение между южным берегом и старыми районами Сеула.

Интересно, что инженеры изначально спроектировали Третий Ханганский мост как четырёхполосный, шириной 20 метров, но в последний момент им было приказано переработать проект: новый мост должен был иметь ширину не менее 27 м и шесть полос. Причина была политической: мост через реку Тэдонган, построенный незадолго до этого в северокорейской столице, оказался шириной 25 м. Разумеется, новейший мост столицы Юга просто обязан был стать крупнее аналогичного сооружения в «логове красных мятежников». Сейчас, когда Южная Корея одержала окончательную победу в межкорейской конкурентной гонке, подобное мелкое тщеславие выглядит забавно, но в те времена лидеры Юга были настроены серьезно.

«Затапливаемый» мост Чамсу вскоре после завершения строительства, летом 1976 года. Пустынный берег вдаль — это Каннам, будущий район небоскрёбов и элитных бутиков

Так выглядит берег, изображённый на предшествующей фотографии,
в наши дни

Как бы то ни было, большие размеры нового моста оказались очень кстати, поскольку бурное развитие Каннама вскоре превзошло все ожидания.

В 1975–1976 гг. на Хангане был построен ещё один мост — Чамсу. Его название можно перевести как «подводный» или «затапливаемый». Действительно, этот мост был спроектирован с учётом возможности временного затопления в годы, когда сезон дождей окажется особенно продолжительным и сильным. Строительство низкого моста было намного дешевле, а экономия средств в тогда ещё бедной Корее имела очень большое значение. Специалисты рассудили, что низкие затраты на строительство оправдают это необычное инженерное решение. Летние разливы на Хангане даже в худших случаях длились не более двух-трёх недель в году, так что в остальные 50 недель, по мысли инженеров,

---

новый мост должен был обеспечивать движение транспорта в нормальном режиме. Мост этот работает и в наши дни, хотя над ним надстроили дополнительный уровень, своего рода *второй этаж*, который уже не оказывается под водой во время разливов реки.

Сеульцы, однако, по-прежнему относились к новому району с недостаточным энтузиазмом, хотя цены на недвижимость в Каннаме с 1970-х гг. быстро росли. Власти решили, что не стоит ослаблять давления и надо принимать дополнительные меры, направленные на то, чтобы выдавить сеульцев с насиженных мест на правом берегу и вынудить их переселиться на юг.

С этой целью скоростная автомагистраль Пусан — Сеул, с самого начала задуманная как становой хребет новой общенациональной транспортной сети, намеренно была доведена только до Каннама.

В Каннаме построили и новый автовокзал — его огромное здание было введено в эксплуатацию в апреле 1977 года, а с июля того же года все автостанции в северной части города были закрыты. Специальным решением правительства было определено, что все междугородные автобусные рейсы средней и большой протяжённости (от 200 км) отныне должны оправляться только с нового автовокзала. Таким образом, чтобы отправиться куда-то на междугородном автобусе, нужно было сначала приехать в Каннам. Расчёт здесь был, конечно, на то, что люди, которым по семейным или служебным обстоятельствам приходится часто выезжать из Сеула, предпочтут обосноваться в Каннаме.

Были приняты и другие, более радикальные меры. В 1972 году администрация Сеула ввела особые ограничения на строительство во всём городе, кроме Каннама. Согласно новым правилам, в старых центральных районах Сеула запрещалось, например, открывать развлекательные

заведения. Изданный мэром указ предусматривал, что лицензии на открытие новых баров, ночных клубов, мотелей и табанов (чайных) в историческом центре Сеула больше выдаваться не будут. Всем желающим открыть подобные заведения предлагалось сделать это на южном берегу. Впрочем, злачными заведениями дело не ограничивалось — было принято решение о переводе в новые районы и ряда самых известных южнокорейских школ. Учитывая, какое значение корейцы придают образованию и поступлению в престижный университет, не следует удивляться, что сотни семей перебрались на южный берег просто для того, чтобы устроить своих чад в хорошие школы, которые давали дополнительные шансы на поступление в ведущие университеты страны.

Чтобы стимулировать развитие нового района, правительство также выделяло бюджетные средства на строительство там крупных жилых массивов. Некоторые из них предназначались для семей с низким достатком, тогда как в других селились чиновники. В отличие от северного берега и исторического центра, где ещё долго преобладала традиционная малоэтажная застройка, Каннам с самого начал рос как район современных многоэтажных многоквартирных домов того типа, который в Корее называют апхатхы. У россиян с такими домами городская застройка, собственно, и ассоциируется ещё с хрущёвско-брежневских времён, но вот в Корее вплоть до 1980-х гг. многоэтажные многоквартирные дома были относительной редкостью, и корейские города, включая Сеул, оставались в основном двух-, трёхэтажными. Даже сейчас в самом центре Сеула попадаются целые кварталы, застроенные одноэтажными частными домиками совершенно сельского типа, часто — даже с крохотными садиками и огородиками у крыльца.

В отличие от центрального Сеула с его неправильной планировкой и узкими улицами, в Каннаме с самого начала предусматривалось, что улицы будут шириной в 50–80 метров, в 4–6, а то и 8 полос. К автомобилизации градостроители готовились заранее — хотя в те времена это многим казалось излишеством и в семидесятые в Сеуле часто можно было услышать шуточки по поводу «никому не нужных» и «вечно пустых» широких улиц в новых районах. Сейчас эти шуточки вызывают грустную усмешку: несмотря на все усилия мэрии, в наши дни Каннам печально известен своими автомобильными пробками.

Принятые меры оказались эффективными. К 1978 году в районах южного берега проживало уже 35% всех жителей столицы (2,6 млн из общего населения Сеула в 7,5 млн человек), а к 1984 году доля каннамцев в населении города составила 45%. С 1995 года и по наши дни численность населения Каннама примерно равна численности населения старых, северных, районов города.

Примерно с 1970 года цены на недвижимость в новом районе резко пошли вверх, и к концу 1980-х гг. Каннам окончательно приобрёл тот высокий символический статус, который он сохраняет и по сей день. С конца 1980-х гг. Каннам стал, если можно так выразиться, *южнокорейской Рублёвкой*, районом заведомо дорогих квартир, универмагов, шикарных бутиков и кафе, местом, где проживают жизнь длинноногие подруги миллионеров и отпрыски олигархических семей.

Это образ Каннама попал и в ставшую всемирным хитом песню «Каннам-стайл», которая из-за безнадёжной путаницы с транскрипцией корейских слов, характерной для нашей страны, в России больше известна как «Гангнам-стайл». Образ развращённого и пресыщенного Каннама, в общем, не совсем справедлив, ведь, как уже говорилось, в южной

части города живёт половина его десятимиллионного населения, которое, понятно, не состоит из одних олигархов и их любовниц. Собственно, вызывающе роскошных районов в Каннаме не так и много, хотя они там действительно есть, — но этот Каннам, воспетый в ныне знаменитой песне, много меньше Каннама в географическом смысле этого слова. В любом случае забавно сейчас вспоминать о тех ухищрениях, на которые когда-то приходилось идти сеульским властям для того, чтобы побудить людей переехать в эти районы города.

Впрочем, десятилетия экономического роста изменили не только облик Сеула. В следующей главе мы поговорим о том, что происходило в самой отдалённой от Сеула провинции Кореи — на острове Чеджудо.

БЕСПОКОЙНЫЙ РАЙ

1970-е гг. — остров Чеджудо превращается
в главный центр внутреннего туризма

В англоязычных туристических буклетах остров Чеджудо, самый большой из островов Кореи, нередко называют *корейскими Гавайями*. Глазам туристов и в самом деле предстаёт идиллическим островом с цветущими полями, величественной вершиной вулкана Халласан, экзотическими обычаями и тёплым лазурным морем.

Остров Чеджудо не всегда был частью Кореи. До 1105 года на острове существовало независимое государство Тхамна. Оно платило дань королям Силла, но точно так же отправляло посольства с данью в Китай и Японию, маневрируя между могущественными соседями и оставаясь маленьким, но гордым игроком на международной арене.

В 1105 году Корё официально аннексировало государство Тхамна, но и после этого остров продолжал пользоваться широкой автономией, а бывшая королевская династия продолжала управлять островом уже в качестве наследственных чиновников местной администрации. Только в начале XV века Чеджудо утратил особый статус и превратился в обычный корейский уезд (статус провинции он получил только в 1946 году).

Впрочем, и после этого Чеджудо по-прежнему оставался местом малодоступным. Пролив, отделяющей остров

Традиционный дом на острове Чеджудо — из камня и с каменной изгородью, но под соломенной крышей. Фотография сделана в музее традиционного быта — реальный дом выглядел, конечно, не столь аккуратным, ухоженным и чистым

от материка, не очень широк, но воды его опасны для мореплавателей, в чём многие из них смогли убедиться на собственном горьком опыте: акватория Чеджудо была местом многочисленных кораблекрушений. Самое известное из них случилось в 1653 году, когда во время сильнейшего тайфуна об островные скалы разбилось голландское судно «Де Спервер». Из экипажа спаслись 36 моряков, среди которых был Хендрик Хамель, автор первого подробного описания Кореи, опубликованного в Европе (после кораблекрушения он был вынужден провести в Корее более десяти лет).

В общем, связь Чеджудо с материковой Кореей оставалась ненадёжной. Благодаря этому остров стал идеальным местом для ссылки: смещённый с постов сановник, будучи сосланным на Чеджудо, был надёжно отрезан

от потенциальных сторонников в столице. В связи с этим многим государственным мужам пришлось в своё время отправиться в принудительное путешествие в нынешний курортный рай. Среди них был даже один бывший монарх — Кванхэ-гун, свергнутый в 1623 году после долгого и успешного правления и отправленный на Чеджудо, где он и скончался в 1641 году.

До недавних пор жители Чеджудо разговаривали на своеобразном наречии, дальше всех прочих диалектов Кореи отстоявшем от столичного говора. В других исторических обстоятельствах это наречие, скорее всего, было бы названо «языком» (как хорошо известно языковедам и историкам, различение языков и диалектов — это вопрос скорее политический, нежели лингвистический). В наши дни островитяне обычно говорят на стандартном корейском, который учат в школе и слышат по телевизору, но ещё несколько десятилетий назад островитяне объяснялись на диалекте, который человеку, родившемуся в Сеуле, на слух был непонятен.

Испокон веков островное хозяйство зависело от моря, поскольку земля Чеджудо плодородием не отличалась. Мужчины ловили рыбу, а женщины занимались нырянием в прибрежных водах, собирая под водой моллюсков и водоросли.

Колониальная эпоха принесла в жизнь острова некоторые перемены. Прежде всего оказалось, что местные моллюски, добываемые ныряльщицами хэнё, хорошо продаются в Японии. Вдобавок обнаружилось, что навыкам ныряльщиц Чеджудо есть применение как в собственно Японии, так и в других регионах Восточной Азии. В результате в 1920-х и 1930-х гг. мужское население Чеджудо ездило на заработки на японские стройки и заводы, а женщины отправлялись в Японию для добычи моллюсков (было время, когда каждая пятая женщина на острове была профессиональной ныряльщицей). После зарубежных поездок женщины обычно

возвращались домой, а вот с мужчинами это случилось далеко не всегда, так что соотношение полов на Чеджудо начало искажаться: женщин на острове становилось заметно больше, чем мужчин.

В колониальный период Чеджудо был известен стачками и демонстрациями, организаторами которых выступали левые активисты, а после 1945 года остров стал опорным пунктом коммунистического радикализма. Трения нарастали и в 1948 году вылились в восстание. Это восстание стихийным не было: оно разворачивалось в соответствии с планом местного коммунистического подполья — планом, который был утверждён Пхеньяном и, как ясно из опубликованных документов, в общих чертах одобрен Москвой. Влиятельное и популярное на Юге коммунистическое подполье должно было сорвать первые выборы в Южной Корее, намеченные на май 1948 года, причём важнейшим элементом плана должно было стать как раз восстание на Чеджудо, где у коммунистов была массовая поддержка.

Восстание началось 3 марта 1948 года, когда боевики атаковали административные здания и дома местных чиновников — их резали, как нередко случается во время гражданских войн, прямо в постелях, вместе с жёнами и детьми. Тем не менее, хотя резню и начали красные, куда больше крови на острове пролили тогда корейские белые — местные правые и правительственные силы. Поскольку население Чеджудо массово поддержало красных, полиция и военные не стеснялись стрелять при малейшем подозрении в сотрудничестве с повстанцами. Тем не менее в каком-то смысле восставшие добились успеха: Чеджудо стал единственным местом Южной Кореи, где выборы 1948 года не состоялись.

В наши дни левые южнокорейские историки иногда описывают резню на Чеджудо как геноцид. От таких заявлений, скажем прямо, отдаёт пропагандой: ведь как

преступники, так и жертвы были людьми одной национальности (более того, корейский национализм, пусть и несколько разных оттенков, был важной частью мировоззрения у обеих сторон конфликта). Тем не менее, даже по меркам кровавых корейских сороковых, события на острове были масштабной трагедией. По существующим оценкам, погибло 20 000–25 000 человек, или 10–15% населения острова, в подавляющем большинстве — от рук правительственных войск.

К началу Корейской войны восстание на Чеджудо было подавлено, хотя периодические вооружённые стычки случались на протяжении ещё нескольких лет. До 1954 года окрестности Халласан — самой высокой горной вершины острова — оставались запретной зоной именно потому, что там ещё действовали группы партизан-коммунистов.

Инцидент 3 марта, как принято называть в Корее те кровавые события, оставил глубокие раны, ведь практически каждый островитянин знал и жертв, и убийц, а многие потеряли в той бойне родных и близких. При этом в период военных диктатур жители Чеджудо часто были склонны демонстрировать свой лоялизм — неслучайно молодёжь острова в шестидесятые и семидесятые активно шла служить в морскую пехоту. Пока у власти были правые авторитарные режимы, события 1948–1953 гг. на Чеджудо замалчивались, и только в 1980-х гг. правда о них стала широко известна. Впрочем, факты теперь часто искажаются, так сказать, в противоположном направлении: красных изображают в качестве невинных жертв правительственных сил.

Тем не менее жизнь продолжалась. Поскольку для женщин риск быть убитыми был заметно меньше (они составляли пятую часть от общего числа жертв), резня усугубила половой дисбаланс, так что в начале 1950-х гг. на пять женщин приходилось четверо мужчин. На Чеджудо по-прежнему

царила бедность, причём ситуация была очень тяжёлой даже на фоне всеобщей нищеты 1950-х гг. в Корее.

В начале 1960-х гг. положение дел стало меняться в лучшую сторону. В 1967–1987 гг. среднегодовой рост экономики Чеджудо достиг 11,2%, ощутимо обогнав общенациональные темпы роста, которые тоже составляли рекордные, по мировым меркам, 8,4%. Это экономическое чудо в миниатюре стало возможно благодаря двум факторам: выращиванию мандаринов и развитию туризма.

Современная экономика Чеджудо в значительной степени держится на мандаринах. В последние десятилетия они обрели большую популярность в Корее. Различные виды цитрусовых, включая мандарины, упоминались ещё в древних корейских текстах. Попадаются в этих текстах и упоминания о мандаринах на Чеджудо. Тем не менее до начала XX века этот фрукт занимал весьма скромное место в корейском рационе. Однако после того, как около 1900 года в Корею попали саженцы новых японских сортов мандаринов, на крайнем юге одна за другой стали появляться мандариновые плантации.

В 1911 году французский миссионер и ботаник-любитель Эмиль Жозеф Таке (Émile Joseph Taquet), живший на Чеджудо, получил из Японии 15 мандариновых деревьев и посадил их в саду католической миссии. Одно из них, говорят, до сих пор растёт и приносит плоды. Из этих деревьев и выросло всё современное мандариновое хозяйство Чеджудо.

Настоящий мандариновый бум, благодаря которому эти фрукты стали привычными в каждой корейской семье, начался в шестидесятые. Мандарины лучше, чем апельсины, переносят прохладную погоду, но всё-таки тоже теплолюбивы. Чеджудо с его среднегодовой температурой +14,7 градуса — самое тёплое место в Корее, и в начале 1960-х гг.

местные крестьяне догадались, что, выращивая мандарины, можно заработать неплохие деньги.

В то время корейское правительство жёстко ограничивало импорт, пытаясь сберечь каждую вону, и вводило заоблачные импортные пошлины, в результате чего заграничные фрукты стоили безумно дорого (в 1995 году пошлина на апельсины составляла 94,1%!). Бананы, как мы говорили в главе 1, считались дорогим лакомством, а какого-нибудь манго тогда и в глаза не видели. В таких условиях мандарины стали доступным заменителем импортной фруктовой экзотики.

В начале 1960-х гг. плантации мандаринов занимали менее 1% обрабатываемых земель на Чеджудо. Два десятилетия спустя, в 1980-х гг., под эти фрукты было отведено уже около 30% обрабатываемых земель. Мандарины стали основой сельскохозяйственного бизнеса Чеджудо, при том что менее века назад само словосочетание «сельскохозяйственный бизнес на Чеджудо» звучало бы как оксюморон.

Фермеры с Чеджудо выращивают в год порядка 500 000–650 000 тонн мандаринов, или примерно по 10–12 кг на каждого южнокорейца. Урожай 2019 года составил, например, 631 000 тонн. На Чеджудо работает большой Музей мандаринов, где можно познакомиться с прошлым и настоящим мандаринового садоводства и разного рода чудотворными свойствами, которые приписываются этим фруктам.

И, разумеется, нельзя забывать о туризме. До конца 1960-х гг. большинство корейцев плохо понимало, что это вообще такое. Конечно, обеспеченные люди путешествовали с давних пор, а с колониальных времён обычными стали и школьные экскурсионные поездки, но для среднестатистического взрослого корейца мысль о путешествии ради удовольствия в какое-нибудь отдалённое место вплоть до конца семидесятых казалась странноватой.

Сейчас мандарины на острове Чеджудо можно увидеть везде —
иногда даже вдоль дорог

Однако для тех немногих, кто всё-таки имел возможность путешествовать, Чеджудо стал идеальным туристическим направлением. Остров привлекал внимание не только своими красотами, но ещё и тем, что значительно отличался от материковой Кореи. У островитян были другие обычаи, другая кухня, их деревни выглядели иначе, а их обитатели говорили на непонятном диалекте. В общем, остров был необычен, а всё необычное привлекает туристов. В то же время Чеджудо был корейским островом, поэтому поездка туда была доступной для среднеобеспеченных людей, которые о путешествиях за границу не могли ещё и думать.

В середине 1950-х гг. весь персонал островного туристического офиса — три или четыре сотрудника — ходил встречать каждый прибывающий на остров паром в надежде, что с паромом придут туристы, которым, наконец-то, можно будет оказать содействие. Прошло четыре месяца таких походов на причал, прежде чем сотрудникам удалось, наконец,

---

увидеть первого человека, прибывшего на остров с туристическими целями.

В те времена, чтобы поехать на Чеджудо, надо было быть большим любителем приключений. Паромы были маленькими, поэтому в штормовую погоду даже сойти на берег было непростой задачей. Дороги примерно до середины семидесятых были неасфальтированными, так что туристы перемещались в шумных трясущихся автобусах. Неудивительно, что в 1961 году, например, Чеджудо посетили лишь 11 000 туристов.

Однако в начале 1960-х гг. Корея вступила в эпоху рекордного экономического подъёма, сопровождавшегося ростом как доходов, так и уровня образования (чем образованнее человек, тем больше его или её интересуют путешествия). Рост экономики способствовал и укреплению связи острова с материком. С 1958 года KNA, предшественница Korean Air, начала выполнять регулярные рейсы на Чеджудо, хотя до тех времён, когда рядовой представитель среднего класса Кореи мог позволить себе покупку билета на внутренний рейс, должно было пройти ещё около десятка лет. Гораздо более важным в то время стало открытие регулярного паромного сообщения: между Пусаном и Чеджудо с 1963 года начало курсировать 850-тонное судно «Торачжи». Открытие этой линии часто считается отправной точкой в истории туризма на Чеджудо.

Развитию туризма в большой степени способствовало появление моды на свадебные путешествия, которые быстро стали столь же обязательным атрибутом бракосочетания, как белое (на европейский лад) платье невесты. Чеджудо в семидесятые и восьмидесятые был едва ли не единственным приемлемым вариантом для таких путешествий: остров был достаточно необычен, романтичен — и доступен большинству по деньгам. Немалую роль играло и то обстоятельство, что

Побережье острова Чеджудо в наши дни — тёплое море, лагуны
и бесчисленные потухшие вулканы на заднем плане

до конца 1980-х гг. туристские поездки за границу в Корею были жёстко ограничены (военные режимы такие поездки запрещали). Таким образом, Чеджудо становился заменой загранице, которая была тогда недоступна для большинства корейцев.

В 1966 году на Чеджудо побывало около 106 000 туристов. В 1983 году их число превысило 1 млн, а в 2019 году — 15 млн, включая 1,7 млн иностранцев (в основном — китайцев). Появление на острове заметного количества иностранцев связано с особенностями визового режима: для китайцев, которые сейчас составляют самую большую группу иностранных туристов, посещающих Корею, въезд на Чеджудо является безвизовым. Поскольку население острова в 2019 году составляло 665 000 человек, получается, что на каждого островитянина в год пришлось почти 23 туриста.

Такой рост, несомненно, создаёт социальные проблемы, но, с другой стороны, приносит доход. От былой нищеты на острове теперь не осталось и следа, но вместе с ней исчезают и уникальные элементы островной культуры. Кое-что

местные власти и общественные организации пытаются сохранить — не в последнюю очередь потому, что культурное наследие способствует маркетингу и помогает повышать доходы от туризма. Любопытной стороной туристского бума стал музейный бум — на Чеджудо в последние годы открылось множество музеев, зачастую — довольно странных и с местными традициями и культурой никак не связанных (вроде трёх музеев секса, музея Африки и двух музеев древнегреческой мифологии). Таким образом администрация рассчитывает привлекать на остров дополнительных туристов.

Впрочем, основой туристского маркетинга является всё-таки сам остров с его традициями и культурой, которые столь отличаются от традиций и культуры «большой земли». Если говорить о маркетинге, то одним из неотъемлемых символов Чеджудо стал образ молодой и красивой ныряльщицы хэнё. Проблема в том, что, как это часто бывает в подобных случаях, реальная хэнё имеет очень мало общего с гламурным образом, закрепившимся в массовой культуре. Но об этом мы поговорим в следующей главе.

ПОСТАРЕВШИЕ РУСАЛКИ

1980 г. — ныряльщицы с острова Чеджудо
уходят в историю

Образ хэнё, профессиональных ныряльщиц с острова Чеджудо, в своё время постоянно мелькал в рекламных проспектах корейских туристических фирм. Глянцевые издания представляли хэнё как современных русалок, беззаботно проводящих день за днём в ласковых лазурных водах самого красивого острова Кореи.

Что ж, о ныряльщицах Чеджудо действительно можно рассказать много интересного, но в жизни этих женщин нет и никогда не было ничего гламурного. Они заняты тяжёлым и опасным трудом, от которого очень быстро теряют и здоровье, и молодость. Впрочем, о молодых русалках сейчас уже не говорят даже в рекламных проспектах — кажется, сейчас всем известно, что в наши дни среди хэнё преобладают женщины в возрасте.

В прежние времена островитянки становились ныряльщицами в ранней юности. На обучение основам профессионального мастерства уходило несколько лет, и учились они обычно у собственных матерей.

Хэнё (해녀/海女, в буквальном переводе — «женщина моря») добывают с морского дна различные виды моллюсков и водорослей. Тренированная ныряльщица при необходимости может погружаться на глубину до 20 метров,

---

но в основном ныряльщицы работают на глубине в 5–7 метров и проводят под водой одну-две минуты. Рабочий день продолжается от четырёх до пяти часов — дольше даже самые молодые и здоровые ныряльщицы не выдерживают. Работа хэнё сопряжена с риском для жизни: под водой они сталкиваются с многочисленными опасностями, включая ядовитых медуз, а порой и акул (в 1981 году одна из ныряльщиц стала жертвой нападения акулы).

Орудия труда ныряльщиц Чеджудо не менялись веками. Даже сейчас хэнё не используют акваланги или иное водолазное снаряжение, ограничиваясь набором самых простых инструментов. Единственные новшества — это очки или маски для подводного плавания, появившиеся ещё в колониальные времена, а также гидрокостюмы, которые получили распространение около 1970 года.

Самым древним и смутным упоминаниям о профессиональных ныряльщиках около тысячи лет, но точно известно, что на Чеджудо в XVII столетии хэнё уже составляли отдельную социальную группу и были своего рода местной достопримечательностью. Примерно в то же время сбор даров моря под водой стало работой, во-первых, исключительно женской, а во-вторых, презренной: в Корее эпохи Чосон дискриминации подвергались не только сами хэнё, но и их мужья.

В те времена хэнё служили поставщиками деликатесов для королевского двора и богатых людей: они должны были выплачивать натуральный налог добытыми ими моллюсками и прочими морепродуктами. Судя по всему, многие из них, если не все, считались в былые времена государственными крепостными, хотя утверждать что-либо с полной определённой трудностью, так как исторические данные о ранней истории хэнё крайне фрагментарны.

Как ни парадоксально, японская колонизация привела к тому, что положение ныряльщиц несколько улучшилось.

Во-первых, в колониальной Корее были ликвидированы сословные различия. Во-вторых, обнаружилось, что корейские морепродукты и водоросли можно выгодно продавать в Японию: там эти морепродукты считались ценными деликатесами, за которые японские гурманы были готовы платить неплохие деньги.

Публикации колониальной эпохи свидетельствуют, что нынешний интерес к хэнё возник именно в те годы. Для самих жителей Чеджудо ныряльщицы по-прежнему оставались париями, занятие которых, пусть и всё более доходное, было недостойным уважающего себя человека. Однако на японских открытках и в книгах хэнё всё чаще и чаще появлялись в образе очаровательных и обольстительных (к тому же ещё и полуобнажённых) красавиц. Кстати сказать, некоторые основания в реальной жизни у этой эротизации имелись, так как хэнё действительно в те времена были в основном молодыми и работали полуголыми (чёрные гидрокостюмы они стали использовать много позже).

Сходная культура подводного промысла существовала во многих прибрежных регионах Восточной Азии, включая саму Японию. В Японии, например, занятые похожим промыслом ныряльщицы были известны как ама. Однако в начале XX века стало очевидно, что самыми эффективными ныряльщицами являются именно корейские хэнё острова Чеджудо. В связи с этим японские предприниматели начали нанимать хэнё для работы на побережье Японии, Китая и даже российского Приморья, не говоря уже о многочисленных морских угодьях в самой Корее. В 1934 году примерно половина из 10 000 хэнё, живших тогда на Чеджудо, были вовлечены в трудовую миграцию. Зарабатывали они в среднем вдвое больше, чем те ныряльщицы, которые трудились только у берегов родного острова.

Сравнительно высокие доходы укрепили общественное положение хэнё, которые стали зарабатывать больше своих мужей. В те времена многие мужчины с Чеджудо тоже отправлялись работать в Японию, но, будучи черно-рабочими, всё равно зарабатывали там меньше, чем их жёны. Некоторые из мужчин паразитировали на своих более состоятельных супругах, но чаще заработанное инвестировалось в землю, недвижимость и образование детей. Поэтому недостатка в желающих стать ныряльщицами не было: в 1930-е гг. этим промыслом зарабатывала приблизительно каждая десятая жительница Чеджудо. С другой стороны, даже перспектива неплохих заработков так и не привлекла к сбору ракушек и водорослей ни одного мужчину: работа эта по-прежнему считалась ниже мужского достоинства.

В новых условиях проблемой стала переработка: стремясь увеличить свои доходы, многие ныряльщицы работали с рассвета до заката. Дело доходило до преждевременных смертей, так что местами деревенская администрация стала по своей инициативе устанавливать ограничения на максимальную продолжительность рабочего дня хэнё.

Кровавые события, развернувшиеся на Чеджудо в 1945–1953 гг. и описанные в предыдущей главе, не привели к заметным переменам в экономике острова. Как и в прежние времена, в пятидесятые и шестидесятые молодые островитянки обычно шли по стопам своих матерей. Именно в начале 1960-х гг. промысел хэнё переживал период расцвета. Их улов активно экспортировался в Японию и приносил неплохие деньги. Число ныряльщиц достигло максимальной отметки — 23 000 человек, что тогда составляло приблизительно пятую часть всего женского населения Чеджудо.

К тому времени среди ныряльщиц стали появляться и женщины весьма пожилого возраста. Как отмечалось

Хэнь на фотографии, сделанной в 1962 году.

Именно тогда индустрия хэнь достигла своего пика — примерно 20% жителей острова занимались этим промыслом. Любопытно, что изображённые на фотографии хэнь ещё не используют гидрокостюмы, которые вошли в обиход около 1970 года

в пятидесятые и шестидесятые годы, пожилые хэнь зачастую контролировали местную администрацию. Когда хэнь становилась настолько старой, что больше не могла заниматься своим промыслом, она передавала права на него местной девушке, причём во многих деревнях предусматривалось, что за это право молодая ныряльщица будет платить

Вот так выглядела типичная хэнё в 2015 году —
к тому времени эта тётушка была то ли представительницей вымирающей
профессии, то ли туристской достопримечательностью

старой женщине арендную плату, которая становилась для неё чем-то вроде пенсии.

За бумом, однако, последовал спад, который стал замечен в 1970-е гг. Причин у этого спада было много. Одной из них стало появление марикультуры: водоросли начали выращивать на морских фермах — не только на Чеджудо, но и в других районах Кореи. Распространение мандариновых садов и развитие туризма тоже сыграли свою роль в упадке промысла хэнё, поскольку оказались более выгодными и престижными формами заработка.

В 1970-х гг. среднее образование в Корее стало обычным делом даже для детей из самых отдалённых рыбацких деревень. Выучившись в школе, девочки с Чеджудо больше не хотели идти по стопам матерей и становиться хэнё. Они предпочитали устраиваться в офисы, идти работать в туристический бизнес или, в крайнем случае, выращивать мандарины.

Начиная с 1980-х гг. лишь очень немногие молодые женщины на Чеджудо решались вступить в быстро редеющие ряды хэнё. Результат не заставил себя ждать: старинный промысел начал приходить в упадок. Если в 1970 году на Чеджудо было 14 100 хэнё, то десять лет спустя, в 1980 году, их осталось 7800. В дальнейшем снижение числа ныряльщиц замедлилось, но неуклонно продолжалось, и в 2020 году на острове насчитывалось всего лишь около 1400 хэнё. Характерно, что среди них не было уже ни одной женщины моложе 30 лет — 91,3% всех хэнё в 2020 году были старше 60 лет.

И власти, и общественность острова обеспокоены постепенным исчезновением старинной профессии. Хэнё давно стали важным символом традиционной культуры Чеджудо и его туристической достопримечательностью. Поэтому в наши дни для сохранения профессии ныряльщицы предпринимаются сознательные усилия.

Вернёмся, однако, на материк. Здесь тоже заметно исчезновение одного культурного феномена, расставаться с которым, впрочем, совсем не жалко. Речь идёт о курении, долгое время считавшимся, в отличие от добычи моллюсков, исключительно мужским занятием.

КУРИТЬ – ЗДОРОВЬЮ ВРЕДИТЬ

1990-е гг. – в Корее набирает силу кампания по борьбе с курением

В настоящее время курение медленно (но верно) превращается в ещё один вид социально неприемлемого поведения, которому, как уверены многие, нет места в будущем. Скорее всего, это действительно так. Корея до недавнего времени была раем для курильщиков, но с начала XXI века в Корее с этой (как считают многие, пагубной) привычкой, стали бороться с невероятным рвением.

Табак — растение американское, и европейцы столкнулись с ним после экспедиций Колумба и открытия Америки: в середине XVI века он был завезён в Испанию и Португалию. Моряки из этих двух стран тогда часто появлялись и в Восточной Азии, так что их усилиями курение табака стало распространяться и в Японии, а уж японцы, в свою очередь, познакомили с табаком корейцев. Некоторое время табак в Корее называли *намчхо* (то есть «южная трава»), что отражало его происхождение: поскольку испанские и португальские корабли приближались к Корее с юга, члены их экипажей считались не западными, а *южными варварами*. Однако иностранное происхождение табака было на удивление быстро забыто, так что в более поздних корейских легендах табак фигурирует как исконный корейский или китайский

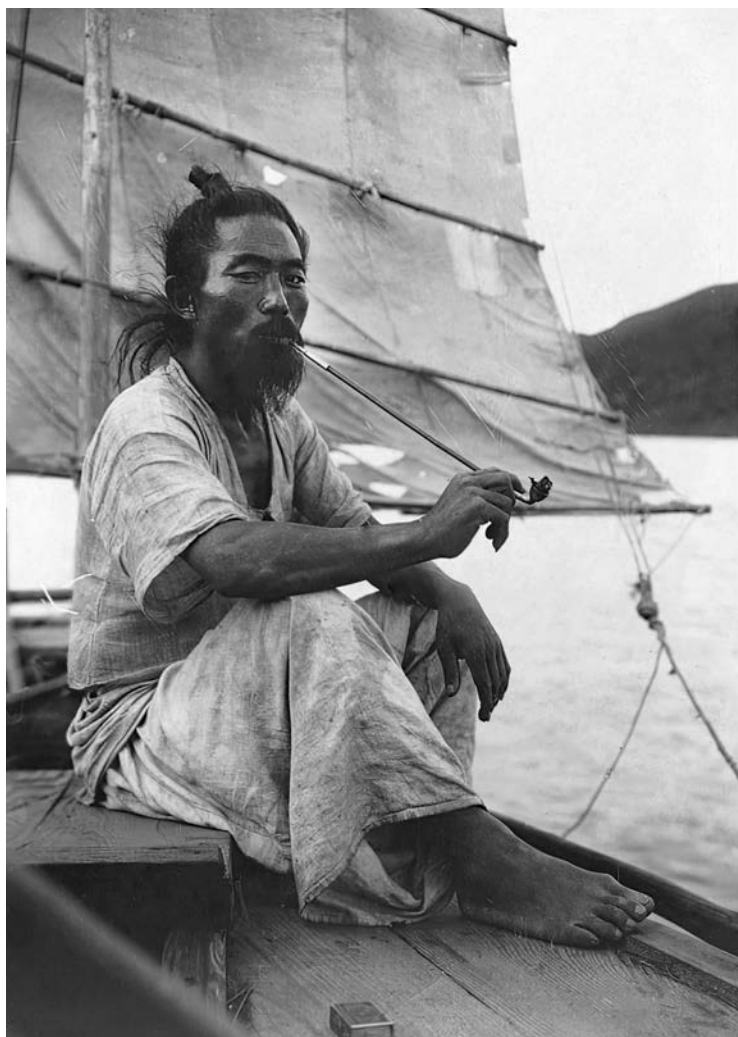

продукт. Неслучайно в корейских сказках древность часто описывается как «время, когда тигры курили трубки».

Табак распространялся по Восточной Азии с такой скоростью и поначалу казался таким необычным новшеством, что его внезапное появление было замечено некоторыми современниками, которые зафиксировали в письмах и дневниках возникновение новой и поначалу странной привычки. Все эти записи указывают на то, что корейцы стали регулярно курить табак в период между 1605 и 1615 гг. Таким образом, они немного отстали и от японцев, которые начали курить в 1570-х гг., и от китайцев, которые пристрастились к табаку чуть позже японцев.

Однако корейцы быстро навёрстывали упущенное. Как уже упоминалось, в 1653 году в Корее оказался голландский моряк Хендрик Хамель, корабль которого потерпел крушение около острова Чеджудо. Хамель провёл более десяти лет в Корее в качестве пленного — в те времена выезд из Кореи попавшим туда выходцам из стран Запада был, как правило, запрещён. В конце концов ему всё-таки удалось бежать, и впоследствии он подробно описал свои корейские приключения. В записках он также отметил исключительную популярность табака в Корее того времени. По его словам, дети в Корее начинали курить уже в пятилетнем возрасте, а среди взрослых курили поголовно и мужчины, и женщины.

Рассказы о курящих детях пяти лет от роду, мягко говоря, пугают современного читателя, с детства знакомого со страшными историями о последствиях курения. Однако тогда, три столетия назад, у корейских целителей было совсем иное мнение о медицинских свойствах табака. В те времена считалось, что табак является лекарственным средством, помогающим от многих болезней. Хо Чун, считающийся классиком корейской традиционной медицины,

Этот рыбак, как и все корейцы в начале XX века,
не расставался со своей длинной трубкой.
1904 год

в пользу табака не сомневался: он считал, что табак помогает при простуде. Многие также полагали, что табак помогает и при болезнях желудка.

В XVII веке в Корее установился обычай, доживший до наших дней: курить в присутствии старшего считается невежливым. В былые времена простым людям запрещалось курить даже тогда, когда высокопоставленный чиновник и его свита проезжали по улице перед домом курильщика. В настоящее время этот обычай соблюдается не так строго, как раньше, но и в наши дни трудно представить, например, студента, курящего во время разговора с профессором.

Итак, где-то к 1700 году Корея стала страной заядлых курильщиков и оставалась таковой в течение следующих трёх веков. На большинстве старых фотографий, сделанных на рубеже XIX и XX веков, почти все корейцы появляются с трубками.

Сначала корейцы использовали короткие трубки, заимствованные в Японии (японцы, в свою очередь, следовали европейским образцам). Однако примерно с 1700 года корейские трубки становились всё длиннее и длиннее. Как правило, чем выше были социальное положение и доходы человека, тем длиннее была трубка, которую он курил. Длина корейских трубок часто достигала одного, а в некоторых случаях — и полутора метров. Именно длинная трубка, а также характерная шляпа с полями *кат*, по форме похожая на привычную нам европейскую шляпу, превратились в Корею в символы принадлежности к дворянскому сословию.

Одной из главных причин, по которым знатные и состоятельные корейцы курили очень длинные трубки, была, как ни парадоксально, именно непрактичность этих устройств: закурить метровую трубку без посторонней помощи было невозможно, и таким образом её владелец показывал всем, что у него есть слуга (который при необходимости

и позаботится о трубке). Так, длинная трубка демонстрировала обеспеченность и привилегированное положение её обладателя. Любопытно, что на лубочных народных картинках тигр, как и полагается начальнику, изображён с очень длинной трубкой, а в качестве слуги, который должен управляться с этой трубкой, всегда выступает заяц.

Люди победнее курили трубки покороче — хотя, по меркам других стран, всё равно очень длинные. Понятно, что хорошие трубки стоили недёшево, а их изготовление требовало особых навыков.

Зажигалок тогда, естественно, не было, а спички в Корее оставались неизвестными до 1880-х гг. (первая спичечная фабрика начала работать в 1886 году). Таким образом, курильщик должен был добывать огонь, используя кремнёвое огниво. Этот архаичный метод сохранялся вплоть до 1940-х гг., на что была и практическая причина: в бедной Корее заводские спички были для многих слишком дороги.

Примерно до 1850 года корейские женщины курили не меньше мужчин, но в какой-то момент в начале или середине XIX века отношение к женскому курению стало меняться. Можно сказать, что антитабачная кампания в Корее началась полтора века назад именно как борьба с женским курением (это, конечно, художественное преувеличение: «борьбы» как таковой не было, но отношение, безусловно, менялось).

С XVII века курение табака было обычным времяпровождением корейнок всех возрастов. Согласно многочисленным свидетельствам, ещё в первой половине XIX века оно рассматривалось как вполне приемлемое занятие для женщин. Курящих женщин можно видеть на фотографиях, сделанных первыми иностранными гостями Кореи, а также на корейских жанровых зарисовках. Судя по всему, как

минимум до 1850-х гг. корейцы не видели в женском курении ничего предосудительного.

Однако ближе к концу XIX века появились признаки перемен. Они хорошо видны в первых исследованиях отношения корейцев к табаку, проведённых в 1900-х гг. В такой информации нуждались японские табачные компании, доминировавшие на корейском рынке на рубеже XIX и XX веков, которые и проводили тщательный анализ рынка.

Согласно результатам тех исследований, около 1900 года в Корее стала распространяться точка зрения, что женщинам не подобает курить на людях. Кроме того, многие корейцы стали считать, что женщине не полагается курить до достижения 30–35 лет. Антрополог Ко Хан-на, специализированно изучавшая историю женского курения в Корее, собрала данные, которые свидетельствуют, что молодые женщины в начале XX века всё-таки часто курили, но обычно делали это тайком, скрывая пристрастие к табаку от свежескрови и соседей.

В конце XIX — первые годы XX века курение стало ассоциироваться с куртизанками кисэн и хозяйками так называемых *винных палаток* — небольших питейных заведений. Первые подрабатывали проституцией, а вторые тоже считались женщинами легкодоступными. Ассоциация между сексуальной распущенностью и женским курением стала настолько сильной, что до сих пор сохраняется как на Юге, так и на Севере Кореи. Неслучайно, что курительные трубки можно увидеть на многих эротических картинках XIX века. Иногда женщин на таких рисунках изображали курящими прямо во время соития — это, похоже, считалось особо неприличным и, соответственно, особо соблазнительным.

Известно, что в 1909 году в уезде Квачхон провинции Кёнгидо курили 27,2% женщин, а среди мужчин доля курильщиков составляла 57,1%. Таким образом, доля курящих

женщин была весьма высока в сравнении, например, с 1989 (7,6%) или 2018 (4,2%) годами.

В начале 1900-х гг. в Корее стали появляться сигареты, сигары и прочие табачные изделия западного образца. Сначала их ввозили из Японии, а в 1905 году открылась первая в Корее фабрика по производству сигарет. Однако эти новинки были популярны только среди зажиточных горожан, для которых сигареты были привлекательны в первую очередь именно как предметы западного, а значит, «правильного», «прогрессивного» обихода. Однако крестьяне и их жёны (если те, конечно, были в солидном возрасте) по-прежнему предпочитали старую добрую трубку.

Особенностью колониальной эпохи стала государственная монополия на продажу табака, которая была введена в 1921 году и на протяжении десятилетий оставалась важным источником доходов для всех корейских правительств. Тогда, в двадцатые годы, доходы от табачной монополии составляли около 20% всех поступлений в бюджет генерал-губернаторства. Немалую роль табачные доходы играли в государственном бюджете и в первые годы независимости, когда Южная Корея была очень бедной страной. Неудивительно, что за заслуги в расширении производства и продаж табачных изделий чиновников тогда награждали орденами.

Интересно, что в правление Чон Ду-хвана (1980–1988) государственная табачная компания — единственная компания, которая могла заниматься табачным бизнесом в стране, — изготавливала для президента специальные сигареты. То же самое видим в Северной Корее, где правители из семейства Ким (все как один — заядлые курильщики) тоже курят специально изготовленные для них сигареты.

Отменили табачную монополию только в 2002 году. Впрочем, и в наши дни налоги от продажи табачных изделий

продолжают играть заметную роль в пополнении южнокорейского бюджета. В 2016 году, например, налоги от продажи табака составили 3,6% всех налоговых поступлений в бюджет — не 20%, конечно, как было 90 лет назад, но всё равно немало.

Любопытно, что первые антитабачные кампании в Корее начала XX века (именно организованные кампании, а не стихийное общественное мнение, как было в случае с женщинами) не имели никакого отношения к охране здоровья, а преследовали политические цели. Правда, справедливости ради стоит отметить, что редкие статьи о вреде курения всё-таки появлялись в печати.

Например, у протестантских миссионеров и реформаторов начала прошлого столетия курение ассоциировалось с ленью и бессмысленной тратой времени (в старой Корее курение действительно было длинным ритуалом, сопровождавшимся неторопливым общением). Курение также было дорогим удовольствием.

В феврале 1907 года газета «Тэхан мэиль» опубликовала письмо в редакцию, в котором говорилось: «Если 20 млн корейцев воздержатся от курения на 4 месяца, это позволит сэкономить по 0,2 вонны на человека. [В целом по стране] это даст 13 млн вон». В те времена, как уже говорилось в главе 12, месячная зарплата квалифицированного работника составляла 15–20 вон.

Подобные кампании по борьбе с курением продолжались вплоть до 1920-х гг., причём, как демонстрирует процитированное письмо в редакцию «Тэхан мэиль», речь в анти-табачной пропаганде могла идти об экономии времени и денег, но не о здоровье, как в наши дни. В некоторых случаях активисты, связанные с корейскими националистами, утверждали, что корейцам следует курить махорку с рынка или собственного огорода, а не сигареты, произведённые на японских государственных фабриках.

Восстановление независимости в 1945–1948 гг. не изменило отношения корейцев к табаку. Даже наоборот: правительство молодого Корейского государства, нуждаясь в доходах, решило не просто сохранить табачную монополию, введённую японской колониальной администрацией, но и дополнить её запретом на ввоз иностранных табачных изделий. С 1948 года на протяжении почти сорока лет Marlboro и Camel, равно как и прочие иностранные сигареты, в Корее не продавались. Единственным исключением были магазины для иностранцев, но местный житель и там не мог купить импортные сигареты. Более того, не только ввоз иностранных табачных изделий, но и их курение на публике могло привести к проблемам — время от времени газеты писали о том, как была оштрафована та или иная знаменитость, решившаяся публично распечатать пачку Marlboro. Под американским давлением этот запрет был поэтапно отменён только в 1986–1988 гг. — к немалому недовольству корейских крестьян, неплохо зарабатывавших на производстве табака.

По данным Национального статистического управления, в 1989 году курильщиками были 75,4% корейских мужчин. В то время, если верить статистике, 64% корейских мужчин курили не менее одной пачки сигарет в день.

До недавнего времени курение было важным социальным ритуалом и некурящий мужчина сталкивался с трудностями при общении с коллегами. Курительные комнаты компаний были местом, где обменивались идеями, разрабатывали стратегии и создавали коалиции. Корейские мужчины просто не могли представить себе жизнь без сигарет.

Кампания по борьбе с курением в её современном смысле добралась до Кореи сравнительно поздно — только в самом конце прошлого века. Вообще-то, подозрение, что «курить — здоровью вредить», появилось довольно давно:

The Lancet, самый авторитетный медицинский журнал мира, опубликовал первое исследование о вреде табака в 1858 году. В Корее соответствующие публикации стали появляться около 1900 года, а к тридцатым годам рассказы о вреде никотина (того самого, «капля которого убивает лошадь») печатались на страницах газет и журналов. Можно предположить, что к 1940-м гг. среди образованной публики в опасности курения уже мало кто сомневался, но вот на поведение людей новое понимание влияло мало.

Перемены начались только около 1970 года, когда в большем мире всё выше и выше поднималась волна антитабачной кампании. Учитывая, что корейцы весьма прислушиваются к тому, что происходит во внешнем мире — точнее, в его развитой части, — нет ничего удивительного в том, что эта кампания докатилась и до Кореи. С 1976 года каждая пачка сигарет, продаваемых в Корее, стала в обязательном порядке снабжаться предупреждением о вреде табака. К тому времени такие предупреждения на упаковках были обычной практикой во всём мире — впервые они появились в США в 1966 году.

В Корее первый вариант предупреждения гласил: «Чрезмерное курение вредит здоровью». В этом тексте как бы подразумевается, что угрозой является только чрезмерное курение. Это снижало эффективность предупреждения: понятно, что человеку всегда нравится думать, что он делает что-то «в меру», так что предупреждение к нему не относится.

В 2007 году формулировка предупреждения о вреде для здоровья стала более жёсткой: «Курение вызывает рак лёгких и ряд других заболеваний и особенно вредно для беременных женщин и молодёжи». С тех пор предупреждения делали всё более суровыми и заметными. Начиная с 2016 года на пачках сигарет стали помещать неприятные фотографии, во всей красоте демонстрирующие возможные

последствия курения — язвы, опухоли и прочие малопривлекательные вещи.

В 1996 году курение было запрещено в поездах метро и в самолётах. В 2003 году курение было также запрещено в правительственных учреждениях и в зданиях начальных и средних школ. Несколькими годами позже запрет был распространён и на вузы — правда, там для курильщиков были оставлены площадки на открытом воздухе. Телекомпания приняла решение ограничить или запретить в сериалах показ сцен с курением. С 2013 года курение в Корее вообще разрешается только в специально отведённых для этого местах. На сегодняшний день список запретов, касающихся курения, очень длинен и, скорее всего, будет расти и дальше. Корейские курильщики несколько раз пытались оспорить свои «права» в суде, но неизменно проигрывали. Некоторые частные компании тоже принимают участие в борьбе с табаком, выплачивая премии тем своим сотрудникам, которые бросили курить.

Однако, полагаю, отношение к курению изменили не столько запреты, сколько антитабачная пропаганда, равно как и растущая в последние 15–20 лет уверенность в том, что курить — это несовременно. С середины 1990-х гг. число курильщиков в Корее стало сокращаться. Как уже говорилось, в 1989 году курили 75,4% корейских мужчин и 7,6% женщин, а к 2015 году доля курильщиков сократилась до 49,8% и 4,2% соответственно (по некоторым данным, она даже ниже). Времена, когда в Корее курили все, остались в прошлом.

Впрочем, нет уверенности в том, что указанные выше цифры, основанные на результатах опросов, являются полностью достоверными. Некоторые курильщики теперь стесняются признаваться в пагубной привычке даже во время анонимного анкетирования. Поэтому надо прислушаться к мнению врачей, которые, основываясь на следах котинина

Так в 2010-е гг. выглядели обычные (не очень дорогие и не очень дешёвые) жилые кварталы Сеула — микрорайоны многоэтажных домов в сочетании с малоэтажной застройкой, которая, впрочем, постепенно исчезает.

На фотографии хорошо видна и ещё одна специфическая черта Сеула — город расположен в горах

(продукт переработки никотина) в моче, в 2011 году пришли к выводу, что опросы занижают количество курящих мужчин примерно на 10%, а количество курящих женщин — вообще в два с половиной раза.

Тем не менее о многом говорит уже сам тот факт, что во время опросов люди стали стесняться своего пристрастия к сигаретам. Курение в Корее больше не считается социально одобряемым естественным поведением даже среди мужчин, его начинают воспринимать как некое — пусть в целом и довольно безобидное — отклонение от нормы. Учитывая также и то, с каким энтузиазмом корейцы — вне зависимости от политических взглядов — уже второе столетие воспринимают все веяния с Запада, можно не сомневаться:

если антитабачная кампания будет продолжаться в США и Европе, она не закончится и в Корее. Не удивлюсь, если через пару десятилетий Корея станет самой малокурящей страной мира.

Наблюдается в Корее и снижение потребления алкоголя, особенно крепкого. Эта тенденция сопровождается переходом корейцев на новые для них алкогольные напитки западного происхождения — и об этом пойдёт речь в следующей главе.

АЛКОГОЛЬНАЯ МОДА И ЗАПАДНЫЕ НАПИТКИ

1990-е гг. — в Корее начинают употреблять
виноградные вина

Люди с незапамятных времён имеют привычку — несколько вредную, спору нет, — потреблять алкогольные напитки. Конечно, корейцы тут никак не являются исключением. Однако последнее столетие стало для Кореи временем серьёзных перемен: в стране появились западные алкогольные напитки, заметно потеснившие традиционные виды корейского алкоголя. Главную роль среди этих пришельцев с Запада играет триада: виски, вино, пиво. Эти алкогольные напитки впервые появились в Корее чуть более столетия назад, однако судьба их сложилась по-разному.

Начнём в порядке крепости, с виски — точнее, с тех западных напитков, которые в Корее называют *янчжу* (в буквальном переводе — «иностранное вино»). Любопытно, что у этого термина, вполне понятного любому корейцу, нет точного русского аналога.

С точки зрения корейцев, к *янчжу* относятся виски, бренди и коньяк, а также прочие крепкие цветные спиртные напитки западного происхождения, как импортные, так и произведённые в Корее по западным технологиям. *Сочжу*, самый распространённый вид корейской рисовой

водки (обычно крепостью около 20 градусов), не принадлежит к этой группе, так как воспринимается как традиционный корейский напиток, а к янчжу относятся напитки иностранные, западные. Русскую водку тоже не относят к категории янчжу: во-первых, потому что она является прозрачной, но также и потому, что водка в Корее не воспринимается как традиционный напиток западной элиты. Китайские и японские крепкие напитки также не относятся к этой группе — и по тем же причинам.

Крепкие западные напитки появились в Корее в 1890-е гг. и довольно быстро завоевали популярность среди тех немногих корейцев, кто мог себе их позволить. При этом из всех видов янчжу в Корее особой любовью пользуется виски — более привычный россиянам коньяк в Корее известен, но не прижился.

Поначалу всё виски, потребляемое в Корее, импортировалось, и цены на него были соответствующими. Их производство в Корее началось только в 1970-е гг., но и поныне успехи корейского продукта остаются скромными: богатые корейцы предпочитают пить импортный алкоголь, в то время как люди победнее и попроще остаются верны старому доброму сочжу.

Если верить корейской рекламе, виски и коньяк — это напитки, которые потребляют могущественные президенты компаний, люди в безупречных костюмах, вечерами сидящие у каминов своих роскошных особняков. Действительно, виски и бренди стоят в Корее немалых денег, и таможня, относя эти напитки к категории предметов престижного потребления, облагает их высокими пошлинами. Впрочем, в последние годы в рекламе виски стали появляться и роковые красавицы со следами порока на челе — хотя капитаны бизнеса там по-прежнему доминируют.

В 2002 году, когда популярность виски и его родственников в Южной Корее достигла пика, корейские компании импортировали янчжу на сумму \$400 млн — почти полмиллиарда! Приблизительно две трети (67%) этой суммы были потрачены на закупки виски, по преимуществу настоящего, то есть шотландского. Реальный объём закупок ещё выше, ведь из поездок за границу корейцы часто привозят виски в подарок родственникам и друзьям.

В 2002 году среднестатистический кореец потреблял 1,6 бутылки виски в год (для крепких напитков стандартом в статистике считается пол-литровая бутылка). Возможно, это не так много, но большинство янчжу, потребляемого в Корее, относится к самым дорогим маркам. Ян Гуд, председатель Шотландской ассоциации виски, сказал тогда: «Южная Корея [...] — это фантастический рынок, они там не пьют ничего меньше 12 лет выдержки!»

Однако после 2002 года и импорт, и покупки виски и прочих напитков категории янчжу стали быстро снижаться, так что к 2020 году потребление виски составило всего лишь 52% от рекордного уровня 2002 года. Считается, что главная причина кризиса — это рост популярности виноградных вин, а также нарастающее среди корейцев неприятие крепких алкогольных напитков как таковых.

Действительно, одним из феноменов последних двух десятилетий в Корее стал быстрый рост потребления виноградных вин.

О существовании виноградного вина в Корее узнали в XIII–XIV веках, то есть во времена походов Чингисхана и его наследников, когда многие западные или, точнее, средиземноморские новшества и привычки проникли в Китай, а оттуда добрались и до Кореи. Однако виноградные вина очень долго оставались в Корее редкой и малопопулярной экзотикой. Большинству корейцев вино казалось напитком

либо кислым (если речь шла о сухом), либо приторным (если речь шла соответственно о сладком и даже о полусладком).

Около XIV века попал в Корею и виноград. Называется он по-корейски *пходо*: это корейское произношение двух китайских иероглифов, которые в современном литературном китайском языке читаются как *путао* (포도/葡萄). Это слово, в свою очередь, является старой китайской транскрипцией слова *bādāwa, взятого из родственного персидскому бактрийского языка, на котором говорили на территории современной Средней Азии. Иначе говоря, уже само слово, обозначающее виноград в современном корейском языке, напоминает о западном, средиземноморско-ближневосточном происхождении и этого растения, и изготавливаемого из него напитка.

Впрочем, всерьёз распространение винограда в стране началось только около 1900 года усилиями французских миссионеров. Сейчас большая часть производимого в Корее винограда (73%) относится к американскому сорту Campbell Early, который у меня, признаться, не вызывает особого восторга: эти крупные фиолетовые ягоды с толстой кожицей кажутся на вкус какими-то парфюмерными. Если же говорить о столовых сортах, то примерно с 2005 года в корейских магазинах преобладают бескосточковые сорта винограда, в основном импортные.

В конце XVIII века в Корею стал проникать католицизм. Католики, как известно, большое внимание уделяют обряду причастия, а для полноценного отправления этого обряда необходимо вино, причём вино виноградное. Поэтому католики, когда им представлялась такая возможность, в небольших количествах ввозили в Корею вино — в ритуально-религиозных целях.

В 1970-е гг. южнокорейское правительство решило поощрять местное производство виноградного вина. Причина

этого решения по нынешним временам кажется весьма странной. Считалось, что для виноградников нужна плохая почва, то есть почва, которую нельзя использовать под выращивание риса — главной сельскохозяйственной культуры страны. Правительство полагало, что если удастся внедрить вино в обиход, то люди будут потреблять меньше алкогольных напитков на рисовой основе, результатом чего станет... экономия риса. Такая вот логика: считалось, что для того, чтобы люди не переводили рис на выпивку, надо способствовать выращиванию винограда и производству виноградных вин.

Действительно, в 1972 году в магазины поступили первые бутылки вина местного производства, а с конца семидесятых вина местной марки «Мачжуан» стали продаваться в Корее в сравнительно больших количествах. По моему мнению, хороших и даже сносных виноделов из корейцев не получилось. По-видимому, большинство самих корейцев думает так же. На корейском рынке вина импортные сейчас однозначно доминируют.

Впрочем, до конца восьмидесятых в Корее проводилась политика ограничения импорта, в первую очередь — импорта предметов роскоши, к каковым относилось и вино. До 1987 года вино облагалось немалой таможенной пошлиной, из-за чего поставки были исключительно редкими.

Перемены начались в девяностые годы. Большую роль в этом сыграли вестернизация молодёжи, постоянно растущее влияние западной бытовой культуры, а также изменение гастрономических пристрастий корейцев, особенно молодых и образованных. Корейские маркетологи и специалисты по рекламе стараются представить вино как западный напиток, и эта стратегия работает: и Америку, и Запад в целом в Южной Корее любят давно и страстно, считая западный стиль жизни образцом для подражания. Вино

в современной Южной Корее — это напиток корейских хипстеров, продвинутых и образованных молодых горожан.

В 2008 году объёмы продаж вина впервые в истории превысили объём продаж сочжу. Впрочем, речь идёт об объёмах в ценовом выражении: поскольку сочжу много дешевле вина, то и физический объём потреблённого сочжу много больше. В 2019 году среднестатистический кореец выпил за год 1,1 литра вина. Это, конечно, куда меньше, чем в средиземноморских странах: в 2016 году среднестатистический француз потребил ни много ни мало 40 литров этого напитка. С другой стороны, это заметный рост по сравнению с недавними временами: в 2001 году на среднестатистического корейца приходилось 0,4 литра вина.

Как уже говорилось, корейцы пьют в основном вино импортное (85% потребления). По состоянию на 2016 год в пятёрку ведущих поставщиков вина на корейский рынок (в физическом, а не ценовом выражении) входили Чили, Испания, Франция, США и Италия. Если говорить об объёмах, то среди стран — поставщиков вина на корейский рынок давно и уверенно лидирует Чили, но если считать не литры, а доллары, то лидером является Франция — французские вина стоят куда дороже чилийских.

В отличие от вина — напитка продвинутой столичной молодёжи и хипстеров — пиво в Корее стало напитком народным, хотя произошло это далеко не сразу.

Точно известно, когда именно корейцы впервые попробовали пиво — это случилось в 1884 году на банкете, где корейские и американские дипломаты отмечали подписание первого официального договора между двумя странами. Сохранившиеся изображения ясно показывают, что на праздничном столе тогда стояли и бутылки с пивом.

Широкое распространение пива началось в 1890-е гг., когда японские торговцы начали ввозить в Корею японские

сорта бутылочного пива. Первым в Корее стал продаваться товар известной японской марки «Саппоро». Как и Корея, в старые времена Япония пива не знала, но к 1890-м гг. японцы уже вовсю пили этот западный напиток. Производство пива «Саппоро» в Японии началось в 1877 году. Два других известных японских сорта, «Кирин» и «Асахи», появились в Корее немного позже, в самом начале XX века.

Следует отметить, что корейское название пива, *мэччу*, имеет японское происхождение, хотя и состоит оно из двух китайских иероглифов (сами китайцы для обозначения пива используют другие иероглифы). Означает это название «ячменное вино» (맥주/麥酒). Когда-то в Японии использовались те же два иероглифа, но сейчас там предпочитают именовать пиво на западный лад — биру.

Первый пивоваренный завод в Сеуле начал работать в 1908 году. Принадлежал он владельцам марки «Кирин». Первоначально большинство потребителей пива составляли местные японцы, но со временем у пива появились и корейские почитатели.

Поворотным моментом в истории корейского пива стал 1933 год. В августе и декабре того года в Сеуле открылись сразу два больших пивоваренных завода. Как легко догадаться, оба принадлежали японским компаниям. В августе начал работу завод фирмы «Саппоро», а в декабре — завод фирмы «Кирин». На протяжении последующих девяти десятилетий история корейского пива была историей конкуренции этих двух предприятий, которые меняли названия и владельцев, создавали филиалы, разрабатывали новые технологии и вели ожесточённую конкурентную борьбу за потребителя.

После освобождения страны оба завода были конфискованы корейским правительством и затем приватизированы. Пивоваренный завод «Кирин» стал компанией «Тонъян»,

---

производящей пиво ОВ (Oriental Brewery), в то время как его конкурент стал выпускать пиво Crown. Впоследствии обе компании неоднократно меняли владельцев. На настоящий момент потомком «Кирина» является компания ОВ (Oriental Brewery) — она принадлежит бельгийскому пивному гиганту Anheuser-Busch InBev и производит пиво под марками ОВ и Cass. Потомком корейского филиала «Саппоро» является компания Hite Brewery, в начале девяностых сменившая имя с Crown на Hite.

Первые годы независимости были трудным временем для всех, в том числе и для пивоваров. Сейчас сложно в это поверить, но основной причиной того, что две главные пивоваренные компании в конце сороковых использовали только 20% своих производственных мощностей, была элементарная нехватка бутылок, так как в стране их не могли производить в нужных количествах.

В 1954 году в Корею было выпущено 13,5 млн стандартных пол-литровых бутылок пива. Если учесть, что импорта тогда было очень мало, то получается, что среднестатистический кореец в те времена потреблял всего лишь около четверти литра пива в год (!). Стоит отметить, что большинство ингредиентов для производства пива до начала 1970-х гг. приходилось ввозить из-за границы, что немало удорожало готовый продукт.

Рост потребления пива начался в конце 1970-х гг., вслед за урбанизацией и увеличением доходов корейцев. Любопытно, что в семидесятые и восьмидесятые годы пиво играло в корейской культуре примерно такую же роль, какую в последние пару десятилетий в ней играет вино, — то есть воспринималось как утончённый напиток продвинутых горожан (*хипстерами* корейскую городскую молодёжь семидесятых назвать всё-таки сложно). Вчерашние крестьяне, ставшие горожанами на волне урбанизации, всё чаще считали, что

в их положении полагается пить именно пиво, а не сочжу, *макколи* и иные «плебейские» алкогольные напитки. В это время по всей стране начали появляться пивные залы, которые в Корее на немецкий манер именуют *хофф*, и потребление пива стало быстро расти.

Впрочем, примерно до 2010 года качественное крафтовое пиво, равно как и тёмное пиво, найти в Корее было не так-то просто. На корейском рынке тогда доминировали светлые сорта бутылочного или баночного пива. Ситуация несколько изменилась после 2010 года, когда стали появляться малые пивоварни и резко, в разы, вырос импорт пива. В последнее десятилетие обычным в Корее стало и крафтовое пиво, и экзотические сорта этого напитка (включая, кстати, и знакомую читателям «Балтику»).

В 2010 году среднестатистический кореец в среднем выпил 40,8 литра пива, а в 2018-м — уже 53,6 литра. Это в 200 раз больше, чем в послевоенном 1954 году. Однако если считать не литры пива, а количество алкоголя, в нём содержащегося, то наблюдается даже небольшое снижение в потреблении *пивного этилового спирта* — корейцы переходят на более лёгкие сорта.

Особенностью корейских питейных традиций в восьмидесятые и девяностые была популярность так называемого *пхоктханчжу*, то есть, в несколько вольном переводе, «бомбического напитка». По легенде, его выдумал где-то в 1980 году офицер полиции, который хотел, чтоб надоевшие ему служебные попойки кончались побыстрее — просто в силу того, что все участники мероприятия дошли до максимально возможной кондиции. Идея была проста — в стандартный пивной стакан (225 мл) добавлялось содержимое одного или иногда двух стандартных стаканов для виски (50 мл). Эту смесь полагалось выпить, и, как показал опыт, с ног она сбивала мгновенно. Впрочем, в наши дни *пхоктханчжу*

постепенно выходит из употребления — алкогольная культура в Корее меняется.

Главные перемены связаны с тем, что в целом потребление алкогольных напитков — как «заморских», так и своих, исконных — в Корее в последние годы медленно, но неуклонно сокращается. Потребление алкоголя за 40 лет снизилось в полтора с лишним раза — с 14,8 литра на человека в 1980 году до 8,9 литра в 2016 году.

Причин тут несколько. Во-первых, постепенно уходит в прошлое традиция регулярных (пару раз в неделю!) алкогольных посиделок после работы — традиция, следование которой многие десятилетия было практически обязательным. Во-вторых, в Корее в последние 15–20 лет наблюдается повальное увлечение здоровым образом жизни, который корейцы по непонятным причинам именуют *wellbeing* (это слово в английском имеет совсем другое значение: «материальное процветание», а вот в корейском его используют как синоним словосочетания «здоровый образ жизни»). Корейцы пьют и реже, и меньше, чем несколько десятилетий назад, и вдобавок начинают предпочитать менее крепкие напитки.

Та же тенденция наблюдается и во всём мире, и не исключено, что лет через пятьсот люди вовсе откажутся от потребления алкоголя. Но пока до этого ещё очень далеко, в том числе и в Корее.

В Корее меняется всё, включая и отношение к некоторым, казалось бы, незыблемым политическим принципам, и к представлениям о будущем страны. О том, как сейчас меняется отношение к перспективам объединения, пойдёт речь в следующей главе.

КАК ОТНОСЯТСЯ В КОРЕЕ ЮЖНОЙ К КОРЕЕ СЕВЕРНОЙ?

2000-е гг. — меняется отношение
к объединению страны

Дать ответ на вынесенный в заголовок вопрос не так просто, потому что единой позиции по отношению к Северной Корее у южнокорейского общества нет.

Южная Корея политически является глубоко поляризованным обществом. Уже не первое десятилетие политическую жизнь страны определяет противостояние двух лагерей: так называемых консерваторов и прогрессистов. Обозначения эти лучше всего брать в кавычки — в том числе и потому, что южнокорейские «консерваторы» по своим политическим взглядам далеки от консерваторов европейских и американских, а южнокорейским «прогрессистам» вообще трудно подобрать западные аналоги. Несколько упрощая, можно считать, что «консерваторы» — это сторонники (умеренные) рыночной экономики, в своей внешней политике ориентирующиеся на Соединённые Штаты (я бы даже сказал, ориентирующиеся на Соединённые Штаты фанатично и истово). Их оппоненты-«прогрессисты», по европейским меркам, могут быть описаны как умеренные социал-демократы, но от европейских левых южнокорейские «прогрессисты» отличаются, в частности, ярко выраженным национализмом.

Нет особого смысла даже упоминать названия партий, с которыми в данный момент эти политические лагеря ассоциируются. Дело в том, что в Южной Корее сложилась довольно необычная традиция — обе главные партии периодически ребрендируются. Иначе говоря, при приближении очередных парламентских или президентских выборов и «консерваторы», и «прогрессисты» обычно заявляют о роспуске партии и создании партии новой, которая, в общем, от старой отличается исключительно эмблематикой и названием — но не программой и не личным составом руководства на всех уровнях.

«Консерваторы» ведут свою идеологическую родословную от военных режимов, правивших в Корее в 1961–1987 гг., а если уходить в более древние времена, то от Ли Сын-мана и даже первых корейских модернизаторов-националистов конца XIX века.

Находящиеся ныне (в 2021 году) в оппозиции «консерваторы» относятся к Северной Корее куда более негативно, чем их противники. Были времена, когда реальную политику «консерваторов» в отношении Севера описывала чеканная формула *мёльгон тхонъиль*, то есть «Уничтожив коммунистов, объединим страну!». Где-то до начала шестидесятых южнокорейское руководство, в котором тогда безраздельно доминировали идеологические учителя и наставники нынешних «консерваторов», действительно всерьёз собиралось «освободить» Северную Корею от правящего там «марионеточного коммунистического режима». Однако те времена давно прошли, хотя и сейчас правые говорят, что конечная цель их политики по отношению к Северу — это «объединение страны на принципах либеральной демократии» (то есть, иначе говоря, на южнокорейских условиях).

Однако эти декларации не следует воспринимать слишком всерьёз (как, увы, делают многие за пределами Кореи,

---

не понимая условностей корейского политического театра). По большому счёту, реальная политика правых до недавнего времени лучше всего описывалась формулой, которую разработал их гуру и кумир Пак Чон-хи: «Сначала — экономический рост, а потом — объединение». Иначе говоря, хотя правые формально, на уровне деклараций, отрицают за Северной Кореей легитимность и право на существование, на практике они исходят из того, что с северокорейским государством Югу придётся сосуществовать ещё очень долго (и особо против этого не возражают).

С течением времени в отношении правых к Северу стали происходить изменения. Всё большее количество сторонников правых, особенно из числа молодёжи, сомневается в том, что объединение с Северной Кореей вообще следует рассматривать в качестве цели практической политики. Эти люди пока ещё не готовы полностью отказаться от лозунга «объединения на принципах либеральной демократии», однако чем дальше, тем больше они рассматривают объединение как некую абстрактную цель, достижение которой возможно только в неопределённом будущем и о которой, следовательно, нет смысла беспокоиться сейчас.

На практике среди правых в настоящее время доминирует уверенность в том, что Северная Корея ни при каких обстоятельствах в обозримом будущем не откажется от ядерного оружия. Поэтому «консерваторы» говорят, что Южной Корее следует избегать взаимодействия с Севером, так как Северная Корея обычно извлекает немалую экономическую выгоду из таких контактов (это в целом правда) и использует добытые таким образом средства для дальнейшего продвижения ядерной программы, подрывая безопасность Южнокорейского государства.

Отношение «прогрессистов» к Северной Корее является более сложным. «Прогрессивный» лагерь исторически

Демонстрация правых (более радикального толка) в центре Сеула — обычная часть городского пейзажа после 2017 года. Присутствие американских флагов не должно удивлять — укрепление союза с США является для корейских консерваторов краеугольным камнем внешней политики (их оппоненты, впрочем, против этого тоже не очень возражают). Можно обратить внимание и на преобладание стариков, характерное для более радикально настроенных правоконсервативных групп

сложился в 1990-е гг. на основе слияния двух ранее существовавших политических сил.

Во-первых, корни «прогрессистов» уходят к антисистемной оппозиции 1960-х и 1970-х гг., то есть к людям, которые, подобно Ким Тэ-чжуну (президент с 1998 по 2003 год), в своё время активно выступали против правления военных режимов. Эта антисистемная оппозиция отчасти руководствовалась идеологическими соображениями, а отчасти имела региональный характер и опиралась на юго-западные провинции страны.

Другим слоем в рядах нынешних южнокорейских «прогрессистов» являются выходцы из радикального левонационалистического студенческого движения 1980-х гг. В те годы в общественно-политической жизни южнокорейских университетов доминировали радикалы, идеология которых представляла собой причудливую смесь марксизма-ленинизма и корейского национализма. Они не слишком утруждали себя учёбой и проводили студенческие годы в драках с полицией и в чтении марксистской и националистической литературы. В то время большинство студентов-радикалов в той или иной степени симпатизировали Северной Корее — по их мнению, государству, где построено национально правильное и социально справедливое общество. Идеалом для них было объединение Севера и Юга на равноправной основе, возможно — через создание конфедерации, а некоторые из них не были и против того, чтобы северокорейские порядки распространились на всю страну. Разумеется, речь шла не о реальных северокорейских порядках, про которые они тогда знали мало, а о порядках «небесной» Северной Кореи, существовавшей исключительно в их воображении.

Начало девяностых стало для этих молодых людей временем жестокого разочарования. Распад социалистического лагеря нанёс внезапный и, по сути, смертельный удар по их прежнему мировоззрению. Студенты-активисты, свято верившие в правоту массовых движений и рабочих демонстраций, неожиданно обнаружили, что в Восточной Европе и массовые движения, и рабочие демонстрации направлены именно против той идеологии и политической системы, в превосходство которой они сами только что уверовали.

Другим ударом для левых стало частичное «открытие» Северной Кореи. В более ранние времена, то есть до конца 1980-х гг., в южнокорейской прессе содержалось немало

негативной информации о Северной Корее — причём значительная часть информации была вполне правильной. Однако левонационалистические радикалы тогда воспринимали любой негатив, связанный с Северной Кореей, как официальную пропаганду и относились к ней крайне недоверчиво, предпочитая черпать информацию о Севере из пхеньянских официальных изданий.

Однако в середине девяностых годов в Северной Корее начался массовый голод, и потоки северокорейских экономических мигрантов — нелегальных гастарбайтеров — устремились в Китай. Многие из бывших студентов-активистов получили возможность встречаться с северокорейцами, причём встречи эти чаще всего проходили в Китае и носили спонтанный характер, так что о манипуляциях со стороны южнокорейских спецслужб речи не шло. Из этих контактов с северокорейскими «рабочими и крестьянами» (никого другого в Китае среди северокорейских беженцев они встретить и не могли) им стало ясно, что Северная Корея является не раем рабочего класса и трудового крестьянства, а крайне бедной страной третьего мира, политический строй которой лучше всего охарактеризовать как де-факто сословную монархию.

Тем не менее следы былых мечтаний всё ещё заметны во взглядах «прогрессистов». Бывшие студенты-радикалы конца восьмидесятых, влившиеся в «прогрессивный» лагерь и со временем занявшие высокие политические посты, давно не воспринимают Северную Корею как пример для подражания, но всё равно относятся к ней не так негативно, как их оппоненты-«консерваторы».

Идеологи «прогрессистского» лагеря на протяжении последних 20–25 лет подчёркивают, что идеальная политика в отношении Северной Кореи — это политика сотрудничества. Отдалённой целью, по их словам, является

объединение страны на конфедеративной основе, то есть в соответствии с принципом «одна нация, две системы». Впрочем, в некотором отношении «прогрессисты» похожи на своих оппонентов «консерваторов», которые, как мы помним, полностью не отказавшись от лозунга «Уничтожив коммунистов, объединим страну!», на практике всё чаще рассматривают объединение Кореи как задачу, отодвинутую куда-то в бесконечность.

Тем не менее южнокорейские «прогрессисты», в отличие от своих оппонентов из «консервативного» лагеря, настроены на взаимодействие с Северной Кореей. Они понимают и то, что взаимодействие будет нежизнеспособным без серьёзных систематических субсидий со стороны южнокорейского правительства. Южнокорейские «прогрессисты» не просто хотят вести с Северной Кореей экономический и торговый обмен, но и готовы щедро субсидировать этот обмен из средств бюджета.

Правда, и среди «прогрессистов» постепенно растёт понимание, что среднестатистический южнокорейский налогоплательщик к Северной Корее всё более равнодушен и всё менее склонен воспринимать северокорейцев как своих единоплеменников. Это означает, что рядовые граждане не очень готовы платить за реализацию тех амбициозных планов сотрудничества с Севером, которые лелеют лидеры «прогрессистов». Более того, примерно так же к Северной Корее относятся и сторонники «прогрессистов» помоложе. По большинству вопросов южнокорейской жизни они вполне солидарны со своими «старшими товарищами», но вот отношение к Северной Корее у этой политически активной левонационалистической молодёжи совсем иное: или равнодушно-отстранённое, или иронически-враждебное. Поэтому «прогрессисты» стараются убедить южнокорейскую публику в том, что взаимодействие с Севером

будет осуществляться на взаимовыгодной основе и принесёт выгоду обоим Корейским государствам — в этой пропаганде дело часто доходит до прямых (и весьма комичных) манипуляций с фактами и статистикой.

Всё сказанное касается в первую очередь настроений в рядах политической и интеллектуальной элиты. Если же говорить о настроениях основной массы южнокорейцев — в особенности молодых сторонников обоих политических лагерей, — то ясно одно: что бы там ни говорили политики и идеологи, что бы ни писали в школьных учебниках, рядовые южнокорейцы всё меньше склонны воспринимать Северную Корею как отторгнутую часть своей страны. Для них Северная Корея постепенно становится «заграницей», крайне бедной страной, которая по капризу географии расположена поблизости от Южной Кореи и население которой, опять-таки по капризу истории, говорит на каком-то странном (но в целом почти понятном) диалекте корейского языка. Среди масс растёт скептицизм в отношении самой идеи объединения — обстоятельство, которое давно и регулярно подтверждают опросы общественного мнения.

Например, летом 2020 года Институт проблем Восточной Азии провёл исследование, которое посвящено тому, как население Южной Кореи относится к Северной Корее. Вообще говоря, подобные исследования проводятся в Южной Корее самыми разными организациями, изучающими общественное мнение. Однако исследования Института проблем Восточной Азии интересны тем, что вот уже 15 лет они проводятся по примерно одинаковой методике и с использованием одних и тех же вопросов. Это позволяет отслеживать, как менялось отношение с 2005 года, — соответствующие исследования были проведены в 2005, 2010, 2015 и 2020 годах.

Согласно исследованию 2020 года, например, впервые больше половины опрошенных заявили, что не видят необходимости в скорейшем объединении страны. Если быть более точным, то в 2005 году только 7,9% опрошенных ответили, что «в объединении с Севером нет никакой необходимости», а 19,6% — что «нет необходимости торопиться с объединением» (тех и других вместе — 27,5%). В 2020 году такие же мнения высказали соответственно 20,2% и 31,7% опрошенных (всего 51,9%).

Показательны и зафиксированные в этом исследовании изменения в отношении к северокорейцам. В 2005 году 30,5% опрошенных сказали, что северокорейцы — это «часть нашей нации». В 2020 году так ответили в два раза меньше респондентов — 13,9%. В 2005 году 25,2% описали северокорейцев как «наших братьев». В 2020 году «братьями» их считали 17,8%. За эти 15 лет не изменилось количество людей, которые считают северокорейцев «просто соседями» (21,0% и 21,8% соответственно), но зато резко выросло количество тех, кто считает, что северокорейцы — это «чужаки»: в 2005 году так думало 10,0% опрошенных, а в 2020 году — 18,6%. Ещё более заметен рост числа тех, кто думает о северокорейцах как о «врагах», — доля таких среди опрошенных выросла с 8,0% в 2005 году до 19,1% в 2020 году.

Речь идёт отнюдь не о случайных флуктуациях, вызванных какими-либо текущими событиями. Опросы 2010 и 2015 годов подтверждают, что данные настроения последовательно нарастали на протяжении всего периода 2005–2020 гг.

В целом жители Южной Кореи мало интересуются делами северного соседа. Для иностранцев это равнодушие — в тех редких случаях, когда они с ним сталкиваются, — кажется странным. Действительно, мировая печать вспоминает о существовании Корейского полуострова в основном тогда,

---

когда в Пхеньяне решают запустить ракету, взорвать атомную бомбу или выступить с какой-нибудь дипломатической инициативой. В результате у тех, кто в Корее не живёт и с ней особо не связан, неизбежно возникает ощущение, что жители Юга воспринимают дела северного соседа как что-то важное, что они постоянно думают и говорят о Севере. На практике же это совсем не так: в типичном номере южнокорейской газеты, который состоит, не считая приложений, из 30–40 страниц большого формата, на протяжении нескольких дней может не появиться ни одной новости о Северной Корее: Китаю, и США, и Японии там уделяется ощутимо больше внимания.

Выражаясь несколько вольно, я бы сказал, что рядовой житель Юга в своей повседневной жизни интересуется делами Севера примерно в такой же степени, в какой житель Москвы или Петербурга ныне интересуется делами, скажем, Узбекистана или иных стран бывшей советской Средней Азии. Северная Корея сейчас не вызывает у подавляющего большинства южан ни страха, ни уважения, ни — самое главное — интереса.

Скорее всего, именно медленное, но неуклонное формирование на Корейском полуострове двух отдельных наций и нарастающее взаимное отчуждение Севера и Юга в долгосрочной перспективе и определяют судьбу страны. Тем не менее и в 2020 году дебаты между «консерваторами» и «прогрессистами» идут с прежней яростью — хотя вопросы, связанные с Северной Кореей, уже давно занимают в этих дебатах очень скромное место.

Ощутимо более острой проблемой современной Южной Кореи является проблема демографическая, о чём будет сказано в заключительной главе.

ИСЧЕЗАЮЩИЕ ДЕРЕВНИ, ПРОПАДАЮЩИЕ ГОРОДА

2005 г. — рождаемость в Корее снижается до 1,08 рнж

В 1983 году у Сеульского вокзала появилась странная скульптура. Она изображала человека, который с трудом удерживал на вытянутых вверх руках огромный груз с прикреплённым электронным табло, где постоянно менялись — и постоянно росли — цифры. Цифры показывали, сколько человек в данный момент живёт в Корее, а вся эта композиция должна была напоминать жителям столицы о том, каким бременем для страны является её перенаселение. Вскоре подобные скульптуры появились у железнодорожных станций в большинстве других крупных городов.

По мнению властей того времени (это мнение разделяла и публика), над Кореей нависла, угроза перенаселения, о чём каждый гражданин страны должен был помнить, и по возможности не размножаться с излишней интенсивностью.

Вообще говоря, демографическая история Кореи является весьма интересной. В Республике Корея произошли те же самые изменения, которые наблюдаются практически в любой развитой стране. Однако особенность Кореи в том, что перемены происходили с удивительной скоростью. Те изменения в структуре населения, которые, допустим, в Великобритании или Германии растянулись на полтора-два

столетия, в Корею оказались спрессованы в несколько десятилетий. Достаточно сказать, что Корея перешла от сверхвысокой к сверхнизкой рождаемости за время жизни одного поколения...

Демографы, рассматривая историю населения в XIX–XXI веках, обычно говорят о *первом и втором демографических переходах*.

Во времена, предшествующие промышленной революции и возникновению современной экономики, то есть до конца XVIII века, везде в мире наблюдались крайне высокая рождаемость и крайне высокая смертность (в первую очередь детская и младенческая), равно как и весьма невысокая продолжительность жизни.

Под первым демографическим переходом имеется в виду сокращение смертности: оно началось в Европе в конце XVIII века и резко ускорилось к концу следующего XIX столетия. При этом на первых порах сокращение смертности не сопровождалось сокращением рождаемости. Неизбежным результатом такого сочетания низкой смертности и высокой рождаемости стало резкое увеличение численности населения — тот самый *демографический взрыв*, который так испугал политиков и экспертов в середине XX века.

Второй демографический переход подразумевает, что за резким снижением смертности следует столь же резкое падение рождаемости: это сейчас и происходит. Это привело к панике — начались разговоры о катастрофическом старении населения и даже грядущей депопуляции.

В Корею первый демографический переход начался в колониальные времена. В 1911 году, когда японской колониальной администрацией была проведена первая в истории Кореи современная и относительно надёжная перепись населения, средняя ожидаемая продолжительность жизни корейцев составляла всего лишь 24 года. Эта цифра может

Пусан, 1984 год. Подобные «часы народонаселения» были установлены в середине 1980-х гг. на улицах многих корейских городов. Они должны были напоминать корейцам о том, что страна сталкивается с угрозой катастрофического перенаселения. Последующие события, впрочем, продемонстрировали, что реальная демографическая угроза связана не с перенаселением, а, наоборот, с крайне низкой рождаемостью

показаться несуразно низкой, но она была вполне типичной для доиндустриальных обществ. Правда, показатель этот до определённой степени является пресловутой «лукавой цифрой»: средняя продолжительность жизни в былые времена была низкой, в первую очередь потому, что от четверти до трети всех младенцев в традиционных обществах умирали, не дожив до года. Если же человеку в Средние века удавалось достичь подросткового возраста, то в таком случае он в среднем жил до 45–55 лет — не слишком хорошо по нынешним меркам, но и не столь уж катастрофично.

В 1911 году кореянка в среднем рожала 6,5 раза (используя терминологию демографов, общий коэффициент фертильности составлял 6,5 рождений на женщину). Цифра эта почти не менялась вплоть до начала 1960-х гг. С другой стороны, с первых же лет колониального правления смертность в Корее стала быстро снижаться, в результате чего средняя ожидаемая продолжительность жизни увеличилась с 24 лет в 1911 году до 45 лет в 1942 году. Связано это было в первую очередь с распространением в стране современных гигиенических знаний и привычек (начиная с простейшего мытья рук). Как ни трудно в это поверить, но мыло спасло куда больше человеческих жизней, чем самые совершенные лекарственные препараты. Снижение смертности и рост средней ожидаемой продолжительности жизни (СОПЖ) в Корее продолжались и в первые годы независимости. Несмотря на кровавый хаос Корейской войны, к 1960 году средняя продолжительность жизни в Корее составляла 54 года.

Разумеется, сокращение смертности при сохранении высокой рождаемости привело в Корее к тому же, к чему оно приводило во всём мире, — стремительному росту населения. В 1911 году население всего Корейского полуострова составляло 17 млн человек, к 1960 году на этой территории жили уже 37 млн человек, а сейчас, в 2020 году — 76 млн.

С начала 1960-х гг. в мире началась паника по поводу надвигающегося перенаселения, которая продолжалась до недавнего времени. Паника эта была вызвана как раз тем обстоятельством, что многие страны третьего мира к шестидесятым завершили первый демографический переход, и, соответственно, во всех этих странах начался стремительный рост населения.

Ожидание надвигающейся демографической катастрофы произвело неизгладимое впечатление на южнокорейское руководство. Это было связано с характерной особенностью мышления южнокорейских элит, которые, однажды решив ориентироваться на развитый Запад, уже семь десятилетий с удивительной последовательностью копируют западные идеологические, экономические и политические моды и воспринимают текущий западный дискурс как истину в последней инстанции. Поскольку в 1960-е гг. в Вашингтоне и Париже полагалось думать, что мир движется к страшной катастрофе, вызванной перенаселением, и что единственным путём добиться экономического развития для бедной страны является ограничение рождаемости, южнокорейское руководство приступило к борьбе за это самое ограничение рождаемости (выражаясь языком политиков, к кампании по планированию семьи).

Кампания эта началась в 1962 году и продолжалась до конца восьмидесятых — впрочем, после 1980 года её интенсивность резко снизилась. Проводилась она достаточно жёсткими методами — учитывая характер южнокорейского режима того времени, ничего иного ожидать и не следовало (интересно, кстати, что кампанию скопировали на Севере, хотя в Пхеньяне решили бороться с рождаемостью скрыто и в открытой печати об этом не писали).

Активисты кампании объясняли корейцам те опасности, которыми чревато излишнее количество детей в семье,

Плакаты времён борьбы за снижение рождаемости. Плакат сообщает, что Корея стремится к уровню доходов на душу населения в \$1000 к 1981 году, и объясняет, что нужно делать для того, чтобы достигнуть этого процветания в намеченные сроки: «Не делать различия между сыновьями и дочерьми, родить только двоих и воспитать их хорошо»

бесплатно раздавали презервативы и другие противозачаточные средства, а также рекламировали хирургическую стерилизацию. Всего в период с начала шестидесятых и до начала восьмидесятых соответствующие операции сделали около 1,2 млн женщин и около 550 000 мужчин — всего около 4% населения страны.

В 1966 году началось так называемое движение 3-3-35. Этот цифровой код подразумевал, что каждая сознательная кореянка должна рожать детей не чаще, чем раз в три года, ограничить себя тремя детьми и прекратить рожать в возрасте 35 лет. Отчасти эта политика объяснялась заботой о здоровье матерей, но понятно, что реальными причинами были причины политические.

В семидесятые подход был ужесточён, и идеалом была провозглашена семья с двумя детьми. Лозунг 1970-х гг. звучал следующим образом: «Не делая различия между сыновьями и дочерьми, рожаем только двоих и воспитываем их хорошо!» Пропаганда в этом направлении проводилась с таким усердием, что в памяти корейцев следующего поколения подобные лозунги отпечатались очень глубоко.

Действительно, уже в начале восьмидесятых у корейского правительства, казалось, были все основания гордиться достижениями на ниве планирования семьи (то есть, выражаясь прямо и честно, борьбы с рождаемостью). Общий коэффициент фертильности, который в 1960 году составлял 6,1 рождений на женщину (рнж), к 1970 году опустился до 4,53 рнж, а в 1983 году был на уровне 2,06 рнж, то есть уровне простого воспроизводства, при котором численность населения остаётся стабильной (если продолжительность жизни не меняется).

Однако далее произошло то, чего ни корейские организаторы кампании по снижению рождаемости, ни их

единомышленники во всём мире, кажется, совершенно не предвидели.

Достигнув уровня простого воспроизводства населения, рождаемость продолжала падать. К 1999 году общий коэффициент фертильности (ОКФ) в Корее составлял 1,4 рнж.

В 2005 году ОКФ сократился до рекордно низкого уровня — 1,08 рождений на женщину. Получалось, что на каждых двух корейцев приходится всего лишь один ребёнок. При стабильной СОПЖ подобные цифры означают, что каждое поколение будет ровно в два раза меньше предшествующего. Правда, в Корее средняя ожидаемая продолжительность жизни росла. Этот факт обнадеживал в том смысле, что не ожидалось резкого уменьшения населения, но, с другой стороны, обозначал новую проблему — старение населения.

Испытав шок от катастрофической статистики 2005 года, правительство запустило программы, направленные уже не на понижение, а на повышение рождаемости. Не без иронии заметим, что поворот был совершён всего лишь через 15 лет после того, как были свёрнуты кампании, направленные на решение прямо противоположной задачи. В период 2005–2020 гг. на повышение рождаемости корейское правительство потратило около \$200 млрд. Бесплатными стали детские сады, появились ранее отсутствовавшие пособия молодым родителям, была заморожена плата за обучение в вузах.

Однако, как и следовало ожидать, все эти усилия привели к более чем скромным успехам, а если быть совсем уж честным — окончились полным провалом. На протяжении примерно десятилетия после «шока 2005 года» рождаемость в Корее держалась на скромном уровне 1,1–1,2 рнж, то есть была одной из самых низких в мире, но после 2017 года опять стремительно пошла вниз. В 2020 году она составила 0,85 рнж, что является безусловным мировым

антирекордом: в настоящее время ни в одной другой стране мира рождаемость не является столь низкой.

Как отмечалось, снижение рождаемости пока не означает, что население Кореи сокращается. Причина этого — быстрое увеличение средней ожидаемой продолжительности жизни. В 1970 году СОПЖ в Корее составляла 62,3 года. К 1990 году она увеличилась до 71,7, а к 2010 году СОПЖ достигла уровня 80,2. По данным 2019 года, среднестатистический кореец живёт 83 года, что делает корейцев одним из самых долгоживущих народов мира.

Именно высокая средняя продолжительность жизни, которая до недавнего времени увеличивалась со скоростью 3–4 месяца в год, и обеспечивает определённую стабильность населения Южной Кореи. В 2020 году население страны составило 51 млн человек и вскоре начнёт сокращаться. Однако ожидается, что до 2040 года численность населения будет колебаться около 50-миллионной отметки. Впрочем, сам состав населения к 2040 году изменится самым радикальным образом за счёт резкого увеличения доли лиц старших возрастов. В настоящее время только 16,1% населения страны составляют люди, которым сейчас больше 65 лет. К 2040 году их доля вырастет до 34,3%.

Однако, как прогнозируют корейские демографы, после 2040 года население страны начнёт быстро сокращаться. Связано это будет с тем, что именно тогда начнёт постепенно вымирать самое многочисленное в корейской истории поколение людей, родившихся между 1955 и 1975 годами, то есть в те времена, когда у среднестатистической кореянки было от четырёх до шести детей. После 2050 года темп сокращения населения составит полмиллиона человек в год.

Текущий прогноз южнокорейского Госкомстата, который разрабатывается один раз в несколько лет на полвека вперёд, предлагает, как это и принято у статистиков, три сценария

корейского демографического будущего. В 2067 году население Южной Кореи может составить 45,5 млн (максимальный сценарий), 39,3 млн (средний сценарий) или 33,6 млн человек (минимальный сценарий). Внимательный взгляд на материалы статистического ведомства заставляет скептически относиться ко всем этим сценариям — кроме, может быть, минимального. Максимальный сценарий основывается на предположении о том, что в обозримом будущем средний общий коэффициент фертильности вырастет до 1,45 рнж. Однако в настоящий момент, когда среднестатистическая кореянка имеет менее одного ребёнка, подобный поворот сродни чуду.

Нравится это кому-то или нет, но происходящие в современной Южной Корее процессы носят общемировой характер. Похожие явления можно наблюдать и в других странах — пока в развитых, но в обозримом будущем они начнутся и в странах ныне бедных. Тем не менее в Южной Корее процессы старения населения приобретают особую остроту. Страна становится главной мировой лабораторией, которая показывает человечеству его демографическое будущее.

Наибольшее беспокойство у корейцев вызывает, конечно же, соотношение между пенсионерами, которые по определению не могут обеспечивать себя, и населением трудоспособного возраста. Обычно принято считать, что к нетрудоспособному населению относятся люди в возрасте 65 лет и старше, а к экономически дееспособному населению относят тех, кому от 15 до 65 лет.

В 2017 году в Корее на одного пенсионера приходилось 5 реальных или потенциальных работников. К 2040 году на одного пенсионера будет приходиться всего лишь 1,6 работника, а к 2060 году количество пенсионеров вообще несколько превысит количество работающих. Понятно, что

это не сулит ничего хорошего для экономического развития страны.

Хотя за отсутствием каких-либо прецедентов трудно говорить о том, как происходящие демографические перемены скажутся на корейской экономике, но мало кто спорит с тем, что одним из результатов станет снижение темпов экономического роста. Строго говоря, оно идёт уже с конца 1990-х гг.: в среднем темпы уменьшаются на 1% каждые пять лет. Что характерно, смена левых и правых правительств оказывает на этот процесс мало влияния. Ожидается, что на протяжении 2020-х гг. экономический рост в Южной Корее будет составлять 1–1,5% в год, что примерно соответствует европейскому уровню, но сильно уступает уровню Китая, равно как и тому уровню, к которому сами корейцы привыкли в годы экономического чуда.

Другой особенностью новой ситуации должны стать серьёзные изменения в распределении населения. Уже в наше время полным ходом идёт депопуляция в сельской местности, которая в первую очередь затрагивает районы, по корейским меркам, считающиеся отдалёнными.

Характерным примером происходящих перемен является уезд Кохын в провинции Чолла-Намдо. К 2020 году его население по сравнению с 1990 годом сократилось в два раза, и 40% этого населения составляют старики в возрасте 65 лет и больше. Ожидается, что к 2040 году численность населения этого уезда сократится ещё по меньшей мере в два раза. Корейская глубинка быстро превращается в территорию старости, а в перспективе она с такой же скоростью начнёт превращаться в территорию без людей.

Скорее всего, в 2030-е гг., как предполагают демографы, начнёт сокращаться и население крупных провинциальных городов — таких, например, как Пусан или Кванджу. В настоящее время молодёжь из этих городов стремится уехать

в Сеул, но на смену уезжающим приходят люди из соседних деревень и городков. К концу 2030-х гг. этот источник внутренних мигрантов будет исчерпан, и крупные провинциальные города потеряют заметную часть населения.

Вероятнее всего, на протяжении ближайших нескольких десятилетий в Корее будет происходить стягивание населения в гигантскую Сеульскую агломерацию. Похоже, что страна будет становиться всё более безлюдной и постепенно будет всё больше походить на город-государство Сеул.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ В ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из бурных десятилетий XX века Корея (по крайней мере, Корея Южная) вышла, прямо скажем, победительницей, хотя победа эта далась дорогой ценой. Страна, которая ещё 60 лет назад по основным макроэкономическим показателям отставала от Гватемалы, не говоря уже о Филиппинах, превратилась в одно из ведущих индустриальных государств мира. Страна, в которой 60 лет назад было трудно найти тех, кто был готов жить на третьем и четвёртом этаже нового многоэтажного жилого дома, превратилась в страну небоскрёбов и высотных жилых комплексов. Страна, в которой цветное телевидение начало вещание в 1980 году, в настоящее время является лидером мирового интернета и цифровой экономики. Страна, в которой извели, казалось бы, все деревья, через полвека оказалась вновь покрыта лесами.

Что же будет с Кореей дальше, что с ней случится в XXI веке? Ответить на этот вопрос невозможно, ибо «грядущие годы таятся во мгле». Попытки предсказывать будущее иногда удаются, но куда чаще заканчиваются позорными или смешными провалами. Так что самое разумное — от таких попыток воздерживаться.

Тем не менее сейчас, в начале двадцатых годов XXI века, представляется, что общее направление перемен в Южной Корее можно описать как европеизацию, или даже северо-европеизацию страны. Несмотря на огромное влияние США (и, заметим, также огромную популярность всего американского в южнокорейском обществе), очевидно, что идеалом для Кореи являются не столько США, сколько социал-демократические страны Северной Европы. Скорее всего, с течением времени Корея будет всё больше походить на эти страны — по крайней мере, в некоторых областях жизни.

Надо сказать, что «скандинавская модель» в Корее вполне может сработать — как и в Северной Европе, в Корее сильно чувство солидарности, наличествует доверие и к власти, и к окружающим, готовность идти на индивидуальные жертвы сейчас ради достижения каких-то общих целей в будущем. Все эти черты хорошо проявились во время эпидемии коронавируса.

В последних главах книги мы затронули два вопроса, которые, как кажется, представляют наиболее серьёзную угрозу для благополучного будущего страны.

Первая из них — это «северокорейский вопрос». Когда речь идёт о той угрозе, которую представляет Северная Корея, следует понимать, что имеется в виду вовсе не угроза военного конфликта. Такая угроза существует, но на настоящий момент она является пренебрежимо малой. Главная угроза здесь совсем другая — экономическая. Существует вероятность того, что режим семейства Кимов не сумеет удержать власть в Северной Корее. Результатом этого будет крах северокорейского режима, за которым с большой вероятностью (хотя и не наверняка!) может последовать объединение Кореи по германскому образцу.

Понятно, что такое объединение станет серьёзным ударом для южнокорейской экономики и южнокорейского

общества. Во всей мировой истории ещё не было примеров того, когда в единое государство превращались две страны со столь большой разницей в уровне жизни (конечно же, были случаи колонизации, но здесь речь идёт о совсем другом варианте). Скорее всего, подобное объединение, которого, надо заметить, в Южной Корее всё больше боятся, отбросит южнокорейскую экономику на много лет назад. За восстановление Севера придётся платить Югу, причём цена этого восстановления будет огромной, а на благодарность вновь обрётённых соотечественников, как показывает исторический опыт, рассчитывать никак не приходится.

Другой проблемой, о которой мы тоже упомянули в книге, является проблема демографическая. В начале XXI века Южная Корея оказалась мировым лидером как по темпам снижения рождаемости, так и по темпам роста средней продолжительности жизни. Результатом сочетания этих двух факторов (в Корее рожают мало, а живут долго) стало стремительное старение населения, которое идёт такими темпами, что превращает Южную Корею в мировую лабораторию старения. Если ситуация не изменится радикальным образом, Корея через 30–40 лет превратится в общество стариков — со всеми вытекающими отсюда последствиями, которые по большей своей части непредсказуемы.

Таким образом, впереди Корею ждут проблемы — но, вообще-то, проблемы (пусть и разные) ждут впереди все страны без исключения. Однако, если оглянуться на то, какие, казалось бы, неразрешимые проблемы были решены южнокорейским обществом на протяжении последних полутора веков, если вспомнить, что происходило в стране с конца XIX и до начала XXI века, то возникает вопрос о том, следует так уж сильно беспокоиться о будущем Кореи. Корейцы в прошлом выходили и из куда худших ситуаций. Так что, скорее всего, они справятся опять.

Источники и литература

Вопросам повседневной жизни в Корее последних двух столетий посвящён более чем внушительный массив литературы, как академической, так и журналистской (или, скорее, краеведческой), в подавляющем большинстве появившейся в последние 20–25 лет.

Традиционно вопросы повседневной жизни не привлекали особого внимания историков. Всерьёз повседневностью стали заниматься только в последние десятилетия, а в Корее интерес как к истории повседневности, так и к истории города наметился только около 2000 года. Дополнительные проблемы создавало и следующее обстоятельство: примерно до конца 1990-х годов в Южной Корее считалось, что события, случившиеся после 1945–1950 годов, находятся скорее в ведении журналистов, а не историков. Однако отношение к проблемам повседневности изменилось в конце 1990-х годов, а с начала 2000-х это направление исследований стало расти очень быстрыми темпами.

Если говорить о фундаментальных работах по истории Сеула, то в первую очередь здесь следует упомянуть многочисленные публикации Центра истории Сеула (ранее именовался Комитетом по составлению истории

Сеула). Это организация представляет собой научно-исследовательский институт, занимающийся проблемами истории корейской столицы и входящий в состав сеульской мэрии. Его сотрудники занимаются как сбором и публикацией исторических источников, так и составлением трудов о тех или иных моментах истории столичного мегаполиса. Центр истории Сеула часто выпускает многотомные серии, посвящённые как общей истории города, так и её отдельным аспектам.

С 1997 года выходит серия «История Сеула» (서울역사총서). На настоящий момент опубликовано 13 внушительных томов (каждый более 1300 страниц большого формата), каждый из которых посвящён различным этапам истории Сеула. Особый интерес для нашей темы представляют первые шесть томов этой серии. В частности, первый том посвящён истории сеульской администрации, второй — архитектуры и городского планирования, третий — городского транспорта, четвёртый — городской торговли и промышленности, пятый — демографии города, шестой — истории его финансов.

Далее мы приведём перечень этих томов:

1. 서울 行政史. 서울: 서울특별시사편찬위원회, 1997 (администрация);
2. 서울 建築史. 서울: 서울특별시사편찬위원회, 1998 (архитектура);
3. 서울 交通史. 서울: 서울특별시사편찬위원회, 2000 (транспорт);
4. 서울 商工業史. 서울: 서울특별시사편찬위원회, 2002 (торговля и промышленность);
5. 서울 人口史. 서울: 서울특별시사편찬위원회, 2005 (демография);
6. 서울 財政史. 서울: 서울특별시사편찬위원회, 2007 (финансы).

Среди других работ Центра истории Сеула следует упомянуть 40-томную серию «Две тысячи лет истории Сеула» (서울 2천년사), которая вышла в 2016 году. Последние 20 томов этой серии посвящены жизни Сеула, а точнее Кореи, в период с середины XIX века и до наших дней.

Другой серией, также выпускаемой Центром, являются «Лекции по истории Сеула» (서울역사강좌), которые издаются с 2016 года и по настоящее время. Серия ориентирована на массового читателя и в значительной степени посвящена биографиям знаменитых сеульцев, а также истории отдельных районов и зданий (включая, например, бывший президентский дворец, известный как Голубой дом, книга о котором вышла в 2023 году).

Кроме того, с 1957 года Центром издаётся журнал «Сеул и история» (서울과 역사), который в настоящее время выходит три раза в год и публикует материалы об истории корейской столицы. Особое внимание в журнале уделяется вопросам повседневной жизни.

Другим важнейшим центром исследований истории городской жизни является Сеульский городской университет (서울시립대학교, не следует путать его с куда более престижным Сеульским государственным университетом). В составе этого университета есть несколько научно-исследовательских институтов и лабораторий, которые занимаются историей города — опять-таки, уделяя особое внимание истории повседневности. Кроме этого, в Сеульском городском университете работает ряд известных специалистов по истории города в новое и новейшее время — и соответственно там защищается немало количество диссертаций на эту тему. Тексты большинства этих диссертаций находятся в открытом доступе на сайте riss.kr, а остальные — в библиотеке самого университета. Главным среди исследовательских подразделений университета является Институт сеуловедения

(서울학연구소), который, в частности, выпускает ежеквартальный журнал «Исследования по сеуловедению» (서울학연구).

С конца 1990-х годов в Корее вышло несколько книжных серий, авторы которых стремились дать комплексную картину того, как менялась жизнь в стране на протяжении последних 100–150 лет. В подавляющем большинстве случаев эти книги были результатом коллективной исследовательской работы, которой занимались как профессиональные историки, так и журналисты.

Можно, в частности, отметить 16-томную серию «Историю корейской культуры и искусства» (방일영문화재단한국문화예술총서). Эту серию выпустил Фонд Пак Иль-ёна (редактор влиятельнейшей газеты «Тонъя ильбо» в 1950–1999 годах). Её название слабо отражает реальное содержание: хотя часть томов действительно посвящена вопросам культуры, искусства и идеологии, основное внимание уделяется истории корейской повседневности на протяжении всего XX века. В частности, в серии вышли тома, посвящённые жилью (김광언. 우리생활 100년: 집. 서울: 현암사, 2001), периодической печати (차배근 외. 우리신문 100년사. 서울: 현암사, 2001), питанию (한복진. 우리생활 100년: 음식. 서울: 현암사, 2001) и ряду других тем, которые рассматриваются в данной книге.

На протяжении последних трёх десятилетий в Корее было опубликовано несколько подобных серий. В частности, можно упомянуть четыре тома об истории Южной Кореи в 1950–1990 годах, которые вышли в 2016 году под общей редакцией О Че-ёна. Четырёхтомник состоит из тематических глав, которые написаны историками и журналистами, каждый том повествует об одном определенном десятилетии. Авторы уделяют большое внимание вопросам политической истории, а также моментам, о которых мы говорим в этой книге:

김학재 외. 한국현대 생활문화사: 1950년대. 파주: 창작과 비평사, 2016.

오제연 외. 한국현대 생활문화사: 1960년대. 파주: 창작과 비평사, 2016.

오제연 외. 한국현대 생활문화사: 1970년대. 파주: 창작과 비평사, 2016.

김정한 외. 한국현대 생활문화사: 1980년대. 파주: 창작과 비평사, 2016.

В 1998 году вышел трёхтомник, специально посвящённый вопросам корейской повседневности, под названием «Как мы жили последние 100 лет?» (переиздан с дополнениями в 2023 году). Этот трёхтомник является коллективной работой, созданной под эгидой корейского исторического общества (한국역사연구회). Хотя по стилю работа является научно-популярной, в ней содержится большое количество информации, которую трудно найти и в специализированных изданиях: 한국역사연구회. 우리는 지난 100년동안 어떻게 살았을까 1-3. 서울: 역사비평사, 1998.

Говоря о научных исследованиях, следует отметить работы Сон Чон-мока (1928–2016), который значительную часть своей жизни был высокопоставленным чиновником и, в частности, отвечал за городское планирование Сеула, а после ухода с административной работы всерьёз занялся наукой и написал ряд интереснейших монографий, посвящённых истории как Сеула, так и других городов страны. В первую очередь следует упомянуть пятитомную «Историю городского планирования Сеула» (손정목. 서울 도시계획 이야기. 1-5권. 서울: 한울, 2003) и «Рассказы о 60 годах истории корейского города» (손정목. 한국도시 60년의 이야기. 서울: 한울, 2005).

Историю южной части Сеула, название которой — Каннам — с лёгкой руки эстрадного певца стало известно всему миру, также посвящено несколько книг. Среди них можно

выделить работу Хан Чон-су и Кан Хи-ёна «Рождение Каннама» (한중수, 강희용. 강남의 탄생. 서울: 미지북, 2016).

Французский историк и географ Валери Железу написала по истории корейского города в XX веке несколько монографий, которые были высоко оценены корейскими специалистами и переведены на корейский язык. Особый интерес представляют «Республика многоквартирных домов» (발레리 줄레조. 아파트 공화국. 서울: Humanist, 2007) и «Престижный отель: окно в город» (발레리 줄레조. 도시의 창, 고급호텔. 서울: Humanist, 2007).

Как и во многих других странах, история транспорта в Корее изучается в основном историками-любителями, многие из которых, однако, великолепно знают свой предмет. Кроме этого, в Корее активно изучают историю железных дорог, причём эти исследования получают немалую поддержку со стороны железнодорожных ведомств. В частности, можно порекомендовать «Новую историю железных дорог Кореи», которая была подготовлена Министерством транспорта и вышла в 2019 году (국토교통부. 新한국철도사. 성남: 한국철도문화재단, 2019).

По истории корейской пищевой культуры и корейского общепита можно порекомендовать работы Ли Сон-у (1928–1992), написанные в 1970-е и 1980-е годы и часто переиздаваемые и в наши дни, в частности «История корейской пищевой культуры» (이성우. 한국식생활의 역사. 서울: 수학사, 1993). Однако больший интерес представляют новые (и информативные) книги Чу Ён-ха: «Корейская история за обеденным столом» (주영하. 식탁위의 한국사. 서울: Humanist, 2013) и «Сто лет трапезы» (주영하. 백년 식사. 서울: Humanist, 2020).

Истории табака и табачных изделий в Корее посвящена книга Ким Чон-хва «Рассказы о табаке» (김정화. 담배이야기. 서울: 지호, 2000).

С кампанией по смене корейских имён на японские знакомит книга выдающегося японского историка-корееведа Мидзуно Наоки, которая издана и в корейском переводе (미즈노 나오키. 창씨개명. 서울: 산처럼, 2008).

О большинстве людей, речь о которых идёт в этой книге, написаны подробные биографические труды. Можно упомянуть биографии политика и учёного Со Чэ-пхия (이정식. 구한말의 개혁 독립투사 서재필. 서울: 서울대학교, 2003), танцовщицы Чхве Сын-хи (정병호. 춤추는 최승희, 세계를 휘어잡은 조선여자. 서울: 현대미학사, 2004), драматурга Ким У-чжина и его подруги певицы Юн Сим-док (유민영. 사의 찬미와 함께 난파하다. 서울: 푸른사상, 2021), олигарха Чон Чжу-ёна (Richard Steers. Made in Korea: Chung Ju Yung and the Rise of Hyundai. New York: Routledge, 1999).

При работе над данной книгой также широко использовались публикации в периодических изданиях. Среди академических изданий следует отметить упомянутый выше журнал «Исследования по сеуловедению» (서울학연구), а также журналы «Исследования города» (도시연구), «Корейская культурная антропология» (한국문화인류학), «Исследования по корееведению» (한국학연구). Использовались также материалы из газет и популярных журналов, в которых часто публикуются краеведы, как любители, так и профессионалы. Кроме этого, в работе использовались материалы интернет-архива корейской периодики, который поддерживается корейской поисковой системой. В этой системе содержатся полные распознанные цифровые копии всех номеров ведущих корейских газет за период после 1920 года.

Ланьков Андрей

Не только кимчхи

История, культура и повседневная жизнь Кореи

Издатель Павел Подкосов
Руководитель проекта Александра Шувалова
Арт-директор Юрий Буга
Ассистент редакции Мария Короченская
Корректор Мария Павлушкина
Верстка Андрей Ларионов

В книге использованы фотографии National Archives of Korea, из собрания Korean Culture and Information Service, Музея истории Сеула, Национального архива (CET0042940, CET0034351, DTC0000032, CET0053857, CET0060681, CET0029764, CET0070575, CET0049613, CET0030963, CET 0035753, CET0066487), городского архива Пусана, Shutterstock, коллекции Cornell University, NARA (Национальные архивы США), Municipal Archives of Trondheim, мэрии города Седжона, Музея цитрусовых на Чеджудо, CrowdPic, Steve Homer's collection, Focus News, Kenneth H. Lehr, Gary A. Helsene, Kathryn McNeil, Frank Keillor, Max Desfor, Inger Schulstad, Getty Images, Samsung Transportation Museum, SP4 Mueller, US Army / US Government work, www.fmkorea.com, из открытых источников, снимок Фукуда Кацудзи, а также фотография Чон Ён-суна любезно предоставленная фотографом и его супругой Чо Мун-хо.

Подписано в печать 05.04.2024. Формат 60×90/16.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Объем 38 печ. л. Тираж 3000 экз. Заказ № .

ООО «Альпина нон-фикшн»
123007, г. Москва,
ул. 4-я Магистральная, д. 5, строение 1, офис 13
Тел. +7 (495) 980-53-54
www.nonfiction.ru

Интернет-магазин издательской группы «Альпина»
ООО «Альпина Паблишер»
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Замоскворечье,
ул. Щипок, д. 18, ком. 1; ОГРН 1027739552136
www.alpina.ru
e-mail: info@alpina.ru

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в АО «Первая Образцовая типография», филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14